

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

G.E. Afanas'ev, **A.P. Runich**

MOKRAYA BALKA CEMETERY

Part 1

Journal of excavations

MOSCOW
SCIENTIFIC WORLD
2001

Г.Е. Афанасьев, А.П. Рунич

МОКРАЯ БАЛКА

Выпуск 1
Дневник раскопок

МОСКВА
НАУЧНЫЙ МИР
2001

УДК 998
ББК 63.4
А94

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.
А94 МОКРАЯ БАЛКА. Вып. 1: Дневник раскопок. – М.: Научный мир, 2001. – 252 с.
ISBN 5-89176-145-9

Предлагаемое вниманию читателей издание ставит своей целью публикацию материалов проведенных в 1967–1975 гг. охранных раскопок раннесредневекового катакомбного могильника Мокрая Балка на Северном Кавказе. Основное внимание уделено исследованию проблемы хронологии и методическим вопросам, связанным с установлением абсолютных дат. Предлагаемая хронология комплексов базируется на совокупности результатов трех процедур многомерного статистического анализа (факторного, кластерного и дискриминантного) и их взаимной проверки с учетом многочисленных монетных находок. Авторы приходят к выводу о том, что выделенные четыре культурно-хронологических этапа в развитии аланской археологической культуры в пределах второй половины VI – первой половины VIII вв. отражают общие для Северного Кавказа и всей Юго-Восточной Европы периоды экономического и политического развития в постгуннское–домонгольское время.

Ил. 155. Библ. 130 назв.

УДК 998
ББК 63.4

Afanas'ev G.E., Runich A.P.

МОКРАЯ БАЛКА CEMETERY. Part 1: Journal of excavations.
– Moscow, Scientific World, 2001. – 252 p.

This book is addressed to the specialists and aimed at publication of the new archaeological material obtained in the course of 1967–1975 seasons of salvage excavations conducted at the early medieval catacomb cemetery of Mokraya Balka. The suggested chronology of Mokraya Balka cemetery reveals four cultural-chronological stages in development of material culture of the population of Central Caucasus' foothills during the second half of the 5th – first half of the 8th cc., that produce a partial solution of the problem of general subdivisions outlined in Alanic archaeological culture of the North Caucasus in post-Hunnic–pre-Mongol period. The chronology in question is based on aggregate results of three cross-checked procedures of multidimensional statistical analysis (factor, cluster, and discriminant).

Il. 155. Bibl. 130 titles.

ISBN 5-89176-145-9

© Афанасьев Г.Е., 2001
© Научный мир, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию специалистов издание ставит своей целью публикацию материалов проведенных в 1967–1975 гг. охранных раскопок раннесредневекового катакомбного могильника Мокрая Балка. Этот, уже получивший широкую научную известность, памятник входит в состав комплекса алано-асских археологических объектов, расположенных в зоне впадения балки Мокрая в р. Аликоновку к юго-западу от г. Кисловодска. Главной фигурой рассматриваемого археологического микрорегиона является Замковое 2 городище* и прилегающее к нему селище. С разных сторон подход к нему защищают несколько городищ – Броненосец 1, Броненосец 2, Острый Курган, Замковое 1, Мокрая Балка 4. Недалеко от Замкового 2 городища, на противоположном берегу р. Аликоновки, открыты мощные следы террасного земледелия. В этом же микрорегионе найдены крупные катакомбные могильники – Замковый, Мокрая Балка, Мокрая Балка 2, — а также скальный могильник и святилище. Изучение этой археологической агломерации в рамках исследования системы расселения алано-асского населения Кисловодской котловины еще только начинается, но уже сейчас совершенно очевидно, что в будущем оно поможет открыть очень много ранее неизвестных страниц в истории раннесредневекового населения Центрального Предкавказья.

Одной из основных проблем в изучении материалов могильника Мокрая Балка является проблема раннесредневековой хронологии. От верного ее решения зависит правильное в методическом от-

ношении изучение и правильное в историческом отношении понимание многих историко-культурных и социальных процессов, протекавших в Юго-Восточной Европе в I тысячелетии н. э. Каковы основные этапы развития аланской археологической культуры в постгуннское – домонгольское время? Каковы хронологические маркеры в вещевых наборах погребальных комплексов? Ответ на эти вопросы с той или иной степенью детализации пытались дать многие работавшие на Северном Кавказе археологи, начиная с П.С. Уваровой. Это Д.Я. Самоквасов, В.В. Саханев, Е.Г. Пчелина, Т.М. Минаева, Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов, Н.Д. Путинцева, Е.П. Алексеева, В.А. Кузнецов, В.Б. Виноградов, А.П. Рунич, М.П. Абрамова, А.В. Дмитриев, Х. Мамаев, В.С. Флеров и многие другие. В настоящее время в научной литературе одновременно продолжают использоваться несколько основных базовых хронологических схем для региона Северного Кавказа, разработанных В.Б. Ковалевской, Г.Е. Афанасьевым, А.К. Амброзом, И.П. Засецкой и И.О. Гавритухиным. Некоторые из них дополняют и детализируют друг друга – как, например, работы А.К. Амброза и И.О. Гавритухина или Г.Е. Афанасьева и И.П. Засецкой, – другие носят альтернативный характер.

В.Б. Ковалевская, пожалуй, была первой, кто предпринял углубленный и специализированный поиск хронологических маркеров в погребальных комплексах, поиск закономерностей в эволюции материальной культуры такого широкого региона Юго-Восточной Европы, как Крым и Северный Кавказ, в I тысячелетии н. э. [Деопик, 1959, 1961, 1963]. Интерес к этому направлению сохраняется на протяжении всей ее плодотворной научной деятельности, что недавно нашло отражение в публикации новой серии – «Хронология восточноевро-

---

* Название памятников дается в соответствии со списком объектов, приведенным в готовящейся к печати Г.Е. Афанасьевым, Д.С. Коробовым и С.Н. Савенко «Археологической карте Кисловодской котловины».

пейских древностей V–IX веков» [Ковалевская, 1998]. В первом выпуске этой серии, анализируя каменные бусы Крыма и Кавказа, В.Б. Ковалевская выделяет три хронологических этапа: первый – V–VI вв., второй – VII в., третий – VIII–IX вв., каждый из которых характеризовался специфическим набором бус. Второй выпуск посвящен изложению результатов анализа стеклянных бус и поясных наборов [Ковалевская, 2000].

Открытие могильника Мокрая Балка определило научный интерес Г.Е. Афанасьева к проблемам раннесредневековой хронологии Северного Кавказа. На материалах катакомбных могильников Кисловодской котловины им были выделены четыре хронологических этапа развития аланской археологической культуры в пределах второй половины V – первой половины VIII в. Первый датируется второй половиной V – первой половиной VI в., второй – второй половиной VI – первой четвертью VII в., третий – второй четвертью VII – рубежом VII–VIII вв., четвертый – первой половиной VIII в. Выявленные хронологические маркеры и основные закономерности в развитии материальной культуры этого региона нашли подтверждение и многочисленные параллели в раннесредневековых памятниках Центрального Предкавказья и Северного Причерноморья.

Это привело автора к выводу о том, что основные этапы развития аланской археологической культуры в пределах второй половины VI – первой половины VIII в. отражают общие для всей Юго-Восточной Европы процессы. Более подробно главные положения этой хронологической схемы будут рассмотрены ниже.

Обращение А.К. Амброза к работе с северокавказскими древностями относится к тому времени, когда им фактически уже была создана и опубликована собственная модель хронологии раннесредневековых евразийских степных древностей [Амброз, 1971], в которой он выделял три типологически и хронологически родственные группы вещей. Поэтому, приступая к изучению северокавказских материалов, автор стремился прежде всего ответить на вопрос, каким образом эти комплексы вписываются в его евразийскую хронологическую систему [Амброз, 1989]. Часть материалов вписывалась удачно, но нередко встречались и такие комплексы, одновременность предметов в которых не подтверждалась на основании предложенной ранее хронологической схемы. А.К. Амброз объяснял эти случаи вторичными подзахоронени-

ями, в результате которых сопровождающие погребальные комплексы якобы смешивались. Однако его оппоненты полагали, что дело не в смешении материалов разновременных захоронений, а, во-первых, в тех признаках вещей, которые для А.К. Амброза являлись хронологическими маркерами, и, во-вторых, в методических приемах группировки материала, использованных им при создании относительной и абсолютной хронологии.

В исследованиях И.П. Засецкой особый акцент был сделан на разработке хронологии склепов боспорского некрополя в Керчи как основы для изучения комплексов гуннского времени в степях Северного Причерноморья. Анализируя взаимовстречаемость фибул, пряжек и стеклянной посуды, она пришла к выводу о возможности выделения трех последовательных хронологических периодов в развитии материальной культуры этого региона, тесно связанного с Северным Кавказом. Первый период датируется второй половиной IV – первой половиной V в., второй – второй половиной V – первой половиной VI в., третий – второй половиной VI – началом VII в. [Засецкая, 1996. С.32].

Взгляды И.О. Гавритухина на раннесредневековую хронологию восточноевропейских древностей, и в частности на хронологию северокавказских комплексов, наиболее полно изложены в его совместной с А.М. Обломским работе, посвященной анализу материалов Гапоновского клада. Фактически, авторы видели свою задачу в развитии и продолжении идей А.К. Амброза с учетом появившегося нового материала. Вместе с концептуальными положениями А.К. Амброза относительно датировок И.О. Гавритухин заимствовал и его метод работы с материалом [Гавритухин, Обломский, 1996. С.6]. В дальнейшем взгляды этого исследователя несколько изменились, что нашло отражение в совместных с В.Ю. Малашевым статьях.

При рассмотрении на археологическом материале вопросов историко-социального или культурологического характера некоторые исследователи попадают в довольно трудное положение. Какую хронологическую схему использовать? А если просто придерживаться датировок, предложенных авторами раскопок, то будут ли результаты историко-социальных или культурологических наблюдений и конечные выводы достаточно корректными в хронологическом аспекте, ведь разные полевые исследователи придерживались разных хронологических моделей, использовали разные, порой несовместимые, хронологические маркеры?

Подавляющее большинство работ, в той или иной степени затрагивающих вопросы хронологии раннесредневековых древностей Северного Кавказа, основано на использовании традиционного метода аналогий, в лучшем случае дополненного дескриптивной статистикой. По этой причине возникает очень много вопросов к самому методу группировки объектов исследования, хронологических признаков, которая, по существу, в этих случаях базируется на научной интуиции автора. В попытках обосновать ту или иную догадку относительно группировки хронологических признаков некоторые авторы приводят так называемые «корреляционные таблицы» и/или «синхронизационные сетки». На самом деле они не имеют никакого отношения к математическому изучению корреляционных связей, а являются графическим представлением субъективных взглядов исследователя на взаимовстречаемость тех или иных предметов в комплексах или на раннесредневековую хронологию в целом. Чаще всего такой исследовательский подход наблюдается в случаях, когда в распоряжении ученого имеются материалы с широким территориальным размахом, но в то же время приходится оперировать очень небольшим количеством комплексов, принадлежащих одному памятнику или локальной группе памятников. В таких условиях исследователь бывает вынужден идти от общего к частному, от евразийской хронологии к хронологии локальных памятников, подсознательно перенося на местные памятники датировки материалов с других территорий и не пытаясь первоначально разработать локальную хронологию, а затем искать ее место в евразийском масштабе. В этом отношении материалы могильника Мокрая Балка находятся в более выигрышном положении, так как многочисленность комплексов, их насыщенность потенциальными хронологическими маркерами позволяют отказаться от субъективных, непроверяемых методов группировки и использовать статистические методы, что делает более объективными и проверяемыми конечные выводы об относительной хронологии.

Второй важный момент в хронологических изысканиях заключается в проблеме абсолютного датирования относительной хронологии. Очень много вопросов возникает по поводу именно тех предметов, которые выступают маркерами при абсолютном датировании. Дискуссия о правомерности использования монет и индикаций для датировок или о степени доверия им как датирующему

материалу имеет большую историю. Практически все исследователи сходятся на том, что в принципе монеты являются хронологическим маркером. Различие мнений проявляется лишь тогда, когда обсуждаются уже конкретные материалы. И здесь нельзя не заметить, что иногда эта дискуссия принимает двойственный, а порой и недостаточно корректный характер. Так, говоря в каком-то конкретном случае о том, что монета является датирующей, автор, случается, не утруждает себя аргументацией своего тезиса, а подает его как аксиому. Или, наоборот, отвергая монету как датирующий материал, доказательств также не приводит. Вместо этого обычно сообщается, что где-то когда-то в явно позднем комплексе была найдена явно ранняя монета. Отсюда делается вывод, что и в данном случае монеты нельзя использовать для датировки. Читателю приходится или верить, или не верить автору, но предметного обсуждения самой исследовательской процедуры датирования, самой методики использования или неиспользования монет не получается.

Публикуемые в настоящем издании комплексы Мокрой Балки предоставляют широкие возможности для исследования этого вопроса. Здесь наблюдается ситуация, когда базовым материалом для датировки относительной хронологии выступают независимо друг от друга две денежные системы (византийская и сасанидская), дополненные точно датированным импортом (согдийская ткань 643 г., стеклянные кубки с каплями синего цвета и т.д.), что предоставляет возможность взаимопроверки и взаимной коррекции хронологического поведения различных категорий. Все это позволяет критически оценить как саму возможность датирования по той или иной конкретной монете в конкретных вещевых комплексах Мокрой Балки, так и разработать абсолютную хронологию данного могильника, а также проверить полученные выводы на материалах более широкого региона – Центрального Предкавказья и Северного Причерноморья, где все чаще открываются новые комплексы с монетами.

Хронология раннесредневековых древностей очень важна не только для рассмотрения историко-социальных или культурологических вопросов, но и для детального изучения процесса изменения этнополитической карты Северного Кавказа во времени. Особенно наглядно оно проявляется на примере алано-асских памятников. Так, если придерживаться той точки зрения, что по крайней мере в постгуннское – домонгольское время алано-асс-

кие племена археологически маркируются на Северном Кавказе и на Среднем Дону катакомбным обрядом погребения, то картографирование хорошо датированных погребальных памятников иллюстрирует нам динамику изменения во времени расселения аланских племен в этом регионе. Это приводит к очень важным историческим выводам и позволяет критически оценить ряд укрепившихся в науке положений. К примеру, можно вспомнить, что в свое время без должного научного обоснования была высказана мысль о том, что после одного из походов арабов в Дарьяльское ущелье разбитые аланы, спасаясь от арабов, бежали с Северного Кавказа на северо-западные границы хазарского каганата, в бассейн Среднего Дона, где и оставили памятники салтово-маяцкой культуры. Однако картографирование алано-асских памятников с учетом их датировок показывает, что после арабских походов в район Дарьяла аланское население там не только не уменьшилось, а наоборот, увеличилось [Коробов, 1999]. Данное наблюдение находит вполне приемлемое и хорошо понятное историческое объяснение: очевидно, государственная власть Хазарского каганата, в качестве ответных действий, укрепила свои южные рубежи, использовав для этих целей алано-асских конфедератов. В этом же аспекте, вероятно, следует рассматривать и появление аланского населения в середине VIII в. в низовьях Кубани, и алано-ассо-буртасского населения на Среднем Дону.

В раннесредневековой археологии Восточной Европы особое место занимает вопрос о характере материальной культуры населения Центрального Предкавказья в предсалтовское время. Как известно, эта тема неразрывно связана с поиском традиционных корней и места формирования тех черт материальной культуры, которые во второй половине VIII в., во времена Хазарского каганата, воплотятся в так называемую салтовскую археологическую культуру лесостепной зоны бассейна Среднего Дона, идентичную и одновременную салтовскому этапу в развитии аланской археологической культуры Центрального Предкавказья. Можно ли говорить о том, что салтовская культура была

создана хазарами и являлась «государственной культурой» Хазарского каганата, или все же она была создана обитателями Центрального Предкавказья и перенесена на Средний Дон алано-ассо-буртасскими племенами, а остальное население Хазарского каганата являлось как бы пользователями, носителями этой культуры, но не создателями ее традиционной основы? Не секрет, что проблема культурного хазарского наследия нередко выходила за рамки собственно исторической науки и использовалась в спекулятивных политических целях [Шнирельман В., 1998. С. 202–209]. При этом известны случаи, когда один и тот же исследователь на протяжении своей научной деятельности в зависимости от политической ситуации бросался в ту или иную крайность. В одно время хазары описывались им как паразитическое население Восточной Европы, не имевшее собственной культуры и поэтому вынужденное использовать культурные достижения болгаро-аланских племен. В другое время хазары выступали у него же как народ-объединитель восточноевропейских племен, создатели оригинальной кочевнической хазарской (читай – салтово-маяцкой. – Г. А.) культуры. Вероятно, истина находится где-то посередине. И в этом отношении комплексы Мокрой Балки дают редкую возможность проследить зарождение в первой половине VIII в. именно тех черт материальной культуры, которые затем расцветут и станут характерными для салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону и для салтовского этапа аланской археологической культуры на Северном Кавказе с середины VIII в.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность всем волонтерам 1967–1975 гг., энтузиастам, бескорыстным участникам охранных раскопок могильника Мокрая Балка, а также Д. С. Коробову, помогавшему готовить этот материал к публикации, и некоторым зарубежным коллегам, моим друзьям, – профессору Ф. Дайму, профессору Д. Кидду, доктору М. Казанскому, – чей постоянный интерес к материалам этого памятника отчасти способствовал их введению в научный оборот в предлагаемом читателю издании.

FOREWORD

This book is addressed to the specialists and aimed at publication of the new archaeological material obtained in the course of 1967–1975 seasons of salvage excavations conducted at the early medieval catacomb cemetery of Mokraya Balka. This site has already gained wide scientific recognition as a part of extensive assemblage of archaeological objects attested to the Alano-Yasses' tribes; the monuments are situated in the confluence of the Mokraya ravine and the Alikonovka rivulet, in south-western direction from the town of Kislovodsk. The principal element of the archaeological micro-region under consideration is Zamkovoe-2 hillfort* with adjacent unfortified dwelling site. The site is guarded from different directions by several hillforts – Bronenosets-1, Bronenosets-2, Ostry kurgan, Zamkovoe-1, Mokraya Balka-4. Near to the principal hillfort of Zamkovoe-2 on the opposite bank of the Alikonovka rivulet impressive remains of terrace landtillage were discovered. In the same micro-region large catacomb cemeteries were located – Zamkovy, Mokraya Balka, Mokraya Balka-2, as well as a rock cemetery and a shrine. Investigations of the agglomeration have been started against the background of the studies of the Alano-Yasses population's settling system within the Kislovodsk depression, but it is quite obvious now that they enable us to draw in the near future a new history of life of the early medieval population in the central part of Caucasian piedmont.

One of the basic problems in the studies of the material from Mokraya Balka cemetery is that of early medieval chronology. On solution of this problem the correctness of investigational methods and

historical interpretation of numerous historical, cultural, and social processes that took place in South-Eastern Europe in the 1st millennium A.D. will depend. What are the main stages in development of Alanic archaeological culture during post-Hunnic – pre-Mongol periods? What chronological markers are comprised in the assemblages of the grave goods? Many archaeologists who had chosen the North Caucasus for their investigations tried to answer these questions to various degree. We should mention their names beginning from P.S. Uvarova, then DYa. Samokvasov, V.V. Sakhanev, E.G. Pchelina, T.M. Minaeva, E.I. Krupnov, K.F. Smirnov, N.D. Putintseva, E.P. Alekseeva, V.A. Kuznetsov, V.B. Vinogradov, A.P. Runich, M.P. Abramova, A.V. Dmitriev, Kh. Mamaev, V.S. Flyorov, and many others. At present in scientific publications dealing with the North Caucasian region several general chronological systems are used worked out by V.B. Kovalevskaya, G.E. Afanas'ev, A.K. Ambroz, I.P. Zasetzkaya, and I.O. Gavritukhin. Some systems are in fact more detailed and improved variants of the earlier ones, such as the works by A.K. Ambroz and I.O. Gavritukhin, or the ones by G.E. Afanas'ev and I.P. Zasetzkaya, the other ones are of alternative character.

Perhaps V.B. Kovalevskaya was the first to undertake an attempt of detailed and specialised search of chronological markers in burial assemblages, the search of regularities in evolution of material culture during the 1st millennium A.D. in such extensive regions of South-Eastern Europe as the Crimea and North Caucasus [Деопик, 1959, 1961, 1963]. The scholar has been keeping perpetually her interest in these problems during her fruitful scientific activity, which was mirrored recently in the first issue of a new series entitled «The chronology of East European antiquities of the 5th–9th centuries» [Ковалевская,

---

* The sites' names correspond to the list of objects in the book «Archaeological map of the Kislovodsk depression» being prepared by G.E. Afanas'ev, D.S. Korobov, and S.N. Savenko.

1998]. In the issue stone beads from the Crimea and the Caucasus are considered; the author has outlined three chronological stages, each characterised by a specific beads' set: the first stage is dated back to the 5th–6th cc., the second – to the 7th c., and the third one – to the 8th–9th cc. The second issue of the series deals with the analysis of glass beads and belt-sets [Ковалевская 2000].

The discovery of Mokraya Balka cemetery had drawn the attention of G.E. Afanas'ev to the problems of North Caucasian chronology within the period of early Middle Ages. Having analysed the material of catacomb necropolises explored in Kislovodsk depression the scholar had grounded four chronological stages in the development of Alanic archaeological culture within the limits of the second half of the 5th – first half of the 8th cc. The earliest stage is dated back to the second half of the 5th – first half of the 6th cc., the second one – to the second half of the 6th – the first quarter of the 7th cc. The third stage is dated from the second quarter of the 7th c. – turn of the 7th and 8th cc., the fourth one falls within the early half of the 8th c. The chronological markers and general regularities in the material culture development established for this region have been reliably confirmed by numerous analogies discovered in early medieval sites of the Central Caucasus' piedmont and North Pontic area. This fact had led the author to a conclusion that the main stages of development of Alanic archaeological culture within the period of the late half of the 6th – early half of the 8th cc. mirrored the general processes common to entire South-Eastern Europe. The most essential points of this chronological scheme will be considered below.

A.K. Ambroz turned his attention towards North Caucasian antiquities having accomplished and published the pattern of early medieval chronology of Eurasian steppe material [Амброз, 1971]. Three typologically and chronologically related groups of artefacts were outlined in the publication. Consequently, starting investigations of North Caucasian antiquities, the scholar first of all tried to solve the question, to what degree those assemblages corresponded to his Eurasian chronological system [Амброз, 1989]. The chronology worked well for some assemblages, but in other ones artefacts did not seem coeval, if regarded from the position of the chronological scheme already published. A.K. Ambroz interpreted such cases as the results of successive burials interment in the same graves, and assumed consequent disturbances of the mortuary gifts. Still his

opponents claimed that it was not chronological difference of the burials that produced the confusion, but, first, the artefacts' chronological indications selected by A.K. Ambroz, and, second, methodical modes of clustering archaeological material applied while creating his relative and absolute chronologies.

I.P. Zasetzkaya concentrated on working out chronology of the charnel-houses of Bosporan necropolis in modern town of Kerch, taking it as a starting point for North Pontic steppe assemblages dated from the Hunnic period. The scholar had analysed correlation of fibulae, buckles, and glass vessels in assemblages and came to a conclusion that three successive chronological periods should be outlined in the development of the regional material culture, closely connected with the North Caucasus. The first period was dated back to the second half of the 4th – first half of the 5th cc., the second one – to the late half of the 5th – early half of the 6th cc., and the third one – to the late half of the 6th – early 7th cc. [Засецкая, 1996., С.32].

I.O. Gavritukhin's point of view of the early medieval chronology of East European antiquities, and the chronology of North Caucasian assemblages in particular, was presented in details in joint publication with A.M. Oblomsky devoted to consideration of Gaponovo hoard. In fact, the authors were aimed at further development of A.K. Ambroz's ideas with regard to new material available. I.O. Gavritukhin followed not only the concepts by A.K. Ambroz, but also his method of study [Гавритухин, Обломский, 1996. С.6]. Later on I.O. Gavritukhin had changed his ideas to some degree that can be seen from his joint publications with V.Yu. Malashev.

While considering the problems of historical and cultural, or culturological nature, a scholar may find himself in a complicated situation. Which chronological sequence should be followed? If one simply accepts the dates suggested by the excavator, would the results of historical, social, or culturological observations and final conclusions be chronologically correct enough, since different excavators followed different chronological systems and used different and sometimes incompatible chronological indications? In the bulk of publications dealing to certain degree with the chronology of early medieval antiquities of the North Caucasus the authors base the investigations on the traditional method of searching analogies, sometimes improved by descriptive statistics. This situation produces numerous questions and contradictions as for the method of clustering the

objects of research and chronological indications which in such cases are selected proceeding in fact from scholar's scientific intuition. Some authors try to ground their guesswork while clustering chronological indications by presenting so-called «correlation tables» and/or «synchronistic networks». Actually, the latter have nothing in common with investigation of correlation by mathematical methods, but are graphic representation of a scholar's personal views on correlation of certain artefacts in archaeological assemblages, or on early medieval chronology in general. Mostly the scholars who have at their disposal materials of wide chronological span and few assemblages from single site or a small local group practice such an approach. Consequently, the situation emerges, when the researcher proceeds from general to particular, from Eurasian chronology to regional one, he extrapolates unconsciously the dates established for the material from different territories to the local one making no attempt to work out some local chronology first and then to compare it with Eurasian system. The material originating from Mokraya Balka cemetery have indisputable advantages in this aspect: numerous assemblages comprise the artefacts characterized by many potential chronological markers, this fact enables us to reject subjective methods of clustering difficult for cross-checking, and apply instead statistical methods with perspective to come to far more objective and reliable final conclusions on the relative chronology.

The second important point in chronological studies is the problem of absolute dating of relative chronological scale. Numerous questions arise as far as the artefacts regarded as the markers of absolute age are concerned. Correctness of application of coins for absolute dating and reliability of coins and indications as chronological markers has been being discussed long enough. Practically all the investigators agree that in principle coins represent chronological markers. Various opinions are expressed when certain particular material is discussed. We should underline here that sometimes the discussions appear to be ambiguous and even seem incorrect. It happens that a scholar states a coin to represent a chronological marker in certain case without any argumentation, but puts his thesis forward as an axiom. Or, on the contrary, sometimes coins are not considered to be chronological indications also without any reasoning. Instead the information is published that somewhere in a clearly late assemblage some clearly early coin was discovered, and a conclusion is drawn to the effect that in

that case again coins do not represent a reliable chronological marker. The reader is forced to believe or not as for the potentiality of coins for dating burial assemblages in each particular case, but the situation does not lead to concrete discussion of the investigational procedure of dating as such and the methods of its application. The assemblages from Mokraya Balka published in this book represent wide perspectives for discussion of the problem. Here we face a situation in which the basic material for dating relative chronological scale is represented by two independent money systems – Byzantine and Sassanian ones, accompanied by precisely dated imports (a cloth of Sogdian origin dated to 643; glass tumblers decorated with blue-coloured drops, and so forth). Now wide opportunities for cross-checking and corrections of the artefacts' chronology exist. They give a possibility to evaluate critically the procedure of dating concrete assemblages of artefacts from Mokraya Balka according to concrete coins, as well as to work out absolute chronology of the cemetery, and then to check it against the background of a more extensive region of the Central Caucasus' foothill and North Pontic area, where more and more coins-bearing assemblages are discovered.

The chronological sequence of early medieval antiquities is of special importance not only for considering historical, social, or cultural problems, but also for detailed study of ethno-political transformations in the North Caucasus taken as a process developing in time. This may be clearly seen on the example of Alanic-Yasses's sites. If one proceeds from the point of view that at least in post-Hunnic and pre-Mongol period these tribes were archaeologically marked in the North Caucasus and on the Middle Don river by catacomb burial rite, mapping the reliably dated burial sites in this case will show the dynamics in temporal shifts of Alanic tribes' settling within the region. This leads to very important historical conclusions and provokes critical evaluation of many scientific principles that have become traditional. We should remind, for example, of a hypothesis on the Alans' migration to the Middle Don once put forward without sufficient grounds. It was stated, that as a result of an Arabs' raids upon the Daryal gorge the defeated Alans fled from the North Caucasus to the Khazar kaganate north-western borders on the Middle Don and formed there the sites of Saltovo-Mayatskoe culture. But mapping of Alanic-Yasses' sites with regard to their chronology proves that after the Arabic attacks on to the Daryal region the Alanic population there

had not become fewer, but, on the contrary, increased [Коробов Д.С., 1999]. This observation has its logical and reasonable historical explanation – namely, it reflects the reply of Khazarian state authorities aimed at strengthening southern borders of kaganate using for the purpose the tribes of Alans and Yasses as confederates. From this position we should evidently consider also the emergence of Alanic population on the Lower Kuban' in the mid 8th century, and the tribes of Alans, Yasses, and Burtases on the Middle Don.

In the early medieval archaeology of Eastern Europe the problem of material culture development among the population of the Central Caucasus' piedmont in pre-Saltovo period is of particular interest. It is closely connected with search of the origin and provenance of the characteristic features that in the epoch of Khazar kaganate in the late half of the 8th century had formed so-called Saltovo archaeological culture. The latter existed in the forest-steppe zone on the Middle Don river and was identical and coeval to Saltovo stage in development of Alanic archaeological culture in the Central Caucasus' foothills. Should it be correct to claim Saltovo culture to had been created by the Khazars and represented some «state culture» in Khazar kaganate, or was it formed by the inhabitants of the Central Caucasus' piedmont and then transferred to the Middle Don by the tribes of Alans, Yasses, and Burtases, whilst the remainder of the Khazar kaganate population represented a kind of users, bearers of that culture but not the creators of its traditional background? It is well known that the problem of Khazarian heritage was often enough discussed not

within the field of historical science proper, but was interpreted as the subject of political speculations [Шнирельман, 1998. С.202–209]. Sometimes the same scholar during his scientific activity could expressed exactly opposite opinions depending on political situation. In certain cases the Khazars were described as parasite group of East European population without any culture of their own who had to use the cultural achievements of Bulgaro-Alanic tribes. In other situations the same author considered the Khazars as the people who had played the integral role for East European tribes and created a specific nomadic Khazarian (i.e. Saltovo-Mayatskoe – G.A.) culture. Evidently, the truth is somewhere between the two poles. In this aspect the assemblages from Mokraya Balka produce a unique opportunity to trace the emergence in the first half of the 8th century of those features in material culture that later blossomed and became typical of Saltovo-Mayatskoe culture on the Middle Don, and also of Saltovo type of Alanic archaeological culture in the North Caucasus since the mid 8th century.

In conclusion I should express my deep gratitude to all the volunteers of 1967–1975 seasons, enthusiastic disinterested participants of salvage excavations of Mokraya Balka cemetery, and also to D.S. Korobov, who helped me in preparing this material for publication. I am deeply grateful to my foreign colleagues – Professor F. Daim, Professor D. Kidd, Doctor M. Kazanski for their permanent interest towards this site, which to certain degree assisted in introducing this material into scientific discussion in present publication.

ИСТОРИЯ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ЕГО ИЗУЧЕНИИ

Центральная часть города Кисловодска в Ставропольском крае лежит на высоте 820 м над уровнем моря, в глубокой долине р. Ольховки, близ ее слияния с р. Березовкой, на возвышенности, составляющей часть бассейна верхнего течения р. Подкумок. В одних географических работах она носит название Кисловодского плато [Григорьев, 1913. С.77], в других – Кисловодской котловины. В действительности, эта территория представляет собой остатки разрушенного эрозией плоскогорья, имеющего покатость к северо-востоку. В связи с общим наклоном местности большинство рек имеет здесь то же северо-восточное направление (Березовка, Аликоновка, Эшакон). Исключением является только р. Ольховка, текущая в северо-западном направлении, и главная водная артерия региона – р. Подкумок, бегущая на этом участке почти с запада на восток. Двигаясь вдоль трещин и постоянно углубляя свое русло, эти реки отрезали от плоскогорья его северную и восточную окраины, превратив их в хребты: Бургустанский (или Дарьинские высоты) на севере и Джинальский на востоке. Южная часть Кисловодской котловины ограничивается Кабардинским хребтом, достигающим наибольшей высоты 2132 м над уровнем моря. С западного направления котловина открыта верховьям долины Подкумка.

Хорошие природные и климатические условия района обусловили особенно высокую концентрацию здесь населения в эпоху раннего средневековья. Расположенные в Кисловодской котловине памятники аланской культуры начали привлекать внимание историков начиная с 1666 г., когда здесь побывал турецкий путешественник Эвлия Челеби, описавший в своем географическом сочинении крепость Боргустан на вершине Рим-горы [Челе-

би, 1979. С.90–91]. В 1793 г. эту же крепость осматривал П.С. Паллас [Алексеева, 1988. С.65]. Но более широкая и регулярная информация об имеющихся здесь раннесредневековых объектах стала поступать с начала XX в. В 1908 г. члены Кавказского горного общества в Пятигорске информируют научную общественность об открытии могильников, устроенных в скалах ущелья Эшакон [Е.М., 1908]. Вторично эти памятники, расположенные между левым притоком Эшакона, р. Бабугай-Кол, и правым притоком, р. Уллу-Баганалы, были обнаружены 60 лет спустя кисловодским краеведом В. А. Лученковым [Рунич, 19756]. В 1927 г. И.И. Филиппов открывает аланский могильник в районе ул. Любомирского. В 1931 г. появляются сведения о могильнике на дороге в Конезавод, в 15 км к западу от города. В 1937 г. В.Н. Пегров сообщает о находке аланского могильника на ул. Набережной у дома 63. В 1938 г. обнаружен новый могильник на территории пригородного хозяйства санатория НКЗ (Наркомзем?). В 1939 г. стал известен могильник, расположенный на дороге из Васюковой балки к санаторию Наркомтяжпрома; одна из катакомб могильника была раскопана Н.М. Егоровым. В том же году обнаружен могильник на Георгиевском плато в Кисловодске. С.И. Васильев сообщает в Пятигорский музей об открытии в долине р. Ольховки еще одного катакомбного могильника [Книга поступлений в Пятигорский краеведческий музей. №7046]. Позже он был вновь обнаружен разведками Г.Е. Афанасьева и А.П. Рунича и получил впоследствии название «Могильник № 1 у Лермонтовской скалы» [Афанасьев, Рунич, 1970]. В настоящее время в Кисловодской котловине на площади около 500 кв. км зафиксировано уже 320 памятников, относящихся

к I тысячелетию н. э., – городищ, поселений, могильников, которые могут быть связаны с алано-асским союзом племен, упомянутым в Армянской географии под именем Аш-Тигор [Zuckerman, 2000. Carte 2]. Среди этих памятников особо видное место занимает катакомбный могильник Мокрая Балка (рис. 1).

12 марта 1967 г. учащийся средней школы А. Агачев принес кисловодскому краеведу Н.Н. Михайлову коллекцию средневековых предметов, включавшую серебряную сасанидскую монету, из катакомбы, обнаруженной им в промоине дороги недалеко от места, известного под названием «Замок коварства и любви». Это не было случайной находкой. А. Агачев являлся членом неофициального археологического кружка, сформировавшегося в г. Кисловодске в 1958 г. [Михайлов, 1957] под руководством демобилизованного офицера Н.Н. Михайлова, при активном участии Ю. Абрамовой, Г. Афанасьева, В. Богдасарова, Ю. Евдокимова, В. Никитина, Э. Ртвеладзе и др. Интерес Н.Н. Михайлова к изучению северокавказских древностей проявился еще в конце 30-х годов, ког-

да он участвовал в археологических экскурсиях на Рим-гору [Михайлов, 1939] и проводил разведки на древнем поселении у Орлиных скал близ северной вершины Бештау [Книга поступлений... №7172]. Несколько позднее археологический кружок был преобразован в археологическую секцию Кисловодского краеведческого общества, главным детищем которого стал Кисловодский народный (впоследствии государственный) краеведческий музей [Михайлов, 1963а]. Основной задачей секции, в работе которой активное участие принимали минераловодские краеведы-археологи Н.М. Егоров, А.П. Рунич, М.И. Рыбенко, Е.Е. Ивашнев и Г.Я. Симакин, было наблюдение за строительными работами в Кисловодске и его окрестностях с целью организации срочных спасательных работ в случае разрушения археологических объектов и сбора материалов для составления археологической карты региона. В этом деле им оказывали широкую поддержку профессионалы: археологи Е.И. Крупнов, Т.М. Минаева, Е.П. Алексева, М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, В.А. Кузнецов, В.В. Виноградов, А.А. Иерусалимская, антрополо-

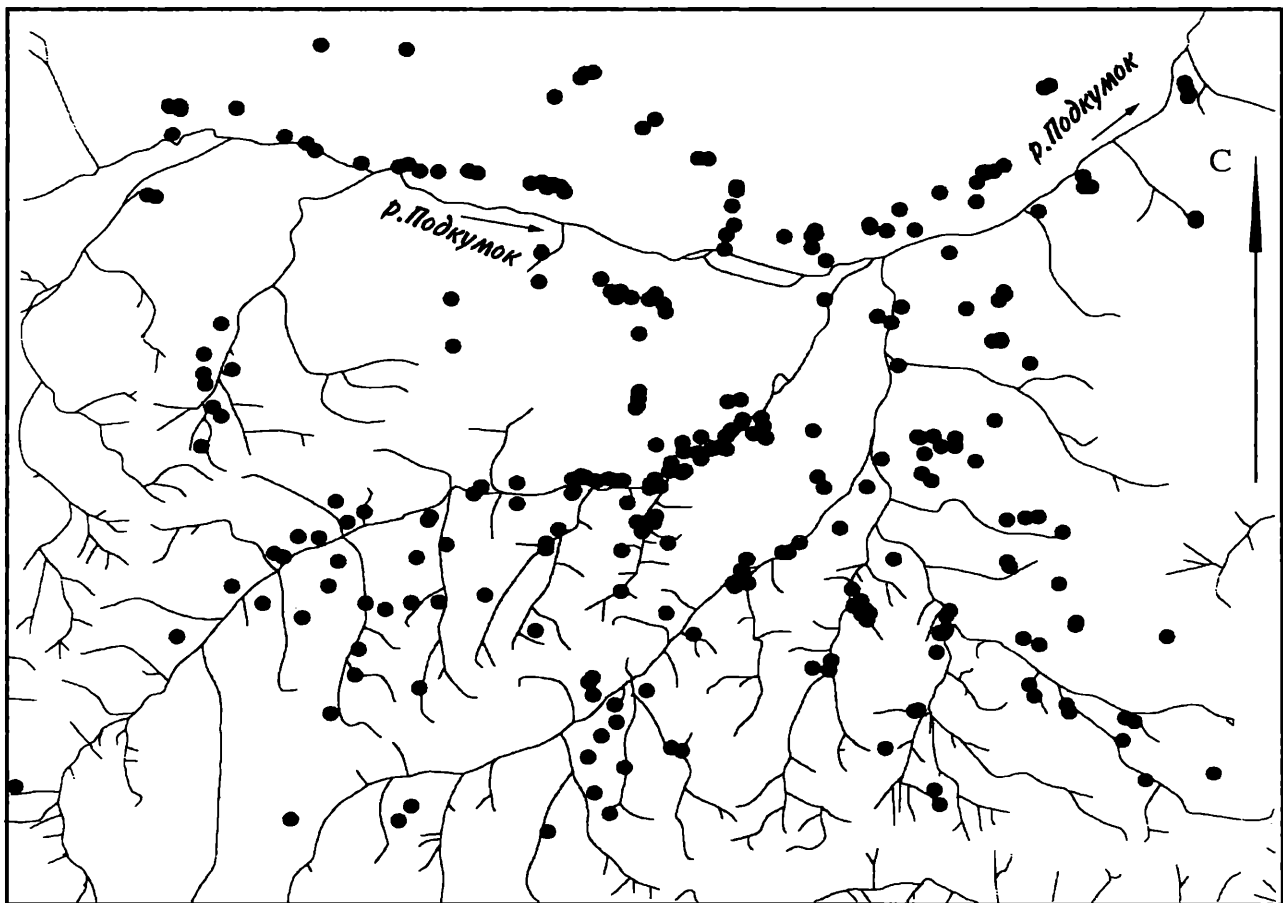

Рис. 1. Раннесредневековые памятники Кисловодской котловины (по данным на конец 2000 г.)

ги В.В. Бобин, В.П. Алексеев, нумизматы И.Д. Мажуленко и Е.А. Пахомов и многие другие. В свободное время члены-активисты археологической секции, в большинстве своем школьники или студенты, совершали систематические разведки в окрестностях города [Михайлов, 1960, 1961, 1962а, б, 1963б, в, 1966], наблюдали за новостройками, а собранную информацию передавали Н.Н. Михайлову и А.П. Руничу. Руководители секции обрабатывали материал и включали его в ежегодный отчет о полевых исследованиях по Открытому листу, выданному на имя А.П. Рунича. Одна из таких разведок А. Агачева и привела к открытию раннесредневекового катакомбного могильника, получившего название Мокрая Балка.

Памятник расположен в окрестностях Кисловодска на левом склоне Мокрой балки, правого притока р. Аlikоновки, на расстоянии 1,5 км по прямой к юго-юго-западу от места впадения Мокрой балки в Аlikоновку, или около 2 км по тропе вдоль левого берега балки (рис. 2). С северной стороны территорию могильника ограничивает излучина Мокрой балки, на правом берегу которой начинается подошва высоты с отметкой 1021,2. С южной стороны условная граница могильника отмечается ручьем, левым притоком Мокрой балки. Он берет свое начало в районе МТФ на юго-восточном склоне водораздела между Мокрой и Катыхинской балками. Точка в центральной части могильника имеет координаты 42,6595 северной широты и 43,8845 восточной долготы в десятичных градусах.

По левому берегу Мокрой балки через территорию памятника проходит грунтовая дорога с северо-востока на юго-запад, из лесничества на МТФ. Она прорезает нижнюю, пологую суглинистую часть склона левого берега. Во время дождей дороге быстро размывает, так что для проезда на МТФ ее часто приходится ровнять бульдозером, вследствие чего все новые и новые катакомбные захоронения попадают в зону разрушения.

Верхний слой склона балки, в котором был устроен катакомбный могильник, представлял собой темный горный чернозем толщиной 0,6–0,8 м. Он лежал на желтом плотном суглинке, прорезанном линзами щебенки – продукта разрушения пластов доломита, – а ниже суглинка залегали слои доломита. Поверхность памятника покрыта горными луговыми травами и редким кустарником (рис. 3). Изредка здесь встречаются в переотложенном состоянии обломки кремневых пластин и отщепы,

свидетельствующие о том, что данная местность обживалась уже в эпоху энеолита – майкопской культуры.

Итак, фактически охранные раскопки могильника начались 12 марта 1967 г. исследованием А. Агачевым катакомбы 1. В архиве Н.Н. Михайлова сохранилась информация о темпах естественного разрушения памятника и о реакции членов археологической секции Кисловодского краеведческого общества на создавшуюся ситуацию: 19 марта 1967 г. доследуется уже шестая разрушаемая весенними водами катакомба, 26 марта вскрывается девятая, 24 апреля – двенадцатая. Темпы уничтожения памятника были настолько значительными, что потребовали мобилизации всех сил активистов, поскольку обращения за помощью в местные городское и краевое отделения государственных органов охраны памятников истории и культуры практически никаких результатов не дали. В разные годы в качестве волонтеров в добровольных работах по спасению памятника принимали участие краеведы Н.Н. Михайлов, А.П. Рунич, археолог В.Р. Тарасенко, студенты-археологи Г. Афанасьев, Э. Ртвеладзе, Л. Букиннич, Л. Булава, С. Савенко, Я. Березин. Им помогали активисты археологической секции А. Агачев, М. Гуськов, С. Пьянков, В. Лученков, В. Ценцера, Ю. Харыбин, Н. Виленская, И. Сапожников, В. Пронин, Г. Летт и многие другие.

Надо признать тот факт, что, в нарушение действующего законодательства об охране памятников истории и культуры, раскопки всех 12 катакомб в 1967 г. проводились без Открытого листа. Обычно он выдавался Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР на имя А.П. Рунича. Но именно в тот год А.П. Рунич по каким-то причинам не послал заявку в ОПИ, поэтому первая документация об охранных работах в Мокрой балке в 1967 г. была включена в его отчет о полевых исследованиях в 1968 г. [Рунич, 1968].

В течение 1968 г. наблюдение за памятником продолжалось, но видимых следов разрушения новых погребальных сооружений зафиксировать не удалось. Весной 1969 г. грунтовая дорога на МТФ вновь была сильно размита и потребовала ремонта. При осмотре территории могильника члены кисловодской археологической секции обнаружили в разных местах памятника 27 частично разрушенных погребальных склепов. Все они были доследованы, а полученные материалы включены в отчет А.П. Рунича о полевых работах в районе

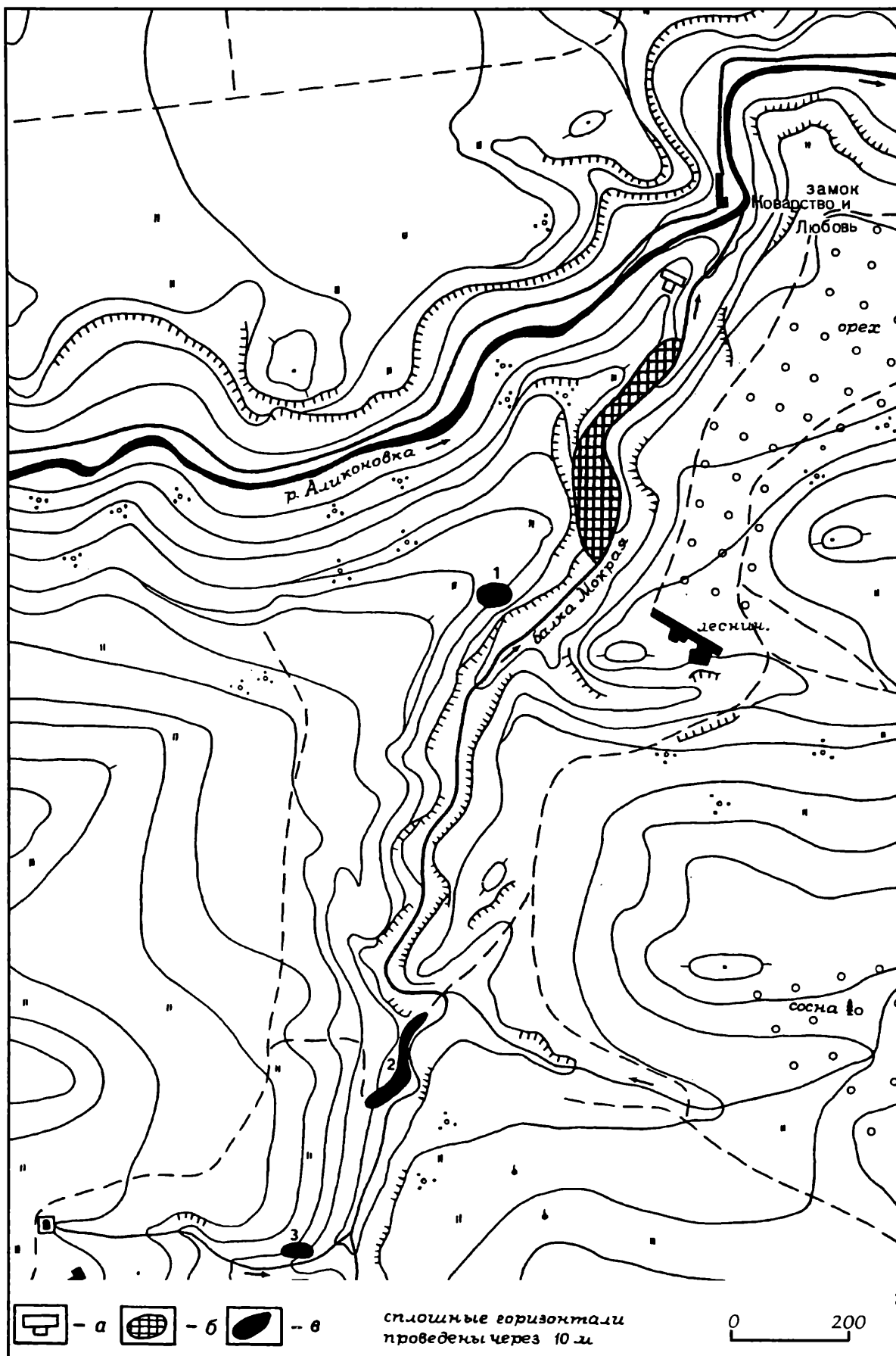

Рис. 2. Схема расположения катакомбных могильников в Мокрой балке
 а – крепостная стена с башней; б – поселение; в-1 – Замокый могильник;
 в-2 – могильник Мокрая Балка; в-3 – могильник Мокрая Балка 2

Рис. 3. Общий вид могильника Мокрая Балка

Кисловодска [Рунич, 1969]. В этом же году к изучению могильника приступила сотрудница Института археологии В.Б. Ковалевская [Ковалевская, Рунич, 1970. С.121; Павлов, 1970], которая раскопала там 14 катакомб.

В 1970 г. проходившую через могильник дорогу стало размывать все больше и больше (рис. 4). Она превратилась в своеобразную дренажную канаву, куда стекала по склону балки дождевая вода. Откосы дороги размывались, саму дорогу заноси-

Рис. 4. Северный участок могильника (нижний холм)

ло жидкой глиной, что требовало постоянной работы бульдозера по ее расчистке. Подрезая откосы, бульдозер задевал все новые и новые катакомбы. В общей сложности члены Кисловодской археологической секции доследовали в тот год на территории могильника 38 катакомб [Рунич, 1970].

В 1971 г. при выравнивании бульдозером дороги в промоинах, образовавшихся после дождей и в результате осадки куполов погребальных камер, членами Кисловодской археологической секции было открыто большое количество новых катакомб. Кроме того, доследовались камеры, которые были обнаружены еще осенью 1970 г., но в то время они были заполнены водой, так что организовать охранные раскопки не удалось. В итоге работ полевого сезона 1971 г. в могильнике Мокрая Балка были доследованы 59 катакомб, включенные А.П. Руничем в соответствующий отчет [Рунич, 1971]. В.Б. Ковалевская также продолжила свои работы на этом памятнике, сосредоточив внимание на трех участках – верхнем, центральном и нижнем холмах; были исследованы 14 катакомб и одно погребение коня [Ковалевская, 1971].

В 1973 г. охранные работы на территории могильника возобновил Г.Е. Афанасьев. Раскоп, на котором изучены 5 катакомб, был прирезан к

раскопу В.Б. Ковалевской 1971 г. на центральном холме с целью получения единой планиграфической и стратиграфической картины (рис. 5). Еще 3 полуразрушенные катакомбы были обнаружены и доследованы в срезях проходящей через могильник дороги [Афанасьев, 1973]. В 1975 г. охранные раскопки могильника Мокрая Балка были вновь продолжены членами Кисловодской археологической секции; были доследованы еще 3 разрушаемые катакомбы [Рунич, 1975].

Заключительный этап исследования могильника приходится на 1980 г. В тот полевой сезон В.Б. Ковалевская продолжила изучение участка, расположенного рядом с раскопом Г.Е. Афанасьева 1973 г. В результате были обнаружены остатки 5 погребальных сооружений [Ковалевская, 1980]. Есть информация о том, что в 1982 г. наблюдения за территорией этого могильника проводил Я.Б. Березин, собравший ряд предметов из 3–4 полностью разграбленных местными жителями катакомб [Березин Я. Б., 1982]. Наконец, в 1996 г. территорию памятника осматривал Д.С. Коробов, раскопавший прямо на дороге остатки еще одной полуразрушенной катакомбы [Коробов, 1997. С.209–210].

Таким образом, с 1967 по 1996 г. на территории могильника Мокрая Балка было исследовано

Рис. 5. Центральный участок могильника (слева – раскоп 1973 г.)

около 180 катакомбных усыпальниц (рис. 6), из которых одна относится к позднесарматскому времени (катакомба 12), а остальные – к V–VIII вв. В сравнении со всеми известными в то время ката-

комбными могильниками Северного Кавказа, здесь собран самый большой материал. И вполне естественно, что процесс публикации находок, изучения и исторической интерпретации полученного

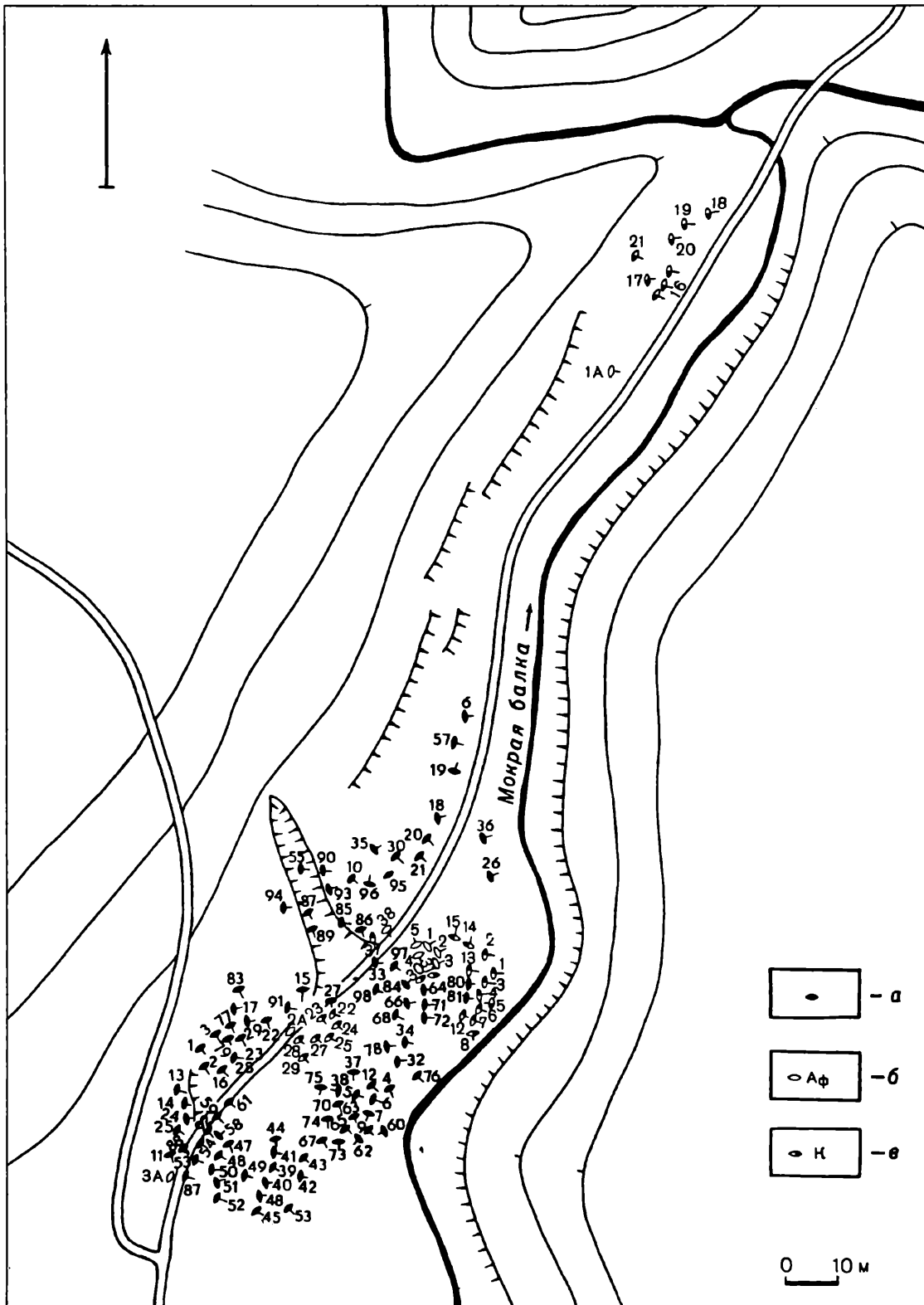

Рис. 6. План могильника Мокрая Балка

a – катакомбы по отчетам А.П. Рунича; *b* – катакомбы по отчету Г.Е. Афанасьева;
v – катакомбы по отчетам В.Б. Ковалевской за 1969, 1971 гг.

материала начался практически одновременно с открытием этого памятника, а в дальнейшем шел параллельно полевым работам. Впервые материалы могильника были представлены Н.Н. Михайловым в небольшой заметке под названием «Монеты рассказывают», написанной им 4 мая 1967 г. и опубликованной в местной газете [Михайлов, 1967]. Наряду с описанием находок, сделанных А. Агачевым в катакомбе 1, автор приводит заключение заведующего кафедрой археологии Ташкентского университета, академика М.Е. Массон, о монетной находке. По его мнению, это был древний фальсификат монеты сасанидского правителя Кавада I.

В совместной заметке о полевых исследованиях 1969 г. В. Б. Ковалевская и А.П. Рунич впервые определили не только общие хронологические рамки функционирования этого памятника – III–IX вв., – но и наметили динамику развития некрополя, полагая, что он расширялся сверху вниз. Аргументом в пользу такого вывода послужило предположение В.Б. Ковалевской о том, что катакомбы V–VI вв. находились в верхней части холма, а усыпальницы VII–IX вв. – в нижней [Ковалевская, Рунич, 1970. С. 121–122]. Кроме того, она связала граффито в виде цифры 4, процарапанное на ручке одного из найденных сосудов, с проникновением тюрок в Центральное Предкавказье.

В 1970 г. в газете «Кавказская здравница» было опубликовано интервью, которое взял у В.Б. Ковалевской директор Пятигорского краеведческого музея М.К. Павлов. Проинформировав о ходе работ по изучению могильника Мокрая Балка, В.Б. Ковалевская высказала очень ценную мысль о том, что керамическая коллекция этого могильника поможет в значительной степени прояснить вопрос о происхождении керамики салтово-маяцкой культуры [Павлов, 1970]. Она имела в виду то, что именно здесь прослеживаются самые ранние формы тех сосудов, которые в дальнейшем были характерны для салтово-маяцкой культуры бассейна Среднего Дона.

Нумизматическая информация пополнилась в 1971 г. совместным исследованием Э.В. Ртвеладзе и А.П. Рунича, где предлагалось определение найденной в катакомбе 15 индикации. По мнению авторов, она была изготовлена с солида византийского императора Фоки (602–610 гг.) [Ртвеладзе, Рунич, 1971. С.219] и является еще одним хронологическим маркером для погребальных комплексов Мокрой Балки. Результаты полевых исследо-

ваний В.Б. Ковалевской в 1971 г. были опубликованы в «Археологических открытиях» [Ковалевская, 1972. С.158–159]. Прежде всего, она обратила внимание на то обстоятельство, что обнаруженное в одной из катакомб сидячее погребение без инвентаря, возможно, совершено по иудейскому обряду. В число этномаркирующих предметов В.Б. Ковалевская включила и две пряжки, свидетельствующие, по ее мнению, о проникновении тюрок в Центральное Предкавказье. Наконец, исследовательница значительно омолодила верхнюю хронологическую границу функционирования могильника, доведя ее до начала X в.

Подробности раскопок одной из наиболее богатых усыпальниц этого могильника – катакомбы 113 – описаны в газетной статье директора Пятигорского краеведческого музея М.К. Павлова. Кроме воспроизведенных там дневниковых заметок, связанных с обстоятельствами открытия и процессом раскопок, представляет интерес и то, что здесь впервые приводятся сделанные М.Е. Массоном определения монетных находок, входящих в состав этого погребального комплекса [Павлов, 1972]. Четыре из них принадлежат сасанидскому правителю Хосрову II (591–628 гг.), одна – византийскому императору Маврикию (582–602 гг.) и еще одна – византийскому императору Фоке (602–610 гг.).

Исследуя вопрос о характере конской сбруи, которую применяли древние и средневековые жители района Кавказских Минеральных Вод, А.П. Рунич использовал найденные в Мокрой Балке стремяна. Он пришел к выводу, что до появления металлических стремян обитатели Центрального Предкавказья пользовались мягкими стремянами или кожаными стремянными петлями, которые в погребениях не сохраняются и археологически их просто не удается зафиксировать [Рунич, 1973]. Некоторые аспекты изучения палеоантропологического материала были рассмотрены В.Я. Дерумсом. В одной из катакомб, раскопанных А.П. Руничем, была найдена бедренная кость со сросшимся переломом. По мнению В.Я. Дерумса, при лечении этой кости применялось вытяжение, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне медицины у раннесредневекового населения Кисловодской котловины [Дерумс, 1973]. К этому можно добавить и тот факт, что один из найденных в могильнике черепов носил на себе следы трепанации [Афанасьев, 1974а].

Наиболее широко результаты раскопок могильника Мокрая Балка, предпринятых членами Кис-

ловодской археологической секции, были представлены в статье А.П. Рунича [1975а]. Главная заслуга автора состоит во введении в научный оборот комплексов с монетными находками, что позволило специалистам в области хронологии раннесредневековых памятников Восточной Европы оперативно использовать новые датированные материалы. Но кроме публикации материалов наиболее богатых коллекций этого памятника, А.П. Рунич сделал и попытку сопоставить их с комплексами других катакомбных могильников Кисловодской котловины с целью выявления специфических деталей погребального обряда и материальной культуры различных населявших ее алано-асских общин.

Информация о характере монетных находок в Мокрой Балке пополнилась в 1976 г. новым совместным исследованием А.П. Рунича и Э.В. Ртвеладзе [Ртвеладзе, Рунич, 1976. С.151–155], в котором авторы дали подробное описание монеты Юстина II и Тиберия Константина (578 г.) из катакомбы 114, монет Маврикия (582–602 гг.) и Фоки (602–610 гг.) из катакомбы 113, а также индикации с монеты Фоки (602–610 гг.) из катакомбы 74 и индикации Ираклия и Ираклия Константина (613–614 гг.) из катакомбы 117. Одновременно исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что, несмотря на сравнительно хорошую изученность раннесредневековых памятников Кисловодской котловины, здесь до сих пор не известны катакомбные могильники второй половины VIII – IX вв. Таким образом, исследователи вступили, с одной стороны, в полемику с В.Б. Ковалевской относительно хронологических рамок функционирования могильника, а с другой – в дискуссию с В.А. Кузнецовым относительно проникновения протоболгар в Кисловодскую котловину и вытеснения ими отсюда аланского населения. Оставляя факт отсутствия здесь катакомб VIII–IX вв. без исторической интерпретации, А.П. Рунич и Э.В. Ртвеладзе все же подчеркивают, что существующие объяснения этого явления недостаточно убедительны.

В 1979 г. В.Б. Ковалевская опубликовала статью об исследовании хронологического фактора в динамике изменения параметров катакомб [Ковалевская, 1979. С.38–43]. Работа базировалась на материалах 26 усыпальниц, раскопанных ею в Мокрой Балке. Отнеся все рассматриваемые катакомбы к двум хронологическим группам (VI–VII вв. и VIII–IX вв.), В.Б. Ковалевская использо-

вала модифицированный критерий t для оценки различий в средних параметрах катакомб обоих периодов. В итоге ей удалось наметить ряд специфических различий в поведении параметров катакомб, относящихся к разным хронологическим группам. И хотя по вопросу абсолютных дат здесь можно спорить, но если исходить из общих бесспорных представлений об относительной хронологии комплексов, то наблюдения В.Б. Ковалевской очень интересны и аргументированны.

Серия статей и заметок, посвященных вводу в научный оборот новых комплексов, периодизации материалов Мокрой Балки и моделированию различных историко-социальных процессов у раннесредневекового населения Кисловодской котловины, была опубликована Г.Е. Афанасьевым в 1973–1981 гг. [Афанасьев, 1977–1981]. Прежде всего следует упомянуть о частичном издании материалов раскопок 1973 г. [Афанасьев, 1974б, 1974в, 1979б]. Ряд публикаций автора был посвящен историко-социальным вопросам жизни алано-асского населения Центрального Предкавказья. Так, анализ импортных изделий и монетных находок из погребений Мокрой Балки, и даже несколько шире – из алано-асских погребений Кисловодской котловины – позволил наметить три основных торгово-экономических направления, неразрывно связанных с функционированием здесь в раннем средневековье Даринской дороги как северокавказского участка Великого шелкового пути: среднеазиатско-китайское, закавказско-иранское и византийско-причерноморское [Афанасьев, 1979. С.4–13]. Степень загруженности этих маршрутов зависела от военно-политической ситуации в регионе. Наблюдения автора показывают, что в комплексах 450–550 гг. доминирует византийский импорт, что, вероятно, указывает на политическую ориентацию местного населения в период византийско-персидских войн. Предметы иранского импорта начинают появляться в 550–625 гг., когда по Византийской империи прокатывается волна народных восстаний. В результате оживляется закавказско-иранское направление в торговле алано-асского населения Кисловодской котловины.

Сравнительное исследование материалов Мокрой Балки и одновременных этому памятнику могильников, поселений и укреплений Кисловодской котловины позволило высказать предположение о том, что в рассматриваемое время у алано-асского населения Северного Кавказа существовала патронимическая организация поселений. В пользу это-

го свидетельствует целый ряд археологических признаков, находящих этнографические параллели. Так, на территории могильника Мокрая Балка, где катакомбы предназначались для одиночных захоронений (рис. 7) или погребений членов малых семей, выделяются участки расширенных или больших семей, отражающие приблизительное число расширенных семей в патронимии – их было 5–6. Планиграфически прослеживаются динамика численного роста этих семей, их эволюция из малых в большие. Единовременная численность населения одного такого поселка определяется ориентировочно в 80 человек. Из установленных автором хронологических рамок могильника следует вывод о том, что данная патронимия просуществовала до сегментации около 10 поколений [Афанасьев, 1977. С.4–20]. И если к этому добавить такие черты, как близость расположения алано-асских поселков (0,5–1 км), наличие на поселениях боевых башен, небольшие размеры жилищ, рассчитанных на малые семьи, небольшое количество жилищ на поселениях, то можно сказать, что в целом

комплекс этих признаков находит широкие этнографические параллели в патронимической организации северокавказского населения.

Следующий вывод в работах Г.Е. Афанасьева состоял в определении даты прекращения жизни на большинстве раннесредневековых поселений Кисловодской котловины, в выяснении причин этого явления, а также в поиске следов алан-ассов, покинувших Кисловодскую котловину. Автор полагает, что верхняя дата функционирования могильника Мокрая Балка приходится на середину VIII в. Сравнительный анализ материалов этого памятника с материалами других известных катакомбных могильников Кисловодской котловины показывает, что все они прекращают свое функционирование практически одновременно, в середине VIII в. Таким образом, речь идет об исходе довольно большой массы аланского населения из Кисловодской котловины, но куда? По мнению Г.Е. Афанасьева, большая часть алано-асских племен из этого региона (известных здесь, как полагает К. Цукерман, под именем аш-тигоров) пере-

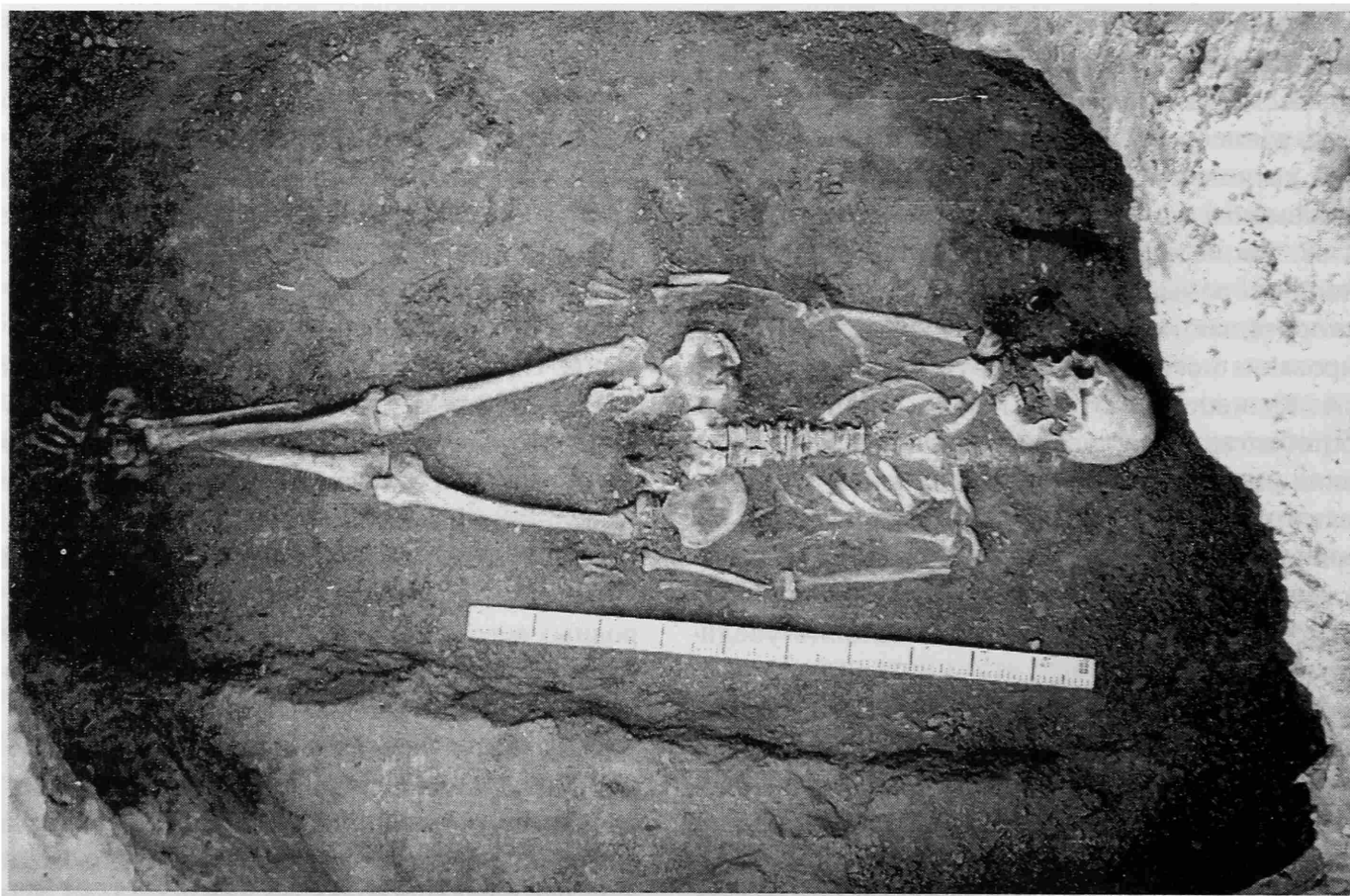

Рис. 7. Одиночное мужское захоронение в катакомбе 3-а (вторая половина V – первая половина VI вв.)

селилась, при активном содействии хазар, в лесостепную зону бассейна Среднего Дона для защиты северо-западных рубежей Хазарского каганата, где письменные источники фиксируют их этнонимом бургт-ас. Возможно также, что алано-асское население Среднего Дона фиксируется и племенным названием ас-кал, а гидроним Оскол (Ас-кол) сохраняет их имя до настоящего времени [Vernadsky, 1943. P.226]. Упоминание об этом важном событии в жизни предков осетин сохранялось в каких-то грузинских хрониках или преданиях вплоть до конца XVIII в., о чем моздокский священник Гайоза Такаова сообщил в 1797 г. Я. Потоцкому [Соснина, 1997. С. 251-253]. Именно на Среднем Дону в середине VIII в. появляются памятники лесостепного варианта салтовской культуры (а точнее – лесостепного варианта салтовского этапа аланской культуры), генезис основных черт которой отчетливо фиксируется на заключительном этапе функционирования могильника Мокрая Балка – в первой половине VIII в.

Исходной позицией Г.Е. Афанасьева для моделирования историко-социальных процессов у алано-асского населения Кисловодской котловины явилась разработанная им хронология Мокрой Балки [Афанасьев, 1979в]. В основу группировки материала для последующей его интерпретации в хронологическом аспекте был положен метод исчисления парных коэффициентов ассоциации между отдельными типами различных категорий инвентаря. В процессе работы учитывались парные связи между элементами поясных гарнитур, амулетов, фибул, серег, бус, керамики и т.д. Это позволило синхронизировать эволюционные колонки сразу нескольких категорий вещей, а по величине коэффициента ассоциации выделить четыре группы предметов, каждая из которых содержала типы с высокими парными связями. Поскольку полученные группы состояли как из мужских, так и из женских наборов вещей, сопровождавших взрослых индивидов и детей (что позволяло отбросить дифференцирующую роль половозрастного фактора в формировании групп), у нас были все основания рассматривать эту группировку как результат влияния хронологического фактора и говорить о возможности выделения здесь четырех культурно-хронологических этапов.

Первый этап характеризовался присутствием в погребальных комплексах таких предметов, как сосуды со штампованным орнаментом, прогнутые подвязные фибулы, пряжки с зооморфными языч-

ками, пряжки с хоботковыми язычками, В-образные рифленые пряжки и прямоугольные щитки пряжек со стеклянными вставками. Для **второго** этапа характерно наличие в погребальных комплексах фибул с обмотанной на две трети дужкой; здесь же встречаются фибулы с соколиными головками, плоские браслеты, Х-образные и Т-образные поясные накладки, геральдические накладки. Специфическими предметами в комплексах **третьего** этапа являются серьги с пирамидальной подвеской, лирорамчатые пряжки, длинные поясные наконечники, бронзовые обоймочки для кисточек, крестовидные и каплевидные гагатовые бусы. Наконец, для погребальных комплексов **четвертого** этапа характерны перстни со стеклянными вставками без крестовины и сферические колокольчики. Их сопровождают серьги с гроздевидной подвеской, серьги с подвижной подвеской, шарообразные бо́рдачатые гагатовые бусы, амулеты в виде кольца с семью лучами и петелькой, амулеты в виде кольца с наплывами и петелькой, килевидные поясные накладки, сосуды с двойной ручкой.

Полученная относительная хронология вещевых комплексов Мокрой Балки была превращена в абсолютную хронологию с помощью двух процедур. Во-первых, нижняя хронологическая граница могильника и первый хронологический этап были синхронизированы с гепидскими комплексами (454–568 гг.), а верхняя граница (середина VIII в.) – с началом салтовского этапа в аланской культуре Восточной Европы (в настоящее время эта дата подтверждается не только монетными находками в аланских погребениях Среднего Дона, но и результатами пяти радиоуглеродных анализов на таких салтовских памятниках, как Маяцкое селище и Алексеевское городище). А во-вторых, для датировки хронологических рамок всех четырех групп использовались монетные находки из Мокрой Балки, причем для каждого типа монет были разработаны специальные поправки по методике, предложенной И.С. Каменецким, Б.И. Маршаком и Я.А. Шером. Поправки колебались в пределах от 116 до 27 лет, в среднем составляя 47 лет, то есть приблизительно тот же период времени, который традиционно использовался ранее для монет в погребальных комплексах С.А. Яниной [1962. С. 129–130], Е.А. Халиковой [1976. С. 177–178] и рядом других исследователей. Все это позволило датировать первый этап второй половиной V – первой половиной VI в., второй этап – второй половиной VI – первой четвертью VII в., третий этап – вто-

рой четвертью VII – рубежом VII–VIII вв., четвертый этап – первой половиной VIII в. [Афанасьев, 1976б].

После публикации предварительной статьи Г.Е. Афанасьева о хронологии Мокрой Балки прошло почти 25 лет.

Отклики на предложенную периодизацию были неоднозначными. Одни исследователи целиком поддержали ее, другие отнеслись с разной степенью критичности. Но если говорить о последних, то все высказанные замечания сводились исключительно к двум позициям. Во-первых, слабым местом предложенной периодизации, по мнению оппонентов Г.Е. Афанасьева, является то обстоятельство, что автор вычислял только парные связи между предметами. Следовательно, множественные связи остались без внимания, а они, гипотетически, могут изменить выявленную картину, поскольку разрабатывалась как бы хронология вещей, а не комплексов. Во-вторых, критике оппонентов подвергалась и сама увязка относительной хронологии и абсолютной хронологии по монетам. Ведь известно, что они могут или очень сильно запаздывать, или попадать в погребальный комплекс чуть ли не в год чеканки.

За прошедшие годы наша наука сильно изменилась, в широкий обиход вошли компьютеры, что позволяет применять в археологии ранее считавшиеся трудоемкими процедуры многомерного статистического анализа. Значительно возросло количество раскопанных на Северном Кавказе, да и вообще в Восточной Европе, раннесредневековых комплексов, содержащих монетные находки. Это позволяет нам сейчас вновь проверить степень анахронизма датирующих монет Мокрой Балки и еще раз критически оценить предложенную ранее Г.Е. Афанасьевым абсолютную хронологию выделенных этапов, а также точки зрения и, что наиболее важно, системы аргументов его оппонентов.

Прежде всего, необходимо ответить на первую позицию критики, то есть рассмотреть вопрос о многомерных связях в погребальных комплексах Мокрой Балки. Для решения этой задачи была составлена база данных, содержащая 84 записи с информацией о наличии в комплексах 25 предметов (признаков), которые ранее были выделены Г.Е. Афанасьевым в качестве гипотетических культурно-хронологических маркеров. В соответствии с принятой в статистике процедурой, исходные значения признаков были стандартизованы (табл. 1).

Таблица 1

База данных со стандартизованными значениями признаков

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
001	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	5.196	3.606
002	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
004	-1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
007	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
009	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
010	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	5.196	-0.277
011	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	4.472	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
013	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
014	-0.504	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
015	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
016	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
017	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
018	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
019	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
01a	1.985	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
020	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
021	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
022	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
025	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
027	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277

028	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	5.196	3.606
029	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
02a	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
033	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
034	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
036	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
037	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
038	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
03a	1.985	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
041	1.985	-0.368	5.196	6.403	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
042	1.985	-0.368	5.196	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
044	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
045	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
046	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
047	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
048	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
049	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
04a	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
050	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
051	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
052	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
054	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	6.403	-0.192	-0.277
058	-0.504	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	6.403	-0.192	-0.277
059	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
05a	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
061	1.985	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
069	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
070	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
071	-0.504	2.720	-0.192	6.403	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
074	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
077	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
078	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
080	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
082	-0.504	-0.368	5.196	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
084	-0.504	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
086	-0.504	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
087	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277

1	11	12	13	14	15	16	17	18	19
001	3.082	3.082	-0.277	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
002	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
004	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
007	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	2.720
009	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	2.720
010	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
011	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
013	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
014	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
015	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
016	3.082	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368

017	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	2.720
018	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
019	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
01a	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
020	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	3.606	2.145	-0.368	-0.368
021	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	3.606	-0.466	-0.368	2.720
022	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
025	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
027	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
028	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
029	-0.324	3.082	-0.277	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
02a	3.082	-0.324	-0.277	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
033	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	3.606	2.145	-0.368	-0.368
034	-0.324	3.082	3.606	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
036	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
037	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
038	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	2.720
03a	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
041	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
042	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
044	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
045	3.082	3.082	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
046	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
047	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
048	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
049	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
04a	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
050	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	2.720
051	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
052	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	3.606	-0.466	-0.368	-0.368
054	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
058	3.082	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
059	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	3.606	2.145	-0.368	-0.368
05a	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
061	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
069	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
070	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
071	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
074	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
077	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
078	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
080	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
082	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
084	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
086	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
087	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368

1	20	21	22	23	24	25	26
001	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
002	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224

004	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
007	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
009	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
010	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
011	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
013	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
014	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
015	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
016	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
017	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
018	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
019	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	4.472
01a	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
020	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
021	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
022	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
025	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
027	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
028	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
029	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
02a	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
033	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
034	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
036	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
037	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
038	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
03a	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
041	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
042	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
044	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
045	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
046	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
047	-0.428	-0.224	-0.110	5.196	3.606	-0.224	4.472
048	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
049	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	3.606	4.472	-0.224
04a	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
050	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
051	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
052	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
054	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
058	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
059	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
05a	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	4.472	4.472
061	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
069	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
070	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	3.606	4.472	-0.224
071	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
074	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
077	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
078	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
080	-0.428	4.472	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224

082	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224	-0.224	
084	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224	-0.224	
086	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224	-0.224	
087	-0.428	4.472	-0.110	-0.192	3.606	-0.224	-0.224	-0.224	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
089	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	3.606
090	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
092	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
093	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
094	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
095	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	4.472	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
098	1.985	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
100	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	3.606
101	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
103	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
104	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
107	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
109	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
110	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
112	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
113	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
114	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
115	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
116	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	4.472	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
117	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
118	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
121	1.985	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
122	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	4.472	-0.324	-0.156	-0.192	3.606
123	-0.504	2.720	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
124	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	3.082	-0.156	-0.192	-0.277
125	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	3.606
1aa	-0.504	-0.368	-0.192	-0.156	-0.224	-0.324	-0.156	-0.192	-0.277
1	11	12	13	14	15	16	17	18	190
089	3.082	-0.324	3.606	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
090	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
092	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	2.720
093	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
094	-0.324	3.082	3.606	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
095	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
098	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
100	3.082	3.082	3.606	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
101	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
103	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
104	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
107	-0.324	-0.324	3.606	3.317	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
109	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
110	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	2.720
112	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
113	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	2.720
114	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	3.606	-0.277	2.145	2.720	-0.368

115	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
116	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
117	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	3.606	2.145	-0.368	2.720
118	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	2.720	-0.368
121	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
122	3.082	3.082	3.606	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
123	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
124	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	2.145	-0.368	-0.368
125	-0.324	3.082	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368
1aa	-0.324	-0.324	-0.277	-0.302	-0.277	-0.277	-0.466	-0.368	-0.368

1	20	21	22	23	24	25	26
089	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
090	2.337	-0.224	-0.110	5.196	3.606	-0.224	-0.224
092	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
093	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
094	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
095	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
098	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
100	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
101	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
103	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
104	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
107	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
109	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
110	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
112	-0.428	-0.224	9.110	5.196	3.606	4.472	-0.224
113	2.337	4.472	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
114	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
115	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
116	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
117	2.337	4.472	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
118	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
121	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
122	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
123	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
124	2.337	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
125	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	-0.224
1aa	-0.428	-0.224	-0.110	-0.192	-0.277	-0.224	4.472

1 – номер катакомбы; 2 – сосуды со штампованным орнаментом; 3 – хоботковые пряжки; 4 – пряжки с рифлеными В-образными рамками; 5 – пряжки со щитками, украшенными вставками; 6 – фибулы с обмотанными дужками; 7 – фибулы с соколиными головками; 8 – фибулы с пятью круглыми гнездами; 9 – плоские браслеты; 10 – пряжки с В-образными рамками; 11 – Х-образные поясные накладки; 12 – геральдические поясные накладки; 13 – Т-образные поясные накладки; 14 – прорезные поясные наконечники; 15 – круглые фибулы; 16 – серьги с пирамидальной подвеской; 17 – лирорамчатые пряжки; 18 – серьги с гроздевидной подвеской; 19 – зернистые поясные накладки; 20 – длинные поясные наконечники; 21 – крестообразные бусы; 22 – перстни со стеклянными вставками без крестовины; 23 – сферические колокольчики; 24 – серьги с подвижной подвеской; 25 – литые каплевидные пуговицы; 26 – сосуды с приплюснутым туловом.

Следующий этап работы состоял в компьютерной обработке этой стандартизированной базы данных с целью выявления и оценки всего разнообразия многомерных связей между переменными (признаками) и объектами (катакомбами), а также внутри них. Для решения этой задачи использовались специализированные пакеты компьютерных программ для статистической обработки материала – SAS, DATASCOPE и STATGRAFIC.

Приступая к исследованию относительной хронологии предметов из погребальных комплексов могильника Мокрая Балка, мы должны были прежде всего решить вопрос о взаимосвязи этих предметов между собой, об их группировке. Ведь именно результаты субъективной группировки материала тем или иным исследователем фактически явились камнем преткновения, по поводу которого в 70-е годы развернулась широкая дискуссия о проблемах раннесредневековой хронологии Евразии. И здесь представляется целесообразным использовать один из методов многомерного статистического исследования – факторный анализ. Он ориентирован, прежде всего, на первую стадию аналитического процесса, когда перед исследователем стоит задача поиска каких-либо внутренних структур изучаемого явления. Факторный анализ имеет своей целью так упорядочить исходную информацию, чтобы выразить большое число признаков через меньшее число более объемных характеристик изучаемого явления, называемых факторами. При этом все признаки рассматриваются как равноценные и равноправные [Бородкин, 1986. С.20–26]. Суть метода заключается в том, что в процессе обработки корреляционной/ковариационной матрицы выделяются наиболее тесно связанные между собой группы признаков, причем каждый из них включается только в один фактор, с которым он имеет наибольшую степень связи [Моисеенко, 1989. С.92].

Методами извлечения факторов являются анализ главных компонент, анализ главных факторов, итеративный анализ главных факторов, факторный анализ методом невзвешенных наименьших квадратов, факторный анализ максимального правдоподобия, альфа-факторный анализ, компонентный анализ по образцу, а также компонентный анализ Харриса. Важной составной частью факторного анализа является процедура вращения. Необходимость вращения факторов возникает тогда, когда первоначально выделенным факторам не удается дать ясную интерпретацию. Вращение факторной матрицы позволяет сделать факторы более весомыми, что делает более четким представление о внутренней группировке изучаемого явления. В качестве методов вращения часто используются процедуры варимакс, квартимакс, эквимакс и ряд других. Для интерпретации результатов факторного анализа важнейшее значение имеют такие понятия, как факторные нагрузки и факторные веса. Первые определяют степень тесноты связи между фактором и признаком, вторые показывают вклад (вес) фактора во все исследуемые признаки. Конечные результаты факторного анализа могут считаться успешными тогда, когда удастся сделать убедительную, содержательную историческую интерпретацию выделенных факторов.

При проведении факторного анализа исследуемой группы вещей из погребальных комплексов могильника Мокрая Балка в качестве метода извлечения факторов был использован компонентный анализ по образцу, а при вращении факторной матрицы – метод варимакс.

В итоге с помощью критерия Mineigen удалось выделить 7 факторов, перечисленных ниже по убыванию суммарной дисперсии признаков, а следовательно, и по значимости того или иного фактора в общей структуре множества признаков (табл. 2).

Таблица 2

Факторная матрица после вращения методом варимакс

Признак	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
1	-0.15819	-0.09827	-0.13378	0.71213	-0.06411	-0.07456	-0.01298
2	-0.06298	-0.06731	-0.08428	0.50730	-0.04025	-0.01976	-0.00761
3	-0.06303	-0.03659	-0.03804	0.35726	-0.02600	-0.04183	0.00741
4	-0.08137	-0.04288	-0.07662	0.27843	-0.09616	-0.14858	0.00723
5	0.17078	-0.03489	-0.06128	-0.00191	0.14746	0.01193	-0.02278
6	-0.06819	-0.06978	-0.03843	-0.10386	0.75350	-0.02299	0.01088

7	0.00978	-0.03725	-0.06984	0.17897	-0.07509	-0.09413	-0.00078
8	0.12091	-0.05349	-0.12887	-0.22534	0.72009	-0.16124	0.00226
9	0.67322	-0.05045	-0.13365	-0.23999	0.36511	-0.16817	0.02052
10	0.70712	-0.04246	-0.08328	0.00201	0.03156	-0.04863	0.01289
11	0.77173	-0.04519	-0.10120	-0.13228	0.06353	-0.07125	0.00018
12	0.84049	-0.02984	-0.06556	-0.07374	-0.25536	-0.02971	0.00024
13	0.70026	-0.03738	-0.07356	-0.08307	0.01115	-0.02006	-0.00437
14	-0.10432	-0.15708	0.17031	-0.32110	-0.15924	0.48814	0.10230
15	-0.07702	-0.08151	0.51055	-0.19603	-0.11072	0.04888	0.00052
16	-0.13321	-0.11347	0.78986	-0.22393	-0.01834	0.07889	0.11071
17	-0.17388	-0.11867	-0.31959	-0.29832	-0.12373	0.71584	-0.06275
18	-0.07710	-0.04114	0.46936	0.03171	0.01296	-0.05440	-0.05445
19	-0.15925	-0.03370	0.75357	-0.40634	-0.13381	0.04043	0.00383
20	-0.05897	0.05986	0.39886	-0.04762	-0.03598	-0.13283	0.00747
21	-0.03168	0.68850	-0.03803	-0.07553	-0.04752	-0.11306	-0.03910
22	-0.03235	0.84169	0.04602	-0.04039	-0.01319	-0.01527	0.26237
23	-0.07108	0.89734	-0.00073	-0.07485	-0.02654	-0.01604	-0.15132
24	-0.11062	0.65056	-0.24340	-0.18583	-0.08182	0.13997	-0.03125
25	-0.11185	0.19946	-0.26850	-0.15310	-0.04999	0.35631	-0.03055

1 – сосуды со штампованным орнаментом; 2 – хоботковые пряжки; 3 – пряжки с рифлеными В-образными рамками; 4 – пряжки со щитками, украшенными вставками; 5 – фибулы с обмотанными дужками; 6 – фибулы с соколиными головками; 7 – фибулы с пятью круглыми гнездами; 8 – плоские браслеты; 9 – пряжки с В-образными рамками; 10 – Х-образные поясные накладки; 11 – геральдические поясные накладки; 12 – Т-образные поясные накладки; 13 – прорезные поясные наконечники; 14 – круглые фибулы; 15 – серьги с пирамидальной подвеской; 16 – лирорамчатые пряжки; 17 – серьги с гроздевидной подвеской; 18 – зернистые поясные накладки; 19 – длинные поясные наконечники; 20 – крестообразные бусы; 21 – перстни со стеклянными вставками без крестовины; 22 – сферические колокольчики; 23 – серьги с подвижной подвеской; 24 – литые каплевидные пуговицы; 25 – сосуды с приплюснутым туловом.

Фактор 1 (дисперсия 2.896335) нагружают такие предметы, как фибулы с обмотанными дужками, пряжки с В-образными рамками, Х-образные поясные накладки, геральдические поясные накладки и Т-образные поясные накладки.

Фактор 2 (дисперсия 2.550177) включает в себя перстни со стеклянными вставками без крестовины, сферические колокольчики, серьги с подвижной подвеской и литые каплевидные пуговицы.

Фактор 3 (дисперсия 2.158365) состоит из серег с пирамидальной подвеской, лирорамчатых пряжек, зернистых поясных накладок, длинных поясных наконечников и крестообразных бус.

Фактор 4 (дисперсия 1.638481) нагружают сосуды со штампованным орнаментом, хоботковые пряжки, пряжки с рифлеными В-образными рамками, пряжки со щитками, украшенными вставками, и фибулы с пятью круглыми гнездами.

Фактор 5 (дисперсия 1.410904) включает фибулы с соколиными головками и плоские браслеты.

Фактор 6 (дисперсия 1.057370) состоит из круглых фибул и серег с гроздевидной подвеской.

Фактор 7 (дисперсия 0.126316) оказался незагруженным, его роль в суммарной дисперсии признаков очень низка. Хотя положительные коэффициенты ковариации с этим фактором наблюдаются у сферических колокольчиков, лирорамчатых пряжек и круглых фибул, но значение коэффициентов ковариации этих признаков с данным фактором значительно меньше, чем у этих же признаков с другими факторами.

Таким образом, мы можем говорить о возможности выделения шести групп признаков, имеющих довольно сильные внутригрупповые связи. Но каков содержательный смысл выделенных факто-

ров с исторической точки зрения? Что же скрывается за выявленной группировкой признаков? Отражает ли она хронологический, половозрастной или какой-то другой аспект проблемы? Даже простой взгляд на группировку признаков в том или ином факторе позволяет сделать вывод о том, что полученные структуры отражают как хронологические, так и половые различия в формировании вещевых наборов. Так, фактор 1 – это самый сильный фактор, который состоит из элементов так называемых геральдических поясных наборов, связанных, как правило, с мужскими захоронениями. Подавляющее большинство коэффициентов ковариации признаков с фактором находится в пределах 0.67–0.70. Фактор 5, состоящий из фибул с соколиными головками и плоских браслетов, по времени синхронен геральдическим наборам, но по большей части связан с женскими вещевыми наборами. И здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что плоские браслеты все же имеют положительную ковариационную связь с фактором 1. Довольно хорошо выделяется позднейший в этом могильнике комплекс вещей, связанный с фактором 2. Это перстни со стеклянными вставками без крестовины, сферические колокольчики, серьги с конической подвеской и литые каплевидные пуговицы. Коэффициенты ковариации в этой группе находятся в пределах 0.65–0.89. Слабую положительную связь с этим фактором проявляют сосуды с приплюснутым туловом, которые все же более тесно связаны с фактором 6. Следующую ступень по своей весомости занимает фактор 3. Нагружающие его предметы – серьги с пирамидальной подвеской, лирорамчатые пряжки, зерни-

стые поясные накладки, длинные поясные наконечники и крестовидные бусы – имеют с фактором сильные ковариационные связи в пределах 0.39–0.78. Слабую, но все же положительную связь с этим фактором имеют круглые фибулы, наполняющие фактор 6. Отсюда складывается впечатление, что в целом фактор 6 является как бы промежуточным между комплексом вещей, наполняющих фактор 3 и комплексом вещей, составляющих фактор 2. Признаки, наполняющие фактор 4, имеют с ним степень ковариационной связи в пределах 0.18–0.71. Это сосуды со штампованным орнаментом, хоботковые пряжки, пряжки с рифлеными В-образными рамками, пряжки со щитками, украшенными вставками, и, наконец, фибулы с пятью гнездами. Нелишним будет заметить, что фибулы с пятью гнездами хоть и нагружают фактор 4, но одновременно имеют очень слабую положительную связь с фактором 1. Следовательно, можно прийти к выводу, что эти предметы являются общими или промежуточными между фактором 4 и фактором 1.

К любопытным выводам о группировке признаков приводит и кластерный анализ переменных, или процедура Varclus. Она предназначена для иерархической или дизъюнктивной кластеризации признаков посредством метода косого мультигруппового компонентного анализа. Этот метод хорошо дополняет факторный анализ и в какой-то степени может служить процедурой проверки его результатов.

Полученные результаты кластерного анализа переменных (табл. 3) позволяют говорить о возможности выделения девяти кластеров. Кластер 1

Таблица 3

Кластерный анализ переменных

Кластер	Признак	Собственная ближайшая	Следующая корреляция	1-R**2 Ratio корреляция
1	10	0.4539	0.1676	0.6560
	11	0.6501	0.1676	0.4203
	12	0.6771	0.0577	0.3426
	13	0.6221	0.0625	0.4031
2	21	0.5898	0.0032	0.4116
	22	0.6560	0.0139	0.3488
	23	0.7361	0.0205	0.2694
	24	0.5248	0.0363	0.4931
3	14	0.3013	0.0276	0.7186
	15	0.4638	0.0454	0.5616

	16	0.6019	0.0634	0.4251
	19	0.7681	0.0516	0.2445
4	3	0.6954	0.0094	0.3075
	4	0.6954	0.0206	0.3110
5	18	0.6315	0.0360	0.3822
	20	0.6315	0.0358	0.3822
6	1	0.3998	0.0647	0.6416
	2	0.5163	0.0344	0.5010
	7	0.4059	0.0062	0.0062
7	8	0.7224	0.0492	0.2920
	9	0.7224	0.3282	0.4132
8	5	0.5589	0.0133	0.4470
	6	0.5589	0.0676	0.4731
9	17	0.6315	0.0360	0.3822
	25	0.6315	0.0362	0.3823

состоит из таких переменных, как Х-образные, геральдические, Т-образные и прорезные поясные накладки. В отличие от полученного в результате факторного анализа фактора 1, он не содержит фибул с обмотанными дужками и пряжек с В-образными рамками. Кластер 2 содержит перстни со стеклянными вставками без крестовины, сферические колокольчики, серьги с конической подвеской и литые каплевидные пуговицы. Он полностью подтверждает фактор 2. Кластер 3 включает круглые фибулы, серьги с пирамидальной подвеской, лирорамчатые пряжки и длинные поясные наконечники. В отличие от фактора 3, он не имеет зернистых поясных накладок и крестообразных бус, но дополнительно включает круглые фибулы. Кластер 4 наполнен пряжками с рифлеными В-образными рамками и пряжками со щитками, украшенными вставками. В отличие от родственного ему фактора 4, он не содержит сосудов со штампованным орнаментом, хоботковых пряжек и фибул с пятью гнездами. Кластер 5 нагружен зернистыми поясными накладками и крестообразными бусами, являясь как бы частью фактора 3. Кластер 6, со-

стоящий из сосудов со штампованным орнаментом, хоботковых пряжек и фибул с пятью гнездами, является как бы компонентом фактора 4. Кластер 7 содержит плоские браслеты и пряжки с В-образными рамками. С одной стороны, он близок фактору 5, а с другой – фактору 1. Кластер 8 включает фибулы с обмотанными дужками и фибулы с соколиными головками. Он также родственен факторам 1 и 5. Наконец, кластер 9 наполнен серьгами с гроздевидной подвеской и сосудами с приплюснутым туловом. Больше всего сходства он проявляет с фактором 6.

Проделанное сопоставление результатов факторного и кластерного анализов переменных первоначально может привести к выводу о том, что внутренняя структура множества признаков, четко проявлявшая себя в факторной матрице, стала размытой и измельченной в таблице кластерного анализа переменных. Однако этот вывод легко отбрасывается, если при группировке признаков мы учтем не только выделенные кластеры, но и межкластерные связи, представленные в соответствующей таблице (табл.4).

Таблица 4

Межкластерные коэффициенты корреляций

Кластеры	1	2	3	4	5
1	1.00000	-0.10054	-0.19877	-0.08230	-0.14646
2	-0.10054	1.00000	-0.08743	-0.05338	-0.04825
3	-0.19877	-0.08743	1.00000	-0.10553	0.22617

4	-0.08230	-0.05338	-0.10553	1.00000	-0.07776
5	-0.14646	-0.04825	0.22617	-0.07776	1.00000
6	-0.14814	-0.13176	-0.26049	0.11804	-0.19194
7	0.41642	-0.07057	-0.13952	-0.05777	-0.10281
8	0.04704	-0.09360	-0.12852	-0.07662	-0.13634
9	-0.14646	0.09211	-0.07033	-0.07776	-0.13837
Кластеры	6	7	8	9	
1	-0.14814	0.41642	0.04704	-0.14646	
2	-0.13176	-0.07057	-0.09360	0.09211	
3	-0.26049	-0.13952	-0.12852	-0.07033	
4	0.11804	-0.05777	-0.07662	-0.07776	
5	-0.19194	-0.10281	-0.13634	-0.13837	
6	1.00000	-0.14261	-0.18912	-0.19194	
7	-0.14261	1.00000	0.21801	-0.10281	
8	-0.18912	0.21801	1.00000	-0.13634	
9	-0.19194	-0.10281	-0.13634	1.00000	

Приведенные значения межкластерных коэффициентов корреляций наглядно показывают тесноту положительных связей отдельных кластеров между собой. Так, положительную корреляцию имеют кластеры 1, 7 и 8. Содержательный смысл этих корреляций состоит в том, что Х-образные, Т-образные, геральдические и прорезные поясные накладки (кластер 1) положительно связаны (0.41642) с пряжками с В-образными рамками и плоскими браслетами (кластер 7). В свою очередь, плоские браслеты связаны (0.21801) с фибулами с обмотанными дужками и фибулами с соколиными головками (кластер 8). То есть, эти три кластера формируют единую группу. Кластер 2, состоящий из перстней со стеклянными вставками без крестовины, сферических колокольчиков, серег с конической подвеской и литых каплевидных пуговиц, имеет слабую (0.09211), но положительную связь с кластером 9, нагруженным серьгами с гроздевидной подвеской и приплюснутыми сосудами. Эти два кластера формируют еще одну группу. В третью группу объединяются кластеры 3 и 5. Круглые фибулы, серьги с пирамидальной подвеской, лирорамчатые пряжки и длинные поясные наконечники имеют положительные связи (0.22617) с зернистыми поясными накладками и крестообразными бусами. Наконец, четвертая группа состоит из кластеров 4 и 6: пряжки с рифлеными В-образными рамками и пряжки со щитками, украшенными вставками, имеют положительную ковариационную связь (0.11804) с сосудами со штампованным

орнаментом, хоботковыми пряжками и фибулами с пятью гнездами.

В итоге можно говорить о выделении четырех групп признаков: первую составляют кластеры 4 и 6, вторую – кластеры 1, 7 и 8, третью – кластеры 3 и 5, четвертую – кластеры 2 и 9. И здесь важно подчеркнуть тот факт, что кластеры, входящие в одну группу, почти не имеют положительных связей с кластерами из других групп, а если они и есть, то чрезвычайно слабые. Таким образом, использование новейших компьютерных процедур для изучения всего аспекта многомерных статистических связей между предметами в комплексах Мокрой Балки еще раз подтверждает выводы о группировке переменных, сделанные Г.Е. Афанасьевым 25 лет назад путем использования коэффициента ассоциации для изучения парных связей. Но изучение связей между отдельными типами погребального инвентаря путем комплексного применения методов многомерного статистического анализа позволило не только выделить четыре группы вещей (факторы), характеризующие четыре хронологических этапа, но и создать иерархическую классификацию катакомб (объектов).

Для группировки объектов с помощью кластерного анализа стандартизованная база данных была обработана восходящим иерархическим методом с минимизацией углового расстояния. Полученная дендрограмма показывает, что здесь хорошо выделяются четыре группы катакомб (рис. 8). **Первая** группа состоит из катакомб 4, 36,

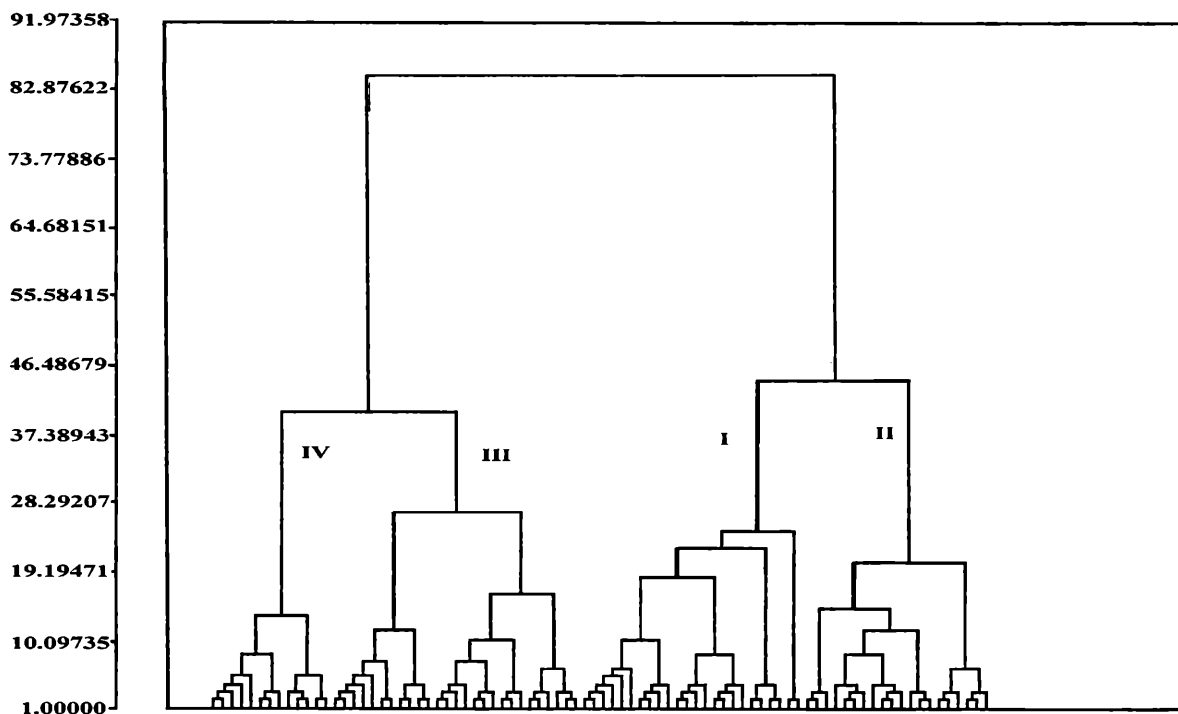

Рис. 8. Дендрограмма результатов кластерного анализа с выделением четырех культурно-хронологических групп (база данных Г.Е. Афанасьева)

42, 4-а, 61, 86, 13, 37, 44, 51, 71, 98, 14, 3-а, 46, 54, 82, 121, 1-а, 41, 48, 58, 84, 123. Ее характеризует специфический набор вещей со следующими значениями средних: сосуды со штампованным орнаментом – 1,259, хоботковые пряжки – 0,919, пряжки с рифлеными В-образными рамками – 0,481, пряжки со щитками, украшенными вставками, – 0,390, фибулы с пятью круглыми гнездами – 0,390. Остальные признаки базы данных имеют отрицательные значения в этой группе.

Вторая группа включает катакомбы 1, 16, 2-а, 89, 107, 2, 22, 34, 94, 116, 10, 28, 45, 95, 122, 11, 29, 77, 100, 125. Положительную статистику класса определяет ряд предметов со следующими значениями средних: фибулы с обмотанными дужками – 0,716, фибулы с соколиными головками – 0,868, плоские браслеты – 0,616, пряжки с В-образными рамками – 0,888, Х-образные поясные накладки – 0,868, геральдические поясные накладки – 1,038, Т-образные поясные накладки – 0,888, прорезные поясные наконечники – 0,965. Остальные признаки базы данных имеют в этой группе отрицательные значения.

Третья группа представлена катакомбами 7, 20, 33, 59, 87, 109, 115, 9, 21, 38, 74, 92, 110, 117, 15, 25, 50, 78, 103, 113, 124, 17, 27, 52, 80, 104, 114. Специфику группы определяет положительное зна-

чение средних у следующих предметов: круглых фибул – 0,586, серег с пирамидальной подвеской – 0,586, лирорамчатых пряжек – 0,984, зернистых поясных накладок – 0,776, длинных поясных наконечников – 0,801, крестообразных бус – 0,472. Остальные переменные, составляющие эту базу данных, имеют в данной группе отрицательные значения.

Наконец, в **четвертую** группу объединяются катакомбы 18, 5-а, 93, 1-а-а, 19, 69, 101, 47, 70, 112, 49, 90, 118. Специфическими предметами этой группы являются серьги с гроздевидной подвеской – 1,295, перстни со стеклянными вставками без крестовины – 0,599, сферические колокольчики – 1,051, серьги с подвижной подвеской – 1,216, литые пуговицы – 1,221, сосуды с приплюснутым туловом – 1,221.

Достоверность полученной группировки может быть проверена методом дискриминантного анализа, который представляет собой статистическую процедуру для изучения различий между двумя и более группами объектов по нескольким переменным одновременно [Клекка, 1989. С.80–133]. В нашем случае объекты – вещевые комплексы катакомб – проверялись на принадлежность той или иной группе путем анализа наличия/отсутствия в них предметов, которые ранее участвовали в фак-

торном и кластерном анализе. Поскольку первые две дискриминантные функции являются наиболее информативными для классификации, был построен двухкоординатный график (рис. 9). Этот график, иллюстрирующий результаты проведенного дискриминантного анализа, наглядно показывает, что выделенные хронологические группы вполне различимы и фактически мы даже не имеем явных перекрытий отдельных объектов. То есть, катакомбы, принадлежащие к тому или иному хронологическому этапу, четко сгруппировались в определенных местах на графике и какого-либо их смешения, мозаичности мы не наблюдаем. Это говорит о надежности полученной в результате факторного и кластерного анализов классификации.

То, что проведенный многомерный статистический анализ материалов Мокрой Балки, по существу, приводит нас к тем же выводам о группировке переменных, которые были сделаны ранее с использованием коэффициента ассоциации, еще раз свидетельствует в пользу того, что выделенные в качестве предполагаемых хронологических маркеров предметы «работают», а значит, и направления развития, и основные этапы относительной

хронологии определены правильно. Следовательно, и упрек оппонентов Г.Е. Афанасьева в том, что созданная им хронология вещей может не соответствовать хронологии комплексов, оказывается, как свидетельствуют результаты многомерного анализа объектов, несостоятельным.

Перейдем теперь к рассмотрению второго тезиса в критике оппонентов – к проблеме абсолютного датирования хронологических этапов Мокрой Балки по монетам. Тезис о том, что найденные в погребениях монеты датируют вещевой комплекс по системе «не ранее чем начальная дата монеты», очевиден и никем не оспаривается. Но в этом случае остается неясным вопрос о том, как долго монета находилась в обращении, прежде чем соединилась в могиле с данным вещевым набором, и насколько достоверно может его датировать. Существуют различные способы решения этого вопроса. Одни исследователи – чаще всего это сторонники субъективных методов исследования в археологии – или предпочитают не замечать монеты, используя довольно сомнительный метод построения длинных цепочек аналогий, или просто добавляют удобной для них монете 50 лет (или ка-

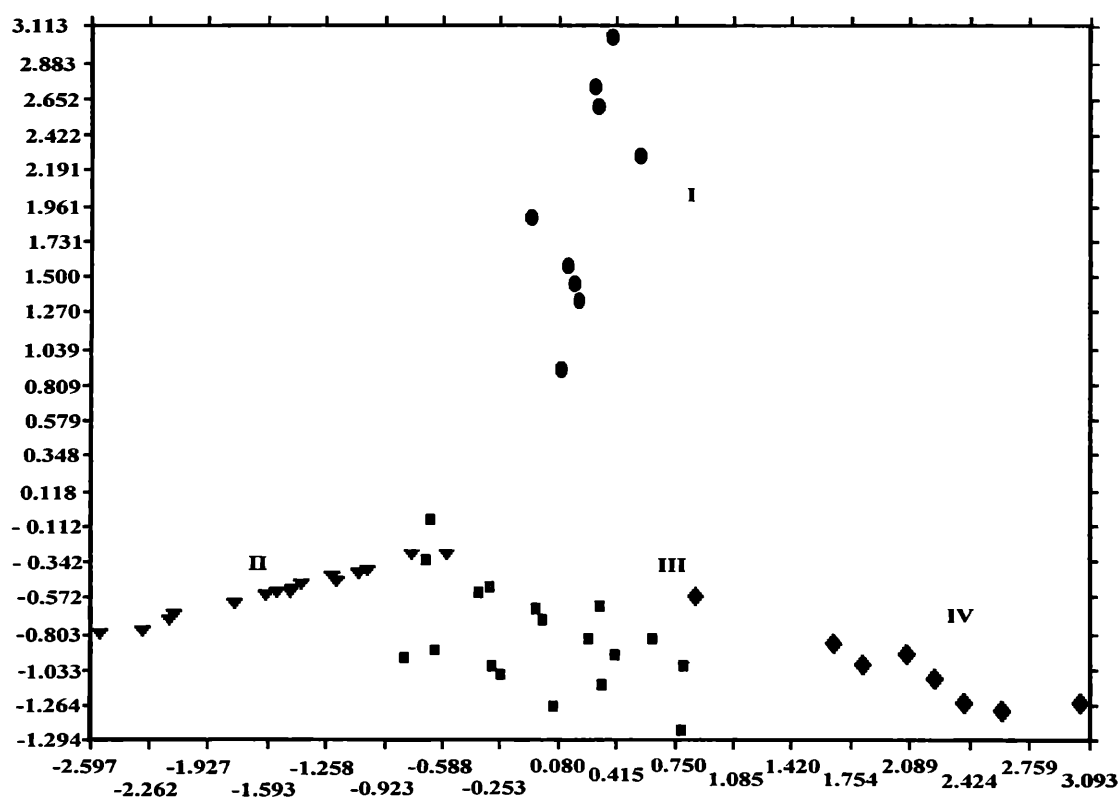

Рис. 9. Графическое представление результатов дискриминантного анализа с выделением четырех культурно-хронологических групп (база данных Г.Е. Афанасьева)

кой-то другой произвольно взятый отрезок времени). Затем, ссылаясь на традиционность такого подхода в науке, никак его не обосновывают. Другие – обычно это сторонники формализованных, статистических или комбинаторных методов археологического анализа – пытаются каким-то образом аргументировать используемые ими поправки, предложить читателю систему объективных доказательств, которая определяет правомерность применения автором монет для датировки изучаемых комплексов.

В современных работах по проблемам раннесредневековой хронологии наиболее популярны четыре способа обоснования поправок к монетам, используемым для датировки комплексов. Все они носят условный характер и, естественно, могут меняться в зависимости от объема использованных

тем или иным автором наблюдений – находок монет и индикаций. Но нельзя не заметить того принципиально важного обстоятельства, что их совместное сравнительное использование на примере погребальных комплексов Мокрой Балки наглядно показывает, что, несмотря на различия в величине поправок, все они довольно успешно работают в пределах именно тех временных рамок, которые определяются для каждого из четырех культурно-хронологических этапов исследуемого могильника.

1. Можно рассчитывать поправки для каждого типа монет путем определения его среднего времени запаздывания вкладах данной или близлежащей территории. Применяя эту процедуру, мы получаем следующие поправки для монет Мокрой Балки (табл. 5).

Таблица 5

Запаздывание монет вкладах региона

Сасанидские монеты			Византийские монеты		
Кавад I	–	16 лет	Маврикий	–	43 года
Хосров I	–	84 года	Фока	–	28 лет
Хормизд IV	–	39 лет	Ираклий	–	26 лет
Хосров II	–	29 лет			

2. Можно использовать поправку, основанную на расчете среднего времени запаздывания вкладах монет всех упомянутых правителей вместе. Для погребальных комплексов Мокрой Балки она равна 47 годам.

3. Известен способ определения поправок к монетам именно для какого-то конкретного могильника путем расчета запаздывания монет в тех комплексах, где были найдены монеты разных, но близких по времени правителей. Для Мокрой Балки такая поправка была бы равна 31 году.

4. Если рассматривать монеты и индикации не как предметы для накопления вкладах, а как несущие какие-то абсолютные даты украшения, что, в общем-то, и было характерно для населения Северного Кавказа [Гусев, 1995. С.21–23], то у нас есть основания исходить из предпосылки, что они приобретались индивидуумами при жизни и использовались в течение их жизни, после чего попадали в погребения. Следовательно, отбрасывая аномальные случаи длительного наследования или

вторичного обращения после ограбления могилы, ориентировочное время использования монеты или индикации в качестве украшения данным индивидуумом определяет продолжительность его жизни. Расчеты таблиц смертности для аланского населения бассейна Среднего Дона по данным Маяцкого и Дмитриевского могильников показывают, что средняя продолжительность предстоящей жизни у женщин, достигших репродуктивного возраста (15–19 лет) составляет в маяцкой общине 23,8 года, а в дмитриевской – 24,4 года. Что же касается мужчин, достигших репродуктивного возраста, то их средняя продолжительность предстоящей жизни в маяцкой общине составляет 27,2 года, а в дмитриевской – 27,5 года [Афанасьев, 1993. С.17–19]. Исходя из этого, можно допустить поправку к монете в среднем около 45 лет.

Как же соотносятся перечисленные способы определения поправок к монетам между собой и какова их роль при разработке абсолютной хронологии Мокрой Балки? Подтверждают ли другие

известные к настоящему времени северокавказские или северопричерноморские комплексы с монетами и индикациями ту картину, которую рисует нам абсолютная хронология Мокрой Балки, или вступают с ней в противоречие? Попытаемся ответить на эти вопросы путем сопоставления перечисленных выше хронологических маркеров с вещевыми комплексами, содержащими находки монет и индикаций.

Первый этап

Первый культурно-хронологический этап Мокрой Балки (вторая половина V – первая половина VI в.) хорошо синхронизируется не только с гепидскими комплексами (454–568 гг.), но и со вторым хронологическим периодом Северного Причерноморья и Боспора, датируемым, по И.П. Засецкой, также второй половиной V – первой половиной VI в. [Засецкая, 1996. С.35, 36–38]. Кроме того, в последние годы на Северном Кавказе появляются и монетные находки, которые могут быть использованы для абсолютной датировки нижней границы первого хронологического этапа, то есть для датировки времени, непосредственно предшествующего появлению комплексов, характерных для первого хронологического этапа (этот период условно можно было бы назвать нулевым этапом Мокрой Балки). Особый интерес в этом отношении представляет исследованный Б.Н. Атабиевым Зарагижский могильник [Атабиев, 1996. С.208–210], с неопубликованными материалами из которого автор раскопок любезно нас ознакомил.

В катакомбе 353 Зарагижского могильника 2 была найдена золотая римская монета сына Константина Великого – Константина II, выпущенная между 337 и 340 гг., которая, с поправкой в 45 лет (по системе дожития), может датировать погребение концом IV в. Ее сопровождали такие типичные для первого хронологического этапа предметы, как хоботковые пряжки с прогнутым язычком. Вместе с тем, в этом комплексе присутствовали и более ранние вещи, такие, как лучковые подвязные фибулы.

В катакомбе 348 Зарагижского могильника 2 была найдена золотая римская монета Констанция II (351–355 гг.), которая предположительно датирует погребение концом IV – первой половиной V в. В комплекс входили предметы, характерные для первого этапа Мокрой Балки, такие, как про-

гнутая подвязная фибула и хоботковая пряжка. Однако керамика из погребения явно архаичная, относящаяся к предшествующему времени.

В катакомбе 292 Зарагижского могильника 2 была найдена золотая римская монета Констанция II (351–355 гг.). Она также может датировать погребение концом IV – первой половиной V в. В состав комплекса входила хоботковая пряжка.

Перечисленные комплексы являются еще одним доказательством в пользу маркировки нижней границы первого хронологического этапа Мокрой Балки именно серединой V в. К этому же выводу приводит и привлечение в качестве аналогий вещевых наборов из погребений, время которых определяется хорошо датированным импортом. В этом отношении прежде всего следует указать на катакомбу 10 Лермонтовского 2 могильника [Рунич, 1976. С.256–266], богатейший погребальный инвентарь которой находит широкие параллели в комплексах, синхронных первому хронологическому этапу Мокрой Балки. Сравнительный анализ комплекса этой катакомбы со специфическими признаками первого хронологического этапа Мокрой Балки показывает, что мы имеем дело с хронологически однородной группой вещей. Следовательно, мнение А.К. Амброза о том, что здесь имело место более позднее подзахоронение, является ошибочным. Особенно важно присутствие в этом комплексе стеклянных сосудов с каплями синего стекла, чья датировка V в. в настоящее время довольно хорошо обоснована результатами раскопок на территории Марсельского порта [Foy D., 1995. P.187–242]. А если исходить из типологии и хронологии стеклянных сосудов с каплями синего стекла, которую недавно предложил А. Сазанов, то данный комплекс, скорее всего, относится ко второй половине V в. [Sazanov, 1995. Fig.5].

Что же касается верхней границы первого хронологического этапа Мокрой Балки, то она определяется нижней границей второго хронологического этапа, к обоснованию датировки которого мы переходим ниже.

Второй этап

Второй культурно-хронологический этап Мокрой Балки (вторая половина VI – первая четверть VII в.) хорошо синхронизируется с третьим хронологическим периодом Боспора, датируемым, по И.П. Засецкой, второй половиной VI – первой чет-

вертью VII в. [Засецкая, 1996. С.35, 38-41]. В Восточной Европе это время распространения древностей типа Мартыновского клада [Pekarskaja, Kidd, 1994].

В настоящее время в Мокрой Балке известны два комплекса с монетами, определяющими дату второго хронологического этапа.

Вещевой комплекс катакомбы 1 включал такие специфические для второго этапа предметы, как плоский браслет, X-образные поясные накладки, геральдические поясные накладки, пряжки с V-образными рамками. Их сопровождала монета Кавада I (488–531 гг.), выпущенная в 499 г. С поправками в 116–47–31–45 лет (здесь и ниже приводятся результаты определения поправок всеми четырьмя упомянутыми способами), она определяет дату комплекса второй четвертью VI – первой четвертью VII в.

Погребальный инвентарь катакомбы 124 состоял из элементов, характерных для переходного периода от второго хронологического этапа к третьему. Для второго этапа типичны фибулы с соколиными головками. Элементы третьего этапа представлены лирорамчатой пряжкой и длинным поясным наконечником. Комплекс датируется индикацией на медной фольге. Судя по сохранившейся части изображения, она была сделана с оборотной стороны медной византийской монеты VI в. достоинством в 40 нуммий. Год чеканки стерт, но общий иконографический характер напоминает монеты Маврикия (582–602 гг.), выпущенные 5 мастерской в Константинополе [Толстой, 1913. С.522–541]. Если это действительно так, то с поправками в ?–47–31–45 лет индикация датирует погребение первой – второй четвертями VII в., то есть полностью соответствует переходному характеру вещевого набора.

Кроме отмеченных двух комплексов с датированными монетами в Мокрой Балке, один из которых относится ко второму хронологическому этапу, а второй – к рубежу второго и третьего этапов, можно привести целую серию северокавказских и северопричерноморских комплексов, подтверждающих датированными монетами принадлежность характерных для второго этапа Мокрой Балки вещей именно ко второй половине VI – первой четверти VII в. Прежде всего следует упомянуть знаменитый поясной геральдический набор из Садовско-Кале. Он датируется рубежом VI–VII вв. как по пожарищу с монетой Маврикия (582–602 гг.) в самом Садовско-Кале, так и по синхронному ему

пожарищу Царичина Града, где также была найдена монета 602 г.

В склепе 34 могильника Чуфут-Кале (раскопки В.В. Кропоткина 1952, 1954–1957 гг. [Кропоткин, 1958. С.210. Рис.5; 5a]) был найден характерный для второго этапа Мокрой Балки бронзовый геральдический поясной набор с золотой монетой Юстиниана I (527–565 гг.). С предложенными поправками, эта монета может датировать погребение второй половиной VI – первой четвертью VII в.

В земляном склепе 56 могильника Суук-Су (раскопки Н.И. Репникова), в мужском погребении, был найден поясной геральдический набор [Репников, 1906. С.15-16; Пудовин, 1961]. Его датируют две младшие медные монеты комплекса, принадлежащие ко времени Юстиниана I (527–565 гг.). С учетом поправок на хождение, они могут определять время мужского погребения этого склепа второй половиной VI – первой четвертью VII в. Эта датировка косвенно подтверждается вхождением склепа 56 в одну хронологическую группу со склепом 77 [Родинкова, 1995. С.79], где была найдена монета Маврикия (582–602 гг.) херсонесского чекана.

В 1967 г. Ю.Н. Воронов и В.А. Юшин исследовали погребение у с. Цебельда в Абхазии [Воронов, Юшин, 1971. С.100–105]. Погребальный инвентарь, в который входили золотой солид и серебряные милиарисии Юстиниана I (527–565 гг.), включал округлые поясные накладки, аналогичные накладкам из катакомбы 107 Мокрой Балки, где они сопровождали геральдический поясной набор. Этот цебельдинский комплекс указывает на датировку катакомбы 107, относящейся ко второму хронологическому этапу Мокрой Балки, второй половиной VI – первой четвертью VII в.

В погребении 347 могильника на р. Дюрсо (раскопки А.В. Дмитриева) была найдена T-образная накладка, характерная для второго этапа Мокрой Балки. Время захоронения определяется поздней монетой комплекса – византийской VI в. [Дмитриев, 1982. Рис.11]. Учитывая поправки, комплекс можно отнести ко второй половине VI – первой четверти VII в.

В погребении 402 могильника Дюрсо был найден прорезной поясной наконечник геральдического типа с лирорамчатой пряжкой [Дмитриев, 1982. Рис.12, 15–20]. Такое сочетание указывает на переходный характер комплекса от второго к третьему этапу Мокрой Балки и может датироваться

первой – второй четвертями VII в. Эта датировка вполне согласуется с поздней монетой комплекса – византийской VI в., если учесть соответствующие поправки.

В катакомбе 12 могильника Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова) найдена монета Хосрова I (531–575 гг.). С поправками в 84–47–?–45 лет, она указывает на четвертую четверть VI – первую четверть VII в. Комплекс содержит характерные для второго этапа Мокрой Балки Т-образные поясные накладки и прорезные поясные наконечники. Но в то же время здесь присутствует длинный поясной наконечник, характерный уже для третьего этапа Мокрой Балки. В целом вещевой комплекс носит переходный характер и может датироваться первой-второй четвертью VII в. В этом случае данная монета явно датирующая, так как четко накладывается на верхнюю границу второго этапа и нижнюю границу третьего.

Комплекс катакомбы 16 могильника Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова) датируется монетой Хосрова II (594 г.), с поправкой в 29–47–?–45 лет, первой-второй четвертью VII в., то есть переходным временем от второго к третьему этапу Мокрой Балки. Этому полностью соответствует вещевой материал, где наряду с деталями геральдических поясных наборов, характерных для второго этапа, присутствует длинный поясной наконечник, который входит в моду уже на третьем этапе.

В катакомбе 23 могильника Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова) была найдена монета Хосрова I (531–575 гг.), указывающая, с поправкой в 84–47–?–45 лет, на четвертую четверть VI – первую четверть VII в. Эта датировка вплотную подходит к нижней границе третьего этапа. Поэтому вполне объяснимо, что данный комплекс содержит лиро-рамчатую пряжку, характерную для третьего этапа Мокрой Балки.

В катакомбном могильнике Мартан-Чу 2, в погребении 7, найдена Т-образная поясная накладка с двумя сасанидскими драхмами Хосрова II (591–628 гг.) [Виноградов, 1981. С. 8-9; 1982. С.41-42]. Судя по всему, накладка в этом комплексе анахроническая. Но, если использовать вычисленную поправку именно для монет Хосрова II или поправку, основанную на дожитии лиц, достигших репродуктивного возраста, то получаем дату этого погребения в пределах первой-второй четвертей VII в. Такая датировка накладывается на верхнюю границу второго этапа Мокрой Балки и нижнюю границу третьего этапа.

В катакомбе 2 Хумаринского могильника была найдена серебряная драхма, выпущенная монетным двором г. Арташир-Хворэ от имени Кавада I через 33 года после смерти этого правителя. Если и в данном случае применить те же поправки, которые были использованы для монет прижизненного чекана Кавада I, то время данной усыпальницы может быть определено в пределах рубежа VI–VII – первой половины VII в. Этой датировке вполне соответствует переходный характер вещевого комплекса, в котором встречены предметы, характерные и для второго этапа, и для третьего. Вторым этапом представлен Т-образными поясными накладками, прорезными поясными наконечниками, плоскими браслетами, третий – круглой фибулой [Биджиев, 1980; 1983. С. 162].

Таким образом, все известные в настоящее время северокавказские и северопричерноморские монетные находки в погребениях полностью подтверждают именно те датировки второго культурно-хронологического этапа, которые были разработаны на базе монетных находок в Мокрой Балке.

Третий этап

Третий культурно-хронологический этап Мокрой Балки приходится на вторую четверть VII – рубеж VII–VIII вв. Это – время Перещепинского клада [Бобринский, 1914] с монетами Константа II, битыми в Константинополе в 642–647 гг., а также келегейских древностей с монетами Константа II (641–668 гг.) [Кропоткин, 1962] и новосенджарских древностей [Смиленко, 1968] с монетами Константа II, битыми в 646 г. В эту же группу замечательных древностей входит и комплекс старонижестеблиевского погребения [Атавин, 1996. С.260–264]. Северокавказские раннесредневековые захоронения содержат ряд монет и индикаций для проверки абсолютного датирования третьего культурно-хронологического этапа Мокрой Балки.

В катакомбе 15 могильника Мокрая Балка были найдены две серебряные позолоченные индикации, сделанные с монеты Фоки (602–610 гг.). Поправки в 28–47–31–45 лет гипотетически позволяют датировать погребение второй-третьей четвертями VII в. В погребальный инвентарь входили такие характерные для третьего хронологического этапа

вещи, как круглая фибула и длинный поясной наконечник.

В катакомбе 20 могильника Мокрая Балка найдены две серебряные монеты Хосрова II (591–628 гг.). С поправками в 29–47–31–45 лет, они гипотетически датируют это погребение первой-третьей четвертями VII в. Данный вещевой комплекс состоял из таких характерных для третьего хронологического этапа предметов, как серьги с пирамидальной подвеской и лирорамчатая пряжка.

В катакомбе 74 могильника Мокрая Балка найдена серебряная индикация, сделанная с солида Фоки (602–610 гг.). С поправками в 28–47–31–45 лет, она гипотетически определяет время захоронения второй–третьей четвертями VII в. В состав вещевого комплекса входили такие характерные для третьего хронологического этапа предметы, как лирорамчатая пряжка и длинный поясной наконечник.

В катакомбе 113 могильника Мокрая Балка найдено шесть серебряных монет Хосрова I (531–579 гг.), Хосрова II (591–628 гг.), Маврикия (582–602 гг.), Фоки (602–610 гг.). Поправка в 28–47–31–45 лет к младшей монете комплекса гипотетически определяет время погребения второй-третьей четвертями VII в. Комплекс включал характерные для третьего этапа лирорамчатую пряжку и длинный поясной наконечник.

В катакомбе 114 могильника Мокрая Балка была найдена золотая монета Юстина II и Тиберия, выпущенная в 578 г. С поправками в ?–47–31–45 лет, она гипотетически определяет время захоронения первой-второй четвертями VII в. В состав инвентаря входили такие характерные для третьего хронологического этапа предметы, как круглая фибула, лирорамчатая пряжка и длинный поясной наконечник.

Из катакомбы 115 могильника Мокрая Балка происходит серебряная монета Хормизда IV (579–590 гг.). С поправками в 39–47–31–45 лет, она гипотетически определяет время погребения первой-второй четвертями VII в. Комплекс содержит характерные для третьего хронологического этапа лирорамчатую пряжку и длинный поясной наконечник.

В катакомбе 117 могильника Мокрая Балка найдена индикация с монеты Ираклия и Ираклия Константина (613–641 гг.). С поправками в 26–41–31–45 лет, она предположительно определяет время совершения погребения второй-четвертой четвертями VII в. Этой дате вполне соответствуют такие

характерные для третьего хронологического этапа предметы, как лирорамчатая пряжка, длинный поясной наконечник, зернистые поясные накладки и серьги с пирамидальной подвеской.

Приведенные материалы показывают, что комплексы третьего культурно-хронологического этапа Мокрой Балки хорошо датируются найденными там монетами и индикациями, с предложенными поправками, в пределах второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. Подтверждают ли эту датировку другие известные северокавказские комплексы с монетами или опровергают ее?

В 1994 г. в процессе раскопок А. Белинским и Г. Харке катакомбы 341 Клинь-Ярского могильника обнаружены две золотые византийские монеты Маврикия Тиберия (582–602 гг.) [Belinsky, Harke, 1995. P.4-5], с поправками в 43–47–?–45 лет определяющие время комплекса как первую-вторую четверти VII в. Вместе с ними находились такие характерные для третьего этапа предметы, как серьги с пирамидальной подвеской и длинный поясной наконечник.

В 1995 г. при исследовании катакомбы 363 Клинь-Ярского могильника А. Белинским и Г. Харке была обнаружена золотая византийская монета Ираклия с сыновьями (634–641 гг.) [Belinsky, Harke, 1996. P.13; 2000]. С поправкой в 26–47–?–45 лет, она датирует склеп второй половиной VII в. Вместе с ней находились специфические для третьего хронологического этапа лирорамчатая пряжка и длинный поясной наконечник.

В исследованной В. С. Флеровым катакомбе 23 Клинь-Ярского могильника была обнаружена драхма Хосрова II (591–628 гг.). Рядом с этим склепом, в дромосе 8, находилась трапециерамчатая поясная накладка с двумя соколиными головками [Флеров, 1993. С.224-228], аналогичная накладке из комплекса катакомбы 117, относящейся к третьему хронологическому этапу.

В катакомбе 7 Чмийского могильника (раскопки Д. Я. Самоквасова) найдена монета Хосрова II, выпущенная в 594 г., которую, с поправкой в 29–47–?–45 лет, можно отнести к первой-второй четвертям VII в., к рубежу второго и третьего хронологических этапов. Этому вполне соответствует факт находки в погребении лирорамчатой пряжки, характерной для третьего этапа Мокрой Балки.

В катакомбе, раскопанной Е.Г. Пчелиной в Нижнем Садоне [Pchelina, 1929. S.211-213], был найден солид Фоки (602–610 гг.). С поправками в 28–47–?–45, он датирует погребения второй–третьей

четвертями VII в. Вместе с ним в погребении находился сосуд, представляющий собой полную аналогию кружке из катакомбы 31 могильника Мокрая Балка, комплекс которой включал железную лирорамчатую пряжку, характерную для третьего хронологического этапа Мокрой Балки.

В катакомбе 4 Лермонтовского 2 могильника была найдена монета Хосрова II (591–628 гг.), которая, с поправками в 29–47–31–45 лет, датирует комплекс первой–третьей четвертями VII в. Погребальный инвентарь был довольно невыразительным и не включал тех предметов, которые рассматриваются в данной работе как хронологические маркеры. Однако входившая в этот комплекс дисконидная гагатовая бусина находит очень широкие параллели в комплексах, содержащих предметы, характерные для третьего хронологического этапа. Это обстоятельство является косвенным аргументом, подтверждающим возможность использования данной монеты в качестве датирующей.

Погребальный инвентарь Хасаутского склепа, исследованного в 1978–1979 гг., состоял из ряда характерных для третьего хронологического этапа предметов: круглой бляхи, аналогичной бляхе из катакомбы 18, фибул, обоймочек для кисточек и солярного амулета с тремя серповидными тяжами. Комплекс сопровождали две монеты, которые В.А. Кузнецов относит к правлению Кавада I (488–531 гг.) [Кузнецов, 2000. Р.168]. Вероятно, в данное определение вкралась какая-то ошибка. Иконографические особенности монет [Джалагания, 1982] дают больше оснований полагать, что одна из них представляет собой варварское подражание драхме Хормизда IV (579–590 гг.), а вторая – варварское подражание драхме Хосрова II (591–628 гг.). Если это действительно так, то данный комплекс можно было бы датировать второй половиной VII – рубежом VII–VIII вв., ближе к рубежу VII–VIII вв., на что указывает находка в этом же склепе амулета в виде фигурки оленя. В аланских памятниках Кисловодской котловины такие амулеты появляются с рубежа VII–VIII вв., бытуют там на протяжении первой половины VIII в., а затем изредка встречаются в комплексах салтово-маяцкой культуры Среднего Дона.

Как видим, все приведенные северокавказские и северопрichernоморские монетные находки в погребениях полностью подтверждают выводы о датировке третьего культурно-хронологического этапа, сделанные на базе находок монет и индикций в катакомбах Мокрой Балки. Наконец, следу-

ет упомянуть и о том, что в Верхнечирюртовском могильнике была найдена датируемая 643 г. согдийская ткань [Иерусалимская, 1975. С.49]. Она находилась в комплексе с пряжкой, аналогичной пряжке из катакомбы 113 в Мокрой Балке. Как уже отмечалось выше, последняя усыпальница содержала датируемый сасанидскими и византийскими монетами яркий вещевой комплекс, типичный для третьего хронологического этапа. Таким образом, в данном случае мы имеем три независимых друг от друга и подтверждающих друг друга источника для определения абсолютной датировки как самого комплекса, так и соответствующего хронологического этапа.

Четвертый этап

Четвертый культурно-хронологический этап Мокрой Балки приходится на рубеж VII–VIII вв. – первую половину VIII в. Для Восточной Европы это период древностей типа Вознесенки [Гринченко, 1950. С.37–63; Костов, 1998. Рис.1, 79], ограничивающийся сверху временем появления салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону или салтовского этапа в аланской культуре Северного Кавказа. Этот рубеж хорошо датируется не только монетными находками в соответствующих комплексах на Дону и в Центральном Предкавказье, но и результатами радиоуглеродных анализов образцов с Маяцкого селища [Афанасьев, Зотько, Коровов, 1999. С.106–123], свидетельствующих о том, что появление эталонных салтовских памятников приходится именно на середину VIII в. Северокавказские погребальные комплексы с монетами и индикциями, с учетом соответствующих поправок, дают достаточно оснований для датировки четвертого культурно-хронологического этапа в развитии аланской культуры на Северном Кавказе предсалтовским временем.

В 1984 г. в катакомбе 20 Клинь-Ярского могильника В.С. Флеровым был найден солид Ираклия, чеканенный в Константинополе между 613/614–630 гг. [Флеров, 1984]. По монете, с поправкой в 26–47–31–45 лет, катакомба может датироваться второй-четвертой четвертями VII в. Но вещевой комплекс явно тяготеет к началу четвертого хронологического этапа. На это указывают серьги с гроздевидной подвеской, литые каплевидные пуговицы, перстни со стеклянными вставками без крестовины, косвенно – амулет в виде фигурки

оленя. Возможно, это действительно рубеж V–VIII вв., а комплекс – самый ранний для четвертого этапа, или же в данном случае монета запаздывает больше, чем допускают предложенные средние поправки.

В катакомбе 12 Лермонтовского 2 могильника была найдена индикация с солида Константа II (641–668 гг.), определяющая, с соответствующей поправкой, время комплекса как рубеж VII–VIII – первую четверть VIII в. Комплекс явно переходного времени, так как содержит вещи третьего и четвертого этапов. Ко времени третьего этапа относятся бронзовая обоймочка для кисточки, круглая инкрустированная фибула, длинный поясной наконечник и каплевидные гагатовые бусы. В этом же комплексе находилась бронзовая пряжка, аналогичная пряжке из катакомбы 110 в Мокрой Балке. Важно отметить то обстоятельство, что в последнем случае пряжка сопровождалась поясными украшениями, характерными для четвертого хронологического этапа. Следовательно, данная индикация может датировать рубеж третьего и четвертого хронологических этапов.

При исследовании А.П. Руничем скального могильника Джага 2 в камере 42 были найдены золотые индикации с монеты Константа II и Константина (659–668 гг.), определяющие время устройства склепа как рубеж VII–VIII – первую половину VIII в. Вместе с ними в состав погребального инвентаря входили такие характерные для четвертого этапа предметы, как сферический колокольчик и перстень со вставкой без крестовины.

В 1982 г. в процессе раскопок В.Б. Ковалевской катакомбы 1 могильника Чми был найден золотой солид Константа II (641–646 гг.), позволяющий, с поправкой, отнести время сооружения склепа к рубежу VII–VIII вв. В тот же комплекс входил стеклянный перстень, характерный для четвертого этапа Мокрой Балки 2.

В Хуламской катакомбе 2 были найдены золотые индикации Ираклия (610–641 гг.) и Константа II (641–668 гг.), которые, с соответствующими поправками, определяют, на наш взгляд, время комплекса как рубеж VII–VIII – первую половину VIII в. Усыпальница содержала некоторые предметы, характерные для четвертого этапа Мокрой Балки. Это серьги с гроздевидной подвеской и серьги с подвижной подвеской [Чеченов, 1987. С.112–113, 162–163].

Кугульский склеп 2 [Рунич, 1979. С.245], в комплекс которого входили характерные для четвер-

того этапа литые каплевидные пуговицы, датируется первой половиной VIII в. по находкам пяти серебряных позолоченных индикаций с монет Тиверия III (698–705 гг.).

Наконец, в Галиатском склепе [Крупнов, 1938. С.113–121] вместе с деталями поясного набора, который типологически и технологически соответствует поясным наборам четвертого этапа Мокрой Балки, были найдены две монеты. Одна из них – золотой солид Ираклия и Ираклия Константина (613–641 гг.). Вторая монета – серебряный дирхем – была бита в 701 г. в Басре от имени омейядского халифа Абдуль Малека (685–705 гг.). По мнению Е.И. Крупнова, комплекс датируется первой половиной VIII в.

Итак, проведенный обзор раннесредневековых погребальных комплексов с монетами и индикациями показывает, что абсолютная хронология Мокрой Балки, основанная на использовании найденных там монет и индикаций, находит полное подтверждение в материалах других северокавказских и северопричерноморских могильников. И здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что статистика накопления на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье комплексов с монетами и индикациями за последние 25 лет свидетельствует исключительно в пользу выводов о правомерности использования монетных находок в Мокрой Балке в процессе превращения ее относительной хронологии в абсолютную. Нет никаких объективных данных в поддержку предположений об анахронизме известных нам в настоящее время монет и индикаций из Мокрой Балки.

Некоторые комплексы рассматриваемого памятника были использованы А. К. Амброзом при написании специальной монографии, посвященной проблемам хронологии северокавказских древностей [Амброз, 1989]. К V в. он отнес катакомбу 3-а, датированную Г.Е. Афанасьевым второй половиной V – первой половиной VI в. Катакомбы 2-а, 1, 28 он датировал VII в., тогда как Г.Е. Афанасьев предложил для них датировку второй половиной VI – первой четвертью VII в., то есть вторым хронологическим этапом Мокрой Балки. Признавая правильность относительной хронологии Мокрой Балки, предложенной Г.Е. Афанасьевым, А.К. Амброз критически отнесся к его датировкам второго, третьего и четвертого хронологических этапов, тогда как датировка первого возражений не вызвала. В 1997 г. вышла в свет монография М.П. Абрамовой, где автор также использует материалы ряда

наиболее ранних катакомб Мокрой Балки – 1-а, 3-а, 4-а, 123 [Абрамова, 1997. Рис.24, 25]. Она относит эти комплексы ко второй половине или концу V в. [Там же. С.104], то есть практически солидаризуется с Г.Е. Афанасьевым и А.К. Амброзом по вопросу о нижней хронологической границе могильника.

Большое внимание А.К. Амброз уделил критике используемой Г.Е. Афанасьевым процедуры датировки второго – четвертого хронологических этапов Мокрой Балки по монетам с поправками. Пытаясь доказать ее ошибочность, он привел несколько известных случаев, когда отрезок времени между чеканкой монеты и ее попаданием в землю был очень большим [Амброз, 1989. С.13-15]. Казалось бы, эта информация должна была подготовить читателя к твердому признанию того факта, что монета в комплексе – это очень опасная и коварная ловушка для исследователя, которой необходимо всячески избегать. Однако совершенно неожиданно несколько ниже А.К. Амброз вдруг сообщает, что сам он иногда опирается на монеты [Там же. С.16]. Значит, доверять монетам все-таки можно, но в каких же случаях? А. К. Амброз полагал, что использовать монеты следует только тогда, когда будут отброшены все явно анахронические находки, а инструментом для этого служит относительная хронология [Там же. С.15]. Если строго и последовательно придерживаться этих рекомендаций, то в итоге создается именно тот алгоритм, который и был применен Г. Е. Афанасьевым в Мокрой Балке еще 25 лет назад: относительная хронология переходит в абсолютную при помощи монет, но только тогда, когда отброшены анахронические монеты путем создания относительной хронологии, которая и является процедурой для проверки степени анахронизма монет. То есть, и у А.К. Амброза и у Г.Е. Афанасьева были схожие подходы к условиям использования монет для датировки. Различия состояли в принципах группировки материала. Именно представления о группировке анализируемых комплексов и определяли доверие того или иного исследователя к использованию тех или иных монет или индикаций как датирующих предметов.

Дискутировать об анахронизме тех или иных монет из Мокрой Балки можно лишь тогда, когда у оппонента есть аргументы. К сожалению, так и осталось неизвестным, почему монеты Мокрой Балки являлись в представлениях А.К. Амброза анахроническими. На доказательствах своей мыс-

ли исследователь, к сожалению, не остановился. Можно только предполагать, что предложенная Г.Е. Афанасьевым абсолютная хронология Мокрой Балки, основанная на статистической группировке материала и на монетных датировках, просто не вписывалась в общие представления этого выдающегося ученого об основных закономерностях и направлениях развития раннесредневековой евразийской хронологии, изложенные в его диссертационном исследовании. Так же как не вписывалось туда и подавляющее большинство других локальных и региональных хронологий Евразии [Засецкая, Маршак, Щукин, 1979. С.120-125].

Несогласие с подходом Г.Е. Афанасьева к датировке по монетам высказал и венгерский исследователь Ч. Балинт. В качестве доказательства он упомянул о том, что в казне Хосрова II хранились одновременно монеты и Пероза, и Кавада I. Свою позицию Ч. Балинт пытался подкрепить данными о находках в некоторых раннесредневековых погребальных комплексах Евразии значительно более ранних монет, которые явно не могут быть датируемыми [Balint, 1992. S.402-403; Балинт, 1984]. Эти факты очевидны, бесспорны и хорошо известны. Но в качестве возражения можно привести и альтернативные сведения. Например, при том же Хосрове II выпуском монет занималось более 40 монетных дворов, а их эмиссия достигала миллионов единиц, которые быстро распространялись и оседали. В казне Хосрова II одновременно хранились 668 миллионов драхм, из которых более 90 % принадлежали чекану именно этого правителя [Колесников, 1998]. То есть, вероятность находки драхмы предшественников Хосрова II, имеющей хождение в его время, составляет всего лишь 0,1. Можно привести многочисленные альтернативные примеры, когда византийские монеты попадали в землю через несколько лет после их выпуска в Константинополе, но вопрос состоит в другом. Какое отношение имеют приведенные Ч. Балинтом факты к конкретному процессу оседания монет и изготовленных с них индикаций в Мокрой Балке? Каким образом эти факты могут свидетельствовать об анахронизме монет Мокрой Балки? Именно этот важнейший вопрос он и оставил без исследования и без аргументации. Как известно, на практике анахронизм тех или иных монет доказывается только в том случае, если после разработки объективно проверяемой относительной хронологии конкретного памятника в однородных в хронологическом и типологическом отношениях комплексах

будут встречены монеты с очень большим разрывом в датах их выпуска. В противном случае критику нельзя считать аргументированной и конструктивной. Противоречивость позиции Ч. Балинта хорошо подметил И.О. Гавритухин, когда писал, что после заявлений о ненадежности метода датирования по монетам сам Ч. Балинт переходит именно к датированию по монетам [Гавритухин, Обломский, 1996. С.59]. И это вполне понятно, так как других абсолютных дат для датировки комплексов, по существу, просто нет.

Что же касается Мокрой Балки, то здесь временной разброс монет с поправками (какими бы методами эти поправки ни определялись) в родственных типологически и хронологически комплексах, в той или иной культурно-хронологической группе, не выходит за временные рамки самих этапов. Более того, в Мокрой Балке мы наблюдаем ситуацию, когда каждому этапу относительной хронологии соответствуют строго определенные монеты, причем эти монеты отражают две денежные системы, синхронизирующие и контролирующие поведение друг друга при оседании монет в погребениях. А в одном случае (катакомба 113) сами монеты (двух денежных систем) могут датироваться согдийской тканью 643 г., что **создает уже три независимых друг от друга и проверяющих друг друга источника** для абсолютного датирования. Наконец, отсутствие анахронических монет в Мокрой Балке доказывается и серией хронологически и типологически родственных комплексов с монетами из других северокавказских памятников, которые уже были перечислены выше. Мне представляется, что рассуждения Ч. Балинта о датирующих или недатирующих свойствах монет рассматриваемого памятника носят в значительной степени полемический характер и могут представлять интерес только при изложении принципиальных позиций общей теории археологического датирования. Они очень спорны и уязвимы, когда дело касается конкретных материалов Мокрой Балки и известных там монетных находок.

Нельзя не заметить, что совершенно не выдерживает критики и утверждение И.О. Гавритухина о том, что появление монет в погребальных комплексах Мокрой Балки отражает не их постепенное выпадение, а связано, якобы, с какой-то единовременной денежной выплатой аланам Кисловодской котловины [Гавритухин, Обломский, 1996. С.83]. Перечисленные выше комплексы с монетами и индикаторами показывают, что поведение монет в

Мокрой Балке полностью соответствует поведению монет в других северокавказских и северопрichernоморских комплексах, а следовательно, оно отражает единый для Северного Кавказа и Северного Причерноморья процесс выпадения и оседания монет в погребениях на протяжении почти 300-летнего периода функционирования могильника Мокрая Балка. То есть, сам процесс выпадения монет как в Кисловодской котловине, так и на всем Северном Кавказе происходил равномерно и на протяжении всего времени эволюции материальной культуры могильника, что доказывается представленной моделью относительной хронологии, в которой на разных временных этапах хронологически близкие комплексы содержат исключительно хронологически близкие монеты.

В. Б. Ковалевская совершенно справедливо говорит о том, что наличие монеты в комплексе лишь гарантирует от неоправданного удревления памятника, и для того чтобы датировать комплекс по монетам, мы должны иметь в виду определенный временной допуск [Ковалевская, 1984. С.166]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, хронологическая поправка к монетам теоретически должна определяться временем хождения монеты на рынке и/или временем ее использования в качестве украшения. Однако точно и доказуемо определить эти обстоятельства в каждом конкретном случае практически невозможно. Значит ли это, что археология должна исключить монеты из процесса построения абсолютной хронологии эпохи раннего средневековья?

Полагаю, что сомнение в отношении самого принципа применения монет для датировок, по существу, означает сомнение в датирующих возможностях любых категорий археологического материала. Более того, оно означает сомнение в возможности построения археологическими методами абсолютной хронологии как таковой, а значит, и сомнение в самом праве на существование этого важнейшего направления в археологии. Ведь все те вопросы, которые возникают по поводу использования для датировок монет, могут быть равным образом адресованы любому археологическому материалу без исключений. Например, мы никогда точно и доказуемо не узнаем: в каком году тот или иной поясной набор был изготовлен мастером? Как долго он находился на рынке? Является ли он оригинальным, или это – очень хорошая и точная реплика уже существующего и бытующего типа? Сколько времени он использовался владель-

цем (или несколькими владельцами)? Когда он был опущен в могилу? Был ли он похищен грабителем из могилы и вновь запущен в хождение, после чего вторично, с последним владельцем, попал в могилу и т.д. То есть, мы никогда не сможем исчерпывающе обосновать временную поправку к той или иной вещи, которая могла бы определить точный период времени, прошедший между изготовлением предмета и его последним положением в могилу. Значит ли это, что наша наука должна отказаться от попыток построения абсолютной хронологии раннесредневековых поясных гарнитур? Нет. Означают ли факты находок бронзовых наконечников стрел скифского времени в раннесредневековой катакомбе 16 Мокрой Балки, в катакомбе 6 Лермонтовского 2 могильника или в западных Кугульских склепах то, что скифологи должны отвергнуть возможность использования наконечников скифских стрел (как слишком запаздывающих) в хронологических построениях эпохи раннего железа? Нет. Таких вопросов можно поставить много, и очень много. Но совершенно бесспорным является то, что стартовые позиции для всех категорий погребального инвентаря должны быть равными в исследовательском процессе, где наши выводы – только лишь модели. Следовательно, речь может идти не о формальном отрицании использования монетных находок как таковых, а о выяснении основных закономерностей оседания монет в каждом конкретном случае, в погребальных комплексах конкретных могильников, в конкретных микрорегионах, после того как будет статистически изучен весь спектр многомерных связей в вещевых наборах. От системы аргументов, определяющих поправку к тому или иному типу монеты, и зависит степень доверия к монетам как к хронологическому маркеру. Их истинный научный вес для датировки определяет и проверяет в конце концов только статистика накопления комплексов с монетами, сопровождающими типологически и хронологически однородные или разнородные вещевые наборы.

Надо сказать, что в литературе известны случаи, когда исследователи некритично пытались применить к монетам поправки, разработанные для других территорий, для других археологических культур, для раннесредневекового населения с другими этнокультурными традициями, закономерностями торговых связей, политических и военных контактов со странами, имевшими денежное обращение. Наглядным примером такого процедур-

ного подхода является попытка А.В. Богачева [1992, 1995. С.17] использовать для хронологических изысканий в именьковской культуре условные монетные поправки, разработанные Г.Е. Афанасьевым по методу И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака и Я.А. Шера [1975] для Северного Кавказа. Не получив ожидаемого результата, автор стал критиковать сам метод. Но больше всего вызывает удивление то обстоятельство, что, критикуя данную процедуру, А.В. Богачев затем использует основу этого метода для своих расчетов поправки к датирующей монете из клада Кармалинского городища. Надо сказать, что в конце концов полученная им поправка довольно убедительна и вполне согласуется с датировкой геральдических наборов в Мокрой Балке, основанной именно на тех поправках, против которых А.В. Богачев и выступал ранее.

Новая периодизация комплексов Мокрой Балки была недавно предложена В.Б. Ковалевской. Оговорив, что, в отличие от Г.Е. Афанасьева, она разрабатывает хронологию не вещей, а комплексов, исследовательница построила матрицу, в которой по вертикали располагались номера катакомб, а по горизонтали – отдельные типы вещей, так, чтобы типологически близкие вещи формировали какие-нибудь группы катакомб. Создание этой матрицы явилось основным аналитическим инструментом В.Б. Ковалевской при разработке относительной хронологии катакомб Мокрой Балки. Этот исследовательский прием часто применялся в археологии и, естественно, имеет право на существование. Но большим его недостатком является то, что группировка объектов (в данном случае вещевых комплексов) проводится исследователем субъективно и легко может быть оспорена археологами, опирающимися на методы многомерного статистического анализа. В итоге анализа материала В.Б. Ковалевская выделяет 6 групп катакомб, соответствующих, как представляется исследовательнице, шести основным хронологическим этапам функционирования могильника [Ковалевская, 1995. С.169-172, 174]. В чем же различие между хронологиями Мокрой Балки по Г.Е. Афанасьеву и по В.Б. Ковалевской?

Первый этап В. Б. Ковалевская относит к середине VI – рубежу VI–VII вв. Вещевые комплексы состоят из предметов, которые, по хронологии Г.Е. Афанасьева, относятся ко второму этапу и датируются, в общем-то, так же (вторая половина VI – первая четверть VII в.). Эти вещи, как правило, связаны с женскими погребениями. Второй хро-

нологический этап В.Б. Ковалевская относит к VII в. Большую часть комплексов этого этапа составляют геральдические поясные наборы и фибулы с соколиными головками, то есть предметы, которые, по хронологии Г.Е. Афанасьева, относятся ко второй половине VI – первой четверти VII в. Они действительно отличаются от предыдущего комплекса (о чем будет сказано ниже), но эти различия объясняются не хронологической дистанцией, а тем, что предыдущий вещевой комплекс характеризует женские погребения, тогда как последующий – мужские. Третий этап, по В.Б. Ковалевской, – это рубеж VII–VIII вв. Здесь мы встречаем и геральдические поясные наборы, и фибулы с соколиными головками, и лирорамчатые пряжки, и серьги с пирамидальной подвеской. Представляется, что в данном случае имеет место смещение ряда элементов, характерных для двух сменяющих друг друга хронологических этапов. Это и геральдические поясные наборы и фибулы с соколиными головками, характерные для второй половины VI – первой четверти VII в., и лирорамчатые пряжки, серьги с пирамидальной подвеской и т.д., бытующие во второй четверти VII – на рубеже VII–VIII вв. Четвертый хронологический этап, по В.Б. Ковалевской, датируется VIII в. Вероятно, здесь опять имеет место объединение в одну группу комплексов, относящихся в действительности к разным отрезкам времени. Например, если серьги с пирамидальной подвеской и длинные поясные наконечники датируются второй четвертью VII – рубежом VII–VIII вв., то серьги с подвижной подвеской можно отнести уже к первой половине VIII в. Пятый этап В.Б. Ковалевская датирует рубежом VIII–IX вв. Представленные там вещевые комплексы хорошо укладываются в рамки третьего хронологического этапа, по Г.Е. Афанасьеву. Наконец, последний, шестой этап В.Б. Ковалевская датирует IX в. Здесь также просматривается попытка объединить в одну группу разновременные комплексы. К примеру, если серьги с подвеской в виде пирамидки и поясные бляшки, украшенные зернью, можно датировать второй четвертью VII – рубежом VII–VIII вв., то серьги с подвижной подвеской и амулеты с шестью лучами укладываются в рамки последнего хронологического этапа, по Г.Е. Афанасьеву, и могут датироваться первой половиной VIII в.

Рассматриваемая статья В.Б. Ковалевской, кроме уже перечисленных моментов, вызывает ряд вопросов, на которые исследовательница пока не

дает ответа. Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что из хронологических построений автора выпал целый пласт комплексов, относящихся к V в. Это – катакомбы 1-а, 3-а, 4-а и другие. Остается также неясным, каким образом появляются абсолютные даты, на чем они базируются, как относительная хронология становится абсолютной. Не находит пока ответа и вопрос о монетах в комплексах Мокрой Балки. Автор не использует их для датировки, вероятно, считая анахроническими, но данная позиция требует очень серьезной аргументации.

Над хронологией могильника Мокрая Балка недавно стал работать В.Ю. Малашев, внимание которого сосредоточено прежде всего на периодизации керамики. Предварительные результаты этой работы были опубликованы в приложении к монографии И.О. Гавритухина и А.М. Обломского [Малашев, 1996], а в более расширенном и модернизированном варианте – в совместной с И.О. Гавритухиным статье [Гавритухин, Малашев, 1998]. Базируясь на строгих и проверяемых методах статистического анализа материала, он разделил большую часть керамической коллекции на 34 типа (к сожалению, из этой работы выпали керамические материалы финального этапа Мокрой Балки, например, катакомба 5-а), взаимовстречаемость которых затем была исследована методом сериации. Опубликованная автором таблица с результатами проведенной процедуры наглядно и убедительно показывает главное направление эволюции сосудов Мокрой Балки. И в этой части работы выводы В.Ю. Малашева достаточно аргументированы. Что же касается группировки типов сосудов, и тем более их хронологической периодизации, то здесь не все однозначно.

Производя группировку выделенных типов керамики в таблице взаимовстречаемости, исследователь полагает, что, распределяя типы сосудов по трем отделам и семи группам, он тем самым выделяет три хронологических этапа, которые должны лечь в основу периодизации могильника. Найденные в комплексах поясные наборы должны, по его мнению, распределяться строго по периодам в соответствии с линией эволюции керамики. Таким образом, при разработке основы периодизации В.Ю. Малашев оперирует двумя категориями вещей (керамика и поясные наборы), из которых самостоятельный эволюционный ряд строится только для керамики, а поясные наборы привязываются к уже полученной шкале и самостоятельного

значения для формирования хронологически однородных групп не имеют. Можно ли считать такой методический прием правильным?

Прежде всего, вызывает вопрос сам способ группировки материала. В отличие от ранее осуществленного В.Ю. Малашевым процесса типологизации и сериации, группировка типов керамики производится им, по существу, на глазок. Если провести подобную группировку не способом субъективной оценки, а использовать кластерный анализ методом сводимых окрестностей, то мы действительно получаем три группы катакомб, содержащие близкие сочетания типов сосудов (рис. 10). В первую группу попадают катакомбы 121, 51, 5, 61, 4-а, 3-а, 12-к, 36, 44, 37, 4, 11-к, 42, 1-а, 46. Вторую группу составляют катакомбы 123, 107, 25, 94, 28, 22, 82, 122, 10, 77, 104, 9-к, 11, 4-к, 89, 57, 1-к, 74, 25-к, 125, 34, 2, 27. Третья группа включает катакомбы 68, 29, 1, 92, 50, 78, 73, 109, 52, 45, 9, 15, 118, 90, 33, 38, 114, 59, 121, 17, 117, 103, 113, 24, 124. Но при сопоставлении результатов кластерного анализа с результатами субъективной оценки в таблице взаимовстречаемости обнаруживается

ряд несоответствий. Так, катакомба 11-к перенесена кластерным анализом в первую группу из второй, по В.Ю. Малашеву. Катакомбы 123, 82 и 11 перенесены во вторую группу из первой, по В.Ю. Малашеву. Туда же перенесены катакомбы 22, 104, 9-к, 74, 27 из третьей группы, по В.Ю. Малашеву.

Естественно возникает вопрос: а как же ведут себя привязанные к той или иной группе керамики поясные наборы, пряжки или отдельные детали ременных гарнитур? Опубликованная В.Ю. Малашевым таблица ясно показывает, что поясные наборы, увязанные с керамикой, не демонстрируют никакого четкого эволюционного ряда. И геральдические поясные украшения, и лирорамчатые пряжки, и длинные поясные наконечники, и зернистые поясные накладки встречаются вперемешку как во второй, так и в третьей группах. Такая же мозаика в хронологии поясных наборов наблюдается и в том случае, если привязать ременную гарнитуру к группировке типов керамики, выполненной кластерным анализом. Означает ли все это, что созданная В.Ю. Малашевым типология керамики

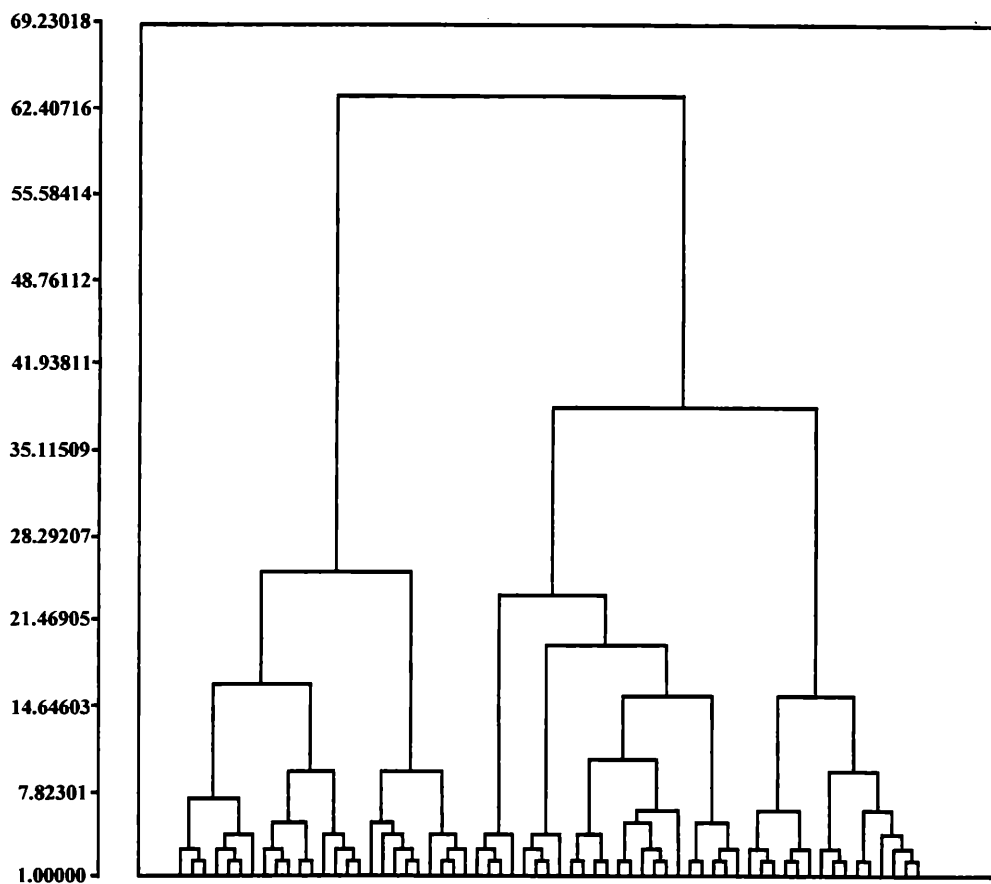

Рис. 10. Дендрограмма результатов кластерного анализа керамики Мокрой Балки

как хронологический маркер не работает, что она не может быть использована при построении периодизации комплексов Мокрой Балки? Нет. Совсем наоборот. Она может и должна быть использована при разработке хронологии, но только вместе с другими категориями погребального инвентаря, путем многомерного анализа их внутренних связей, а не методом простой привязки. Только в этом случае та чрезвычайно важная тенденция в эволюции типов сосудов, которая удачно была выявлена В.Ю. Малашевым, сможет существенно дополнить картину, полученную ранее, при статистическом анализе связей между браслетами, фибулами, ременными гарнитурами, пряжками, амулетами и т.д.

Попытаемся проиллюстрировать этот вывод практическим исследованием. Посмотрим, как будет выглядеть хронология Мокрой Балки, если объединить в одну базу данных выделенные Г.Е. Афанасьевым ранее из вещевых наборов 25 признаков – хронологические маркеры – и 34 типа сосудов по классификации В.Ю. Малашева. Иными словами, ниже нам предстоит иметь дело с ба-

зой данных, состоящей из 84 записей по 59 признакам (в базу не включены катакомбы, исследованные В.Б. Ковалевской). Эти данные были обработаны иерархическим ангулярным кластерным анализом, с нормой в виде размаха. В итоге мы получили дендрограмму, в которой можно выделить пять ветвей (групп катакомб), каждая из которых характеризуется специфическим вещевым набором (рис. 11).

Первая группа включает катакомбы 4, 36, 42, 4-а, 61, 86, 13, 37, 44, 51, 71, 98, 14, 3-а, 46, 54, 82, 121, 1-а, 41, 48, 58, 84, 123. Ее характеризуют 15 признаков со следующими средними значениями: штампованный орнамент на сосудах – 0,708, хоботовые пряжки – 0,417, пряжки с рифлеными В-образными рамками – 0,125, фибулы с пятью круглыми гнездами – 0,083, Х-образные поясные накладки – 0,042, сосуды типа 1 – 0,167, сосуды типа 2 – 0,250, сосуды типа 3 – 0,125, сосуды типа 4 – 0,375, сосуды типа 5 – 0,125, сосуды типа 6 – 0,083, сосуды типа 7 – 0,083, сосуды типа 8 – 0,125, сосуды типа 10 – 0,125, сосуды типа 11 – 0,042. Все другие признаки в описываемой группе отсутству-

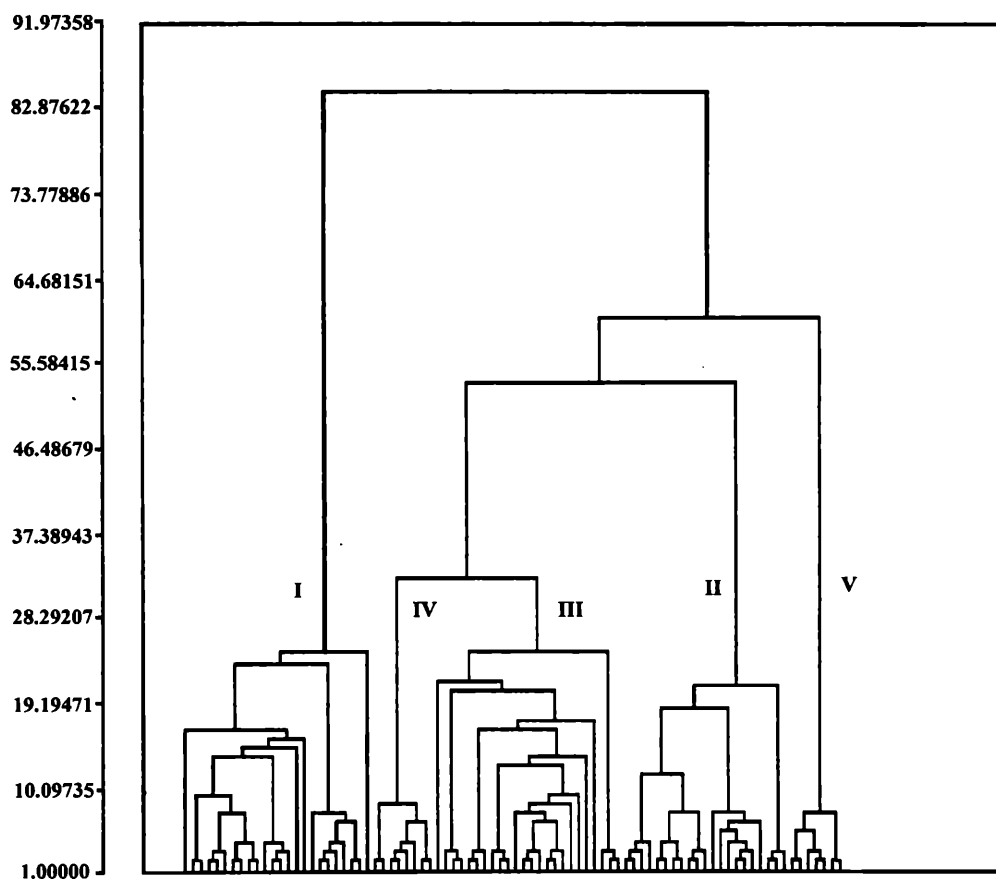

Рис. 11. Дендрограмма результатов кластерного анализа объединенной базы данных Г. Е. Афанасьева и В. Ю. Малашева

ют. Следует обратить внимание на тот факт, что наибольшее среднее значение в группе имеют штампованный орнамент на сосудах, хоботковые пряжки и сосуды типов 2–5, а наименьшее – Х-образные поясные накладки и фибулы с пятью круглыми гнездами. Любопытно, что Х-образные поясные накладки будут иметь значительно большее среднее в следующей группе, что подчеркивает хронологическую преемственность.

Вторая группа состоит из катакомб 1, 16, 29, 77, 100, 125, 2, 17, 2-а, 89, 107, 10, 22, 34, 94, 116, 11, 28, 45, 95, 122 и характеризуется 24 признаками со следующими средними значениями: фибулы с обмотанными дужками – 0,190, фибулы с соколиными головками – 0,333, плоские браслеты – 0,143, пряжки с В-образными рамками – 0,283, Х-образные поясные накладки – 0,333, геральдические поясные накладки – 0,381, Т-образные поясные накладки – 0,286, прорезные поясные наконечники – 0,333, сосуды типа 6 – 0,095, сосуды типа 9 – 0,048, сосуды типа 12 – 0,048, сосуды типа 13 – 0,095, сосуды типа 14 – 0,238, сосуды типа 15 – 0,238, сосуды типа 16 – 0,143, сосуды типа 17 – 0,238, сосуды типа 18 – 0,190, сосуды типа 20 – 0,048, сосуды типа 25 – 0,095, сосуды типа 26 – 0,048, сосуды типа 27 – 0,048, сосуды типа 28 – 0,095, сосуды типа 30 – 0,095, сосуды типа 31 – 0,048. Остальные признаки в рассматриваемой группе отсутствуют. Как видим, наибольшее значение здесь имеют различные детали поясных геральдических наборов, фибулы с соколиными головками и сосуды типов 14–17.

Третья группа представлена катакомбами 7, 21, 50, 78, 104, 115, 9, 25, 52, 90, 110, 117, 15, 33, 59, 92, 113, 118, 20, 38, 74, 103, 114, 124. Она характеризуется присутствием в большей или меньшей степени 28 признаков. Это фибулы с соколиными головками – 0,042, круглые фибулы – 0,167, серьги с пирамидальной подвеской – 0,250, лирорамчатые пряжки – 0,625, серьги с гроздевидной подвеской – 0,083, зернистые поясные накладки – 0,375, длинные поясные наконечники – 0,542, крестообразные бусы – 0,083, сферические колокольчики – 0,042, серьги с подвижной подвеской – 0,042, сосуды типа 13 – 0,042, сосуды типа 14 – 0,042, сосуды типа 16 – 0,125, сосуды типа 19 – 0,083, сосуды типа 20 – 0,042, сосуды типа 22 – 0,208, сосуды типа 23 – 0,125, сосуды типа 24 – 0,042, сосуды типа 25 – 0,250, сосуды типа 26 – 0,042, сосуды типа 27 – 0,167, сосуды типа 28 – 0,042, сосуды типа 29 – 0,583, сосуды типа 30 – 0,625, сосуды

типа 31 – 0,208, сосуды типа 32 – 0,083, сосуды типа 33 – 0,208, сосуды типа 34 – 0,042. Как видим, наиболее специфичными для этой группы предметами являются лирорамчатые пряжки, длинные поясные наконечники, зернистые поясные накладки, круглые фибулы, серьги с пирамидальной подвеской, сосуды типов 22, 29–31, 33. В то же время, редкие случаи находок фибул с соколиными головками подчеркивают преемственность со второй группой.

Четвертую группу формируют катакомбы 18, 69, 19, 93, 27, 101, 5-а, 109. Она содержит 8 признаков: круглые фибулы – 0,250, серьги с гроздевидной подвеской – 1,0, литые каплевидные пуговицы – 0,125, сосуды с приплюснутым туловом – 0,250, сосуды типа 16 – 0,125, сосуды типа 17 – 0,125, сосуды типа 24 – 0,125, сосуды типа 30 – 0,125. Круглые фибулы и серьги с гроздевидной подвеской подчеркивают преемственность третьей и четвертой групп.

Пятая группа объединяет катакомбы 47, 87, 49, 112, 70, 1-а-а, 80. Ее характеризует присутствие 6 признаков со следующими средними значениями: крестообразные бусы – 0,283, перстни со стеклянными вставками без крестовины – 0,143, сферические колокольчики – 0,283, серьги с подвижной подвеской – 0,714, литые каплевидные пуговицы – 0,429, сосуды с приплюснутым туловом – 0,286. Наличие крестообразных бус говорит о преемственности пятой и третьей групп, а литые каплевидные пуговицы и сосуды с приплюснутым туловом синхронизируют четвертую и пятую группы.

Если мы попытаемся проверить методом факторного анализа вышеизложенные результаты исследования объединенной базы данных, то получим еще более яркие и информативные результаты (табл. 6). Здесь четко выделяются четыре фактора, отражающие четыре культурно-хронологических этапа в эволюции вещевых наборов, сопровождающих погребения. **Первый** хронологический этап характеризует фактор 2. Для него характерны штампованный орнамент на сосудах, хоботковые пряжки, пряжки с рифлеными В-образными рамками, пряжки со щитками, украшенными вставками, сосуды 1–8, 10, 11 типов. **Второй** культурно-хронологический этап отражает фактор 3. Для него характерны фибулы с обмотанными дужками, фибулы с соколиными головками, плоские браслеты, пряжки с В-образными рамками, Х-образные поясные накладки, геральдические поясные накладки, Т-образные поясные накладки,

прорезные поясные наконечники, сосуды типов 12–16, 18. Третий культурно-хронологический этап представлен фактором 1. Это время распространения круглых фибул, серег с пирамидальной подвеской, лирорамчатых пряжек, зернистых поясных накладок, длинных поясных наконечников, крес-

тообразных гагатовых бус, сосудов 19–27, 29–33 типов.

Четвертый культурно-хронологический этап фиксируется фактором 4. Для него характерны серьги с гроздевидной подвеской, перстни со стеклянными вставками без крестовины, сферические

Таблица 6

Факторная матрица после вращения методом варимакс

Признаки	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
1	-0.09334	0.79760	-0.11937	0.00616
2	-0.12736	0.38544	-0.07428	0.03074
3	-0.06153	0.24725	-0.06180	0.02017
4	-0.06908	0.10029	-0.04692	0.03576
5	-0.08817	-0.02269	0.28440	-0.01178
6	-0.38094	-0.24217	-0.03976	-0.37997
7	-0.04952	0.07316	0.01783	0.03754
8	-0.26456	-0.20343	0.19775	-0.39045
9	-0.11463	-0.16711	0.67723	-0.21855
10	0.02381	-0.06509	0.64444	-0.07920
11	0.00733	-0.13860	0.75361	-0.12558
12	-0.02098	-0.09309	0.71493	0.03472
13	-0.12883	-0.16272	0.50592	-0.13878
14	0.17906	-0.26586	-0.23479	-0.14511
15	0.62371	-0.09087	-0.08337	-0.02422
16	0.48092	-0.27416	-0.27232	-0.26106
17	-0.17321	-0.21305	-0.23707	0.03969
18	0.47706	-0.11842	-0.13089	-0.14879
19	0.54332	-0.34684	-0.34057	-0.22430
20	0.40885	-0.05855	-0.06549	0.01382
21	-0.07110	-0.18303	-0.05955	0.50097
22	-0.01879	-0.27047	-0.09309	0.63579
23	-0.05945	-0.27113	-0.10736	0.69246
24	-0.14617	-0.21325	-0.10458	0.55657
25	-0.15355	-0.13953	-0.10557	0.31103
26	-0.05037	0.34323	-0.06114	0.01206
27	-0.01737	0.63266	-0.06996	-0.02688
28	0.01646	0.46448	-0.03516	-0.01613
29	-0.03535	0.73372	-0.08607	-0.03282
30	-0.04773	0.30496	-0.05906	0.00813
31	-0.15412	0.23918	0.01240	-0.10434
32	-0.04470	0.30511	-0.04833	-0.02493
33	0.01888	0.45180	-0.03195	-0.02155
34	-0.14534	-0.01316	-0.01574	-0.08197
35	-0.07974	0.27994	-0.06839	-0.00366
36	0.05593	0.42286	-0.01087	-0.03547
37	0.05414	-0.02792	0.53725	0.00995
38	0.03063	-0.05970	0.52007	0.02929

39	0.03063	-0.05970	0.52007	0.02929
40	-0.12624	-0.14005	0.37135	-0.17152
41	0.07287	-0.18297	0.33552	0.22390
42	-0.30938	-0.23200	-0.02013	-0.31550
43	-0.20358	-0.18279	0.20403	-0.38654
44	0.25411	-0.05476	0.00091	0.08746
45	0.03506	-0.08349	-0.09949	-0.12996
46	0.51472	-0.03429	0.00397	-0.04985
47	0.49403	-0.17630	-0.15288	-0.25049
47	0.33721	-0.20783	-0.12047	0.17272
49	0.00960	-0.14847	-0.18924	-0.12662
50	0.43470	-0.23872	-0.16455	-0.05985
51	0.59982	0.03883	0.20354	-0.02626
52	0.60657	-0.01904	0.09780	0.00678
53	0.08111	-0.12276	0.23246	-0.27627
54	0.55452	-0.32319	-0.33082	-0.18893
55	0.47653	-0.37553	-0.26538	-0.41128
56	0.03786	-0.28452	-0.13548	-0.45684
57	0.59669	0.02484	0.04082	-0.01900
58	0.18404	-0.18707	-0.26151	-0.18308
59	-0.07879	-0.13950	-0.15465	-0.23532

1 – сосуды со штампованным орнаментом; 2 – хоботковые пряжки; 3 – пряжки с рифлеными В-образными рамками; 4 – пряжки со щитками, украшенными вставками; 5 – фибулы с обмотанными дужками; 6 – фибулы с соколиными головками; 7 – фибулы с пятью круглыми гнездами; 8 – плоские браслеты; 9 – пряжки с В-образными рамками; 10 – Х-образные поясные накладки; 11 – геральдические поясные накладки; 12 – Т-образные поясные накладки; 13 – прорезные поясные наконечники; 14 – круглые фибулы; 15 – серьги с пирамидальной подвеской; 16 – лирорамчатые пряжки; 17 – серьги с гроздевидной подвеской; 18 – зернистые поясные накладки; 19 – длинные поясные наконечники; 20 – крестообразные бусы; 21 – перстни со стеклянными вставками без крестовины; 22 – сферические колокольчики; 23 – серьги с подвижной подвеской; 24 – литые каплевидные пуговицы; 25 – сосуды с приплюснутым туловом; 26-59 – сосуды типов 1-34, по В.Ю. Малашеву.

колокольчики, серьги с подвижной подвеской, литые каплевидные пуговицы, сосуды с приплюснутым туловом.

Проведенное исследование объединенной выборки признаков (по Г.Е. Афанасьеву и В.Ю. Малашеву) и полученная в итоге группировка катакомб и признаков, за которыми скрывается хронологический фактор, наглядно показывают, что результаты кластерных и факторных анализов входят в противоречие с результатами периодизации поясных наборов, проведенной И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым путем простой привязки ременных гарнитур к эволюционному ряду керамики. В нашем случае мы получаем не только четкий эволюционный ряд керамики, но и четкие эволюционные ряды поясных гарнитур, серег, фибул и

ряда других предметов, которые учитывают все многообразие внутренних связей и контролируют поведение друг друга в комплексах, количественно определяя степень анахронизма того или иного типа в том или ином факторе/группе.

Как же соотносится эта группировка катакомб Мокрой Балки, основанная на базе из 59 признаков, с той, которая была проделана ранее Г.Е. Афанасьевым на основе базы данных из 25 признаков – хронологических маркеров? Сопоставление результатов кластерного анализа, полученных в первом и во втором случае, показывает, что на содержательном уровне между ними нет никаких принципиальных различий. Первый хронологический этап охватывает катакомбы первой группы со всеми присущими им специфическими признаками.

Второй хронологический этап включает катакомбы второй группы со всеми характерными признаками. Третий хронологический этап соответствует специфическим признакам катакомб третьей группы. И, наконец, четвертый хронологический этап объединяет катакомбы четвертой и пятой групп. Разница между ними состоит лишь в том, что катакомбы четвертой группы имеют большую, чем катакомбы пятой группы, преемственную связь с катакомбами третьей группы. Это объясняется или недостаточностью материала, или микрохронологическими различиями между катакомбами четвертой и пятой групп. Что же касается результатов факторного анализа, то он полностью подтверждает существование четырех мощных групп вещевых комплексов, отражающих четыре хронологических этапа функционирования могильника Мокрая Балка, на протяжении которых происходили наиболее яркие изменения основных черт материальной культуры населения Центрального Предкавказья, дошедших до нас в виде погребального инвентаря.

Итак, основной вывод, который можно сделать из анализа объединенной базы данных, состоит в том, что предложенная В.Ю. Малашевым классификация керамики Мокрой Балки хорошо укладывается в предложенную ранее Г.Е. Афанасьевым периодизацию, и даже в какой-то степени делает ее более универсальной. Следует отметить, что несколько позже, при использовании более значимой керамической выборки в совместной работе И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева над хроноло-

гией раннесредневековых древностей Кисловодской котловины, во взглядах этих исследователей произошли важные и принципиальные изменения, с которыми нельзя не согласиться [Гавритухин, Малашев, 1998. С.28-85]. Главным образом это касается той части выводов, которая связана, во-первых, с относительной хронологией комплексов, а во-вторых – с поиском абсолютных дат для определения нижнего и верхнего хронологических рубежей функционирования могильника Мокрая Балка и других синхронных этому памятнику катакомбных могильников Кисловодской котловины. Вывод авторов о том, что верхняя граница рассмотренных ими материалов характеризует предсалтовский этап, служит еще одним доказательством того, что именно аланская культура Северного Кавказа, представленная памятниками конца VII – первой половины VIII в., явилась основой для формирования салтовской культуры в бассейне Среднего Дона.

Краткий обзор основных итогов и дискуссионных вопросов, которые были поставлены в литературе в связи с открытием и частичным вводом в научный оборот материалов могильника Мокрая Балка, показывает, что научное значение этого памятника выходит далеко за рамки собственно Центрального Предкавказья. Комплексы Мокрой Балки занимают особо важное место не только в деле построения абсолютной хронологии раннесредневековых северокавказских древностей. Можно без преувеличения сказать, что Мокрая Балка – это эталонный памятник для синхронизации раннесредневековой хронологии всей Юго-Восточной Европы.

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1967 ГОДА

Катакомба 1

Дромос и плиту, закрывавшую входное отверстие, снял бульдозер, прокладывая дорогу. Камера в плане имела вид овала, ориентированного длинной осью с юго-запада на северо-восток. Длина камеры 2,80 м, ширина 1,20 м, высота 1,52 м. Расстояние от входного отверстия (размерами 0,73×0,55 м) до пола усыпальницы – 0,62 м. Потолок полусферический. Камеру до самого входного отверстия заполнял грунт. В усыпальнице находились 2 костяка. Они лежали на спине, с вытянутыми конечностями, без подстилки, головами на юго-запад (рис. 12-1).

Ближе к входу находился мужской скелет. Около его правого плеча стояли 4 сосуда. Один – довольно крупный кувшин с носиком-сливом и одной ручкой, по тулову украшенный коническими бугорками (рис. 12-2), на дне клеймо. Рядом с ним был маленький кувшинчик с носиком-сливом, одной ручкой и клеймом на дне (рис. 12-3). Два других сосуда – типа кружек (рис. 12-4, 5). Все сосуды черного цвета, лощеные. Около сосудов лежали остатки еды – кости барана или козы. Здесь же обнаружен след от кожаного колчана, в котором находилось 8 стрел с трехгранными черенковыми железными наконечниками (рис. 13-16). К сожалению, длину древков определить не удалось. На колчане лежали серебряные и бронзовые украшения-накладки в следующем порядке: четыре (рис. 13-1), одно (рис. 13-2), два (рис. 13-6), одно (рис. 13-7), а также четыре наконечника ремней (рис. 13-8), которые были прикреплены к коже и, видимо, украшали ремень, на котором носили колчан. Тут же лежала бронзовая пряжка (рис. 13-11). Восточнее, между колчаном и поясницей погребен-

ного, найдены 3 довольно крупные железные пряжки (рис. 13-13, 14, 15).

Второй скелет, очевидно, был женский и лежал в том же положении, что и первый. Череп не сохранился. На грудной клетке находились бусы: 2 очень крупные янтарные (рис. 14-28), одна крупная янтарная (рис. 14-29) и 6 мелких из того же материала (рис. 14-11, 13, 17, 21, 24), одна из халцедона (рис. 14-19), одна из горного хрусталя (рис. 14-26), 15 шаровидных сердоликовых (рис. 14-14), 76 мелких пастовых (рис. 14-12) и еще 3 пастовые (рис. 14-15, 20, 23). В том месте, где находился череп, найдены 2 бронзовые серьги в виде калачика (рис. 13-17). У запястья правой руки найдены 2 плоских бронзовых браслета с застежками (рис. 14-1), а около кисти левой руки – каменный (агатный) перстень (рис. 12-6). В области поясницы лежала серебряная сасанидская монета Кавада I (499 г.). У ног обнаружена нитка бус: 9 различных пастовых (рис. 14-3, 8, 16, 18, 22), 2 из альмандина (рис. 14-4) и 8 стеклянных (рис. 14-2, 6, 7, 10). Здесь же лежали бронзовые украшения-накладки (рис. 13-5, 9, 10) и бронзовая подвеска (рис. 13-4), серебряная пряжка (рис. 13-12), бронзовая подвеска со вставками из красного стекла (рис. 13-3), 8 полусферических бляшек из листовой бронзы (рис. 13-18, 19) и кусок смоловидного вещества (рис. 12-7).

Катакомба 2

Овальную камеру размерами 2,05×1,14 м полностью заполнял грунт. Вход закрывала плита размерами 0,60×0,70 м. Полукруглое входное отверстие, сечением 0,40×0,52 м, находилось на 0,75 м

выше пола. Высота камеры 1,27 м. Потолок полусферический. Грунт в камере перекопан грызунами, вследствие чего плохо сохранившиеся кости смещены и большая часть их совершенно разрушена. Только по отдельным костям выяснено, что в камере находились 2 погребенных, которые лежали головами на запад (рис. 15-1).

Из инвентаря на прежнем месте, очевидно, остались только сосуды, стоявшие у юго-западной стенки камеры. Оба сосуда – типа кружек, лощеные (рис. 15-2, 3). В различных местах усыпальницы и в норах грызунов найдены следующие предметы: железный нож (рис. 15-19), бронзовая ложечка-цедилка с петелькой для подвешивания (рис. 15-14), бронзовое колечко (рис. 15-4), 2 бронзовые серьги в виде калачика (рис. 15-5), украшение-накладка, которое прикреплялось к ремню (рис. 15-10), сломанная брошка в виде птицы-«попугайчика» (рис. 15-6) и бусы: 3 янтарные (рис. 15-7, 8), 2 очень крупные из пасты (рис. 15-9, 13), 3 пастовые меньшего размера (рис. 15-11, 12, 15), 45 мелких пастовых (рис. 15-17), 5 желтых из пасты (рис. 15-18) и 99 стеклянных (рис. 15-16). Углей или других следов подстилки не отмечено.

Катакомба 3

Камера оказалась очень маленькой и представляла собой овал размерами 1,12×0,60 м. Лаз в катакомбу, размерами 0,40×0,50 м, находился на 0,60 м выше пола. Высота камеры 1,12 м. Вход закрывала плита. Потолок полусферический. На полу камеры, без следов подстилки, находился очень плохо сохранившийся скелет ребенка (видимо, девочки). Он лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад (рис. 16-1). Около черепа стоял сосуд типа кружечки (рис. 16-2). На правой руке, в районе запястья, – проволоочный бронзовый браслет (рис. 16-3). Других предметов в камере не оказалось.

Катакомба 4

Камера овальная, размерами 1,90×0,96 м. Входное отверстие довольно сильно смещено на северо-восток. Пол на 0,45 м ниже входного отверстия. Около северо-западной стенки, без подстилки, головой на юго-запад, лежал мужской костяк с вытянутыми конечностями (рис. 16-4). На скелете –

никаких предметов. У южной стенки стояли 2 сосуда типа кружек (рис. 16-6, 7). Около сосудов найден железный нож (рис. 16-9). Кости второго скелета сильно смещены, его пол определить не удалось. При этом костяке найдены янтарные бусины – одна крупная (рис. 16-5) и одна меньшего размера (рис. 16-8).

Катакомба 5

Камеру заполнял грунт. Она имела овальную форму и размеры 1,64×1,02 м. Лаз в усыпальницу на 0,66 м выше пола. Потолок полусферический. Высота камеры 1,17 м. Весь грунт в камере перекопан грызунами, которые почти полностью разрушили кости. По этой причине положение погребенных выяснить не удалось. Только судя по черепам, можно определить, что в камере находилось трое погребенных, лежавших без угольной подстилки (рис. 17-1). У южной и западной стенок камеры стояли 3 сосуда-кружки (рис. 17-2, 3, 4). Четвертый, совершенно разрушенный, восстановить было невозможно. В грунте, заполнявшем камеру, на разной глубине найдены следующие предметы: 2 полусферические бронзовые бляхи (рис. 17-13), которые, видимо, составляли коробочку или амулет, остатки какого-то железного предмета, пластинка из перламутра (рис. 17-14), 2 маленьких колечка – из бронзы (рис. 17-16) и из железа (рис. 17-15), а также бусы: пастовые – 4 крупные (рис. 17-5, 6, 7, 9), 2 бочковидные (рис. 17-12), 2 шаровидные (рис. 17-11); 2 стеклянные в виде геммы, но без рисунка (рис. 17-8), и одна пастовая (рис. 17-10).

Катакомба 6

Камера овальная, размерами 1,86×1,26 м. Потолок полусферический. Вход, размерами 0,64×0,50 м, на 0,80 м выше пола. В центральной части камеры без подстилки, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад, лежал мужской костяк (рис. 18-1). Около правого плеча стояли два сосуда, совершенно раздавленные при обрушении склепа; восстановить их не удалось. Предметов при этом костяке не оказалось.

У западной стенки лежал скелет ребенка лет 10 (судя по инвентарю, видимо, девочка). У височных костей – 2 бронзовые серьги в виде калачика

(рис. 18-3). Под нижней челюстью найдены 3 цилиндрические бусины (рис. 18-6), а на середине грудной клетки – бронзовая подвеска-амулет (рис. 18-4) и очень маленькое зеркало из белого металла (рис. 18-5). На обеих руках, у запястий, по одному проволочному бронзовому браслету (рис. 18-2). Перед грудной клеткой лежала медная индикация очень плохой сохранности; определить, с какой она сделана монеты, не удалось.

Катакомба 7

В овальной камере, размерами 1,80×1,18 м, находился один мужской скелет, который лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (рис. 19-1). У западной стенки камеры стоял маленький сосуд-кружечка с одной ручкой и наклонными вдавленными линиями (рис. 19-2). В районе поясицы погребенного найдены следующие предметы: 2 полусферические бронзовые бляшки (рис. 19-8), железная пряжка (рис. 19-7), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 19-6), плохо сохранившийся железный нож (рис. 19-9) и 4 украшения из листовой бронзы – две накладки (рис. 19-3), одна накладка (рис. 19-4) и один наконечник ремня (рис. 19-5).

Катакомба 8

Камера обнаружена на дне промоины. Форма ее овальная, размеры 1,86×1,18 м. Ориентирована длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад (рис. 19-10). После зачистки выяснилось, что от погребенного остались часть черепной крышки, левая бедренная кость и малая берцовая кость правой ноги. Инвентарь не сохранился.

Катакомба 9

Камера овальная, размерами 2,16×1,63 м, заполнена грунтом. Под самым потолком камеры мы неожиданно обнаружили обломки человеческих костей и фаланги. Как потом выяснилось, это «работа» грызунов, перекопавших грунт в катакомбе. Ширина входного отверстия – 0,68 м, высота –

0,48 м. Расстояние от пола до входного отверстия – 1,12 м, а общая высота камеры – 1,60 м. В южной стенке усыпальницы была небольшая ниша глубиной 0,19 м, шириной 0,37 м и высотой 0,23 м, которая находилась на высоте 0,75 м от пола камеры (рис. 20-1). Никаких предметов в нише не оказалось.

Под самой нишей на боку лежал крупный кувшин с носиком-сливом, одной ручкой и клеймом на дне (рис. 20-2). Два других сосуда – кружки (рис. 20-3, 4) – находились у западной стенки. На дне одного из сосудов клеймо (рис. 20-4). Костяки почти не сохранились, и только по отдельным костям выяснили, что в камере находились 2 погребенных, которые лежали головами на запад (рис. 20-1). В средней части камеры, у ее северной и южной стенок, найдены 2 железных ножа (рис. 20-10, 11). В этом же районе камеры обнаружены 3 овальнорамчатые железные пряжки (рис. 20-5), у северной стенки камеры, где лежал костяк 2, мы нашли 2 янтарные бусины (рис. 20-6), 2 бронзовые бляшки (рис. 20-7, 8) и обломок бронзового украшения – наконечника ремня (рис. 20-9).

Катакомба 10

Камера найдена в среднем склоне по дромосу и камням, подпирившим входную плиту. Катакомбу заполнял грунт, ее дно находилось на глубине 2,36 м ниже поверхности склона. Камера овальная, размерами 1,72×1,02 м, пол на 0,38 м ниже входного отверстия сечением 0,56×0,52 м. На полу камеры без следов подстилки на правом боку лежал женский скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 21-1). Перед головой стояли два сосуда. Один – крупный кувшин с одной ручкой (рис. 21-4). Второй – типа кружки с коническими бугорками (рис. 21-3). Около этих сосудов найден след от железного ножа. Третий сосуд – кружка (рис. 21-2) – находился у ног погребенной. У запястий на обеих руках найдено по одному плоскому бронзовому браслету – на левой орнаментированный (рис. 21-6), на правой без орнамента. Между сосудами и черепом лежало бронзовое колечко, на котором были ногтечистка и копоушка (рис. 21-5). В районе грудной клетки находилась брошка из низкопробного серебра с двумя птичьими головками и петелькой (рис. 21-7). Около брошки обнаружены бронзовые предметы со вставками из

пасты: 2 в виде прямоугольников (рис. 22-25), один овальный (рис. 22-27) и один круглый (рис. 22-26). Здесь же лежали бусы: янтарные – одна очень крупная (рис. 22-1), 3 крупные (рис. 22-19), 6 среднего размера (рис. 22-5) и 27 мелких (рис. 22-10); сердоликовые – одна с фасками (рис. 22-11) и 20 шаровидных (рис. 22-4). Особенно много было бус из пасты: 2 желтые (рис. 22-13), 4 голубые (рис. 22-14), 18 коричневых (рис. 22-15), 20 синих (рис. 22-17), 2 крупные мозаичные (рис. 22-20, 21), одна с золотистыми глазками (рис. 22-2), 2 яйцевидные (рис. 22-9, 12), одна черная с желтоватыми глазками (рис. 22-7) и 70 черных (рис. 22-6, 18). Кроме пастовых, здесь были и стеклянные бусы: 4 в виде цепочки (рис. 22-8), одна спаренная (рис. 22-16) и 2 шаровидные (рис. 22-3). В районе поясницы найдены 2 маленькие бронзовые пряжки (рис. 22-22) и 8 бляшек разного размера из листовой бронзы (рис. 22-23, 24).

Катакомба 11

Камера овальная, размерами 1,80×1,20 м, ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. Лаз закрывала плита. Размеры лаза 0,59×0,41 м. Он был на 0,71 м выше пола. Потолок полусферический. Высота заполненной грунтом камеры 1,12 м. На полу без следов подстилки лежали 2 костяка, ориентированные головами на юго-запад (рис. 23-1). Оба черепа деформированные.

Под входным отверстием находился скелет молодой женщины, который лежал на правом боку лицом ко входу. Верхние конечности согнуты в суставах, фаланги пальцев были перед лицом погребенной. Около темени найдены 2 сосуда типа кружек (рис. 23-2, 3) и остатки еды – кости козы или барана. У самого темени лежали 2 бусины – одна пастовая (рис. 23-5) и одна из раковины «каури» (рис. 23-8). Между кистью руки и юго-восточной стенкой найден кусок смоловидного вещества (рис. 23-12). На грудной клетке – след от кожаной сумочки. В ней находились раковина виноградной улитки, брошка в виде «попугая» из низкопробного серебра, на лицевой стороне которой были 2 цилиндрика со вставками из желтоватого стекла (рис. 23-13). Здесь же находилась бронзовая ложечка-цедилка (рис. 23-11).

Около задней стенки камеры на спине, с вытянутыми конечностями, лежал мужской костяк.

Под правой рукой найдена бронзовая фибула (рис. 23-7), а около голени – бронзовая пластинка (рис. 23-4), которая, видимо, украшала обувь. Кроме того, в ходах грызунов, которые перекопали грунт в камере, мы нашли железную пряжку с бронзовым язычком (рис. 23-10) и туалетную коробочку или погремушку, сделанную из низкопробного серебра и состоящую из двух полусферических половинок. В одной такой «полусфере» сохранилась часть трубочки из того же металла (рис. 23-9). В норах грызунов найдены также обломки костей и фаланги.

Катакомба 12

Овальную камеру размерами 1,90×1,30 м заполнял грунт. Ширина лаза 0,64 м. Его высоту из-за обвала определить не удалось. Вход закрывала плита. На полу камеры без следов подстилки находились два костяка довольно плохой сохранности, ориентированные головами на северо-восток (рис. 24-1). Первый скелет (видимо, женщины) лежал у входного отверстия на правом боку, со слегка подогнутыми ногами. Правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локтевом суставе и протянута вперед. У локтевого сустава левой руки найдено зеркало из белого металла, с ручкой и коническим бугорком на тыльной стороне (рис. 24-7). Около затылка стоял грушевидный сосуд – кружка с зооморфной ручкой, без орнамента (рис. 24-4). В районе поясницы найдены плохо сохранившаяся железная пряжка (рис. 24-5) и железный нож (рис. 24-12). На грудной клетке обнаружены 25 бляшек из золотой фольги с двумя отверстиями (рис. 24-11), которые, видимо, были пришиты к одежде. Здесь же лежали 32 маленькие трубочки из того же металла (рис. 24-10).

Второй скелет лежал на спине, с вытянутыми конечностями. Около головы стояли 2 сосуда. Один – горшочек без орнамента (рис. 24-3), второй – в виде маленькой вазочки (рис. 24-2). У шейных позвонков найдены 2 интересные пастовые бусины. Одна походит на шахматную ладью (рис. 24-9), а вторая – с рисунком, который сделан ярко-синей глазурью (рис. 24-8). В районе поясницы была того же типа, что у первого костяка, железная пряжка (рис. 24-5), а у правой руки находился железный нож (как на рис. 24-12). Около стопы лежали остатки железного кольца (рис. 24-6).

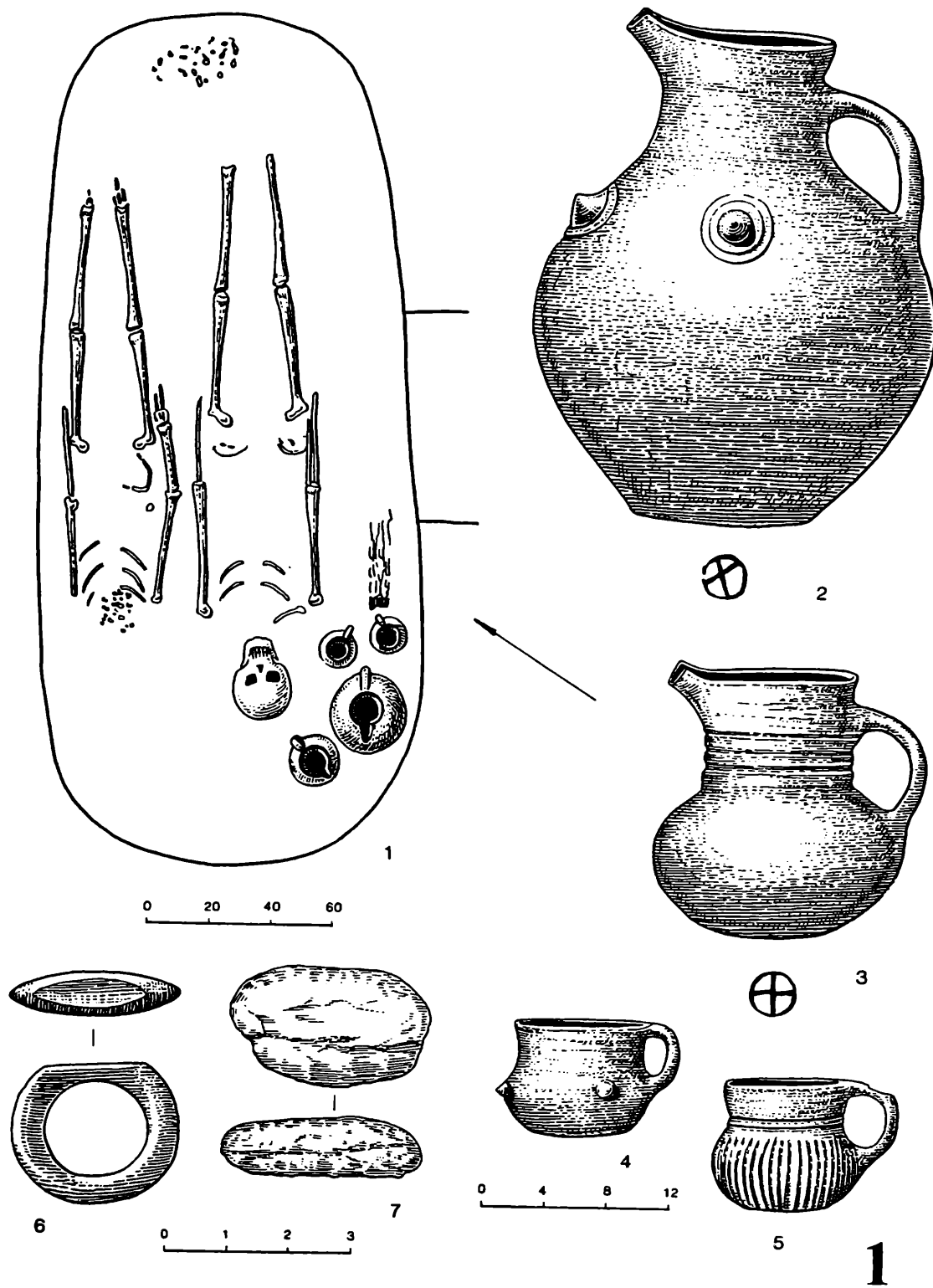

Рис. 12. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 1

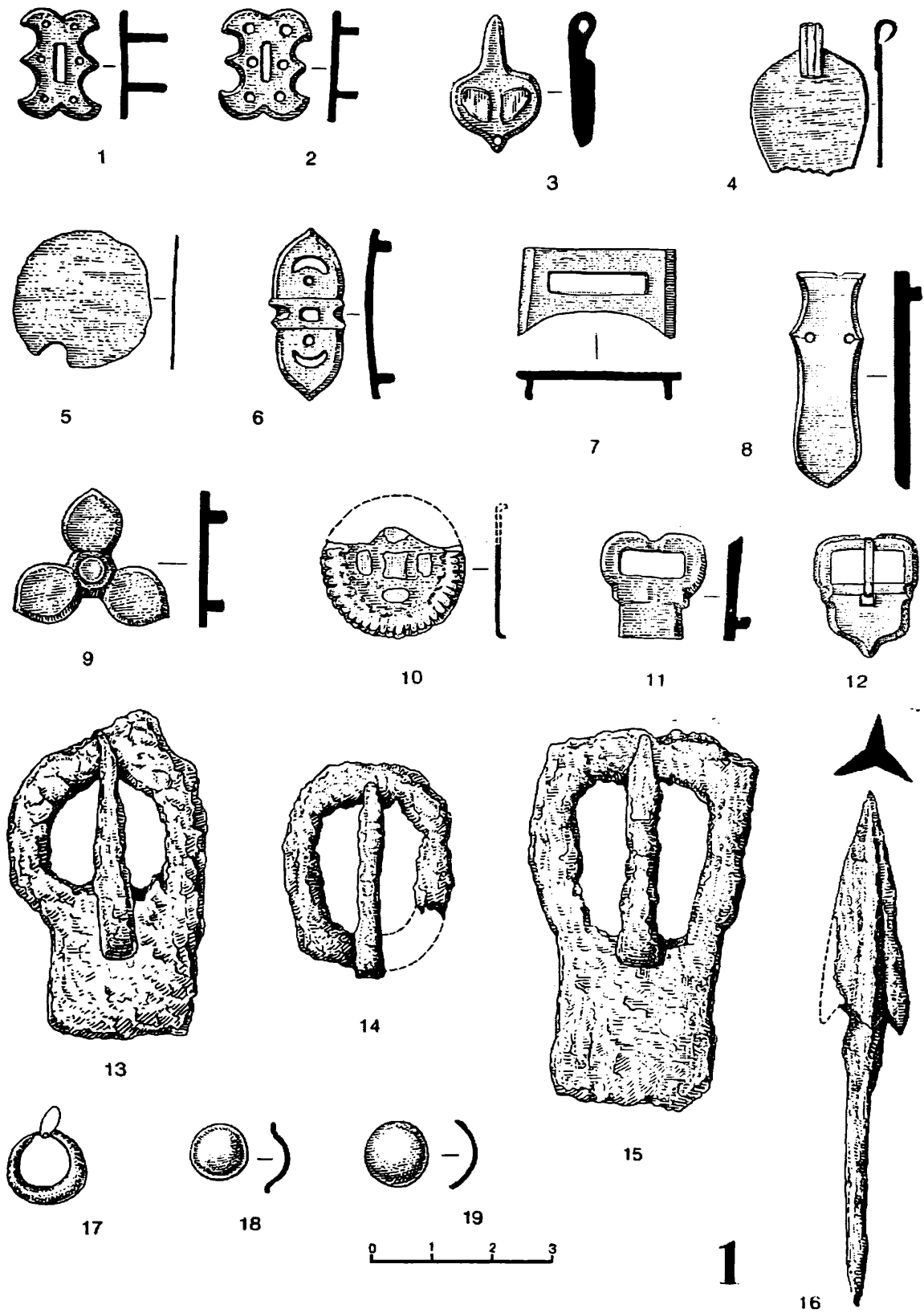

Рис. 13. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 1

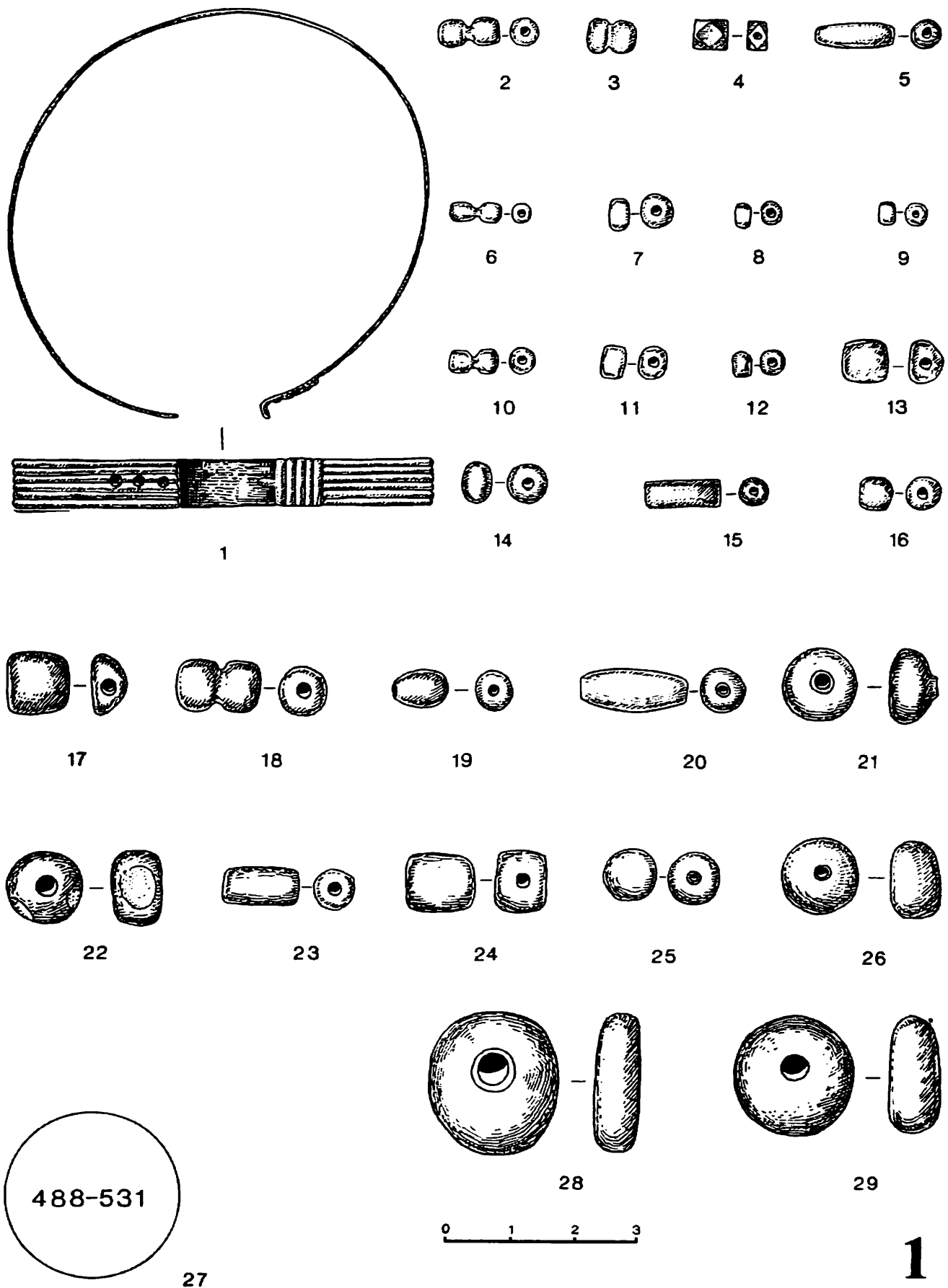

Рис. 14. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 1

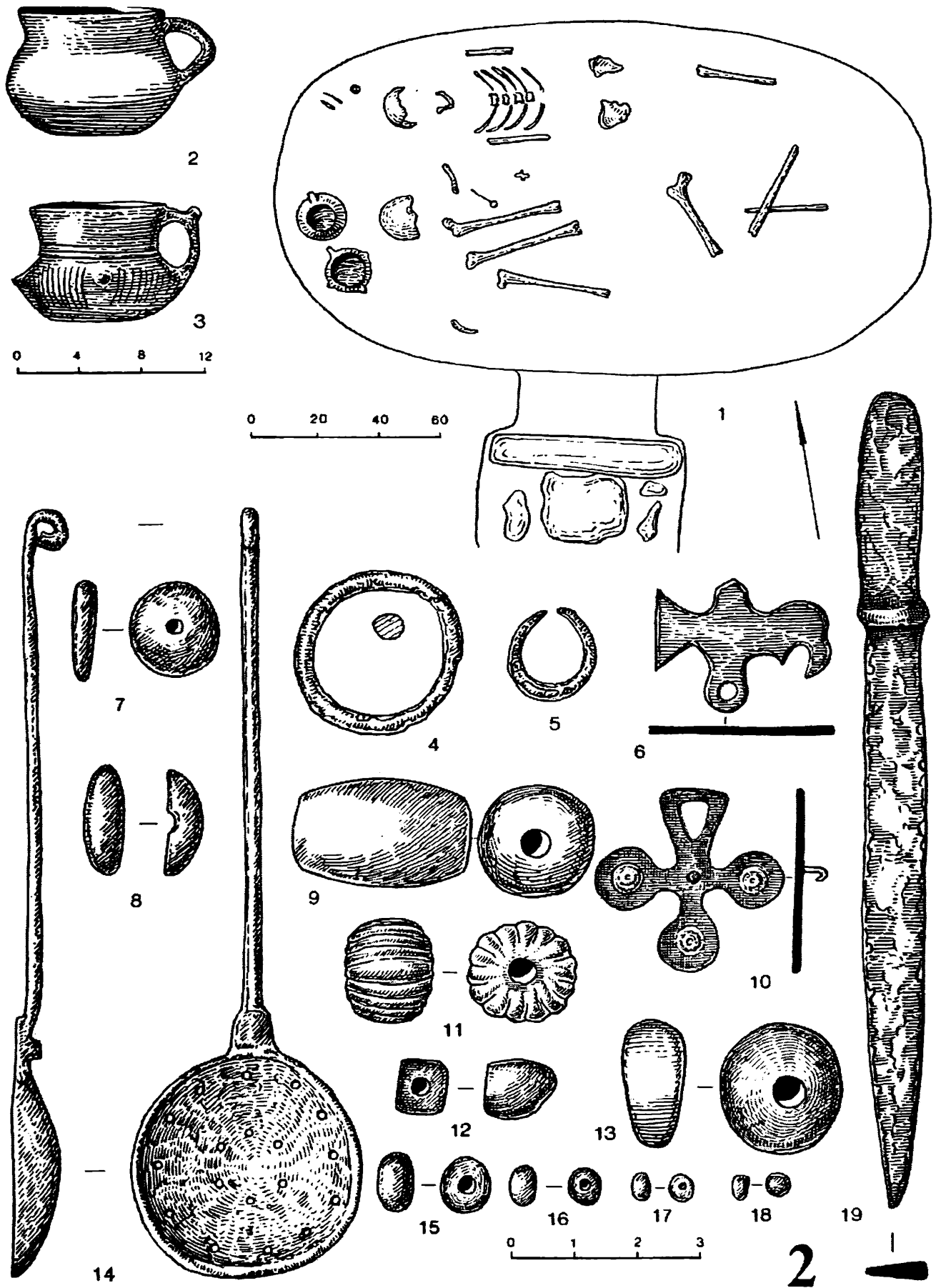

Рис. 15. Комплекс катакомбы 2

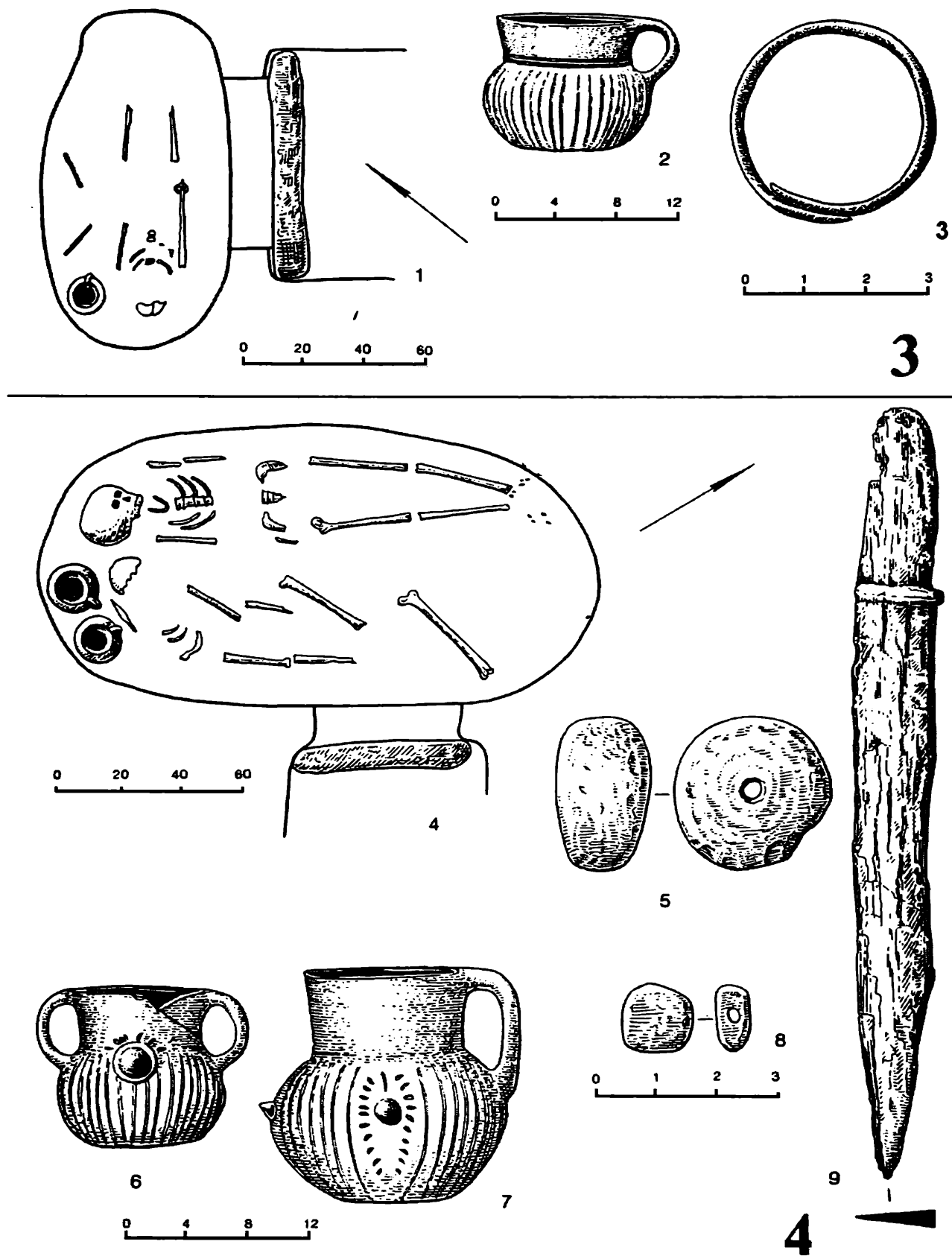
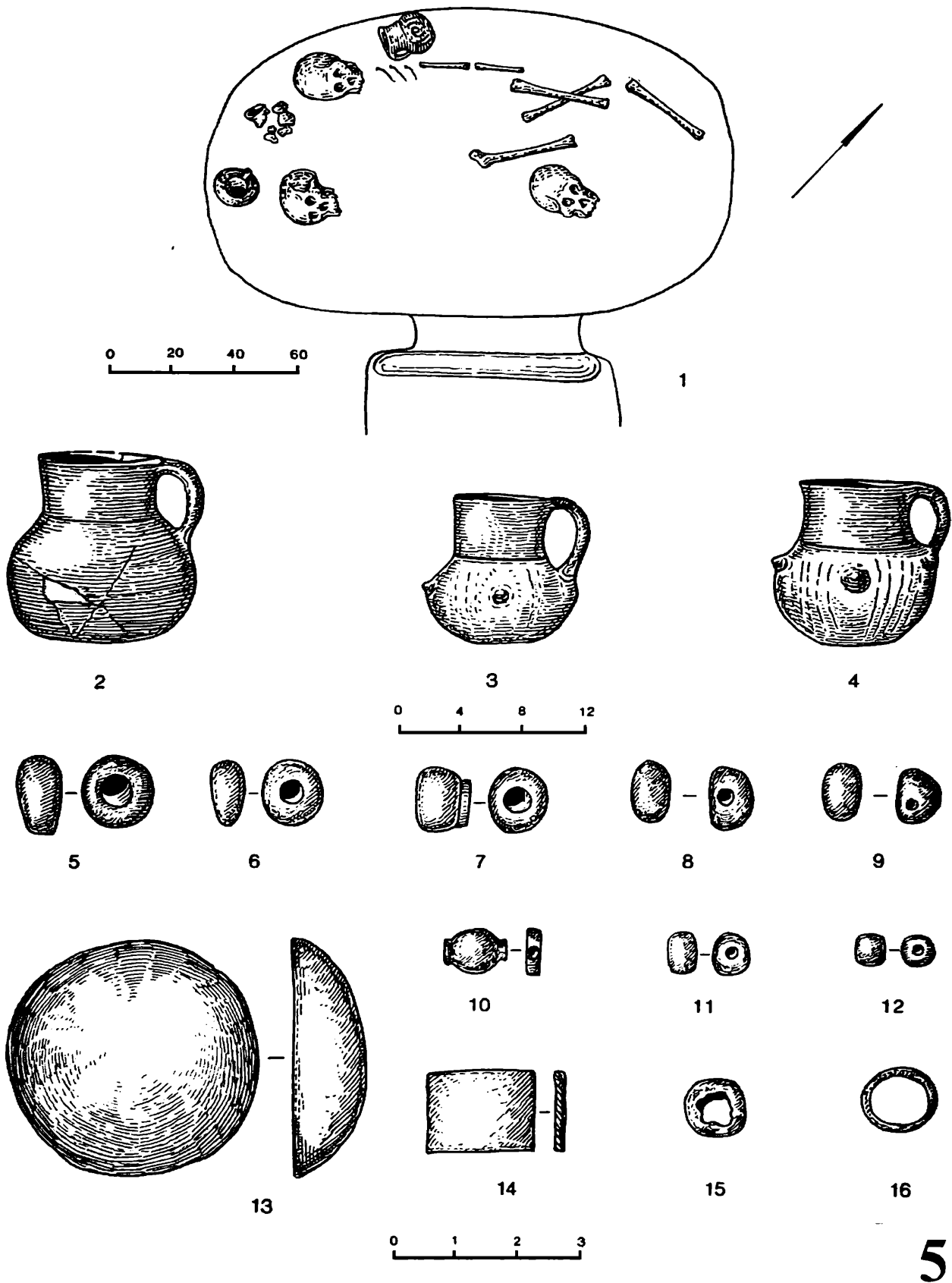

Рис. 16. Комплексы катакомб 3 и 4

5

Рис. 17. Комплекс катакомбы 5

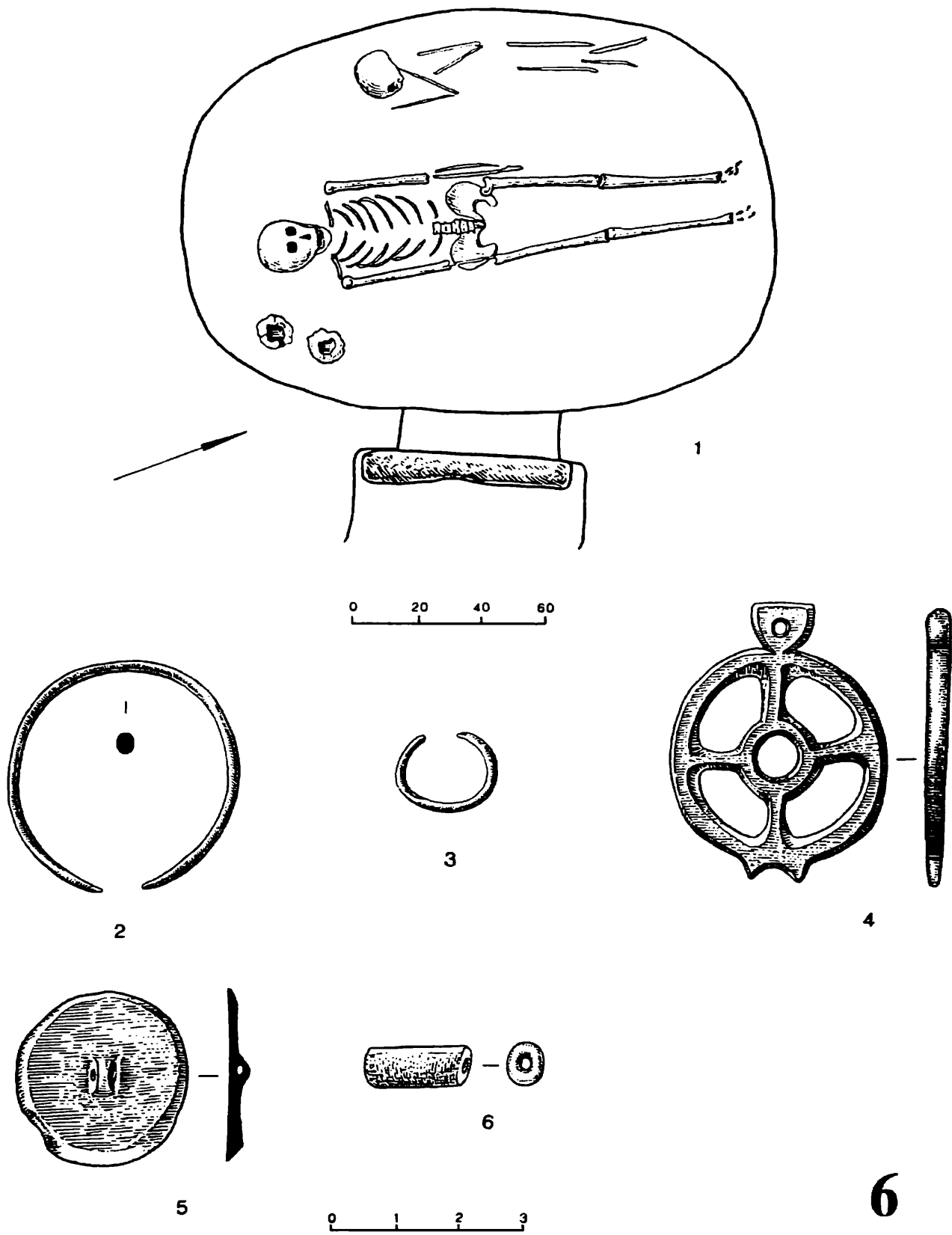

Рис. 18. Комплекс катакомбы 6

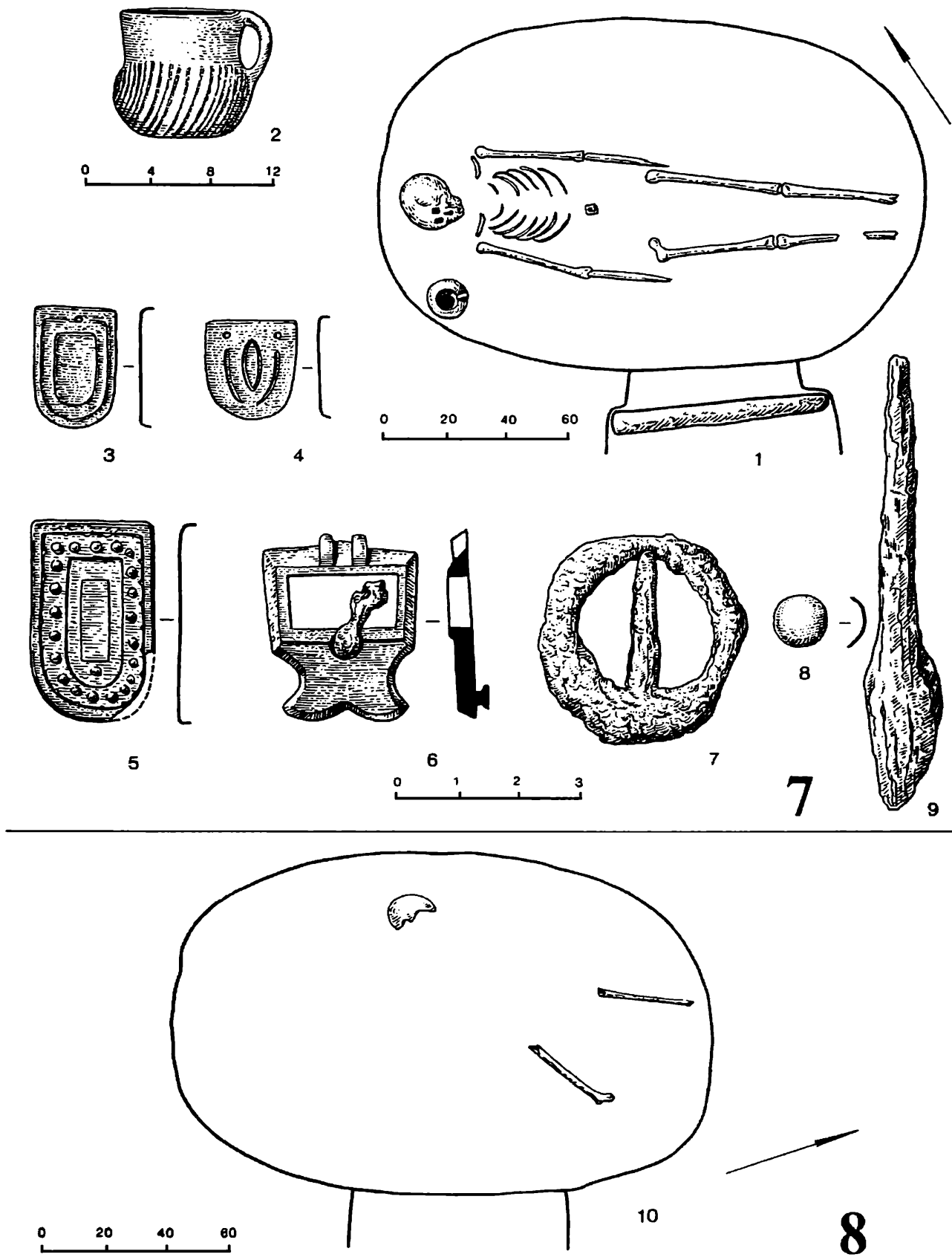

Рис. 19. Комплексы катакомбы 7 (первая половина VIII в.) и катакомбы 8

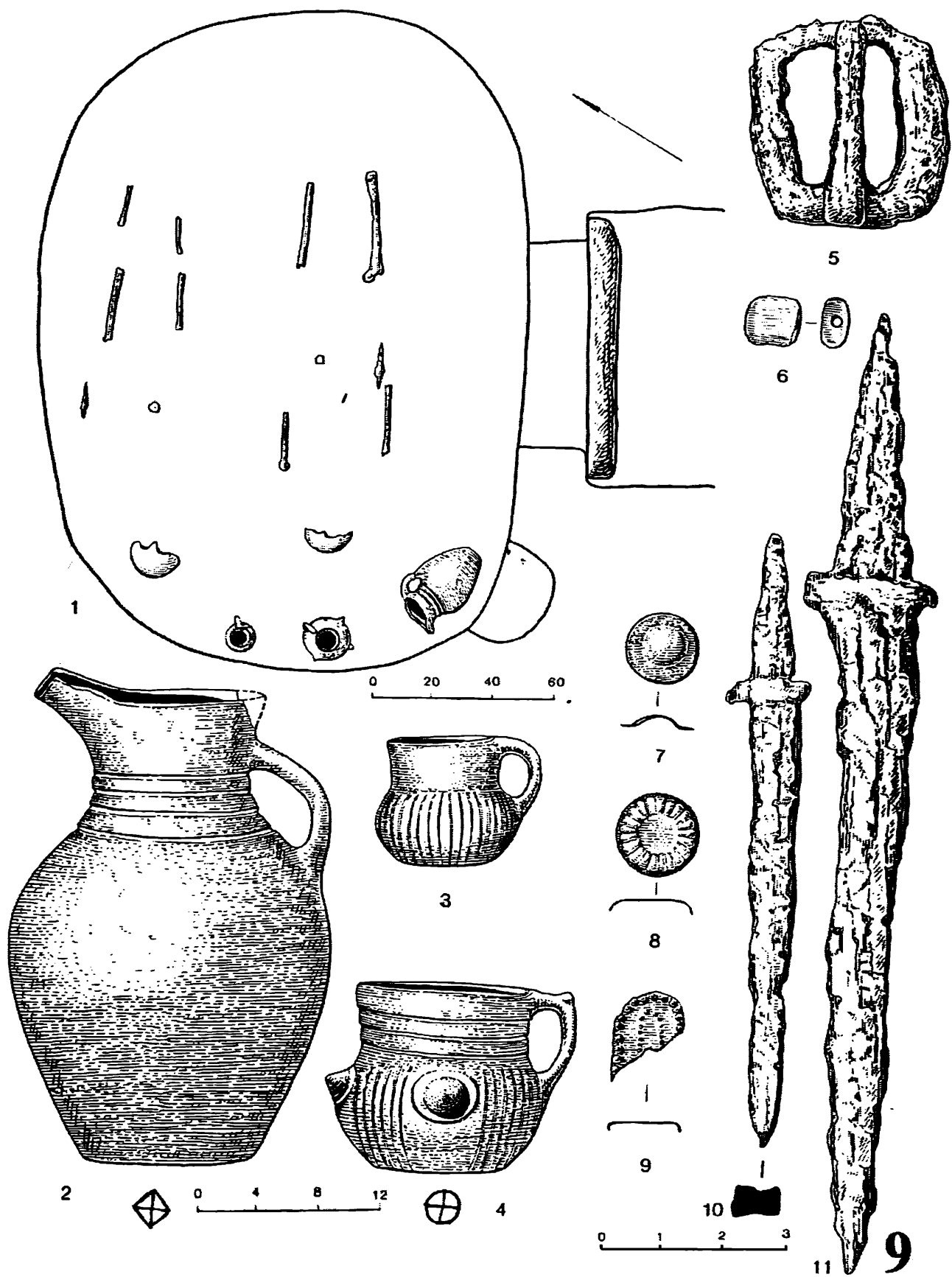

Рис. 20. Комплекс катакомбы 9

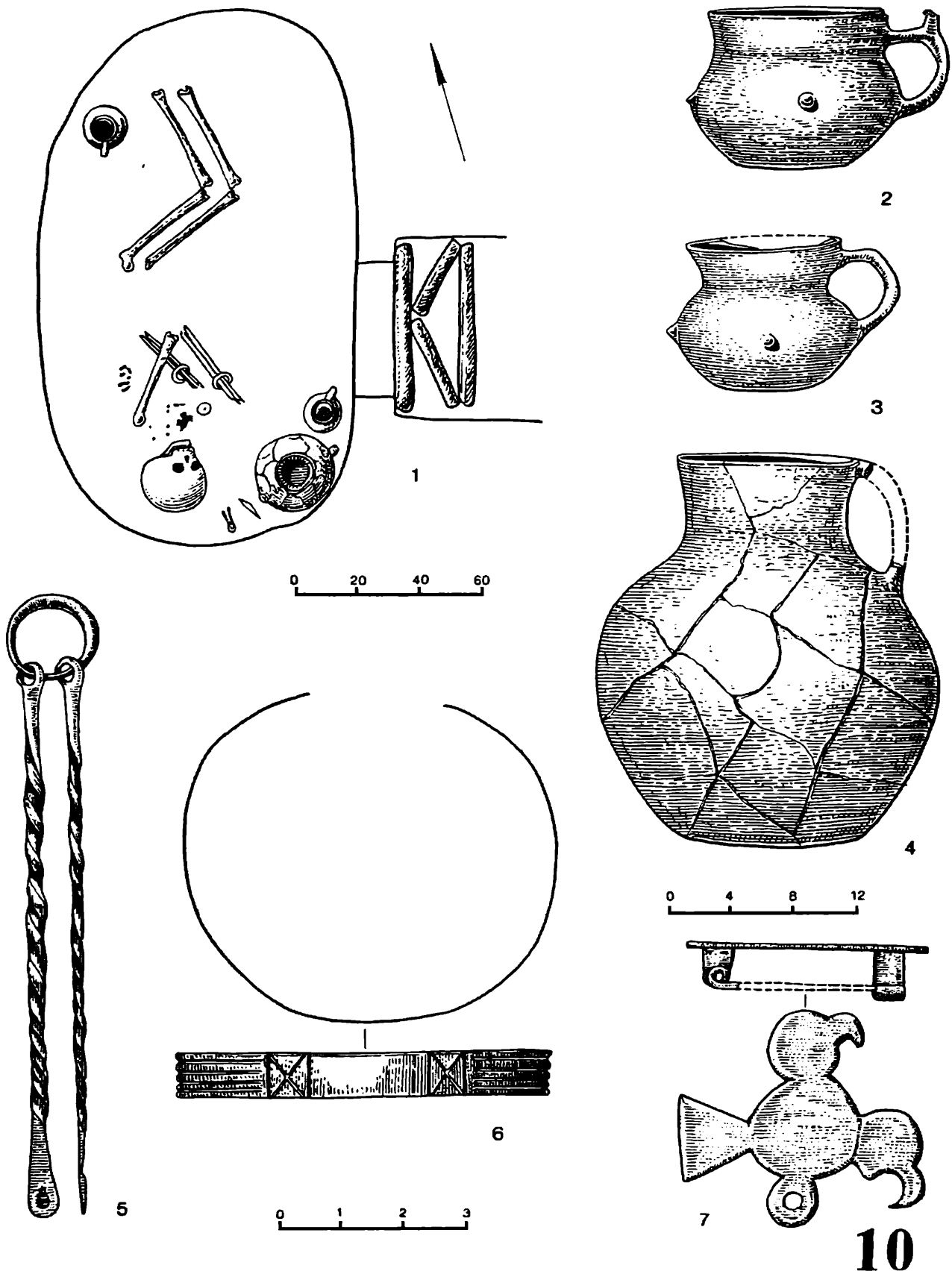

Рис. 21. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 10

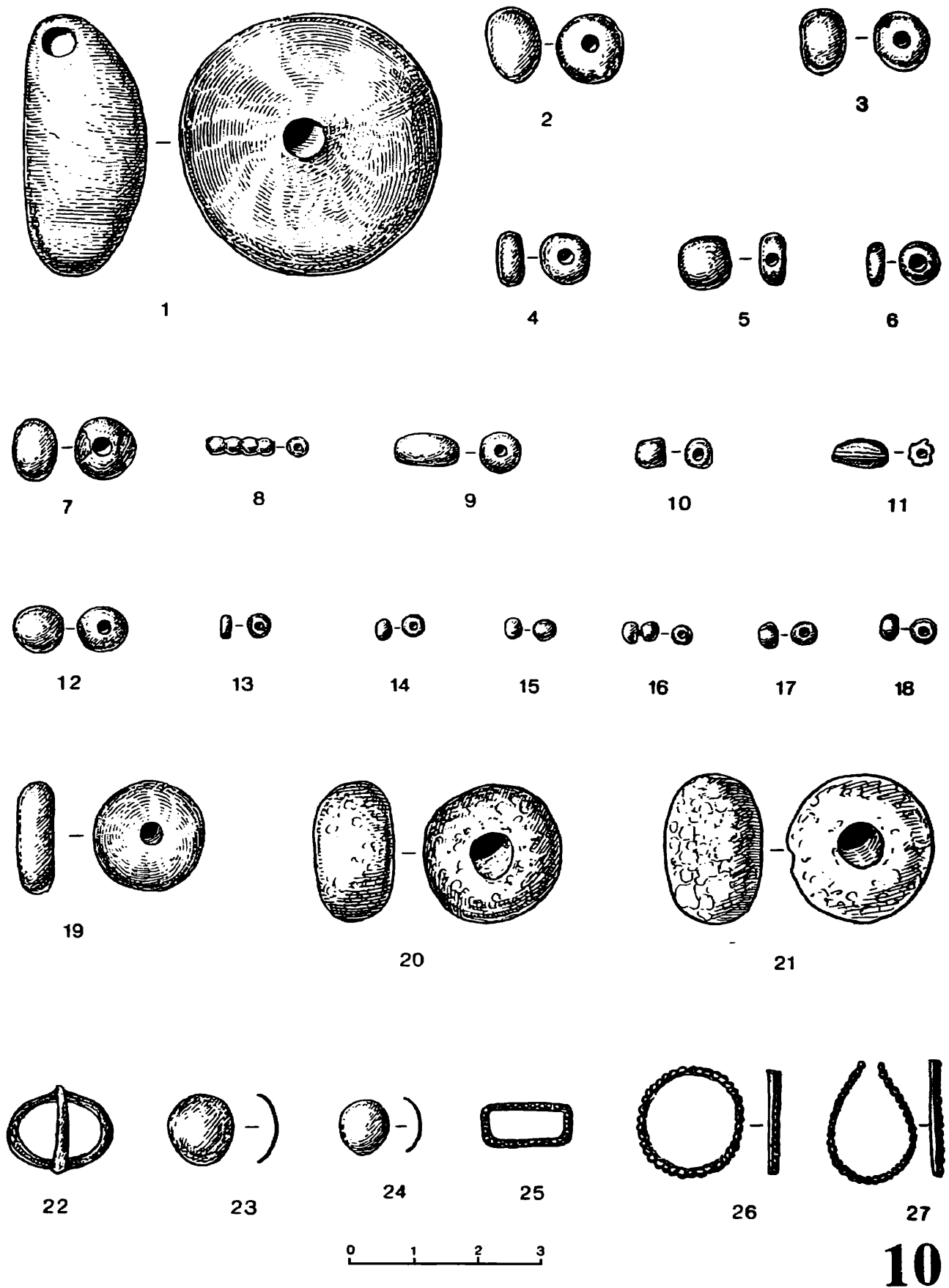

Рис. 22. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 10

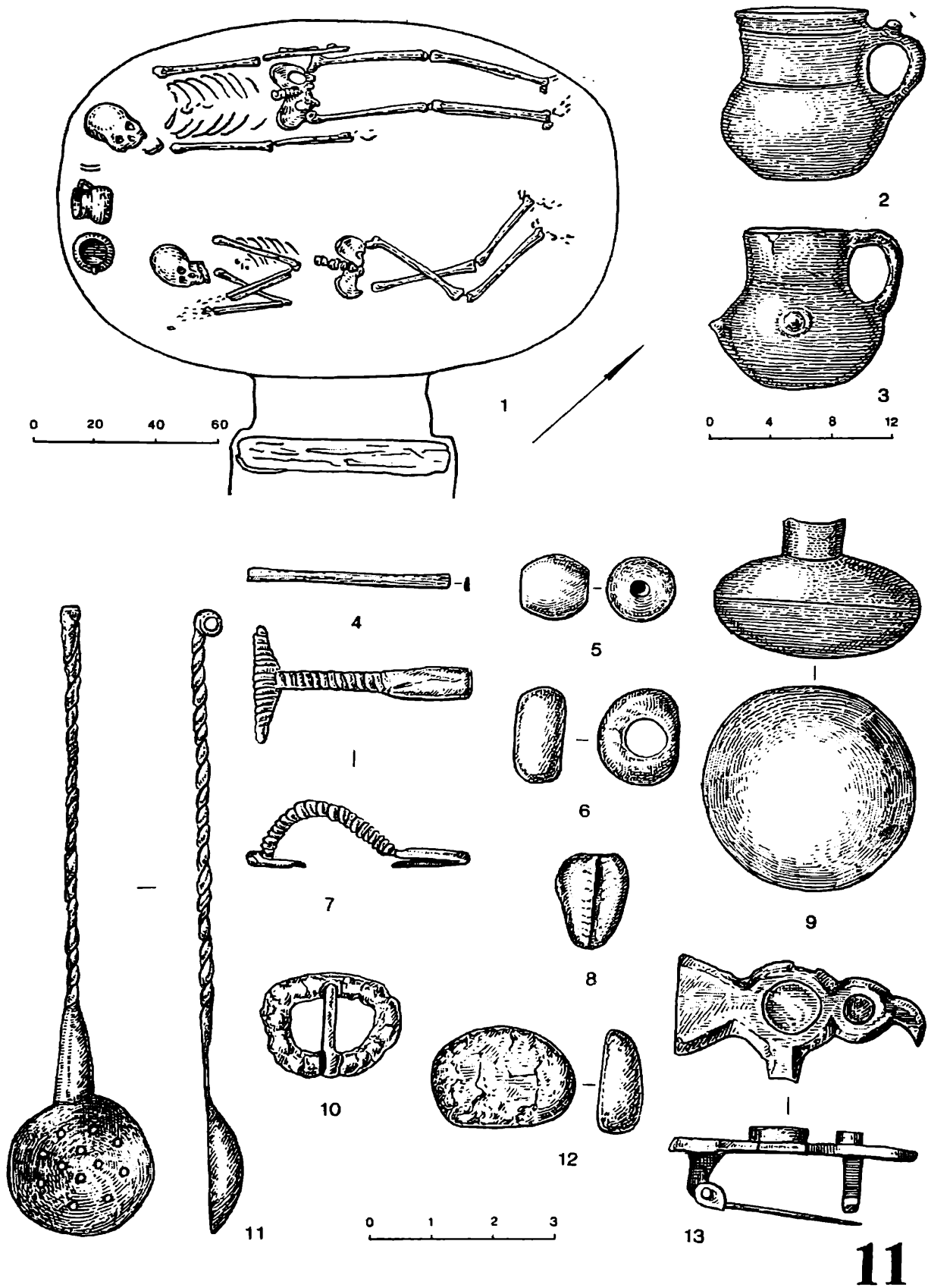

Рис. 23. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 11

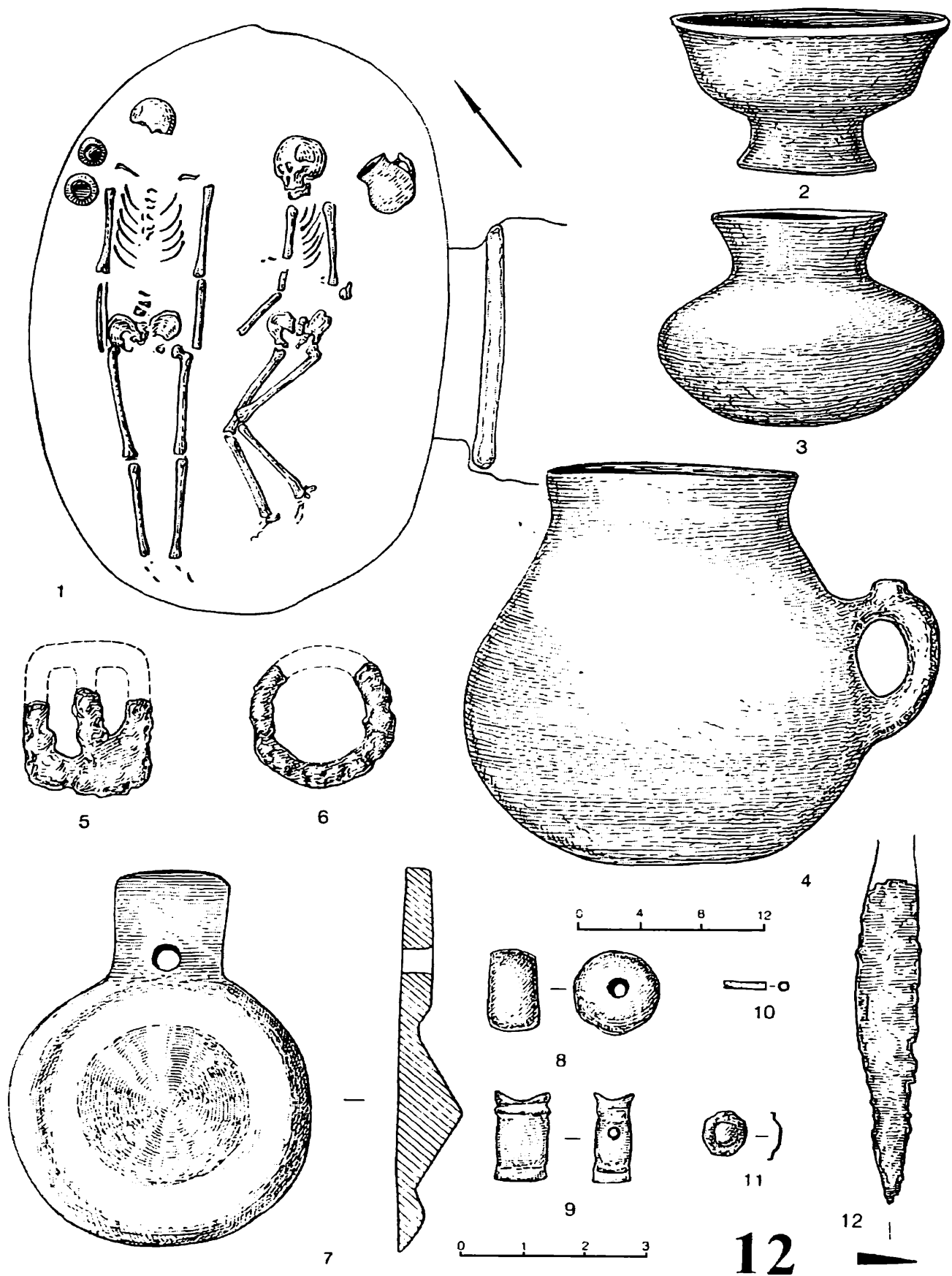

Рис. 24. Комплекс позднесарматского времени из катакомбы 12

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1969 ГОДА

Катакомба 13

Верхняя часть овальной камеры размерами 1,90×1,14 м не сохранилась. Закрытый плитой вход находился на 0,65 м выше пола. Около западной стенки на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг, лежал мужской скелет довольно хорошей сохранности. Ноги погребенного перекрещены, причем правая лежала на левой (рис. 25-1). Череп лицевой частью повернут на восток. Перед лицом погребенного находились два сосуда-кружки (рис. 25-2, 3). Около локтевого сустава левой руки лежали железная пряжка (рис. 25-6) и плохо сохранившийся железный нож (рис. 25-4), а в области поясницы – железный предмет (рис. 25-5; шило или остатки стрелы?). Подстилки под умершим не оказалось. Слоистость грунта в камере хорошо выражена.

Катакомба 14

Камера находилась в промоине, верхняя часть и дромос смыты атмосферными водами (рис. 25-7). Камера имела вид овала размерами 1,60×1,14 м. В юго-западной части усыпальницы находился костяк ребенка (видимо, девочки). Он лежал на правом боку, головой на юг (рис. 25-8). В 0,55 м от западной стенки был сосуд – кружка довольно грубой работы (рис. 25-9). Под сосудом найдены 3 полусферические бронзовые бляшки (рис. 25-14).

В районе черепа лежали две бронзовые пряжки (рис. 22-10, 11). Там же найдены плохо сохранившиеся украшения – видимо, от пояса (рис. 25-12, 13). На грудной клетке лежали 39 бусин:

8 желтых пастовых (рис. 25-15), 17 стеклянных красноватого цвета (рис. 25-16), 6 стеклянных голубых (рис. 25-17) и 8 из зеленой пасты (рис. 25-18).

Катакомба 15

Верхняя часть опять не сохранилась. Размеры овальной камеры 2,12×1,40 м. Пол на 0,79 м ниже входа. Лаз в катакомбу закрывала плита, которую со стороны дромоса подпирали два булыжника. Все четыре костяка лежали на полу без следов подстилки, головой на юго-запад (рис. 26-1). Под входом находился первый скелет – на спине, с вытянутыми конечностями. Около черепа находились три сосуда с клеймами на дне: две кружки (рис. 26-2, 3) и один кувшинчик (рис. 26-4). Здесь же были остатки еды – кости барана. У темени лежало зеркало из белого металла (рис. 27-15).

Второй скелет лежал на левом боку. Ноги с легка подогнуты, а руки протянуты вперед. На грудной клетке и под черепом найдены бусы: одна крупная янтарная (рис. 27-9), 2 синие стеклянные (рис. 27-3), одна стеклянная красноватого цвета (рис. 27-4), одна пастовая (рис. 27-5) и одна пастовая глазчатая (рис. 27-11). Здесь же были две стеклянные граненые бусины (рис. 27-10), одна гагатовая (рис. 27-6), 10 сердоликовых (рис. 27-7) и 5 пастовых (рис. 27-8). Тут же найдены остатки двух брошей (рис. 26-6, 7). У обоих запястий погребенной находилось по проволочному браслету с насечкой в виде «елочки» у концов (рис. 27-14). Под правой рукой обнаружено бронзовое колечко, на котором находились ногтечистка и копоушка (рис. 27-17). У височных костей найдены серебряные серьги-калачика (рис. 27-2), а под черепом – две индикации из серебряной фольги, с лицевой сто-

роны покрытые позолотой, сделанные с монеты Фоки (602-610 гг.; рис. 26-8).

Третий костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями. На грудной клетке находилась бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 27-16). На обеих руках – по бронзовому проволочному браслету (рис. 27-13), а у ног – крупный кувшин с носиком-сливом (рис. 26-5).

Череп четвертого погребенного смещен и сохранился очень плохо. Положение скелета то же, что у предыдущего. В районе поясицы находился наконечник от пояса (рис. 27-1), в котором сохранился остаток сыромятного ремня. Здесь же найдено бронзовое колечко (рис. 27-12).

Катакомба 16

Вся верхняя часть камеры и дромос уничтожены при прокладке дороги. Размеры овальной камеры 1,86×1,25 м. Мужской скелет лежал с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Деформированный череп обращен лицевой частью на запад. Кисти обеих рук – под тазовыми костями (рис. 28-1). Между локтевым суставом левой руки и грудной клеткой находился раздавленный сосуд типа кружки (рис. 28-2). Здесь же лежали шесть кусочков древесного угля и просматривался след от железного предмета. У локтевого сустава правой руки был железный нож (рис. 28-3), а среди ребер найден бронзовый наконечник стрелы (рис. 28-6), который, очевидно, и явился причиной смерти погребенного. В 0,15 м от плечевого сустава лежало поясное украшение-накладка из листовой бронзы (рис. 28-5). Еще две накладки из этого металла (рис. 28-4) находились у поясицы.

Катакомба 17

Погребение обнаружено в промоине по скоплению камней, которые оказались в дромосе. Вся верхняя часть камеры размерами 2,10×1,50 м не сохранилась. Лаз в камеру на 0,44 м выше пола. Сохранность костей оказалась очень плохая, и только по отдельным костям выяснено, что в камере покоились двое умерших, которые лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головами на юг (рис. 29-1). Нужно сказать, что в плохой сохранности костей большую роль сыграли грызуны, перекопавшие грунт в камере. В юго-восточной части

усыпальницы стояли 9 сосудов, причем на 3 из них находилось по одной маленькой кружке. Два сосуда представляли собой кувшинчики с носиком-сливом (рис. 30-5, 7), один – кувшин с носиком-сливом (рис. 30-1), остальные были типа кружек (рис. 30-2–4, 6, 8, 9). На дне у четырех сосудов имеются клейма (рис. 30-4–7). Рядом с сосудами лежал проволочный бронзовый браслет (рис. 31-3). Два аналогичных браслета находились на руках скелета 1. В центре камеры лежало зеркало из белого металла (рис. 31-2).

Остальной инвентарь сместили грызуны, и он встречался на разной глубине и в ходах грызунов. Так, здесь были найдены: 4 орнаментированных кружка – поясные накладки из листовой бронзы (рис. 31-5), 2 накладки с довольно сложным орнаментом (рис. 31-4), одна накладка без орнамента (рис. 31-6), 4 полусферические бронзовые бляшки разного размера (рис. 31-7, 8). На большей части этих украшений сохранились следы ткани. Кроме того, были найдены 3 шарнирно соединенных между собой кусочка проволоки из бронзы (рис. 31-13) и бусы: 35 янтарных – одна очень крупная (рис. 30-20), 2 меньшего размера (рис. 30-21) и 32 довольно-мелкие (рис. 30-10, 14); 5 сердоликовых шаровидных (рис. 30-11, 16) и одна граненая (рис. 30-19), 5 пастовых желтых овальных (рис. 30-13) и одна круглая (рис. 30-15), три стеклянные синие (рис. 30-12, 18) и одна покрытая красноватым составом (рис. 30-17).

При костяке 2, который лежал в западной части камеры, найдены очень плохо сохранившийся железный нож (рис. 29-2), железный предмет в виде кованого гвоздя (рис. 29-3), обломок железного кайла (рис. 29-4) и железная пряжка (рис. 31-9). Здесь же найдены железная пряжка с бронзовым язычком (рис. 31-10) и, видимо, остатки кольчужной сумочки (рис. 31-1). Кроме перечисленного погребального инвентаря, в ходах грызунов мы нашли 2 маленькие пряжки из низкопробного серебра (рис. 31-11, 12). Следов дерева и угля в камере не оказалось.

Катакомба 18

Верхняя часть камеры не сохранилась. Катакомба овальная, размерами 1,94×1,56 м. Расстояние от пола до входного отверстия 0,75 м. Плиту со стороны дромоса подпирали три камня. На полу без следов подстилки на правом боку лежал скор-

ченный женский скелет, ориентированный головой на юг (рис. 32-1). Перед лицом погребенной стоял сосуд типа кружки (рис. 33-2). Восточнее находился второй сосуд – кувшинчик с носиком-сливом и тремя ручками (рис. 33-1). У каждой из височных костей найдено по одной золотой серьге (рис. 32-5), весом 3,05 г каждая. Под нижней челюстью находились мелкие бусы: 31 шаровидная сердоликовая (рис. 33-7), одна гагатова в виде таблетки (рис. 33-5), 6 пастовых желтых (рис. 33-8) и 3 стеклянные (рис. 33-9, 11). У левого и правого плечевых суставов находилось по одной бронзовой фибуле (рис. 32-4). Третья такая же фибула была у поясицы.

На тазовых костях обнаружен след от сумочки из грубой ткани. На сумочке находились два серебряных украшения с позолотой и вставками из красного стекла (рис. 32-8), в сумочке – бронзовые копоушка и ногтечистка (рис. 32-10), ложечка-цедилка (рис. 32-9), на которой лежали бронзовое украшение со стеклянной вставкой (рис. 32-3) и кисточка в бронзовой оправе (рис. 32-2). Все эти предметы находились на бронзовом колечке и висели на двух бронзовых цепочках. Звенья цепочек сделаны в виде восьмерок и развернуты на 90 градусов (рис. 32-6, 7). Длина цепочки с крупными звеньями (рис. 32-6) 18 см, второй – 32 см. Кроме туалетного набора в сумочке находились бусы: одна крупная граненая из опала (рис. 33-27), одна янтарная (рис. 33-26), одна сердоликовая (рис. 33-17), одна из серпентинита (рис. 33-28), две из гематита (рис. 33-19, 21), 10 черных пастовых глазчатых (рис. 33-16), одна стеклянная в виде геммы (рис. 33-4), одна пастовая голубая (рис. 33-10), одна сердоликовая (рис. 33-6), две бронзовые спирали в три оборота (рис. 33-3), одна пастовая мозаичная бусина (рис. 33-18), одна стеклянная (рис. 33-29), одна пастовая глазчатая с желтыми прожилками (рис. 33-20), две стеклянные глазчатые (рис. 33-22, 25), две стеклянные граненые (рис. 33-15), одна крупная стеклянная (рис. 33-23), одна пастовая (рис. 33-12), одна глазчатая с красноватыми прожилками (рис. 33-13) и одна стеклянная синяя граненая (рис. 33-14).

Катакомба 19

Верхняя часть не сохранилась. Камера имела вид круга диаметрами 1,95 и 1,90 м. Вход на 0,96 м выше пола. В центре усыпальницы на спине, с

вытянутыми конечностями, головой на юго-восток, лежал женский костяк, отдельные кости которого сместили грызуны (рис. 34-1). На правой руке бронзовый браслет (рис. 34-14), на поясице железная пряжка (рис. 34-5), а у правого плеча зеркало (рис. 34-16). Кости второго скелета смещены сильнее. У обломков черепа найдена бронзовая фибула (рис. 34-11) с куском железа, на котором отпечатались остатки грубой ткани типа рогожки. На руке бронзовый браслет (как на рис. 34-14).

Между этими костяками найдены остатки скелета ребенка, около которого обнаружен маленький бронзовый браслет (рис. 34-13). У черепа были бусы: две из гагата (рис. 34-6, 10), остальные из пасты – одна глазчатая (рис. 34-9), 15 зеленых (рис. 34-7) и 2 желтые (рис. 34-8). Кроме бус здесь найдены две серебряные серьги (рис. 34-12) и бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 34-15). В восточной части камеры стояли три сосуда типа кружек (рис. 34-2–4). Все сосуды имеют одинаковое клеймо (как на рис. 34-3). Судя по положению костей, здесь, возможно, имело место повторное захоронение, при котором кости первого скелета были сдвинуты к юго-западной стенке.

Катакомба 20

Почти весь дромос и верхнюю часть камеры снес бульдозер. Камера овальная, размерами 1,80×1,20 м. Вход, расположенный на 0,54 м выше пола, закрывала плита. Оба костяка лежали в скорченном положении на правом боку, головами на юг (рис. 35-1). Под погребенными местами прослеживались темные пятна, которые, видимо, являлись остатками одежды или подстилки. У юго-восточной стенки стоял сосуд типа кружки (рис. 35-2) с клеймом на дне. Около сосуда обнаружены кусок зеркала (рис. 36-4) и остатки еды – кости барана или козы.

Ближе к входу лежал скелет женщины. У черепа найдены две серебряные серьги с подвеской в виде трехгранной пирамиды с шариком и зернью (рис. 35-6). У запястий – проволочные бронзовые браслеты (рис. 36-6), два на левой и один на правой руке. Около локтевых суставов лежали бусы: 6 черных пастовых глазчатых (рис. 36-16), 6 из белой пасты (рис. 36-11) и 2 глазчатые пастовые синие (рис. 36-14). Здесь же были кисточка в серебряной оправе (рис. 35-4) и 7 серебряных бляшек (рис. 35-3) с прикрепленной медной проволокой

(рис. 35-5). Около поясницы находились две бронзовые фибулы с железной иглой (рис. 35-7) и плохо сохранившийся железный нож длиной 18,5 см.

Второй скелет – останки подростка (видимо, девочки). На деформированном черепе сохранилась часть ремня, который украшали бронзовые бляшки, и маленькая бронзовая пряжка (рис. 35-3, 8). Эти ремень и пряжка, очевидно, служили для стягивания головы при ее деформации. Здесь же находились две серьги в виде калачиков (рис. 36-1). Перед лицом найден след от трубочки из листовой бронзы (остатки кисточки?). У шейных позвонков лежали бусы: две стеклянные (рис. 36-15, 16), одна пастовая глазчатая (рис. 36-7), две из гагата (рис. 36-8, 9) и одна из халцедона (рис. 36-10). На руках – три бронзовых браслета (рис. 36-2), а на пояснице – очень маленькое зеркало (рис. 36-3) и две сасанидские серебряные монеты Хосрова II (591–628 гг.).

Катакомба 21

От камеры сохранилась только нижняя ее часть и участок дромоса. Плиту подпирали камни. Камера имела вид круга диаметрами 2,20 и 2,00 м. Вход на 0,65 м выше пола. Три костяка лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головами на юг (рис. 37-1). У юго-западной стенки стояли три сосуда: один кувшин с носиком-сливом, тремя ручками и коническими налепами на тулове (рис. 37-4) и два сосуда типа кружек (рис. 37-2, 3), на дне одного – клеймо (рис. 37-2).

Под входным отверстием лежал скелет ребенка (видимо, девочки). У запястий рук – по одному проволочному бронзовому браслету (рис. 38-8), около шейных позвонков – стеклянная бусина (рис. 37-7), а на пояснице – три бронзовые бляшки (рис. 37-6) и след от железного предмета.

Второй костяк находился в центре камеры. Череп и тазовые кости сохранились плохо, и пол погребенного нам определить не удалось. На запястье правой руки – бронзовый браслет (рис. 38-7), в районе поясницы – бронзовая пряжка (рис. 38-6) и 10 тисненых накладок из листового серебра (видимо, от пояса) которые делятся на пять типов: одна, наиболее крупная, со сложным орнаментом (рис. 38-1), две сердцевидной формы (рис. 38-5), две почти овальные (рис. 38-4), три с более простым орнаментом (рис. 38-3) и две того же типа, с несколько иным орнаментом (рис. 38-2). Около

правого бедра лежал железный нож длиной 16 см, а между бедренными костями – бронзовая фибула с железной иглой (рис. 37-8).

Череп и тазовые кости третьего скелета сохранились очень плохо. На пояснице находились аналогичные украшения от пояса, но менее богатые: одно – как на рис. 38-4, четыре – как на рис. 38-3, и три – как на рис. 38-2. У запястий – по одному проволочному браслету (как на рис. 38-7). Около височных костей лежали серебряные, плохо сохранившиеся серьги с подвеской в виде трехгранной пирамидки с шариком и зернью (рис. 37-5). Судя по инвентарю, в этой камере были похоронены две женщины и девочка.

Катакомба 22

Дромос и верхняя часть катакомбы не сохранились. Камера овальная, размерами 1,75×1,20 м. Расстояние от пола до входа около 0,60 м. Судя по костям, здесь находились четверо погребенных. У северо-западной стенки лежали два детских скелета с вытянутыми конечностями, ориентированные головами на юго-запад (рис. 39-1). Оба черепа деформированные. В южном углу камеры обнаружена кучка костей взрослого. Остатки второго черепа взрослого человека лежали в центре.

В южной части камеры на боку лежали два сосуда: кувшинчик с носиком-сливом (рис. 39-2) и кружка (рис. 39-3). Около сосудов найден кусочек смоловидного вещества. В центре камеры лежал бронзовый браслет с изображением змеиных голов на концах (рис. 40-3). Здесь же лежала брошь с птичьей головкой и стеклянной вставкой (рис. 39-4) и железная ложечка, в которой находились два бронзовых предмета в виде петелек (рис. 39-9). На каждой руке детских скелетов – по бронзовому проволочному браслету (рис. 40-2, 4), один из которых украшали змеиные головки (рис. 40-4).

Около черепа скелета, лежавшего у северо-западной стенки, обнаружены: очень маленькая бронзовая пряжка (рис. 39-6), железное колечко (рис. 39-5), три раковины «каури» и остатки бронзовой серьги (рис. 40-1). Под нижней челюстью и на грудной клетке этого костяка лежало 127 бус из различных материалов: одна из окаменевшего моллюска (рис. 39-7); 94 пастовые – одна желтая (рис. 40-11), одна серая (рис. 40-12), одна зеленая (рис. 40-13), одна граненая голубая (рис. 40-14), 2 синие (рис. 40-15), одна голубая (рис. 40-16), 15 черных

(рис. 40-5), 2 темно-синие (рис. 40-6), 2 черные (рис. 40-17), 2 голубые (рис. 40-20), 49 голубых (рис. 40-21), 7 зеленых (рис. 40-22) и 10 желтых (рис. 40-23). Кроме пастовых, здесь были и стеклянные бусы: одна биконическая синяя (рис. 40-18), 4 цилиндрические голубые (рис. 40-19), 23 шаровидные голубые (рис. 40-24), одна спаренная (рис. 40-25), одна синяя (рис. 40-26), одна в виде восьмерки (рис. 40-7). Еще одна бусина была сердоликовой (рис. 40-8).

Около черепа второго детского костяка находилось всего 18 бус: 12 пастовых – 2 мозаичные (рис. 40-27), 2 черные (рис. 40-28), 3 голубые (рис. 40-30), одна голубая граненая (рис. 40-31), одна желтая (рис. 40-9), одна темно-синяя (рис. 40-10), одна голубая (рис. 40-32) и одна шаровидная (рис. 40-34). Среди пастовых бус лежали одна из розового мрамора (рис. 40-29), одна янтарная (рис. 40-33) и 4 стеклянные: одна тройная (рис. 40-35) и 3 спаренные (рис. 40-36), а также 3 из раковин «каури».

Катакомба 23

От камеры сохранилась только северо-западная ее часть, а дромос полностью снял бульдозер, прокладывая дорогу. Длина овальной камеры 1,43 м, сохранившаяся ширина – 0,85 м. В усыпальнице находились два вытянутых детских скелета, лежавшие головами на юго-запад (рис. 41-1). От одного сохранилась только часть нижних конечностей, второй представлен полностью. Около левой руки был маленький железный нож (рис. 41-3), а на правой руке – бронзовый проволочный браслет (рис. 41-2).

Катакомба 24

От камеры сохранилась нижняя часть и часть дромоса. Размеры овальной камеры 2,00×1,40 м. Лаз на 0,75 м выше пола. Один мужской костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг (рис. 41-4). В районе поясницы найдены плохо сохранившаяся железная пряжка (рис. 41-8) и железный нож общей длиной 12 см. У южной стенки стояли два сосуда – кувшинчик с носиком-сливом (рис. 41-6) и небольшая кружка (рис. 41-5). Около черепа лежали две серьги в виде калячики из низкопробного серебра (рис. 41-7).

Катакомба 25

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Размеры овальной камеры 2,00 x 1,17 м. В усыпальнице покоились два погребенных. В восточной части камеры лежал вытянутый скелет мужчины, ориентированный головой на юг (рис. 42-1). Череп, очевидно, сместили грызуны. В районе поясницы лежали бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 42-4), прямой железный нож длиной 13 см и кусочек смоловидного вещества (рис. 42-10). В юго-восточной части камеры стояли три сосуда: два кувшина (рис. 43-2, 3) и кружка (рис. 43-1). Разрушившийся четвертый сосуд был в западной части камеры, но восстановить его нам не удалось.

Остатки второго погребенного свалены к западной стенке. Среди костей найдены обломки пластины из листовой бронзы (рис. 42-2), бронзовая серьга (рис. 42-11), туалетная коробочка из листовой бронзы (рис. 42-8) и обломок второй. Здесь же найдены бронзовый браслет с орнаментом на концах (рис. 42-12), проволочный браслет без орнамента, бронзовая трубочка (рис. 42-7), обломок железного предмета типа скобы (рис. 42-6), бронзовая фибула с железной иглой (рис. 42-9), железная пряжка (рис. 42-5) и, видимо, часть железного шила (рис. 42-3). Судя по положению второго костяка, здесь было произведено вторичное захоронение.

Катакомба 26

Дромос не сохранился. Уцелевшая высота камеры – всего 0,20 м. В усыпальнице лежал один скелет с вытянутыми конечностями, ориентированный головой на юг. Некоторые кости смещены грызунами (рис. 43-4). Размеры овальной камеры 1,60×0,90 м. Около лучевой кости левой руки лежала железная пряжка (рис. 43-6), вторая (рис. 43-7) была на пояснице. У левой бедренной кости лежал железный нож (рис. 43-8), около черепа стоял сосуд типа кружки (рис. 43-5).

Катакомба 27

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Размеры камеры 1,42×0,97 м, а ее сохранившаяся высота – 0,27 м. В центральной части каме-

ры в беспорядке лежали человеческие кости (рис. 44-1). В северо-восточной части стояли два сосуда: кувшин с отбитым носиком и орнаментом по тулову (рис. 44-2) и кружка (рис. 44-3). Около костей обнаружены следующие предметы: бронзовые копоушка и ногтечистка на бронзовом колечке (рис. 44-13), две бронзовые серьги в виде калачиков с гроздьями из трех шариков (рис. 44-15), видимо, железное шило (рис. 44-18), 6 тисненых бронзовых бляшек (рис. 44-4), стеклянная вставка в бронзовой оправе (рис. 44-16) – часть броши (?), два проволочных бронзовых браслета (рис. 44-17), бронзовая фибула с железной иглой (рис. 44-14) и бусы: одна янтарная (рис. 44-5), 30 янтарных (рис. 44-7) и одна цилиндрическая янтарная (рис. 44-9). Были здесь и стеклянные бусы: одна спаренная зеленая (рис. 44-12), одна сероватая (рис. 44-11) и одна синяя шаровидная (рис. 44-8), а также бусы из пасты – три цилиндрические (рис. 44-6) и 45 мелких (рис. 44-10).

Катакомба 28

Верхнюю часть камеры и дромос снял бульдозер, прокладывая дорогу. Размеры овальной камеры 2,30 x 1,18 м. Очень плохо сохранившийся скелет с деформированным черепом лежал на боку в скорченном положении, головой на юг (рис. 45-1). Около южной стенки стоял сосуд типа кружки (рис. 45-2); второй – кувшин с носиком-сливом (рис. 45-3) – был перед лицом погребенной. Около этого сосуда найдены фрагмент бронзового зеркала (рис. 46-7) и очень крупная янтарная бусина (рис. 46-13), а севернее лежали железные ножницы (рис. 46-8). Еще севернее обнаружены 4 маленькие бронзовые пряжки двух типов (рис. 45-11, 12) и одна тисненая пряжка большего размера (рис. 45-13). Здесь же были 10 полусферических бронзовых бляшек (рис. 45-7, 8) со следами ткани и ленточный бронзовый браслет с застежкой (рис. 45-14). Второй такой же браслет был на запястье левой руки. Около браслета лежала арбалетовидная бронзовая фибула, к которой был пристегнут бронзовый предмет (рис. 46-9). Здесь же находились бронзовый амулет-подвеска в виде лани (рис. 46-11), амулет в виде кольца с наплывами (рис. 45-9) и бронзовая брошь с двумя птичьими головками и следом от подвески (рис. 45-5). Вторая аналогичная брошь, но с железной иглой и стеклянной вставкой (рис. 45-4), лежала в области грудной клетки.

Около височных костей черепа находились две серьги-«калачика» (рис. 45-10). Под нижней челюстью (вместе с бусами) найдена маленькая фигурка из фаянса (рис. 46-10). На спине этой фигурки сохранился след от петельки, за которую подвешивался амулет. Бусы здесь довольно разнообразны: две крупные янтарные (рис. 46-12, 14), одна из халцедона (рис. 46-4), 6 сердоликовых (рис. 46-2, 19, 25, 35–37), различные стеклянные – 3 тройные (рис. 46-15), 8 двойных (рис. 46-16), 15 шаровидных (рис. 46-17), одна синяя (рис. 46-22), 32 голубые (рис. 46-30), 23 синие (рис. 46-31) и 59 цилиндрических (рис. 46-32); одна янтарная (рис. 46-18), две пастовые глазчатые (рис. 46-20, 21), 5 одноцветных (рис. 46-1, 3, 23, 24, 26), 75 желтых (рис. 46-27), 25 зеленых (рис. 46-28), две с красными прожилками (рис. 46-34), 82 красноватые (рис. 46-29) и 4 белых с голубыми прожилками (рис. 46-33). Восточнее бус лежали 12 мелких полусферических бляшек (рис. 45-6) и железное (?) шило (рис. 45-15).

Катакомба 29

Сохранилась только нижняя часть овальной камеры размерами 1,70 x 1,43 м. Костяк и инвентарь сильно повредили грызуны. По остаткам костей все же было видно, что погребенный лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг (рис. 47-1). У южной стенки стояли две кружки (рис. 47-2, 3), на дне у одной клеймо (рис. 47-3). Около черепа две серьги в виде калачиков из бронзы (рис. 47-6,7), у поясицы железный нож (рис. 47-32), маленькая бронзовая пряжка с остатками кожаного ремня (рис. 47-5), бронзовые поясная накладка (рис. 47-10) и наконечник от пояса (рис. 47-9), 5 полусферических бронзовых бляшек (рис. 47-11) и брошь с двумя птичьими головками и стеклянной вставкой (рис. 47-8). Под нижней челюстью были бусы: из раковины-аммонита (рис. 47-4), различные стеклянные – 50 красноватых (рис. 47-18), три зеленоватые (рис. 47-19), одна желтая (рис. 47-20), семь голубых (рис. 47-21), четыре синих (рис. 47-22), одна грязно-белая (рис. 47-23), две спаренные (рис. 47-24), одна цилиндрическая (рис. 47-25), а также пять пастовых (рис. 47-14, 16, 26, 31), четыре сердоликовых (рис. 47-15, 17, 27, 28), одна янтарная (рис. 47-29) и одна стеклянная (рис. 47-30).

Катакомба 30

При выравнивании дороги бульдозер срезал всю верхнюю часть камеры и дромос. Сохранившаяся высота камеры составила всего 0,20 м. Пострадали и сосуды, стоявшие в головах погребенных. Камера оказалась очень маленькой и имела вид овала размерами 1,40×0,76 м. Судя по рельефу, пол камеры находился на глубине около 2,00–2,50 м от существующей поверхности склона. Около западной стенки лежал скелет женщины с сильно подогнутыми ногами (рис. 48-1). В районе пояса – бронзовая пряжка с кусочком сыромятного ремня (рис. 48-5), а на грудной клетке – бронзовая крестообразная брошь с подвеской, в которую вставлено овальное стекло (рис. 48-3). Около черепа – два раздавленных сосуда, из которых удалось восстановить только одну кружку (рис. 48-2).

У восточной стенки лежал скелет ребенка, на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг. На его грудной клетке найдена крупная янтарная бусина (рис. 48-4).

Катакомба 31

Всю верхнюю часть камеры снял бульдозер. От входа остались нижняя половина плиты и участок дромоса. Расстояние от входа до пола камеры 0,42 м. Камера овальная, размерами 1,95×1,47 м. Ближе к входу на спине, с вытянутыми конечностями, лежал мужской скелет (рис. 48-6). У правого плеча находился сосуд-кружка с зооморфной ручкой (рис. 48-7) и клеймом в виде свастики на дне. На поясице были железная пряжка (рис. 48-9) и три накладки – видимо, украшения от пояса, сделанные из листовой бронзы (рис. 49-2, 8, 9). В районе грудной клетки находились три бронзовые пуговицы (рис. 49-1).

Второй костяк лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами (рис. 48-6). На левой руке – проволочный бронзовый браслет (рис. 49-3), на тазовых костях – бронзовое зеркало (рис. 48-8), а на грудной клетке – литая бронзовая подвеска-амулет (рис. 49-7), два тисненых украшения-накладки из листовой бронзы (рис. 49-4, 6) и еще 4 маленьких (рис. 49-5). Под нижней челюстью находились бусы: 15 пастовых глазчатых (рис. 49-12), одна желтоватая стеклянная (рис. 49-13), 17 стеклянных цилиндрических (рис. 49-14) и три пастовые (рис. 49-10, 11, 15).

Катакомба 32

Камера обнаружена в срезанном бульдозером склоне. Полусферический потолок находился на глубине 0,60 м от срезанной поверхности (рис. 49-17). Длина сохранившейся части дромоса 0,45 м. Вход размерами 0,30 х 0,38 м закрывала плита. Пол камеры на 0,57 м ниже входа. Камера овальная, размерами 1,30 х 0,96 м. В центре лежали остатки детского скелета – на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад (рис. 49-16). У правого плеча стояла кружка с отбитым венчиком (рис. 49-18). На костяке никаких предметов не обнаружено.

Катакомба 33

Камера находилась под проезжей частью дороги, и в нее провалилось колесо проходившей автомашины. При исследовании выяснилось, что потолок усыпальницы находился на глубине 2,10 м от существующей поверхности склона (рис. 50-2). Вход закрывала плита. За плитой сосудов и остатков тризны не оказалось. Из-за большого объема работ весь дромос мы раскопать не смогли. Камера в плане имела вид овала размерами 2,23×1,80 м. Высота около 1,20–1,30 м. Потолок, очевидно, был полусферический. Расстояние от пола до лаза в камеру 0,75 м.

Пол погребенных из-за плохой сохранности костей определить не удалось. Ближе к входу лежал, очевидно, скорченный скелет, второй погребенный был с вытянутыми конечностями. Оба ориентированы головами на юг (рис. 50-1). Под входным отверстием на венчике стоял кувшин с носиком-сливом и одной ручкой (рис. 51-1). На дне клеймо. Около южной стенки стояли еще 4 сосуда: кувшинчик с носиком-сливом (рис. 51-5) и три кружки (рис. 51-2, 3, 4), на двух из которых одинаковые клейма (рис. 51-3, 4).

На полу камеры и в грунте, перекопанном грызунами, найдены следующие предметы: бронзовое зеркало (рис. 51-7), четыре проволочных бронзовых браслета (рис. 51-9), остатки броши со стеклянной вставкой (рис. 50-7), бронзовая серьга с подвеской в виде трехгранной пирамидки, шариком и зернью (рис. 50-6). Внутри серьга заполнена пастой. Кроме этого, в камере мы нашли бронзовую пряжку с остатками железного язычка (рис. 51-8), видимо, наконечник от пояса из листовой брон-

зы (рис. 51-6) и три бусины: одну янтарную (рис. 50-3) и две сердоликовые (рис. 50-4, 5).

Катакомба 34

Вся верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Катакомба овальная, размерами 1,80×1,20 м. Остатки двух скелетов и инвентарь разбросаны, что говорит об ограблении (рис. 52-1). Из инвентаря найдены три разбитых сосуда: кувшин с носиком-сливом (рис. 52-4) и две кружки (рис. 52-2, 3); на дне одной из них клеймо (рис. 52-3). Здесь же были обломки железного ножа, видимо, наклад-ка от пояса из бронзы (рис. 52-6), бронзовый нако-нечник от пояса (рис. 52-5), две пары бронзовых поясных накладок (рис. 52-7, 8) и бусы – одна из камня (рис. 52-10), одна из аммонита (рис. 52-9), одна янтарная (рис. 52-11), 10 мелких янтарных (рис. 52-12) и шесть желтых пастовых (рис. 52-13).

Катакомба 35

Катакомба обнаружена в размытом склоне по дромосу. Сохранившаяся глубина дромоса у входа – всего 1,05 м, при ширине 0,64 м. Вход закрывала плита (рис. 53-2). Камера овальная, размерами 1,55×1,05 м. Лаз на 0,80 м выше пола камеры. В камере без следов подстилки лежали два костяка подростков лет 12-14. Сохранность костей довольно плохая. Под входом лежал скелет с вытянутыми конечностями (рис. 53-1). Предметов при этом погребенном не оказалось. У левого виска стоял сосуд типа кружки с клеймом на дне (рис. 53-3).

Второй скелет, с деформированным черепом, лежал в скорченном положении, также головой на юго-восток (рис. 53-1). На поясе – бронзовая под-веска-амулет колесовидной формы (рис. 53-4), а на грудной клетке – 41 бусина: пастовые – 13 желтых с зелеными глазками (рис. 53-5), три желтые с зелеными прожилками (рис. 53-6, 14, 15), две корич-неватые с более темными глазками (рис. 53-9), одна грязно-белая (рис. 53-10) и одна коричневая с жел-тым окаймлением (рис. 53-11). Стекланные бусы были трех типов: одна глазчатая (рис. 53-7), 10 голу-бых, квадратных в поперечнике, (рис. 53-13) и 11 граненых голубого цвета (рис. 53-12).

Катакомба 36

Камера была раскопана современными граби-телями. При контрольной зачистке выяснилось, что

копавшие «шли колодцем» и не дошли до юго-за-падной стенки. По этой стенке грунт хорошо от-слаивался, а на уровне дна мы обнаружили недо-копанную часть камеры. Здесь в плотном грунте в полном беспорядке лежала кучка человеческих ко-стей, которые, очевидно, отбросили при очередном захоронении (рис. 54-1). Кроме костей в этой час-ти камеры найдены два разбитых сосуда: кружка (рис. 54-2) и кувшинчик с носиком-сливом и од-ной ручкой (рис. 54-3), а также янтарная бусина. Камера была овальная, размерами 2,10×1,50 м.

Катакомба 37

Верхняя часть камеры, плиты и дромоса не сохранились. На дне овальной камеры размерами 2,20×1,10 м лежал мужской скелет с вытянуты-ми конечностями, головой на северо-запад (рис. 55-1). На уровне пола в юго-восточной стенке сде-лана небольшая ниша, в которой стоял кувшин с тремя ручками, наlepными валиками по тулову, трубчатым сливом, который оформлен в виде го-ловы барана, а также клеймом на дне (рис. 55-2). У южной стенки стояли две кружки (рис. 55-3, 4). На дне одной клеймо (рис. 55-3). Около стопы най-дены два типа бронзовых «скобок» – три с заост-ренными концами (рис. 55-6) и одна с закруглен-ным (рис. 55-7); очевидно, это оковки ремней или заклепки для ремонта деревянной посуды. В райо-не пояса – плохо сохранившаяся железная пряжка (рис. 55-5), у левой руки – железный кинжал об-щей длиной 42,5 см (рис. 55-8), со следами дере-вянной рукоятки и ножен. Около правого плечево-го сустава был железный нож (рис. 55-9).

Катакомба 38

Дромос полностью снял бульдозер. Не сохра-нилась и верхняя часть камеры. Усыпальница име-ла вид овала размерами 2,34×1,50 м. Около запад-ной стенки стояли три сосуда: кувшин с носиком-сливом и одной ручкой (рис. 56-2) и две кружки (рис. 56-3, 4). В центре камеры с вытянутыми ко-нечностями лежал женский скелет, ориентирован-ный головой на северо-запад (рис. 56-1). Около черепа найдена бронзовая серьга в виде калачика (рис. 56-6), в области тазовых костей лежали брон-зовая трубочка (рис. 56-22) – обойма от кисточки, две блюдца (рис. 56-5, 8) и две накладки из листо-вой бронзы (рис. 56-10, 11), а также бронзовая ар-балетовидная фибула (рис. 56-12).

Около северо-восточной стенки обнаружены остатки костяка ребенка. У запястья правой руки бронзовая фибула с железной иглой (рис. 56-13), а рядом бусы: две янтарные (рис. 56-14, 21), три пастовые глазчатые (рис. 56-16, 17, 18), две пастовые одноцветные (рис. 56-15, 19) и одна с прожилками (рис. 56-20). У восточной стенки свалены кости третьего погребенного, видимо, отброшенные при повторном захоронении. Среди этих костей найден только проволочный браслет (рис. 56-9).

Катакомба 38а

Следы от камеры обнаружены в проезжей части дороги, где прослежена только часть восточной и северной стенки. Размеры камеры определить не удалось. Остатки костей размолоты колесами. В таком же виде оказались и следы от сосудов, видимо, от железного ножа и бронзового наконечника от пояса, аналогичного наконечнику из катакомбы 33.

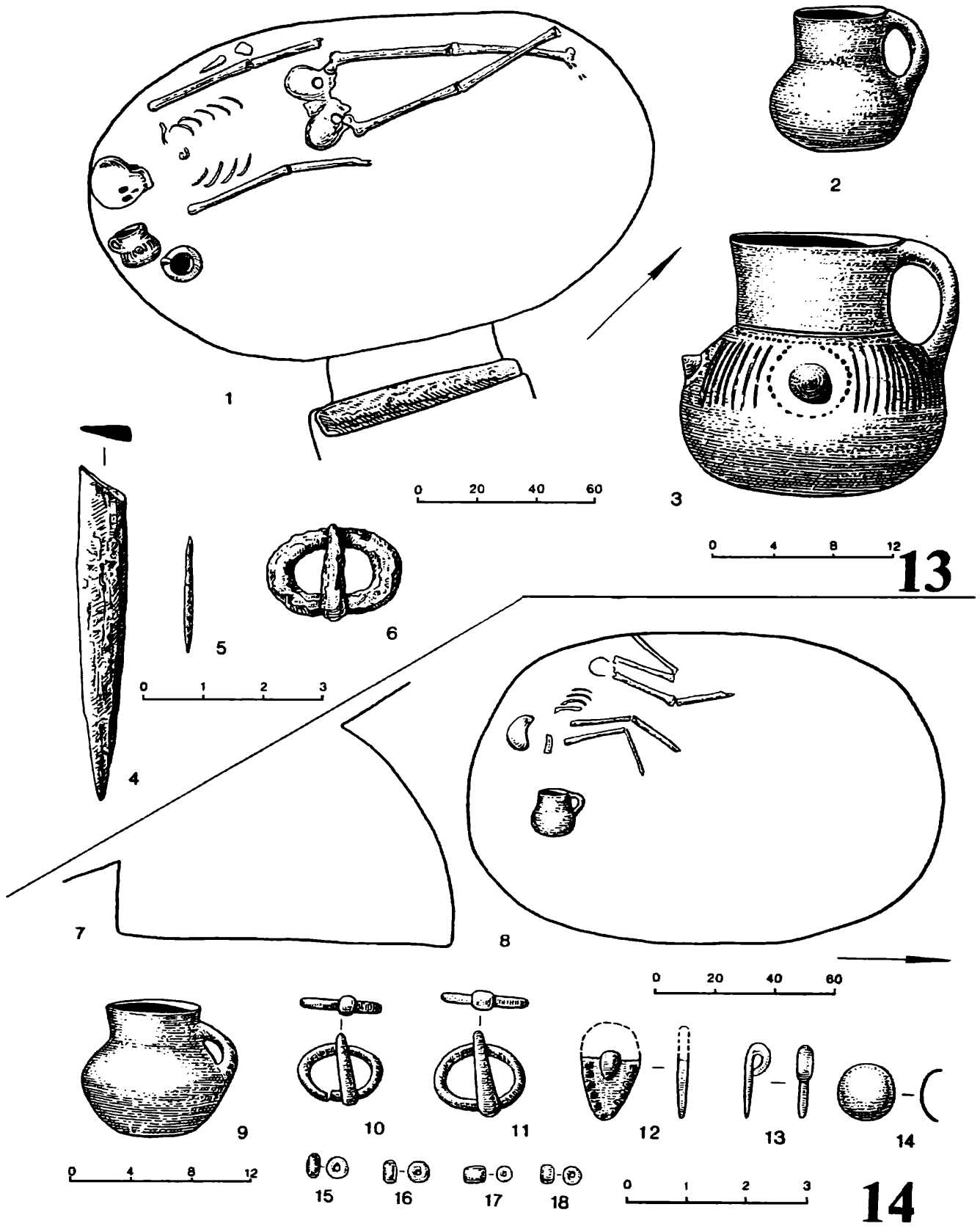
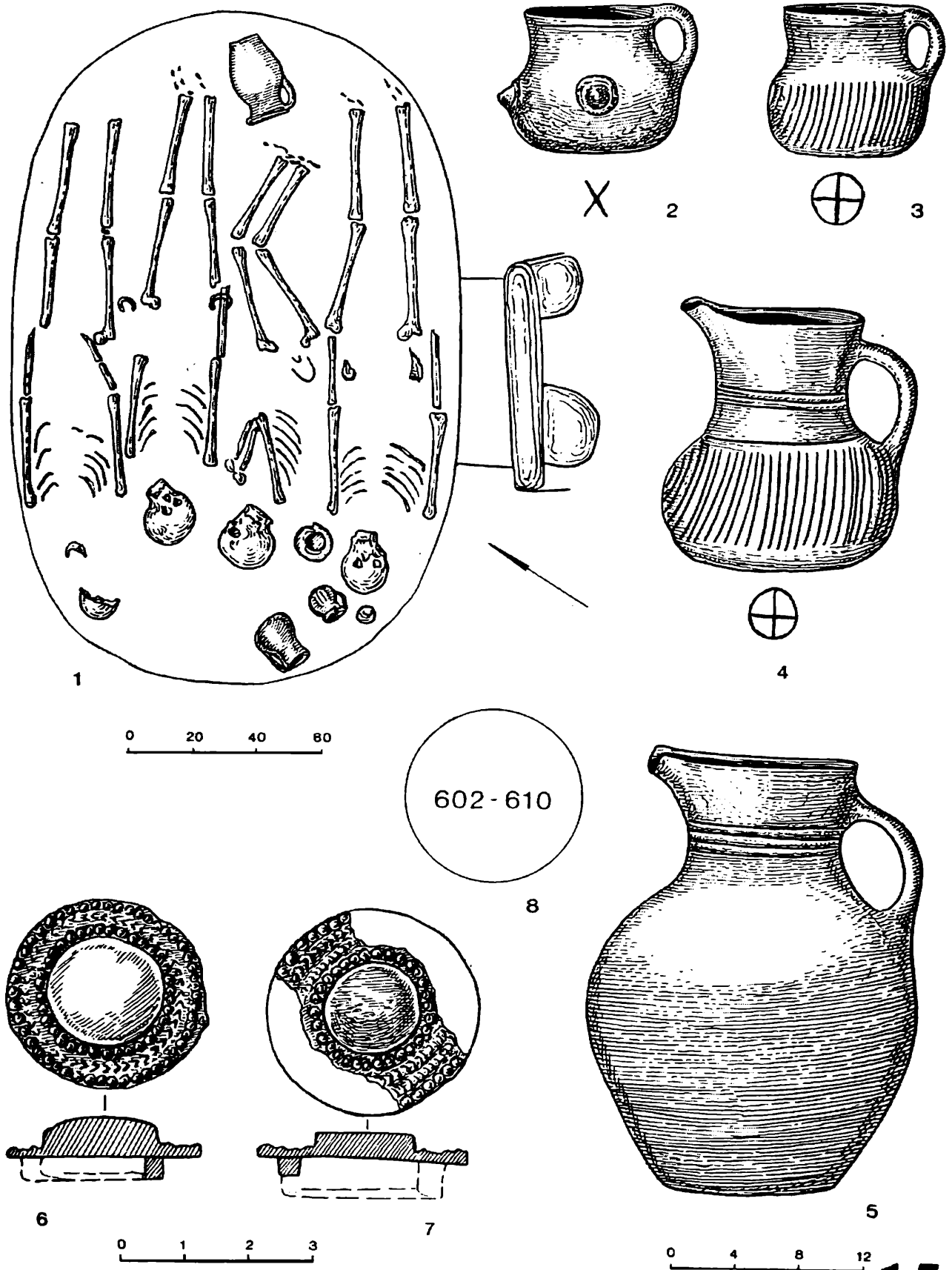

Рис. 25. Комплексы катакомб 13 и 14

15

Рис. 26. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 15

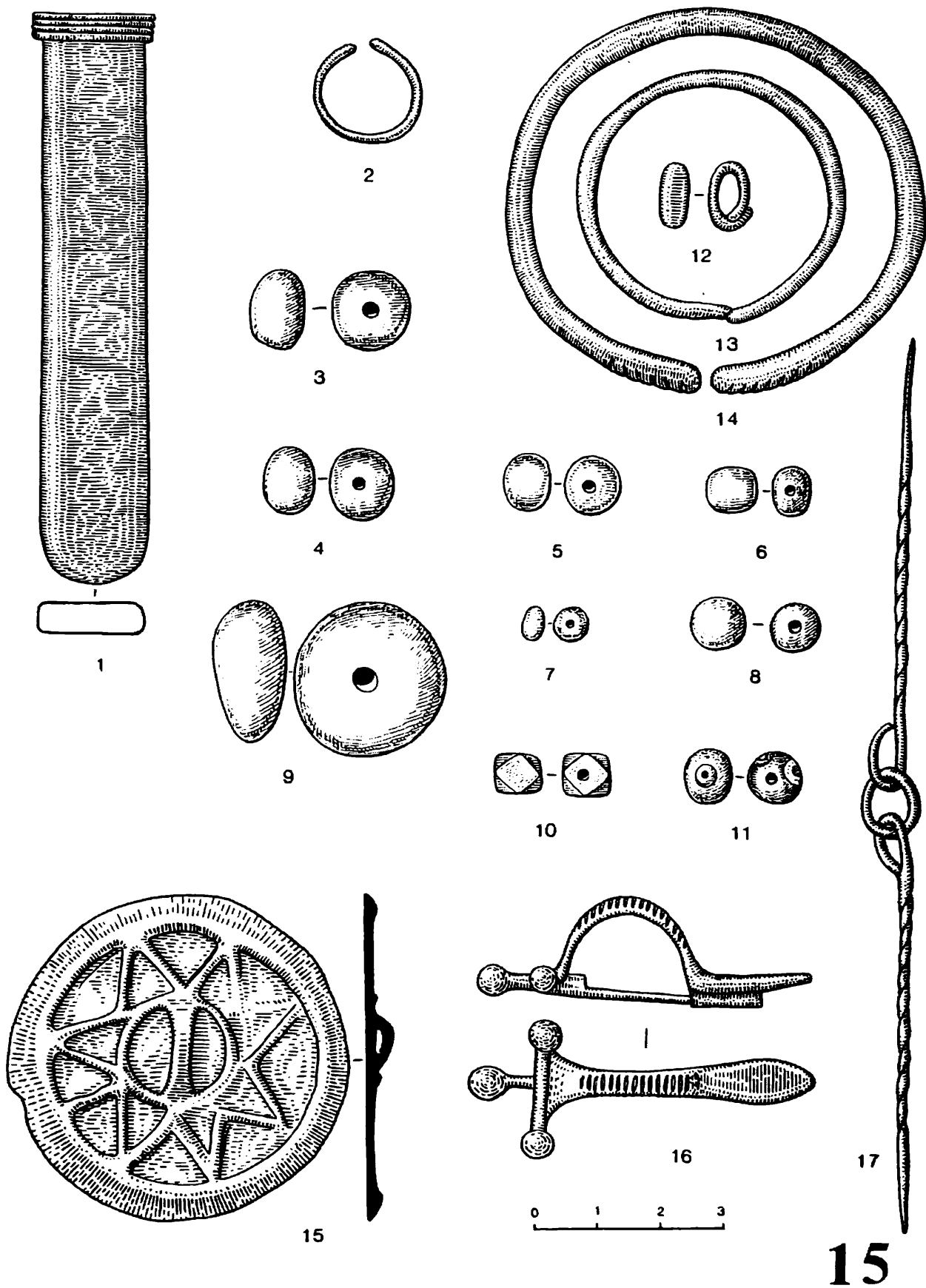

Рис. 27. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 15

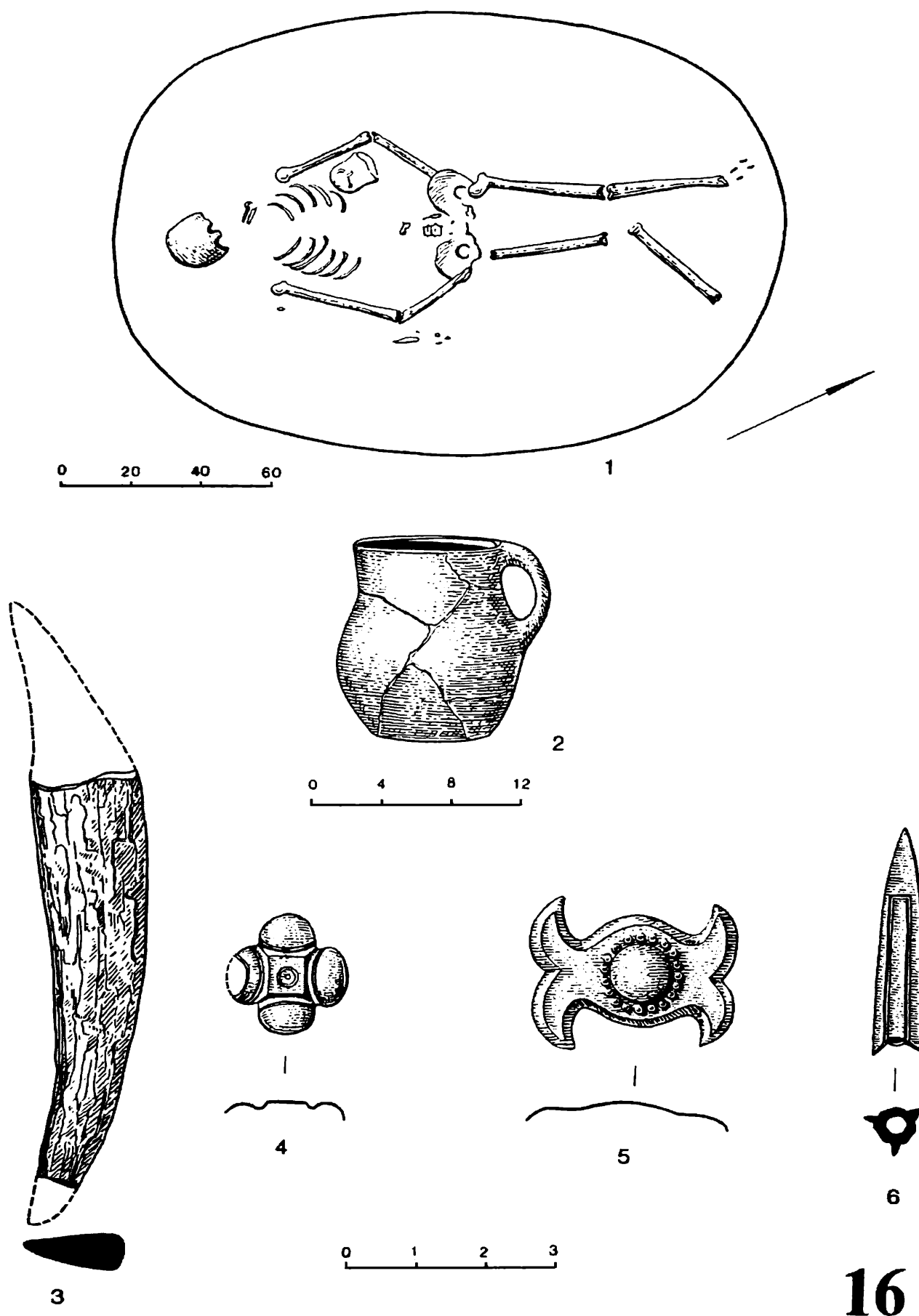

Рис. 28. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 16

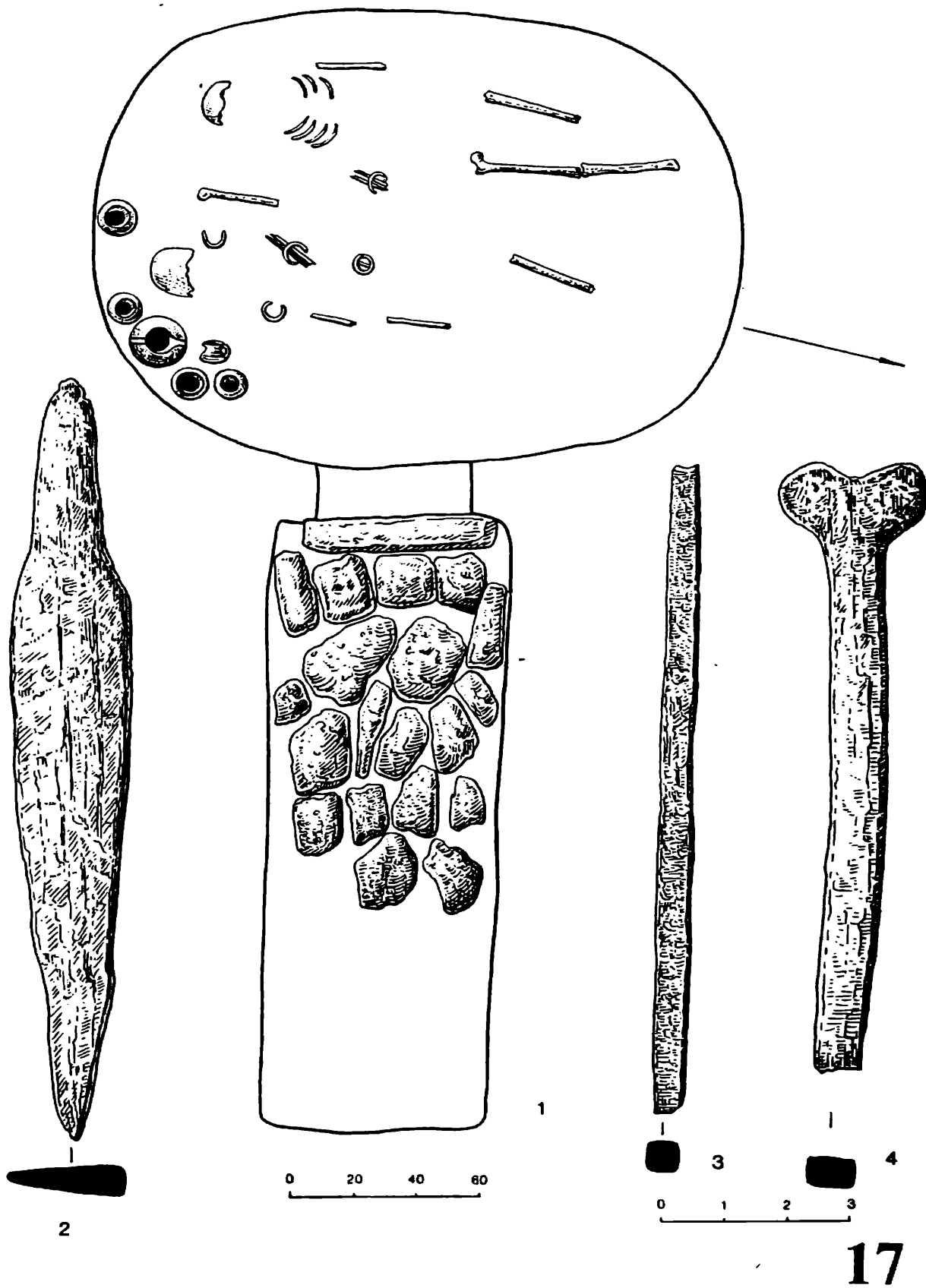

Рис. 29. Комплекс катакомбы 17

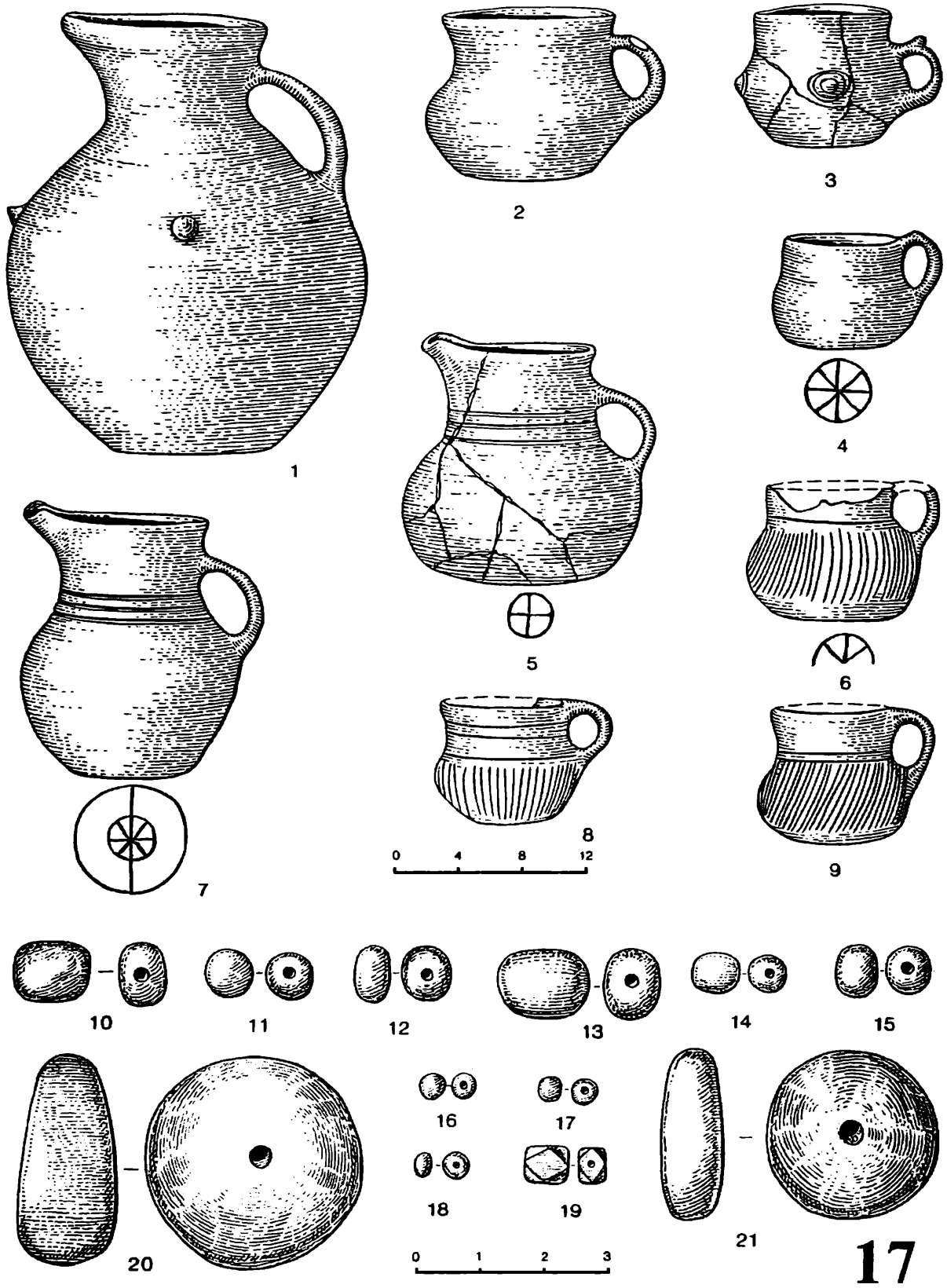

Рис. 30. Комплекс катакомбы 17

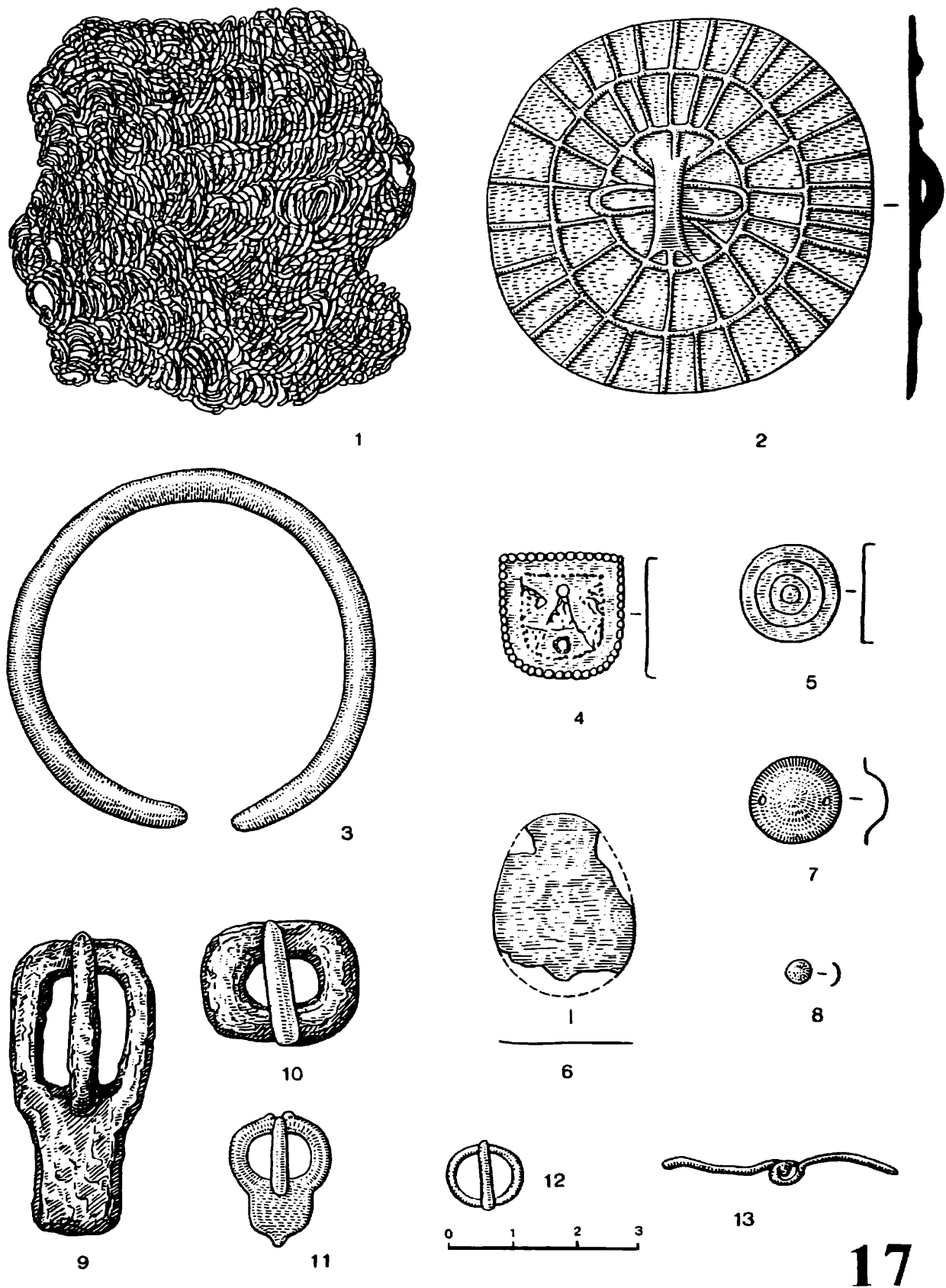

Рис. 31. Комплекс катакомбы 17

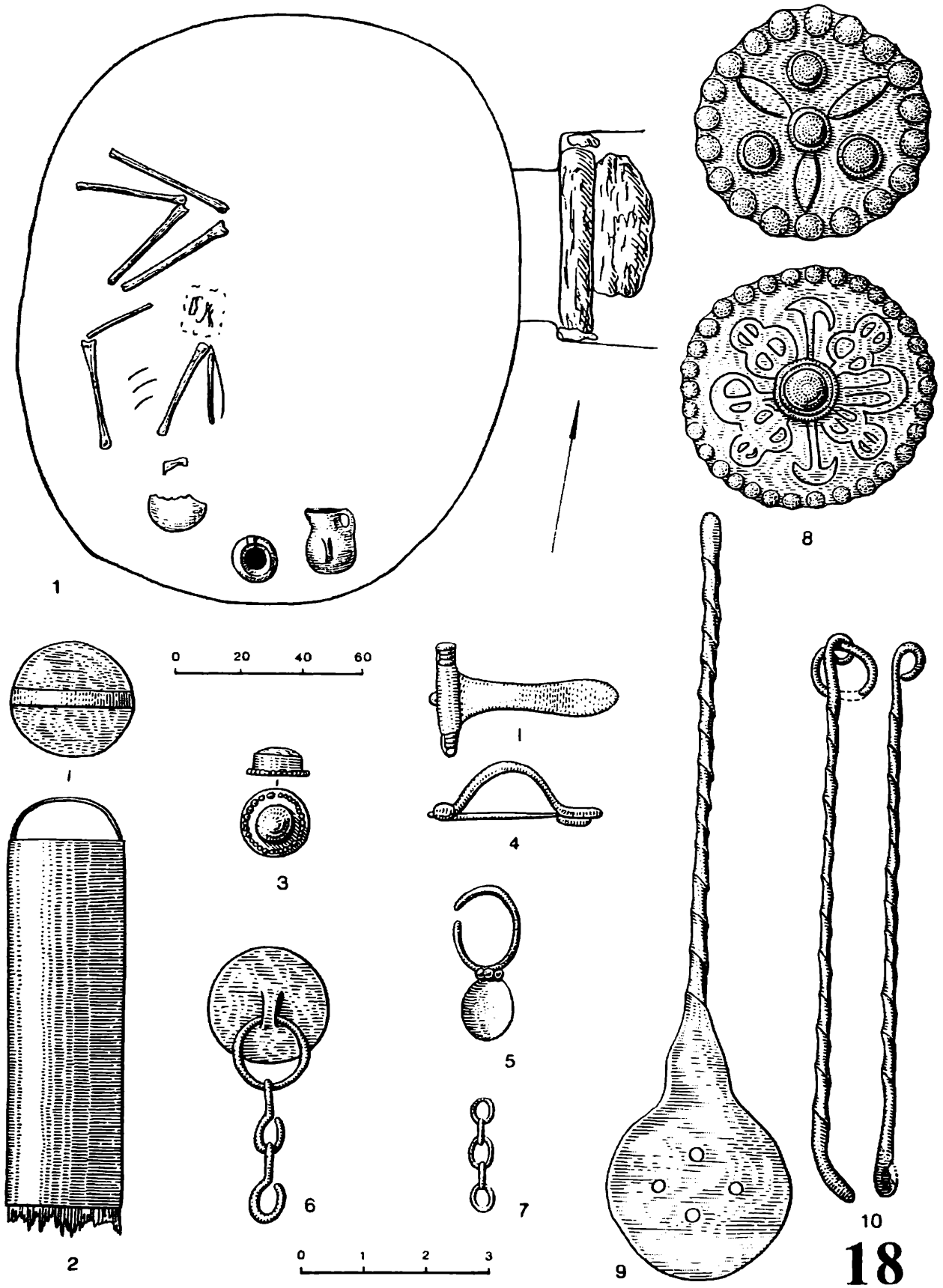

Рис. 32. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 18

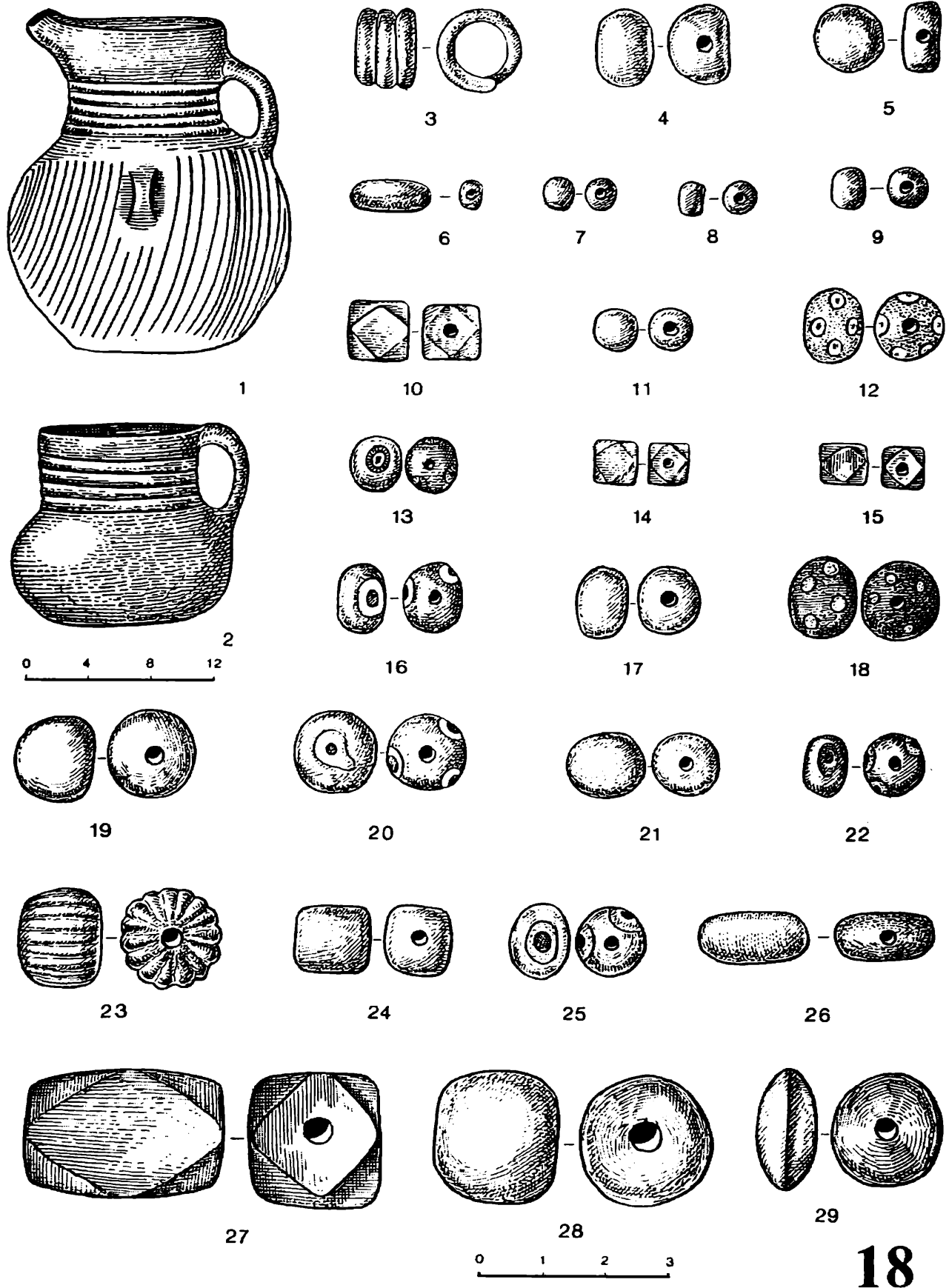

Рис. 33. Комплекс второй четверти VII – рубежа VI–VIII вв. из катакомбы 18

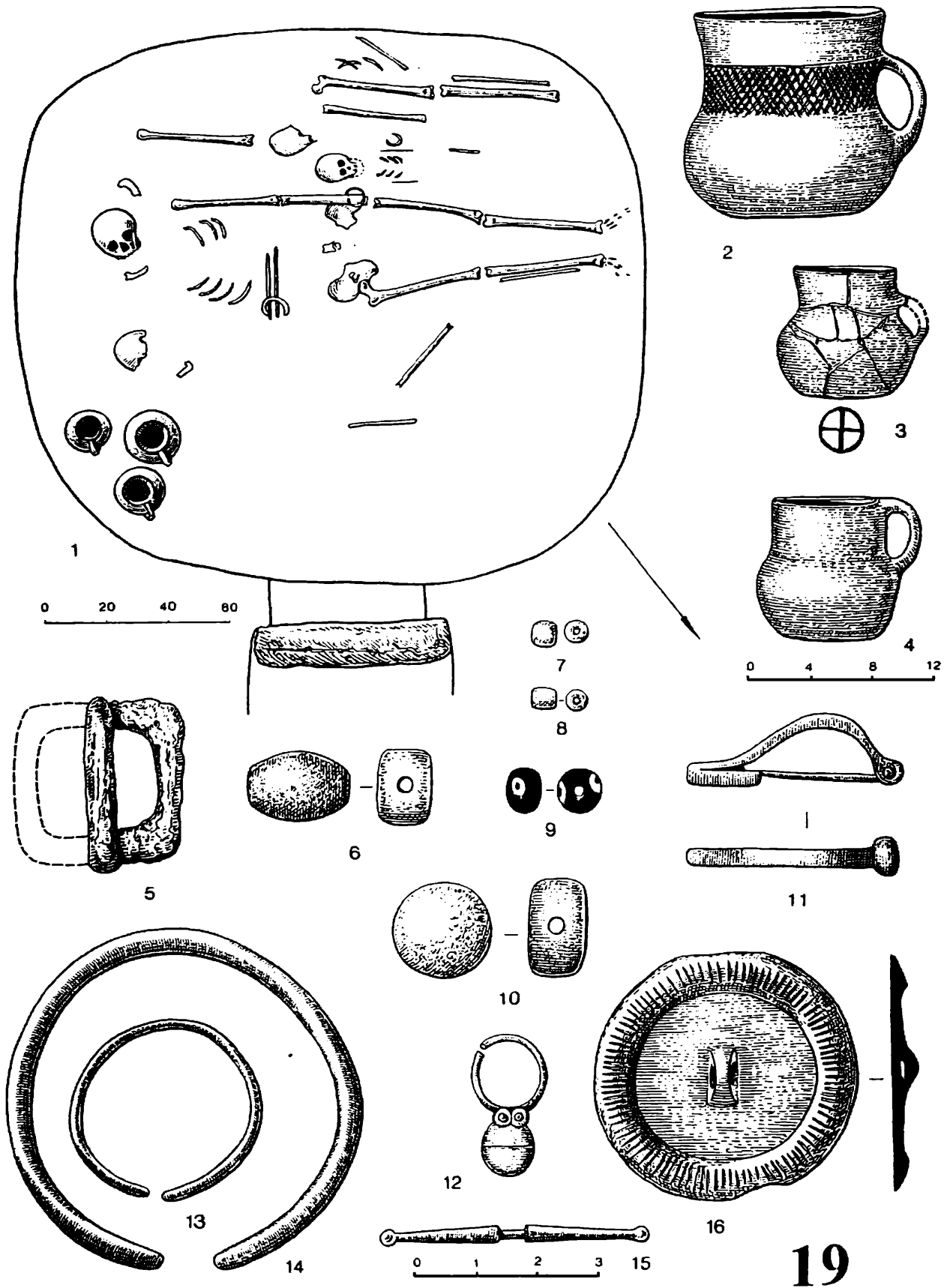

Рис. 34. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 19

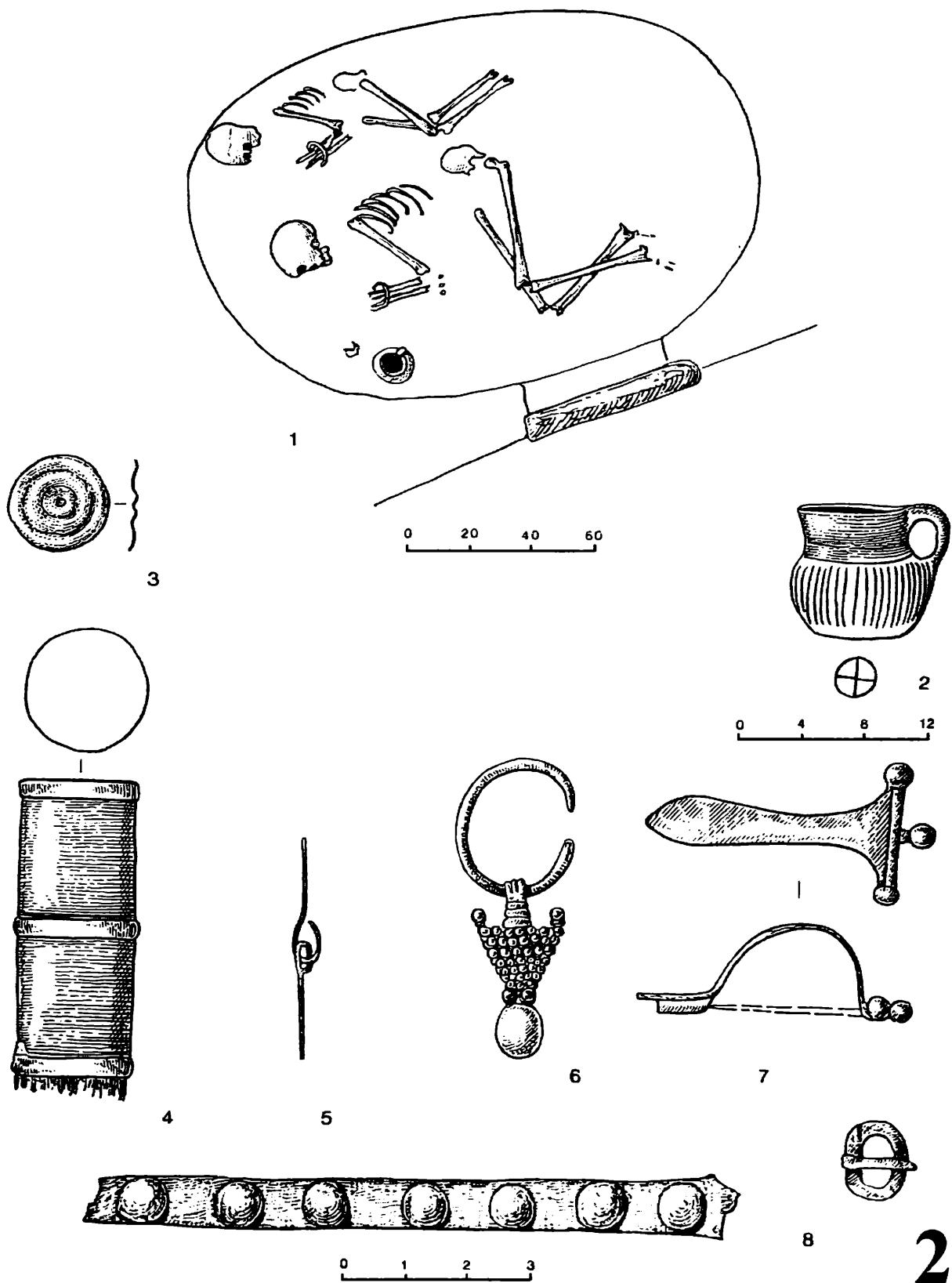

Рис. 35. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 20

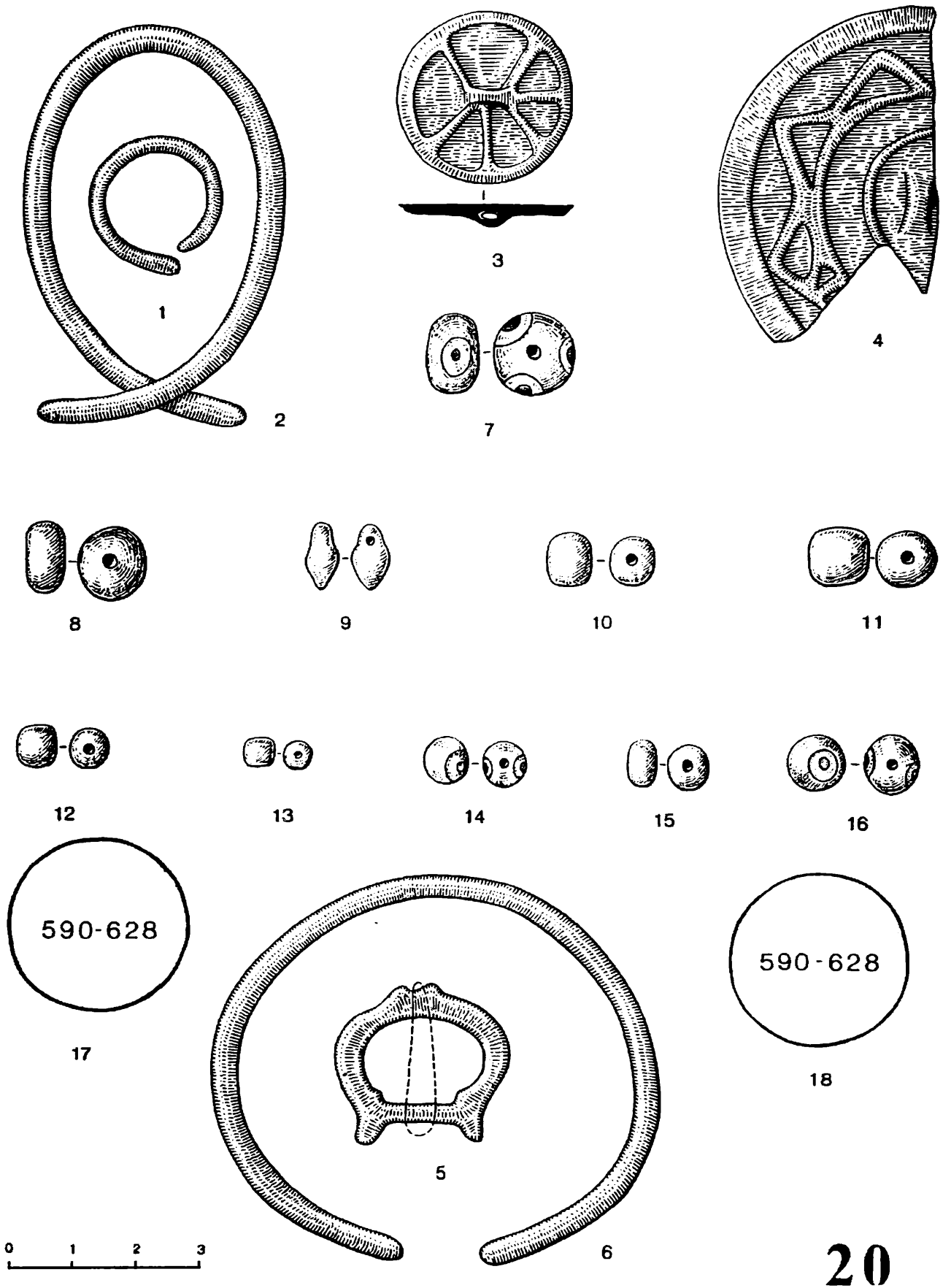

Рис. 36. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 20

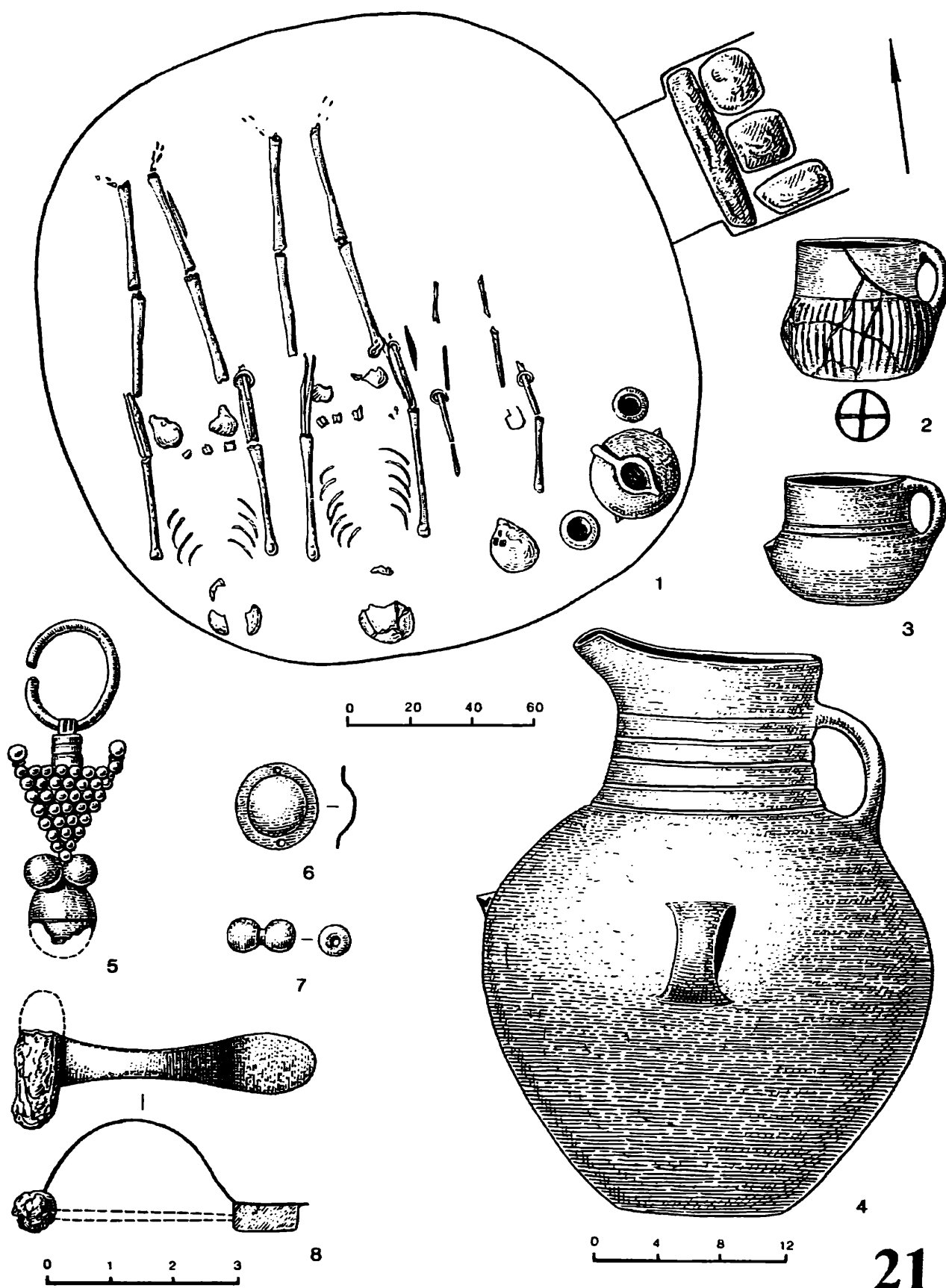
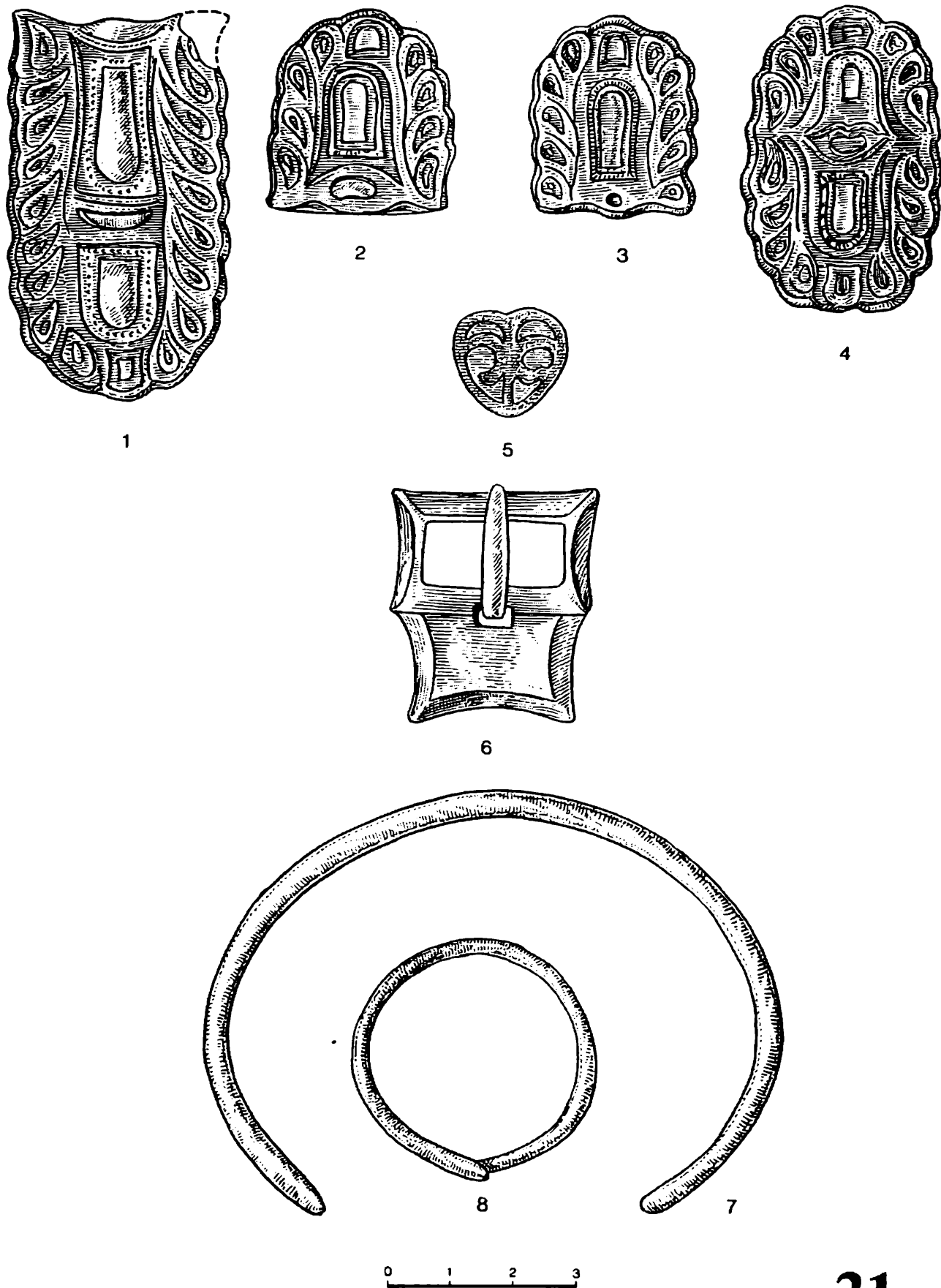

Рис. 37. Комплекс второй четверти V:I – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 21

21

Рис. 38. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 21

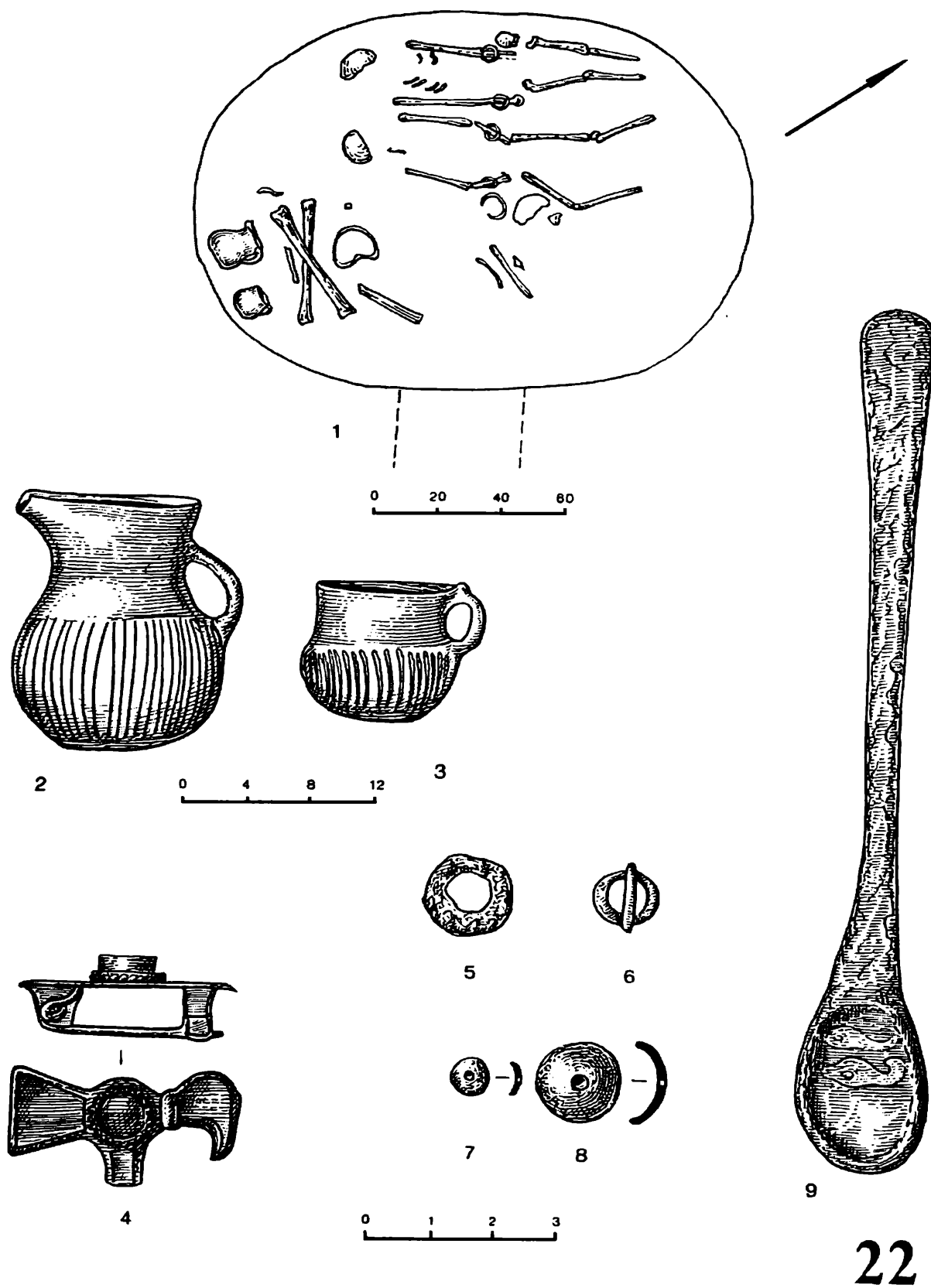
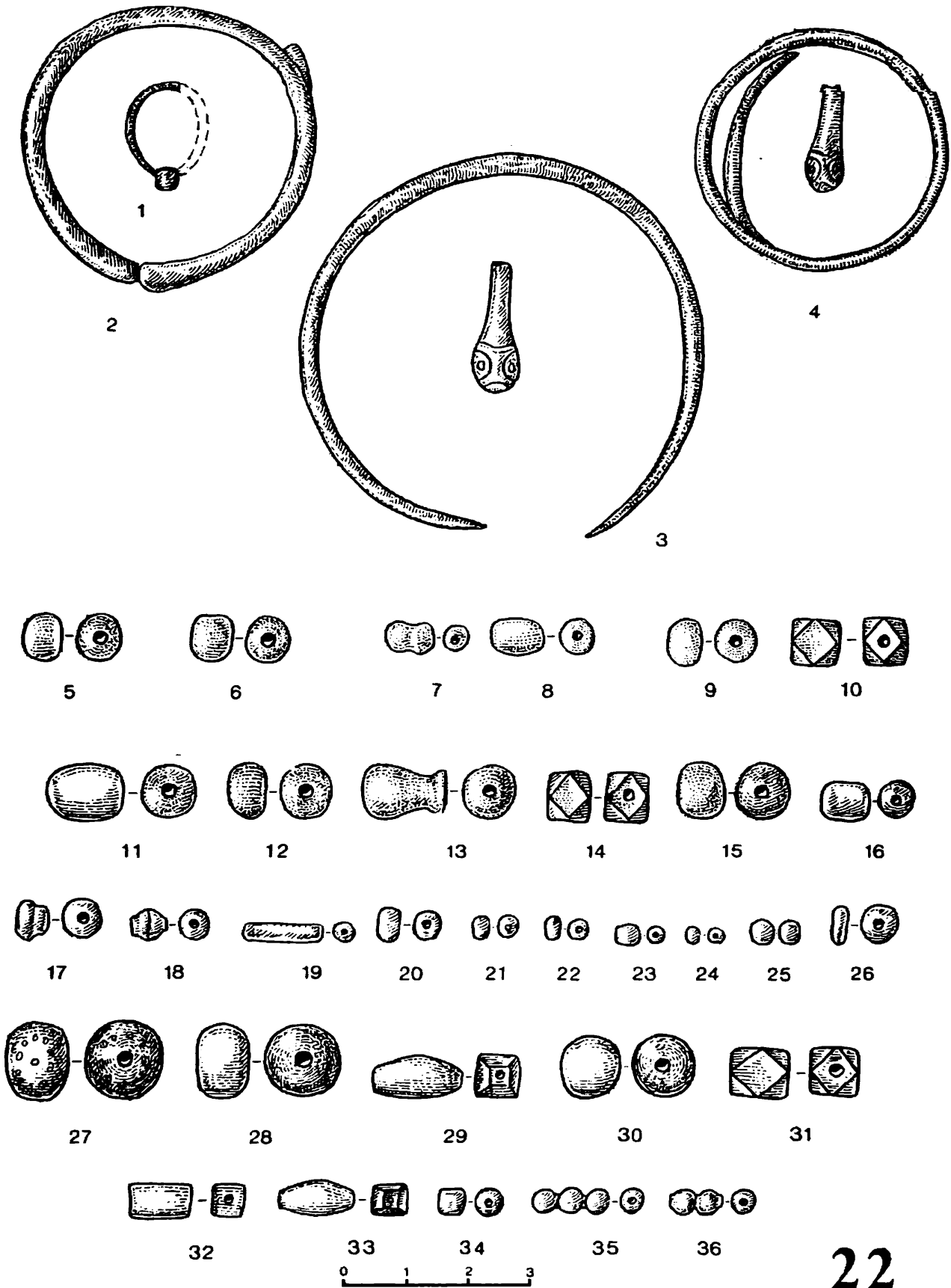

Рис. 39. Комплекс катакомбы 22

22

Рис. 40. Комплекс катакомбы 22

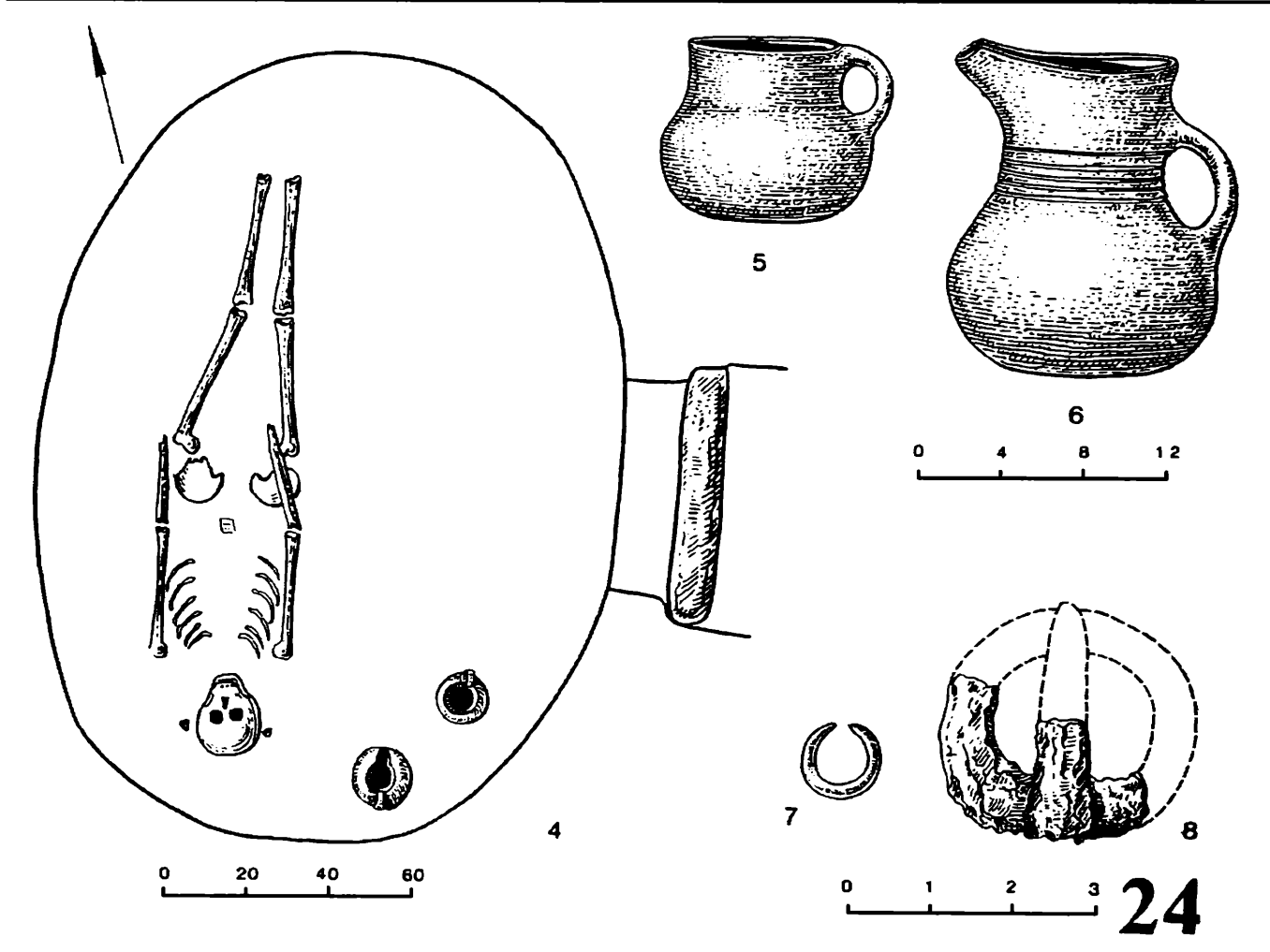
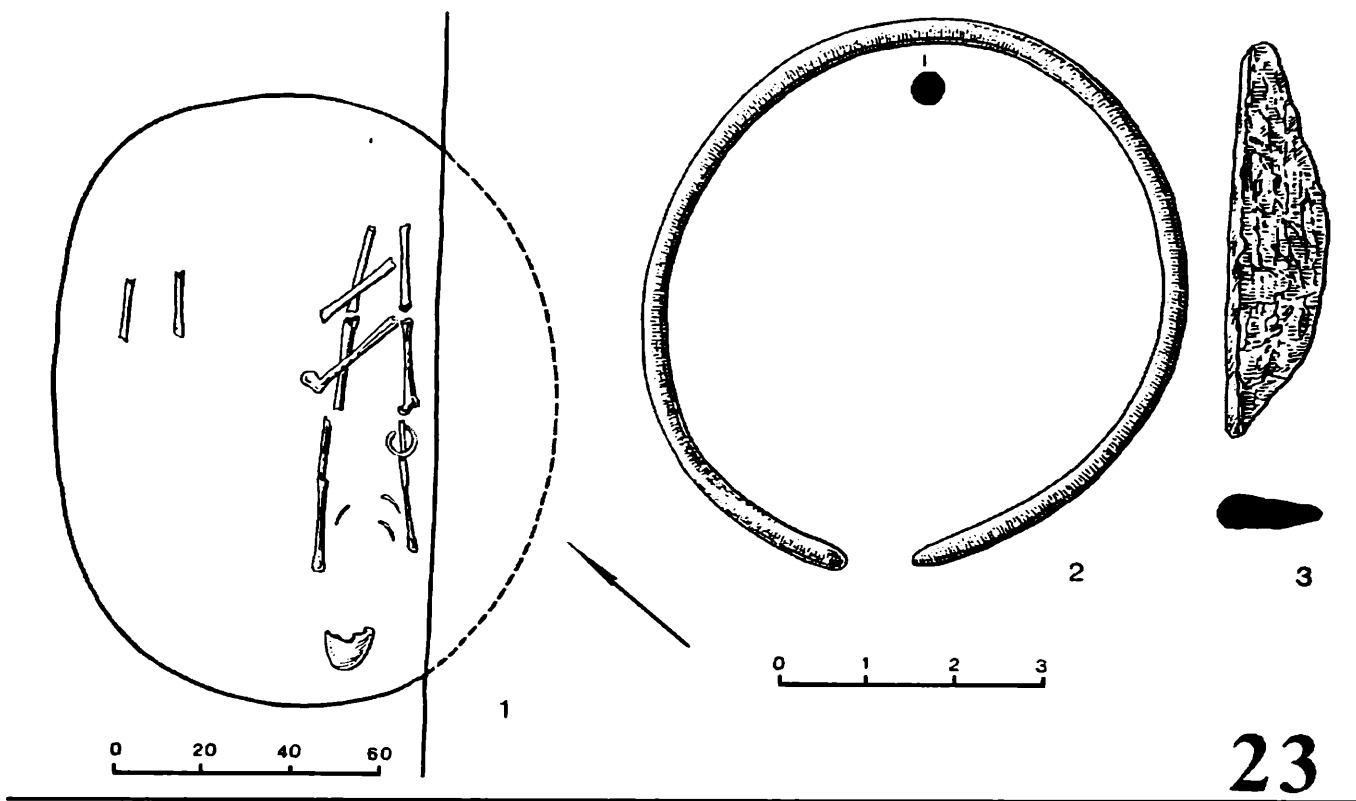

Рис. 41. Комплексы из катакомб 23 и 24

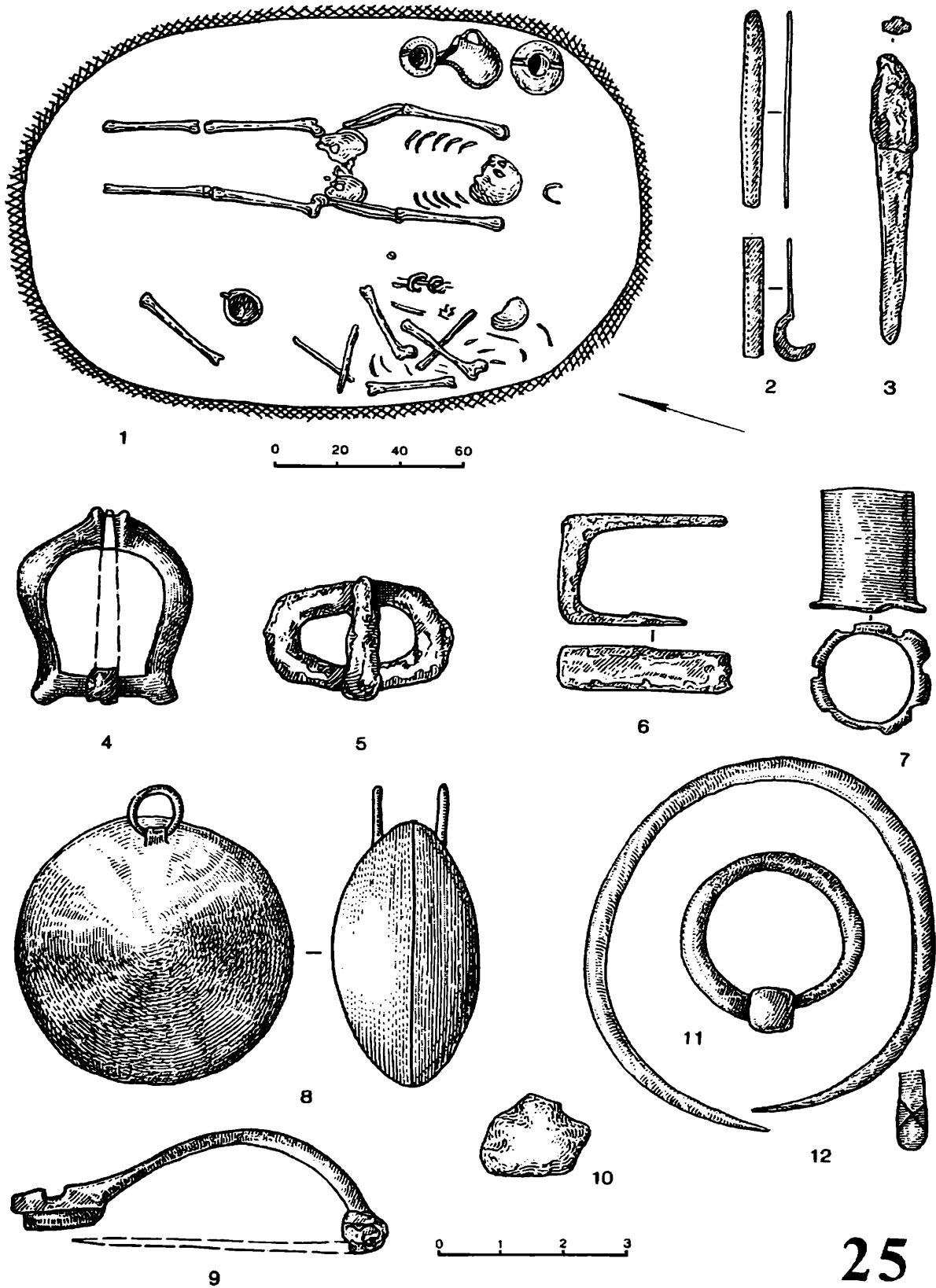

Рис. 42. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 25

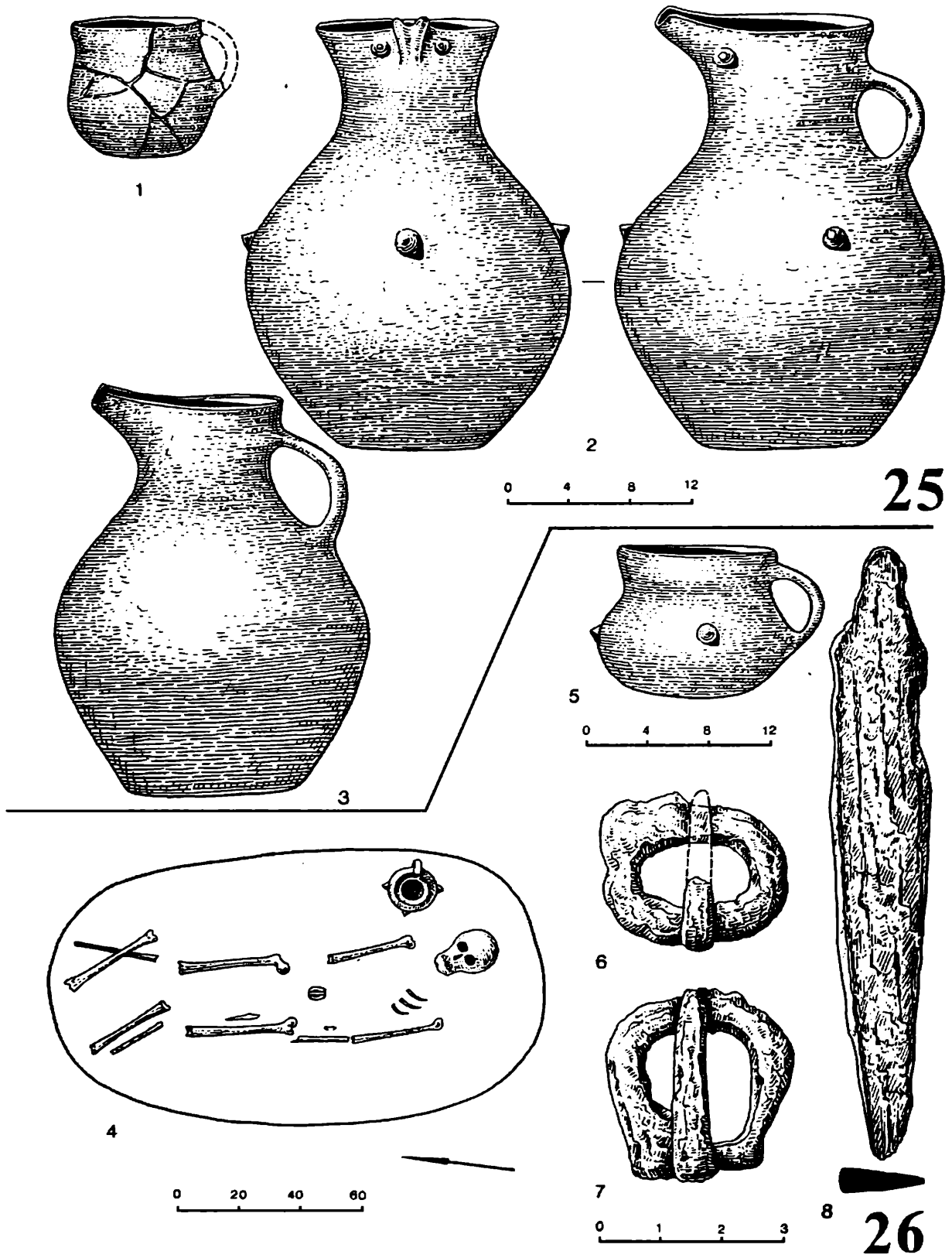

Рис. 43. Комплексы из катакомб 25 и 26

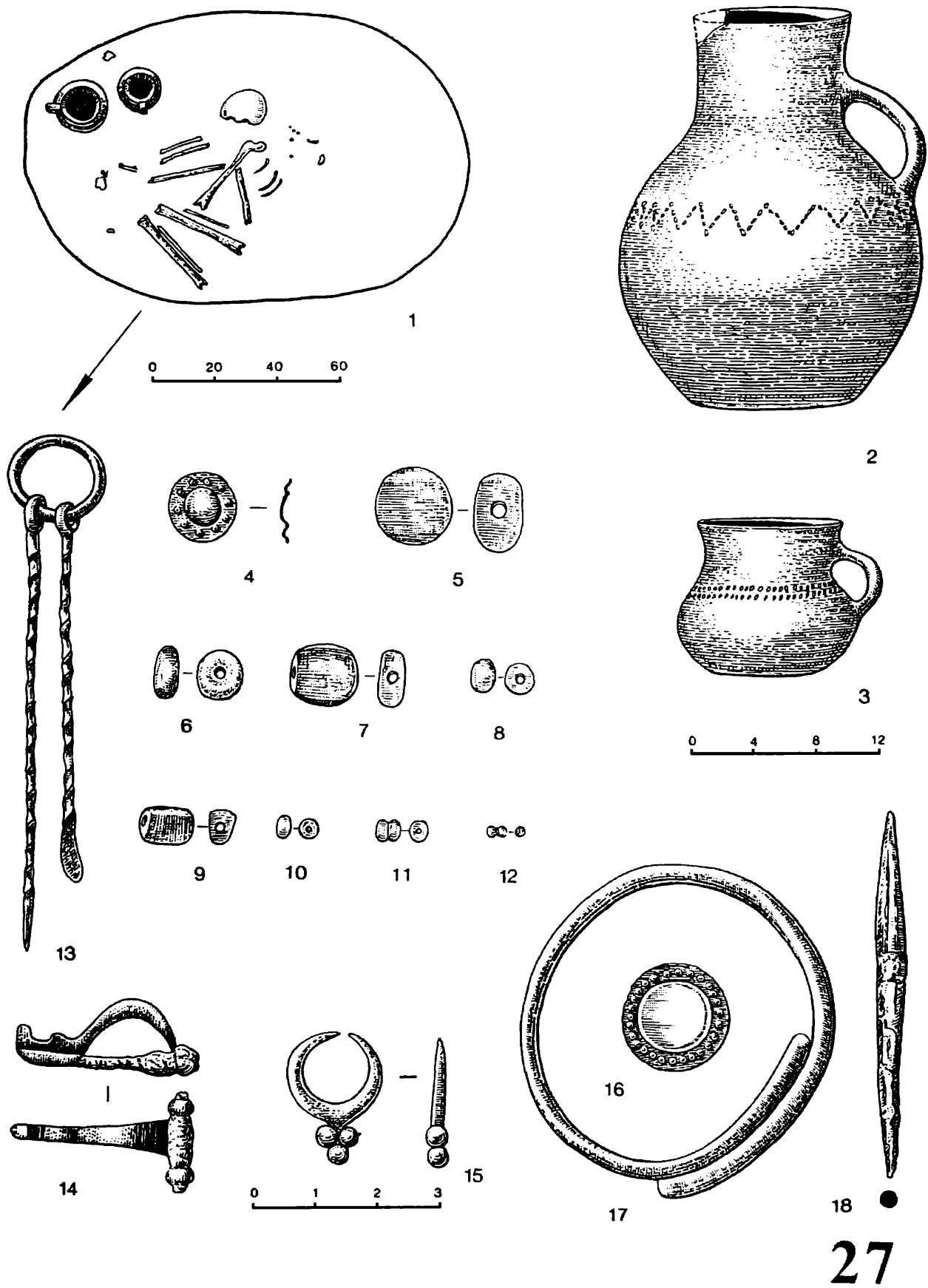
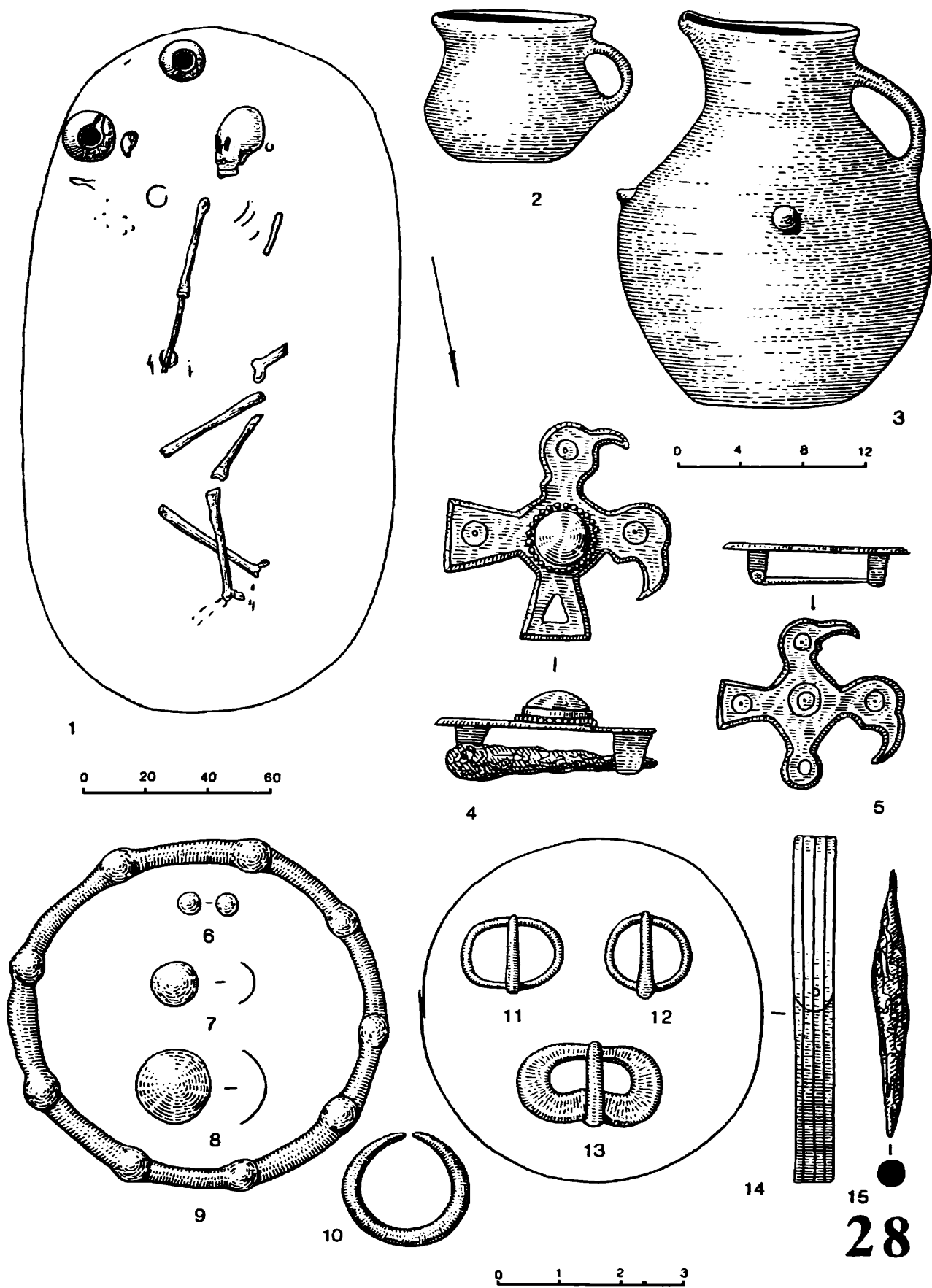

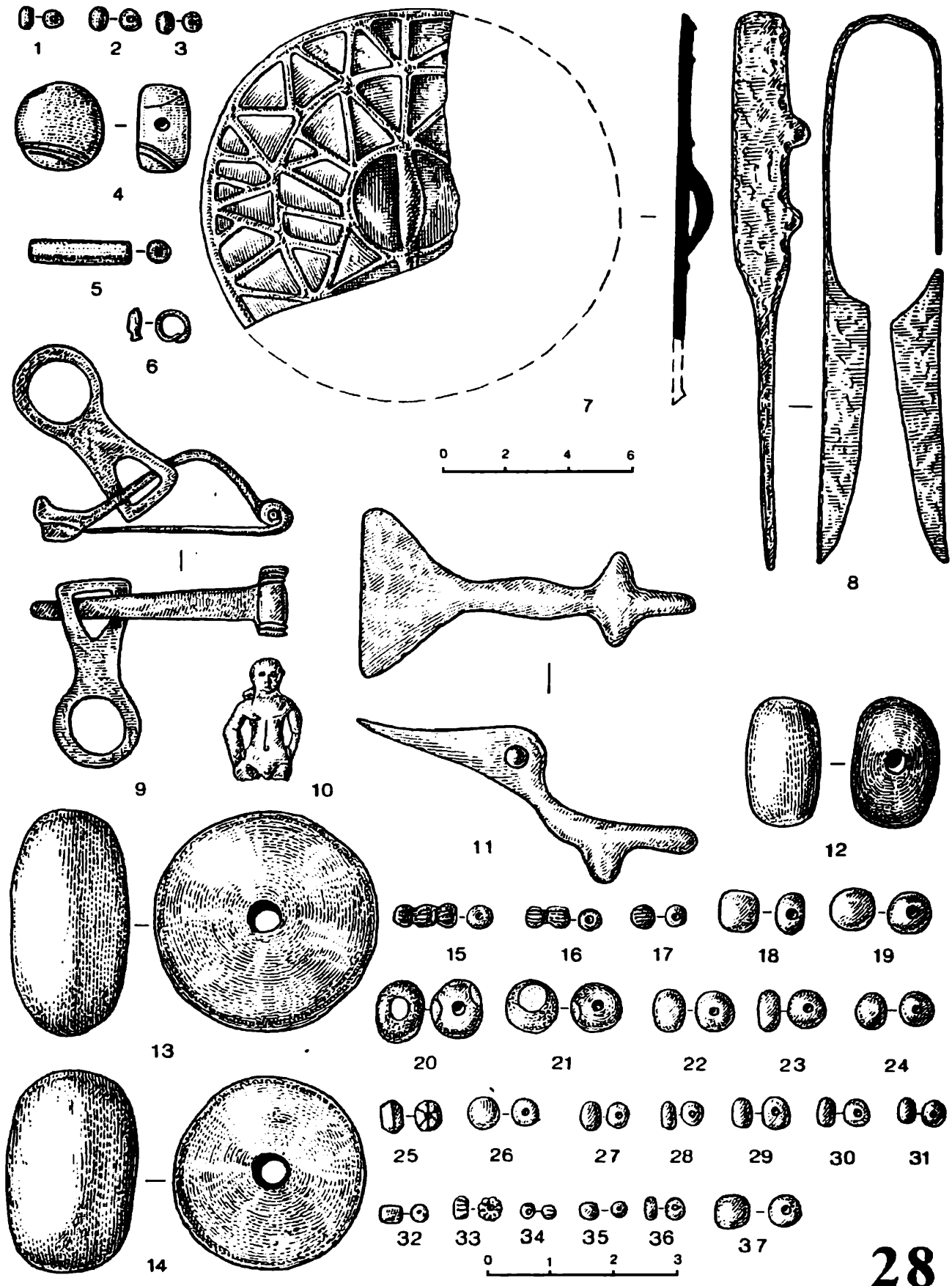
Рис. 44. Комплекс катакомбы 27

28

Рис. 45. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 28

28

Рис. 46. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 28

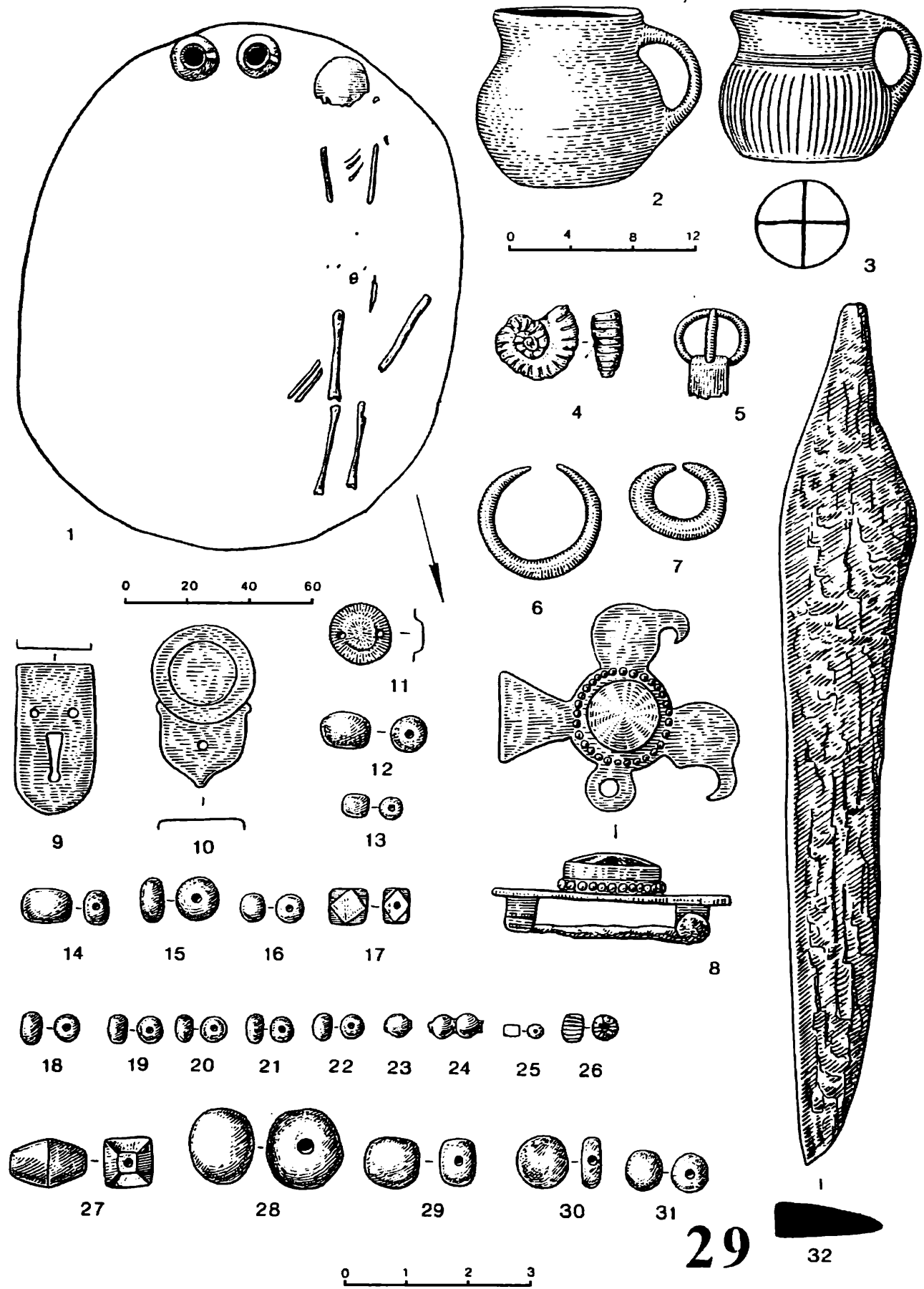

Рис. 47. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 29

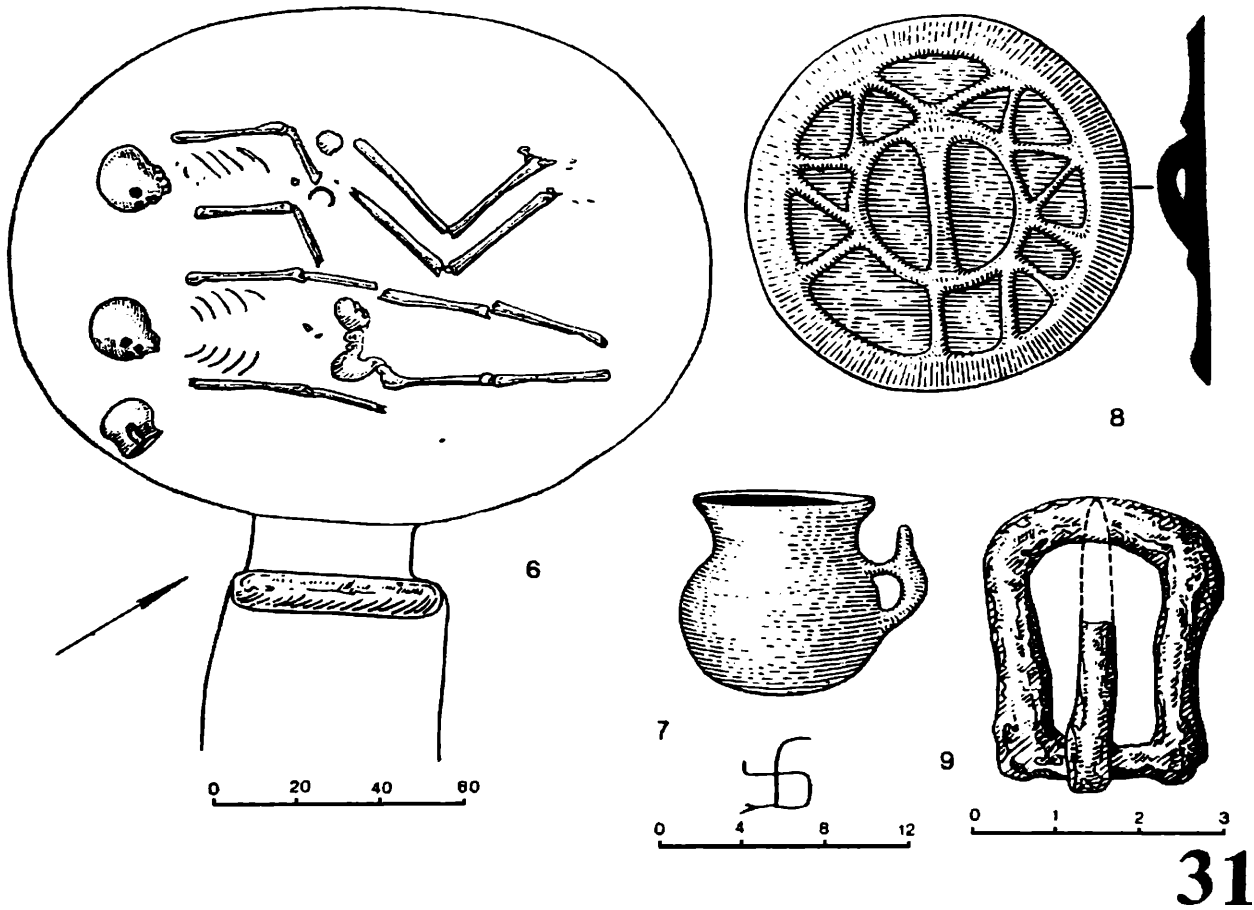
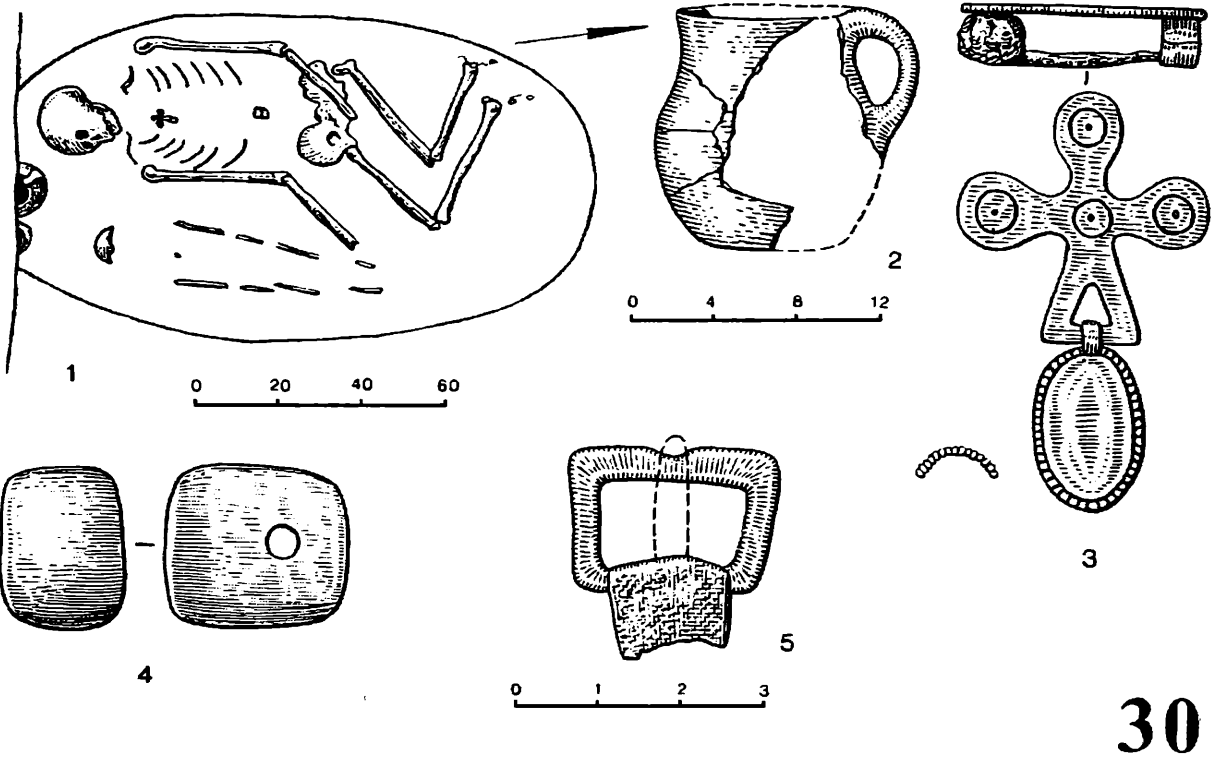
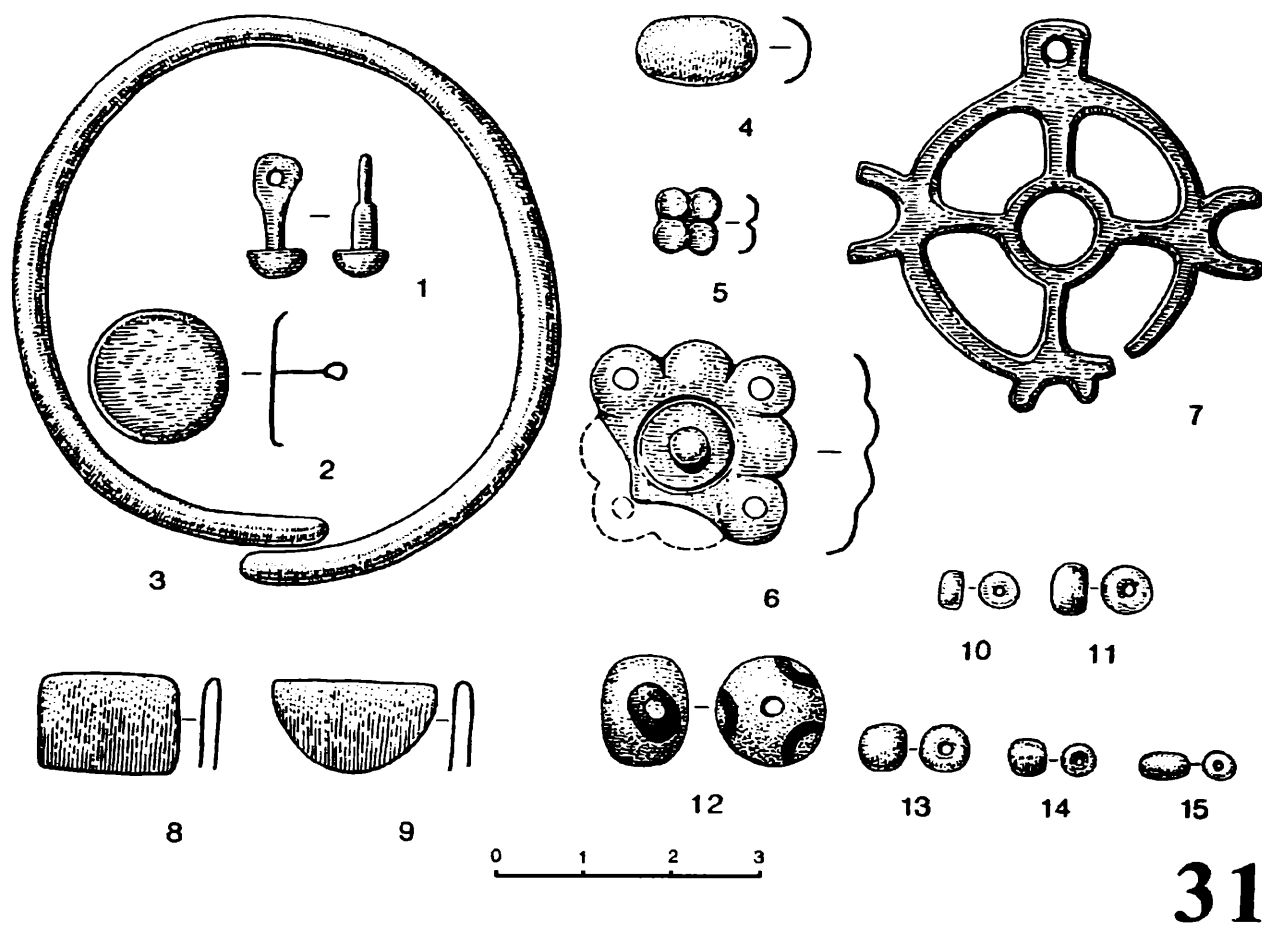
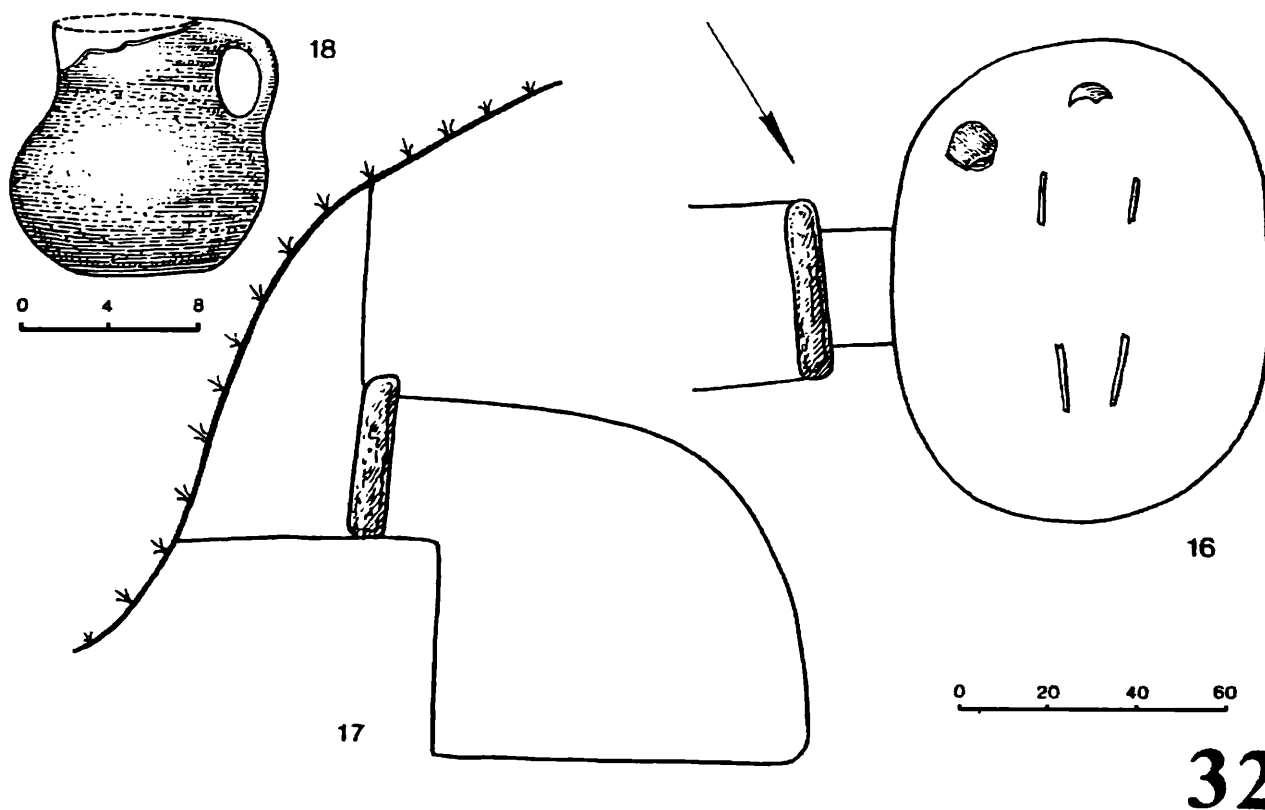

Рис. 48. Комплексы из катакомбы 30 и катакомбы 31

31

32

Рис. 49. Комплексы из катакомбы 31 и катакомбы 32

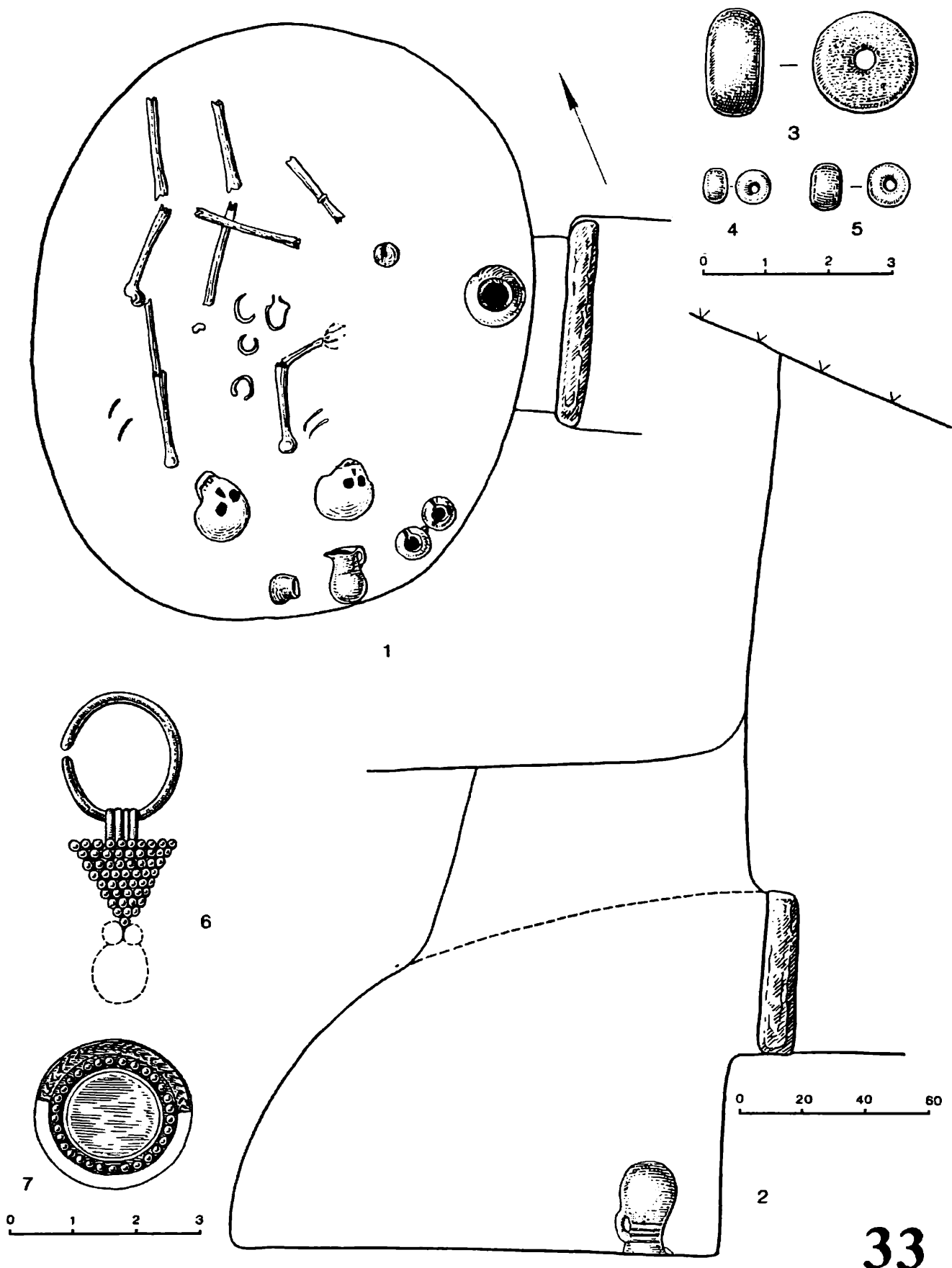
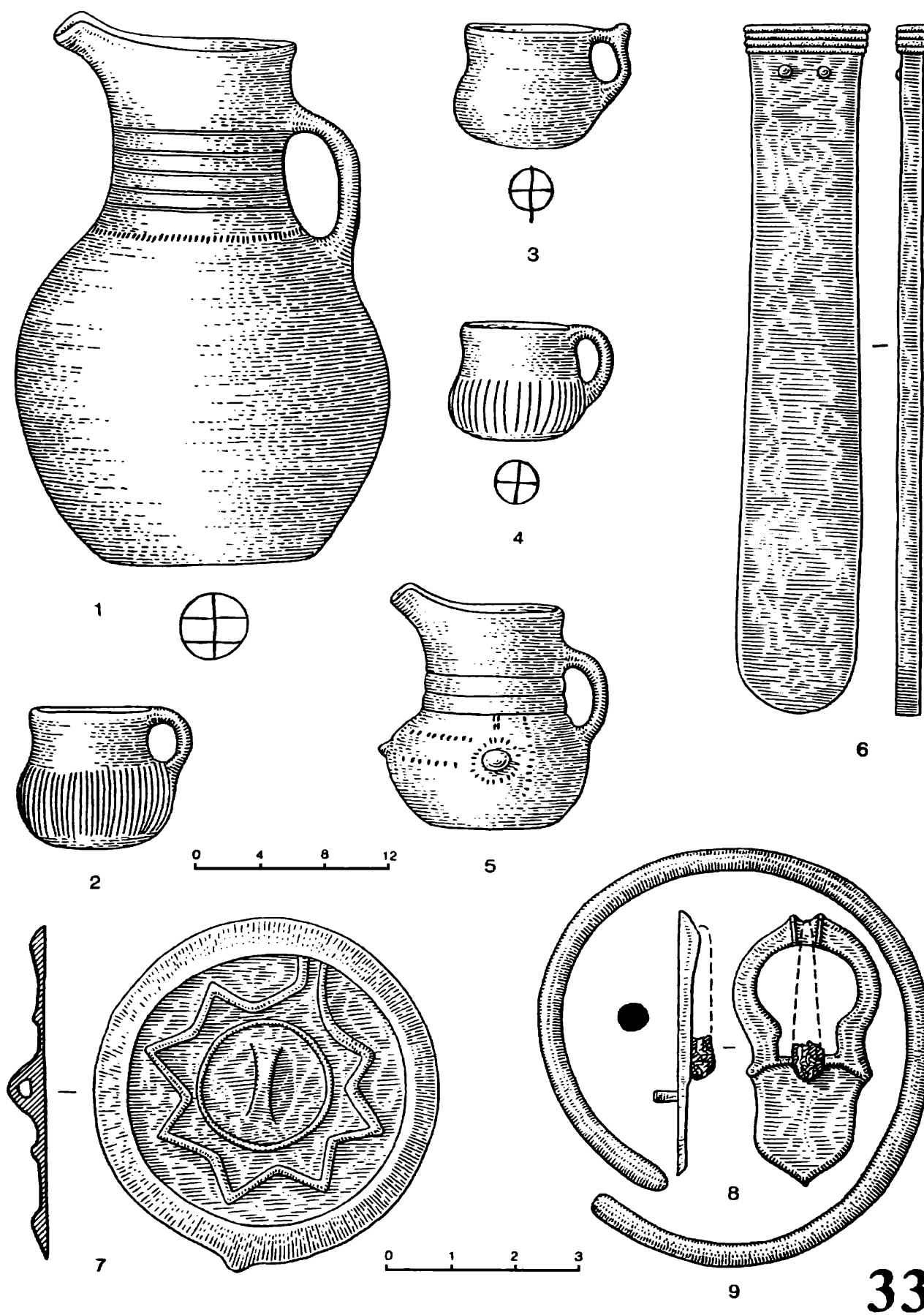
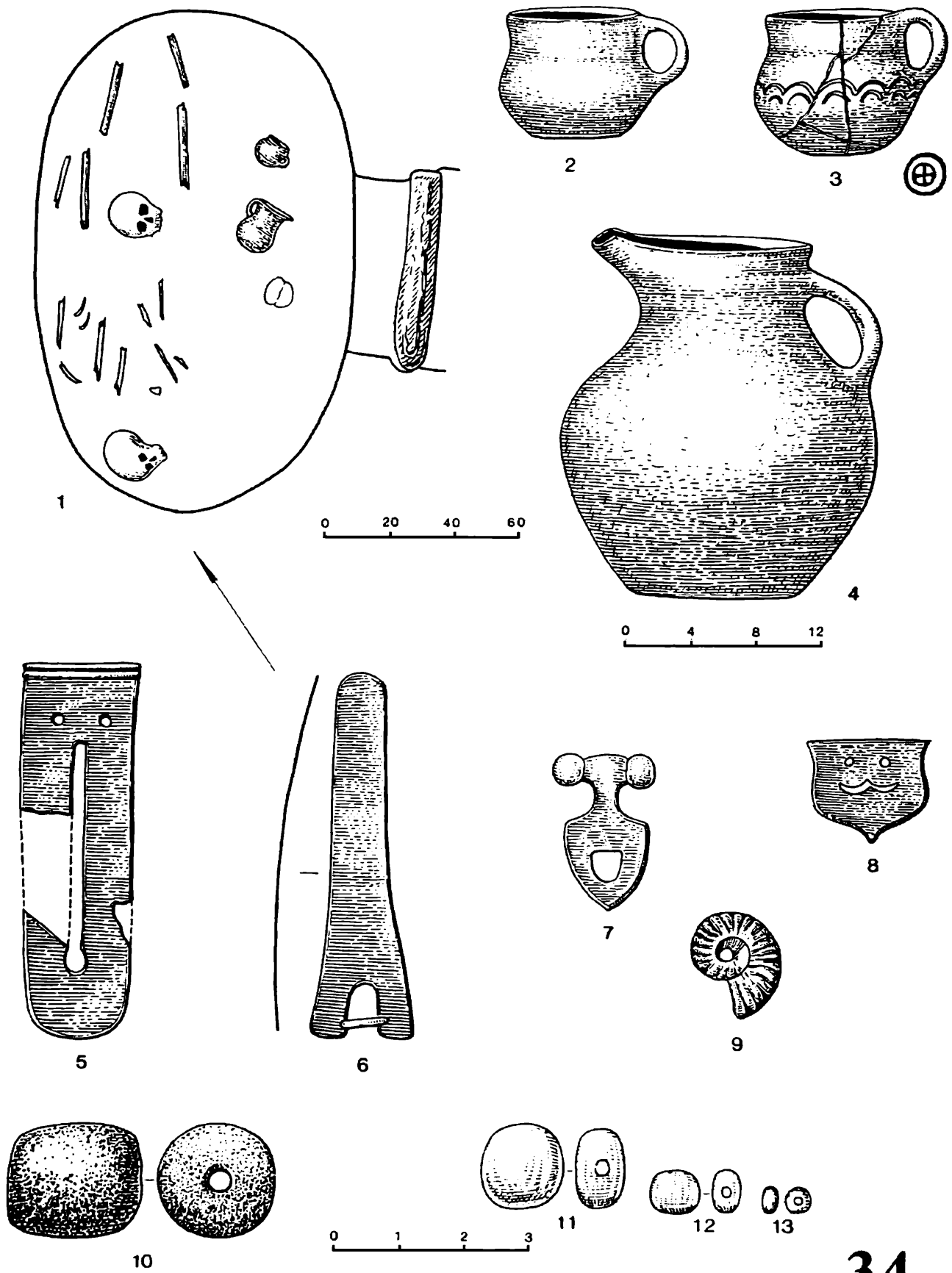

Рис. 50. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 33

33

Рис. 51. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 33

34

Рис. 52. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 34

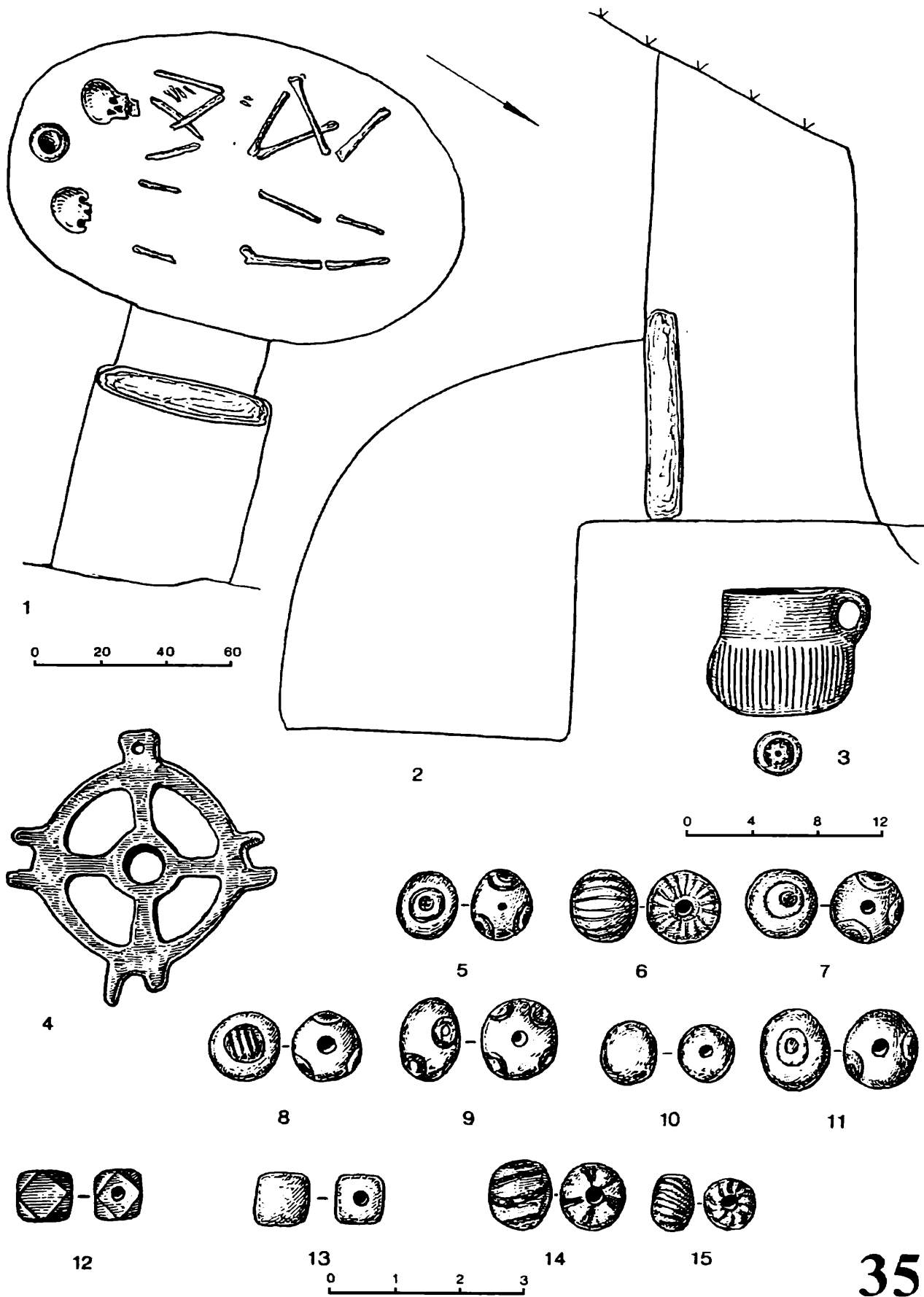

Рис. 53. Комплекс катакомбы 35

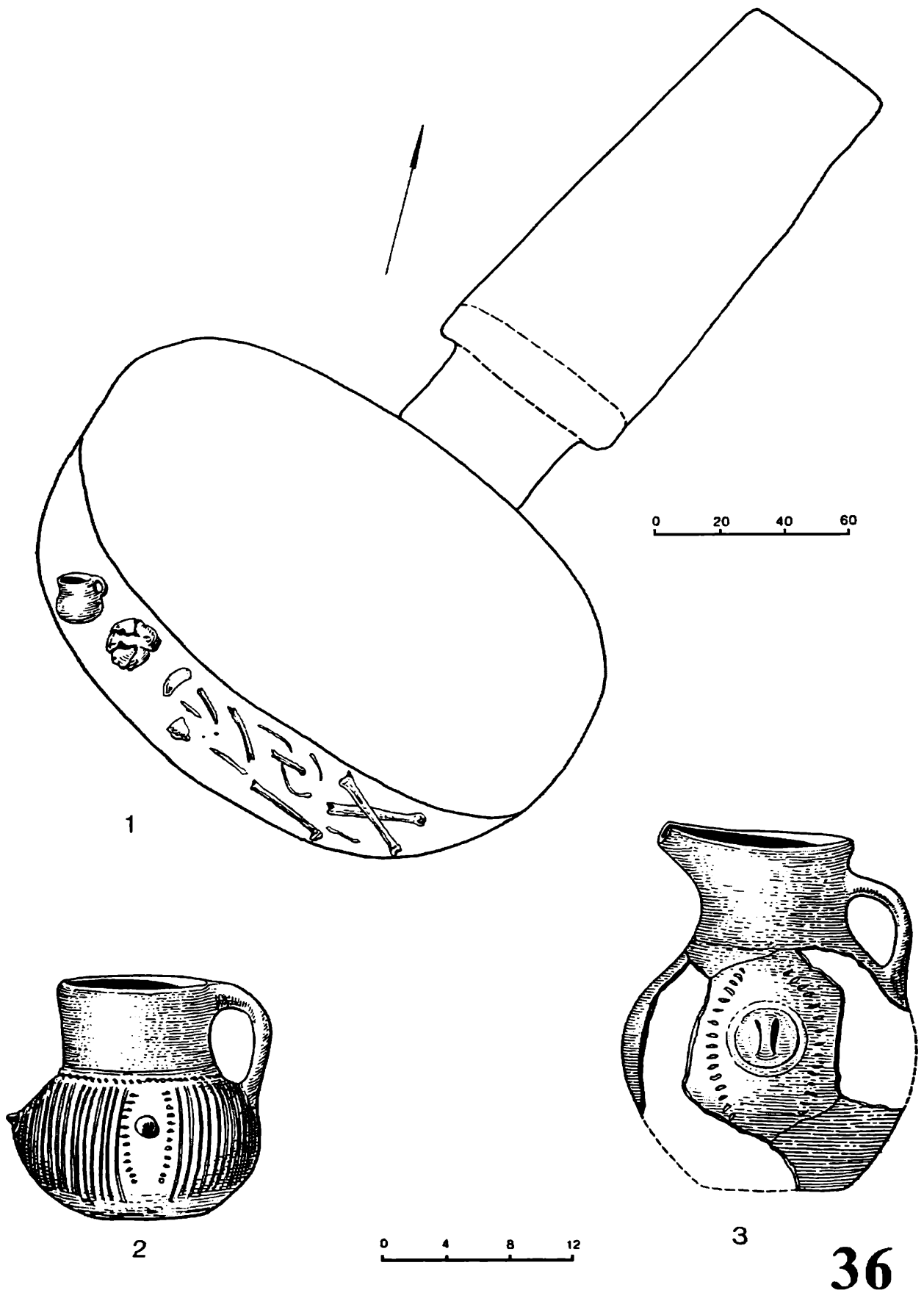

Рис. 54. Комплекс катакомбы 36

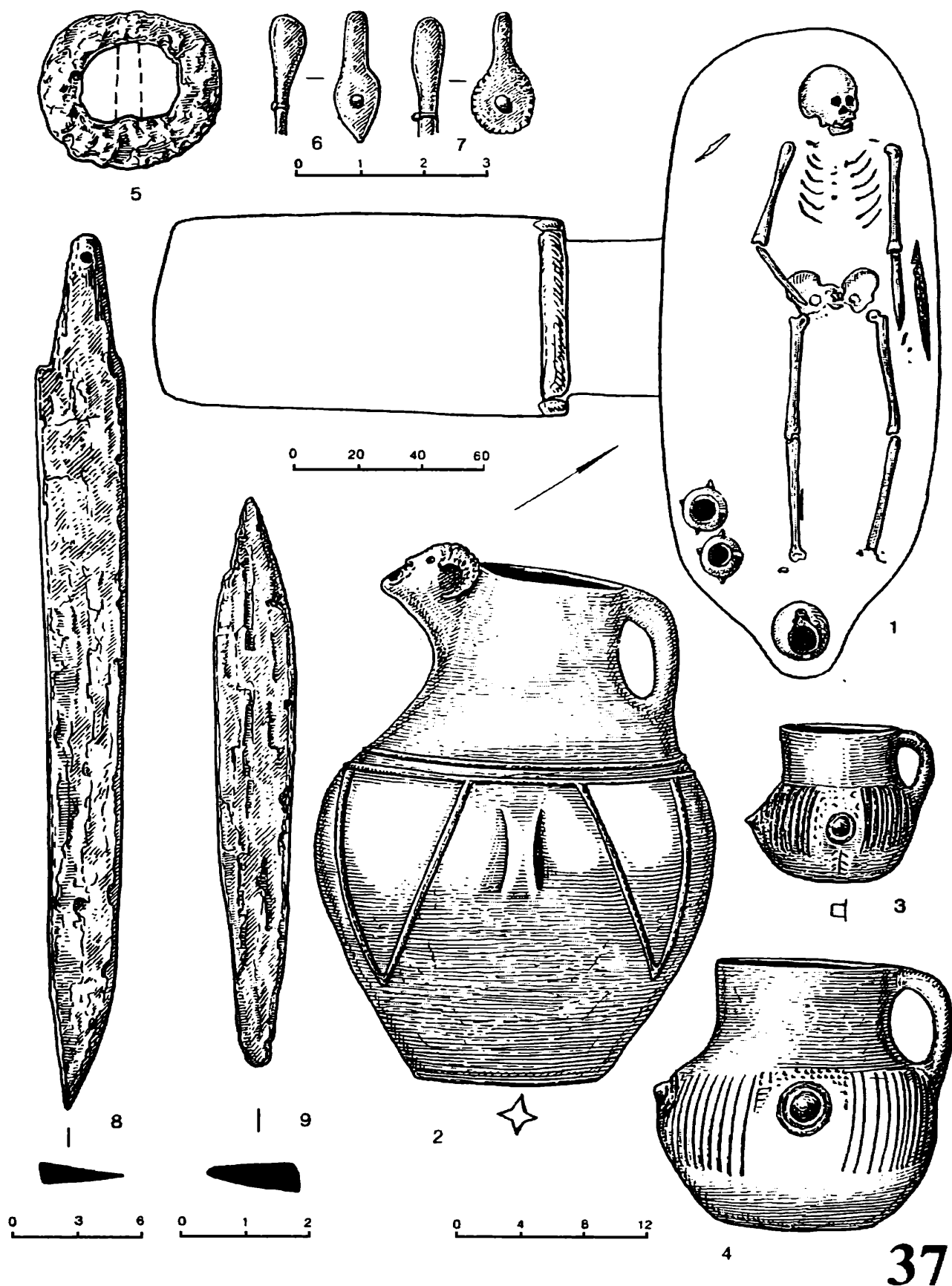

Рис. 55. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 37

Рис. 56. Комплекс катакомбы 38

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1970 ГОДА

Катакомба 39

Камеру сильно повредил бульдозер, выравнивая дорогу. Судя по сохранившейся части, катакомба имела вид овала размерами 1,85×1,24 м. У юго-западной стенки лежали в куче человеческие кости (рис. 57-1), а около них – два раздавленных сосуда типа кружек, черного цвета (рис. 57-2, 3). Среди костей найдены копоушка из бронзы (рис. 57-6), арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 57-4) и кусочек смоловидного вещества (рис. 57-5). Судя по положению костей, инвентаря и плотности грунта, погребение подвергалось ограблению.

Катакомба 40

Овальное могильное пятно обнаружилось в проезжей части дороги. При исследовании выяснилось, что дно камеры размерами 1,83×1,30 м находилось на 0,50 м ниже уровня дороги, но никаких следов костей и инвентаря в камере не оказалось (рис. 57-7).

Катакомба 41

Дромос обнаружился в размытом склоне. Перед камнем, подпиравшим входную плиту, найдено несколько черепков, но восстановить по ним форму и размеры сосуда было невозможно. Камера имела вид овала размерами 1,95×1,11 м. Потолок полусферический. Пол на 0,54 м ниже входного отверстия. Оба сильно перемешанных грызунами скелета лежали головами на юго-запад (рис. 58-1). Около южной стенки стояли два сосуда типа

кружек, с орнаментом и без клейма на дне (рис. 58-2, 3). В районе пояса костяка, лежавшего под входным отверстием, найдена плохо сохранившаяся железная пряжка (рис. 58-5). Около западной стенки, у левой тазовой кости второго скелета, лежал сломанный железный нож (рис. 58-4), а в районе пояса – пряжка из листовой бронзы со стеклянными вставками на щитке (рис. 58-6). Внутри пряжку заполняла белая паста, которую прикрывала кожа. Между погребенными лежало, очевидно, железное шило (рис. 58-7).

Катакомба 42

Камера обнаружена по образовавшемуся провалу. В овальной камере размерами 1,90×1,05 м лежал на спине костяк с вытянутыми конечностями, ориентированный головой на юго-восток. Берцовые кости перекрещены (рис. 59-1). У правого виска стоял орнаментированный сосуд типа кружки (рис. 59-3). Орнамент нанесен штампом, оставляющим отпечаток из четырех точек (рис. 59-3). Вторая кружка (рис. 59-4) находилась у ног погребенного. Около левой руки лежали кремь (рис. 59-6), бронзовая пряжка (рис. 59-7) и железный нож (рис. 59-5). При исследовании дромоса выяснилось, что входную плиту подпирали три камня, около которых лежал разбитый сосуд – тоже типа кружки (рис. 59-2).

Катакомба 43

Дромос сделан в виде шахты (рис. 60-2). Вход в камеру закрывала плита. В маленькой овальной камере (1,65×0,92 м) лежал на правом боку плохо

сохранившийся скелет (рис. 60-1). Пол погребенного определить не удалось. Никаких предметов на костяке не обнаружено. Только перед лицом погребенного стояла кружка (рис. 60-3) с клеймом на дне. В северном углу камеры кучкой лежали кости второго погребенного и деформированный череп.

Катакомба 44

Вход сделан из шахты (рис. 61-2). Входное отверстие закрывала плита, которую со стороны шахты подпирали два камня. Размеры овальной камеры 2,20×1,20 м. Почти в центре в заполнении лежали череп и тазовая кость, остальные кости были свалены к южной стенке (рис. 61-1). Здесь же стояли два сосуда типа кружек (рис. 61-3, 4). Никаких других предметов в камере не оказалось. Камера подвергалась ограблению.

Катакомба 45

Шахта оказалась довольно глубокой – до 3,30 м у входного отверстия. Лаз в камеру закрывала плита, которую заклинивали два камня и подпирали третий. Перед плитой стоял раздавленный горшок баночной формы (рис. 62-2) и лежали истлевшие кости какого-то животного. В заполненной грунтом камере, которая имела овальную форму размерами 2,30×1,30 м, лежали два плохо сохранившихся костяка (рис. 62-1).

У северо-восточной стенки лежал на спине, с вытянутыми конечностями, первый скелет. В районе пояса найдены бронзовая фибула с железной иглой (рис. 62-6) и четыре пластинки из листовой бронзы – три поясные накладки (рис. 62-8, 9, 10) и поясной наконечник (рис. 62-7). Около южной стенки стояли три сосуда: две кружки (рис. 62-4, 5) и кувшинчик с носиком-сливом (рис. 62-3); на дне одного из сосудов клеймо (рис. 62-5).

Второй скелет лежал с подогнутыми ногами (рис. 62-1). У запястья левой руки находился проволочный бронзовый браслет (рис. 62-14). Рядом с остатками черепа найдены два соединенных колечка (рис. 62-11), две бронзовые серьги (рис. 62-12, 13) и бусы: одна костяная (рис. 62-15), одна янтарная (рис. 62-17), одна стеклянная (рис. 62-16), две пастовые (рис. 62-18, 20) и три из желтой пасты (рис. 62-19). Когда мы заканчивали зачистку камеры 45, часть свода обрушилась, и среди грунта на-

чали падать обломки сосудов. При исследовании выяснилось, что над частью купола камеры 45 прокопан дромос в камеру 46.

Катакомба 46

В дромосе находились два кувшина (рис. 63-4, 6) и сосуд типа кружки (рис. 63-5). Вход закрывала плита. Камера овальная, размерами 1,98 x 1,30 м. Вдоль северной стенки в ряд стояли три кружки (рис. 63-2, 3, 7). Череп и другие кости свалены к северо-западной стенке (рис. 63-1). Среди костей мы нашли копоушку и, видимо, ногтечистку (рис. 63-8), а также железный нож (рис. 63-9). Судя по положению костей и инвентаря, камера подвергалась ограблению.

Катакомба 47

В юго-западной стенке камеры 46 обнаружена дыра в следующую камеру, также заполненную грунтом. Камера овальная, размерами 1,70×1,15 м. Вход закрывала плита. В дромосе сосудов не оказалось. На полу камеры без следов от подстилки лежали два вытянутых скелета, ориентированные головами на юго-запад (рис. 64-1). Сохранность костей очень плохая. Около юго-западной стенки стоял сосуд типа кружки (рис. 64-5), а рядом лежало бронзовое зеркало (рис. 64-8). При костяке, лежавшем у западной стенки, был железный нож.

Около черепа второго скелета найдены две бронзовые серьги (рис. 64-2). На левой руке находился проволочный бронзовый браслет (рис. 64-11). В области пояса обнаружены маленькое бронзовое зеркало (рис. 64-10), бронзовая подвеска – колесовидный амулет (рис. 64-7), бронзовый колокольчик (рис. 64-6) и арбалетовидная бронзовая фибула с железной иглой (рис. 64-9).

На грудной клетке находились пастовые бусы: две из серой пасты с бело-синими глазками (рис. 64-19), две бежевые с коричнево-белыми глазками (рис. 64-20), одна синяя с салатовыми глазками (рис. 64-21), одна черная с коричневыми глазками (рис. 64-22), две голубые с желто-красными глазками (рис. 64-12), одна серая с желто-синими глазками (рис. 64-13), одна желтая с зелеными глазками (рис. 64-14) и шесть стеклянных (рис. 64-15–18, 23, 24). Кроме этих предметов, здесь была бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 64-4).

Катакомба 48

Камера обнаружена по дромосу. Плиту, закрывавшую вход, подпирали четыре камня, а перед ними лежали обломки от сосуда типа кружки, который частично удалось восстановить (рис. 65-4). Пол овальной камеры размерами 1,88×0,99 м находился на 0,75 м ниже входного отверстия (рис. 65-2). Женский скелет с деформированным черепом лежал на правом боку, со слегка подогнутыми ногами, головой на юго-запад (рис. 65-1). Перед лицом погребенной обнаружен след от совершенно разрушившегося керамического сосуда. Около височной кости найдена бронзовая серьга в виде колечка (рис. 65-5). У коленных суставов на боку лежал керамический сосуд-кружка (рис. 65-3). Никаких других предметов в камере не оказалось.

Катакомба 49

Дромос сохранился только частично (рис. 66-2). Вход закрывала плита. Пол камеры на 0,62 м ниже входного отверстия. В овальной камере размерами 2,10×1,20 м находились два скелета. Ближе к входу лежал мужской костяк – на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (рис. 66-1). Предметов при нем не оказалось.

Второй скелет был женским. Он лежал в таком же положении, но головой на юго-восток. На середине правых локтевой и лучевой костей находился плохо сохранившийся железный браслет (рис. 66-8). На черепе лежала бронзовая серьга (рис. 66-7), вторая была под черепом и совершенно разрушилась. У локтевого сустава левой руки найден маленький железный нож (рис. 66-12), а в области пояса обнаружены бронзовая подвеска – колесовидный амулет (рис. 66-6), бронзовая пуговица (рис. 66-5) и бусы: две сердоликовые (рис. 66-9, 18), пять розоватых пастовых глазчатых (рис. 66-19), три глазчатые пастовые голубые, с коричневатыми глазками и желтым окаймлением (рис. 66-20), две стеклянные голубые с желтыми прожилками (рис. 66-15, 21), одна желтая пастовая глазчатая (рис. 66-16), две грязно-белые глазчатые (рис. 66-17), две пастовые бородавчатые (рис. 66-13, 14) и одна стеклянная бородавчатая (рис. 66-11). Кроме бус здесь найдены две полусферические бронзовые бляшки (рис. 66-10) и пластинка из перламутра (рис. 66-4). В западной стенке, на уровне пола, была небольшая ниша, в которой ничего не

оказалось. Около ниши мы нашли кусочек стекла (рис. 66-3).

Катакомба 50

В дромосе найден фрагмент от керамического сосуда типа кружки (рис. 68-3). Вход в камеру закрывала плита, которую со стороны дромоса подпирали три камня (рис. 67-1, 2). Входное отверстие на 0,90 м выше пола камеры. В овальной камере размерами 2,07×1,20 м лежали два очень плохо сохранившихся скелета – взрослого и подростка (судя по инвентарю, женщины и девочки), – с вытянутыми конечностями, головами на юго-восток (рис. 67-1). У юго-восточной стенки стояли шесть сосудов: кувшин с носиком-сливом (рис. 68-1) и пять кружек (рис. 68-2, 5-8); на дне трех из них имеются клейма (рис. 68-6–8). Около сосудов лежали остатки пищи – ребра барана или козы. На руках подростка были четыре проволочных браслета (рис. 68-9), еще один такой же браслет лежал у входного отверстия. На руке взрослого обнаружен только один бронзовый проволочный браслет (рис. 68-10). Около черепа взрослого лежала бронзовая серьга (рис. 67-3). Неподалеку от шейных позвонков обнаружены бусы: стеклянные – 5 красноватых (рис. 67-10), 17 синих (рис. 67-11), 2 черные (рис. 67-12), 2 голубые (рис. 67-9, 13) и одна желтая (рис. 67-14); 5 пастовых (рис. 67-5) и 3 сердоликовые (рис. 67-6, 7, 8). Около локтевого сустава находилось маленькое бронзовое зеркало (рис. 68-14). Примерно в области пояса обнаружены три бронзовые бляшки (рис. 68-11) и две плохо сохранившиеся бронзовые поясные накладки (рис. 68-12, 13). Под правой рукой взрослого мы нашли бронзовую фибулу (рис. 67-4). У северо-западной стенки стоял еще один сосуд – кувшин (рис. 68-4), там же обнаружены остатки пищи – кости козы или барана. Около самой юго-западной стенки лежали остатки железного ножа.

Катакомба 51

Плиту со стороны дромоса подпирали три камня. Потолок камеры полусферический, пол на 0,60 м ниже входного отверстия. В камере было двое погребенных, которые лежали головами на юг (рис. 69-1). В центре находился мужской скелет. У правой руки найден железный нож (рис. 69-11), на пояснице – бронзовая фибула с железной иглой

(рис. 69-9), а у головы – два сосуда типа кружек (рис. 69-2, 3). Второй скелет лежал в скорченном положении на правом боку. У черепа две серьги в виде калачиков (рис. 69-7, 8), в районе пояса остатки бронзовой коробочки (рис. 69-10), на шее три бусины: мозаичная пастовая (рис. 69-4), стеклянная (рис. 69-5) и бронзовая ажурная (рис. 69-6).

Катакомба 52

Камера обнаружена по дромосу. Перед плитой, закрывавшей вход, находился разбитый сосуд типа кружки (рис. 70-5). Под входным отверстием в полу камеры сделано углубление (0,90×0,42 м, глубина 0,22 м). В южной стенке на уровне пола небольшая ниша, в которой стояли три сосуда: кувшин (рис. 70-8), кувшинчик (рис. 70-7) и кружка (рис. 70-6). На двух сосудах имеется клеймо (рис. 70-6, 7). В центре камеры на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад, лежал скелет (рис. 70-1). Ноги перекрещены. В районе пояса железная пряжка (рис. 70-3), вторая (рис. 70-4) лежала с остальными вещами у левой руки. Кроме пряжки здесь были две бронзовые фибулы (рис. 71-8, 13), бронзовая брошь со вставкой желтого стекла (рис. 71-10) и бронзовый колокольчик (рис. 71-4), бронзовый наконечник от пояса (рис. 71-11), две серьги – калачиковидная из бронзы (рис. 71-5) и серебряная с подвеской (рис. 71-6), две серебряные подвески – одна с желтоватой стеклянной вставкой (рис. 71-2), другая – с красной (рис. 71-1). У запястья левой руки два бронзовых браслета (рис. 71-3, 7), еще один браслет на правой руке (рис. 71-9). Ниже тазовых костей был железный нож (рис. 71-12), а у черепа бусы: одна пастовая бежевая с коричневыми глазками (рис. 71-15), две пастовые с прожилками (рис. 71-16, 17), семь янтарных (рис. 71-18) и одна янтарная маленькая (рис. 71-19), четыре сердоликовые (рис. 71-20), две пастовые желтые (рис. 71-21), пять голубых стеклянных (рис. 71-22), одна двойная стеклянная (рис. 71-23), четыре стеклянные красноватые (рис. 71-24) и четыре спаренные стеклянные (рис. 71-25). В ходе грызуна найдена бронзовая бляшка с желтоватой стеклянной вставкой (рис. 71-14).

Катакомба 53

Овальная камера оказалась очень маленькой, размерами всего 1,02×0,48 м. Вход закрывала пли-

та (рис. 72-1). Детский скелет лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-запад. Около черепа найдены две бусины (рис. 72-2, 3). Никаких других предметов в могиле не оказалось.

Катакомба 54

Потолок над камерой обрушился. Вход закрывала плита, которую подпирали четыре камня. Большая часть дромоса не сохранилась. Камера маленькая, размерами 1,35×0,98 м. Пол на 0,75 м ниже входного отверстия. Два костяка подростков лежали с вытянутыми конечностями, головами на юго-запад (рис. 72-4). Между головами погребенных стоял сосуд типа кружки (рис. 72-5). У костяка, лежавшего под входным отверстием, в районе пояса были железная пряжка (рис. 72-10) и кусочек смоловидного вещества (рис. 72-9).

У левой руки второго погребенного найден железный нож (рис. 72-11), на грудной клетке – бронзовая фибула с остатками железного язычка (рис. 72-8) и бронзовая брошь с желтоватыми стеклянными вставками (рис. 72-6), у черепа – две золотые серьги в виде калачиков (рис. 72-7), а под нижней челюстью – стеклянные бусы: 20 одинарных (рис. 72-12), 2 двойные (рис. 72-13) и 2 в виде цепочки (рис. 72-14, 15).

Катакомба 55

Дромос обнаружился в промоине. Вход закрывала плита. В овальной камере размерами 2,15×1,42 м от погребенного сохранилась только часть нижних конечностей (рис. 73-1). Вход на 0,60 м выше пола. Около входа лежал раздавленный кувшин (рис. 73-2). Грунт, заполнявший камеру, состоял из щебня и очень плотной глины.

Катакомба 56

Копавшие дромос наткнулись на выход скалы и прекратили устройство могилы. В дромосе мы нашли только маленький черепок от сосуда и два уголька.

Катакомба 57

Верхняя часть камеры и почти весь дромос не сохранились. Вход закрывала плита. Камера оваль-

ная, размерами 1,92×1,26 м. В усыпальнице лежал мужской скелет – на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-восток (рис. 73-3). У восточной стенки стояли два сосуда: кружка (рис. 73-4) и кувшинчик (рис. 73-5) с клеймами на дне. В районе пояса у погребенного найдены железная пряжка (рис. 73-6) и кусочек смоловидного вещества (рис. 73-7).

Катакомба 58

Камера овальная, размерами 1,80×1,26 м. Пол на 0,36 м ниже входа (рис. 74-2). Два костяка очень плохой сохранности лежали на спине, головами на юго-восток (рис. 74-1). У левого бедра погребенного, лежавшего у входа, был железный нож (рис. 74-16), а у черепа стоял керамический сосуд типа кружки (рис. 74-6).

В области поясницы и грудной клетки второго скелета обнаружены: бронзовые украшения от пояса – наконечник (рис. 74-7) и две накладки (рис. 74-8,9); бронзовая ложечка-цедилка (рис. 74-17), две бронзовые пряжки (рис. 74-4, 5), бронзовая брошь со стеклянными желтыми вставками (рис. 74-10). Около черепа найдены бронзовые серьги-«калачики» (рис. 74-3) и бусы: 4 пастовые мозаичные (рис. 74-11), 2 в виде геммы (рис. 74-12) и 3 стеклянные (рис. 74-13–15).

Катакомба 59

Верхняя часть камеры не сохранилась. Судя по рельефу местности, дно катакомбы находилось на глубине около 2,50 м. Камера овальная, размерами 1,89×1,33 м. Три скелета лежали на спине с вытянутыми конечностями, головами на юг (рис. 75-1). Под входным отверстием был скелет ребенка. Предметов при костяке не оказалось. Около южной стенки стояли два сосуда – кувшин (рис. 75-2) и кружка (рис. 75-3). В центре находился мужской скелет, на пояснице которого бронзовая пряжка (рис. 75-4), а у левого бедра железный нож (рис. 75-8). На грудной клетке обнаружены бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 75-9) и бронзовый наконечник от пояса (рис. 76-1).

Около западной стенки лежал женский скелет. У черепа найдены остатки серебряной серьги со следами позолоты (рис. 75-5). На каждой руке – по два бронзовых браслета (рис. 75-10). На грудной

клетке обнаружены бронзовая фибула с железной иглой (рис. 75-7), остатки кисточки в бронзовой оправе (рис. 76-12), остатки железной цепочки или кольчужной сумочки (рис. 76-2), бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 75-12), желтая стеклянная подвеска в бронзовой оправе (рис. 75-11) и кусочек бронзового зеркала (рис. 75-6). Под нижней челюстью найдены бусы: 4 из гагата, в виде таблетки (рис. 76-6), и еще одна гагатова, в виде овала (рис. 76-7), 3 пастовые различного цвета (рис. 76-4, 8, 15), 4 пастовые желтоватого цвета с глазами (рис. 76-16), 3 пастовые темно-синие глазчатые (рис. 76-3), 4 стеклянные различного цвета (рис. 76-5, 9–11), одна из опала (рис. 76-13) и одна сердоликовая с прорезным орнаментом, затертым белой пастой (рис. 76-14).

Катакомба 60

Верхняя часть камеры сохранилась частично (рис. 76-18). Вход закрывала плита, которую подпирали большой камень. Размеры камеры 1,20×0,72 м. Судя по сохранившимся костям, скелет ребенка лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад (рис. 76-17). У головы стоял сосуд типа кружки, желтоватого цвета, с клеймом на дне (рис. 76-19). Других предметов при скелете не оказалось.

Катакомба 61

В дромосе находились три кружки (рис. 77-8, 9, 15), один горшок (рис. 77-14) и фрагмент от горшка (рис. 77-12). Вход закрывала плита. Камера овальная, размерами 1,82×1,11 м. В усыпальнице находились двое погребенных, которые лежали головами на юго-восток (рис. 77-1). У плеча костяка, лежавшего у входа, стоял сосуд типа кружки (рис. 77-10). Еще два сосуда – кружка (рис. 77-11) и кувшин с носиком-сливом и тремя ручками (рис. 77-13) – находились у его левой ноги. Никаких предметов, кроме остатков железного ножа, лежавшего у левой руки, на этом скелете не оказалось. Второй костяк, женский, лежал в скорченном положении (рис. 77-1). В области поясницы найдены бронзовая пряжка (рис. 77-7) и бронзовая арбалетовидная фибула (рис. 77-6). Под нижней челюстью находились бусы: одна сердоликовая (рис. 77-4) и две стеклянные (рис. 77-3, 5).

Катакомба 62

Камера обнаружена по входной плите, которая находилась в размытом склоне (рис. 78-2). Камера овальная, очень маленькая, размерами всего 1,05 x 0,78 м. Детский скелет лежал в скорченном положении, головой на северо-восток (рис. 78-1). Перед головой стоял сосуд типа кружки (рис. 78-3). Никаких других предметов в камере не оказалось.

Катакомба 63

Обнаружена также по входной плите (рис. 78-5). В овальной камере размерами 1,44×0,93 м лежал скорченный женский скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 78-4). У затылка погребенной стоял орнаментированный кувшинчик (рис. 78-6), около височных костей найдены две серьги в виде калачиков (рис. 78-7), а в районе поясицы – арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 78-8).

Катакомба 64

Камера обнаружена в размытом склоне по дромосу. Вход закрывала плита. Потолок обрушился (рис. 79-2) и, очевидно, сместил часть костей (рис. 79-1). Пол камеры на 0,54 м ниже полукруглого входного отверстия. За плитой во входном отверстии лежал керамический сосуд типа кружки (рис. 79-3). В овальной камере размерами 1,62×0,82 м находился вытянутый скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 79-1). Предметов при нем не оказалось.

Катакомба 65

Камера также найдена в размытом склоне по дромосу. Вход закрывала плита, которую с боков заклинивали маленькие плитки (рис. 79-4). Пол камеры на 0,60 м ниже входного отверстия. В южной стенке небольшая ниша, расположенная на 0,24 м выше пола (рис. 79-4). В ней стояла кружка (рис. 79-5), а под нишей – вторая (рис. 79-6). В овальной камере размерами 1,92×1,17 м головой на юго-запад лежал скорченный скелет (рис. 79-4). На грудной клетке был железный нож (рис. 79-8),

а у височных костей лежали две бронзовые серьги в виде калачиков (рис. 79-7).

Катакомба 66

Потолок камеры частично обрушился, и усыпальница была полностью засыпана очень плотным грунтом. Вход закрывала плита (рис. 80-1). На полу камеры без следов от подстилки лежал головой на юг вытянутый скелет. Череп оказался у поясицы, а руки раздвинуты, причем фаланги правой руки были под тазовыми костями. Инвентарь состоял из одной янтарной бусины (рис. 80-2), лежавшей на грудной клетке.

Катакомба 67

Вход закрывала плита (рис. 80-3, 4), которую укрепляли два клиновидных камня. Перед плитой в дромосе находился раздавленный сосуд типа кружки (рис. 80-6). От погребенного сохранились только нижние конечности (рис. 80-3), а от инвентаря – одна кружка (рис. 80-5). Размеры овальной камеры 1,47×0,90 м. При исследовании камеры выяснилось, что с юга в нее попал более поздний дромос, который и уничтожил часть скелета и, видимо, инвентаря. Наткнувшись на погребение, копавшие могилу делать ее не стали, а дромос засыпали.

Катакомба 68

Верхняя часть камеры не сохранилась, а от дромоса уцелела только часть (рис. 81-1). Перед входной плитой лежал разбитый кувшин (рис. 81-3). В овальной камере размерами 2,02×1,47 м было два скелета. Под входным отверстием находился вытянутый мужской скелет, ориентированный головой на юго-запад. Предметов на нем не оказалось. Второй костяк, женский, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Подстилка состояла из древесного угля. Между головами погребенных стояла кружка (рис. 81-2).

Около остатков черепа найдены две бронзовые серьги в виде колечек (рис. 81-9). В верхней части грудной клетки были бусы: одна пастовая глазчатая (рис. 81-11), одна сердоликовая (рис. 81-12), одна в виде бронзовой трубочки (рис. 81-14), две

из гагата (рис. 81-8, 13) и одна шаровидная пастовая глазчатая (рис. 81-15). Здесь же найдена часть игольницы (рис. 81-6). В области поясницы найдены два бронзовых проволочных браслета (рис. 81-17), обломок детского бронзового зеркала (рис. 81-16), арбалетовидная бронзовая фибула с остатками железной иглы (рис. 81-4) и бронзовая цепочка (рис. 81-7). В середине цепочка состоит из крупных звеньев длиной 16 мм, а по краям – из мелких, длиной 11 мм. Общая длина цепочки 42 мм. Здесь же были совершенно разрушенные остатки железной цепочки, железный нож (рис. 81-10) и бронзовая подвеска – колесовидный амулет (рис. 81-5).

Катакомба 69

Дромос обнаружен в срезанном склоне (рис. 82-2). Входная плита прижата к северной стенке (рис. 82-1). Камеру заполнял грунт. Входное отверстие расположено на 0,81 м выше пола. Под самым потолком в южной стенке сделана небольшая ниша, в которой ничего не оказалось. В камере, судя по остаткам костей, были похоронены двое. Оба погребенных лежали в скорченном положении на правом боку, головами на юго-запад. Размеры камеры 2,07×1,68 м. Из инвентаря сохранились два железных ножа (рис. 83-5, 6), железная фибула (рис. 83-3), две железные пряжки (рис. 83-1, 2), бронзовая бусина (рис. 83-11), 14 полусферических бронзовых бляшек (рис. 83-7) и 8 – меньшего размера (рис. 83-8). Кроме этих предметов здесь были бронзовая пряжка (рис. 83-4), 4 янтарные бусины (рис. 83-13), одна – из раковины моллюска (рис. 83-14), одна пастовая (рис. 83-15), две стеклянные (рис. 83-12, 16), одна сердоликовая (рис. 83-17), скрученный кусок бронзовой проволоки (рис. 83-18), две серьги из бронзы с зернью и шариком (рис. 83-10) и одна – в виде калачика (рис. 83-9). Судя по положению костей и разбросанному инвентарю, погребение подвергалось ограблению.

Катакомба 70

Погребение обнаружено в срезанном склоне по входной плите. Пол камеры на 1,20 м ниже входного отверстия. В камере размерами 2,18×1,52 м лежали два очень плохо сохранившихся скелета (рис. 84-1). По камере были разбросаны следующие

предметы: железный нож (рис. 84-5), железная пряжка (рис. 84-3), видимо, часть бронзовой серьги (рис. 84-4), остатки железной цепочки и бусы: одна граненая из горного хрусталя (рис. 84-6), пять голубых стеклянных (рис. 84-8), две синие (рис. 84-9), три голубые глазчатые (рис. 84-10) и две сердоликовые (рис. 84-31). Особенно много было бус из пасты: одна желтоватая граненая (рис. 84-7), две глазчатые желтоватые (рис. 84-22), одна глазчатая с прожилками (рис. 84-23), три желтые глазчатые (рис. 84-24), одна синяя глазчатая (рис. 84-11), 13 черных глазчатых (рис. 84-12), еще две глазчатые (рис. 84-13, 14), две стеклянные красноватого цвета (рис. 84-27), две пастовые (рис. 84-28, 29), две бородавчатые белые (рис. 84-30), две желтые (рис. 84-15), пять синеватых (рис. 84-16) и еще пять бородавчатых различного цвета (рис. 84-17–19, 21, 26), пять бородавчатых сиреневого цвета (рис. 84-20) и одна бусина с глазками и прожилками (рис. 84-25). Кроме бус, найден литой бронзовый бубенчик-пуговица (рис. 84-2).

Катакомбы 71, 72

Камера 71 обнаружена в старой дороге. На глубине 0,70 м от существующей поверхности склона отчетливо прослеживались стенки камеры. В северной части овальной камеры размерами 2,10×0,96 м обнаружены берцовые кости (рис. 85-1), но остальных костей и инвентаря не оказалось. При исследовании выяснилось, что эта камера просела в расположенную ниже (рис. 85-2). В просевшем грунте на разной глубине были найдены следующие предметы: керамический сосуд типа кружки (рис. 85-3), сломанная бронзовая поясная накладка со стеклянными вставками (рис. 85-4), бронзовая пряжка (рис. 85-5) и три бусины (рис. 85-6, 7, 8). Кроме предметов, здесь встречались и остатки костей. В камере 72 ни костей, ни инвентаря не оказалось. Камера была овальная, размерами 2,20 x 1,50 м, а ее дно было на 0,98 м ниже входного отверстия, которое закрывала плита (рис. 85-2).

Катакомба 73

Камера обнаружена в срезанном склоне по дромосу. Вход закрывала плита, которую подпирали

камень. Катакомбу до входного отверстия заполнял грунт. Под входным отверстием сделано углубление размерами 0,97×0,33 м и глубиной 0,20 м. Потолок полусферический. В овальной камере размерами 2,25×1,38 м лежал скорченный женский скелет, ориентированный головой на запад (рис. 86-1). Около западной стенки стояли четыре сосуда: кувшинчик с носиком-сливом (рис. 86-4) и три кружки (рис. 86-2, 3, 5), на дне двух сосудов клеймо (рис. 86-3, 5). Около левой тазовой кости был железный нож (рис. 86-9), в районе пояса лежали две железные пряжки (рис. 86-7, 8) и арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 86-6), а на грудной клетке обнаружены бусы: три пастовые (рис. 86-10), две граненые из голубого стекла (рис. 86-11), одна стеклянная (рис. 86-12), одна белая пастовая (рис. 86-13) и четыре из зеленой пасты (рис. 86-14).

Катакомба 74

Длина дромоса 2,58 м, ширина – 0,84 м, глубина у входного отверстия – 2,15 м. Вход закрывала плита, которую подпирали камень (рис. 87-1). В плане камера приближается к прямоугольнику с закругленными углами. Размеры камеры 2,04×1,38 м. Вход на 0,78 м выше пола, часть потолка обрушилась. В камере находились двое погребенных, ориентированных головами на запад. У северной стенки лежал мужской скелет – на спине, с вытянутыми конечностями. У локтя правой руки найдены железная пряжка (рис. 87-7), железный нож (рис. 87-10) и четыре пастовые бусины (рис. 87-11), а в районе поясничного отдела – бронзовый наконечник от пояса (рис. 87-6). Ближе ко входу лежал на

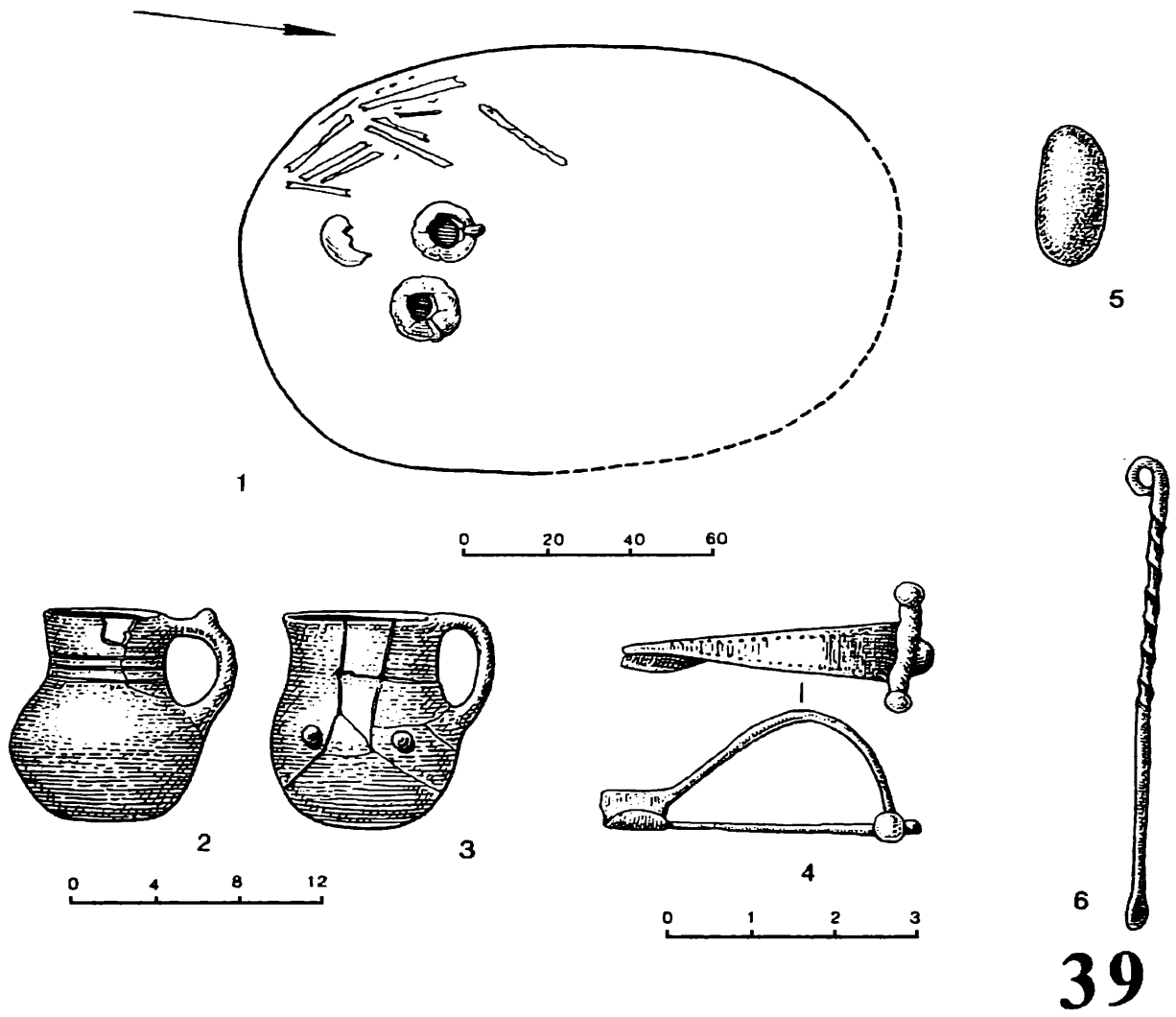
правом боку скелет женщины. На каждой руке у нее по одному проволочному бронзовому браслету (рис. 87-9), а в районе пояса бронзовая пряжка (рис. 87-8). Между головами погребенных стояли четыре сосуда: кружка (рис. 87-2) и три кувшинчика с носиком-сливом (рис. 87-3, 4, 5). На дне одного из них клеймо (рис. 87-5). В грунте, перекопанном грызунами, найден обломок индикации на серебряной фольге, сделанной с солида Фоки (602–610 гг.).

Катакомба 75

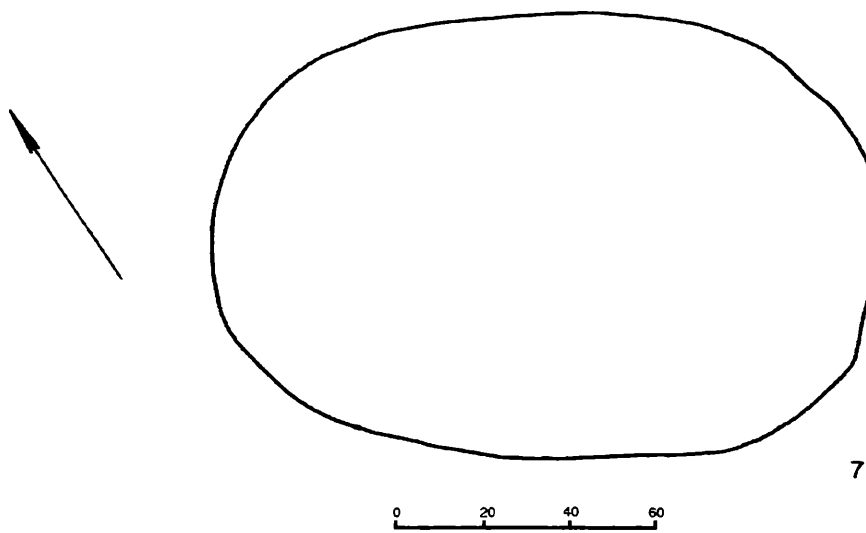
Форма камеры такая же, как и у предыдущей. Длина ее 1,92 м, ширина 1,24 м. Вход на 0,69 м выше пола (рис. 88-2). В дромосе у входного отверстия лежали шесть камней, около которых находились разбитые сосуды: кружка (рис. 88-4) и кувшинчик с носиком-сливом (рис. 88-3). В камере лежали две плиты, много древесного угля и разбросанные человеческие кости (рис. 88-1). Камера оказалась ограбленной. От инвентаря сохранились железная пряжка (рис. 88-6) и 3 альчика (рис. 88-5).

Катакомба 76

Камера обнаружена в размытом склоне, от нее уцелела только северная часть (рис. 89-1). От костяка сохранились череп, кусок правой плечевой кости и два ребра, а от инвентаря – кружка с клеймом на дне (рис. 89-3) и желтая пастовая бусина (рис. 89-2).

39

40

Рис. 57. Комплексы из катакомб 39 и 40

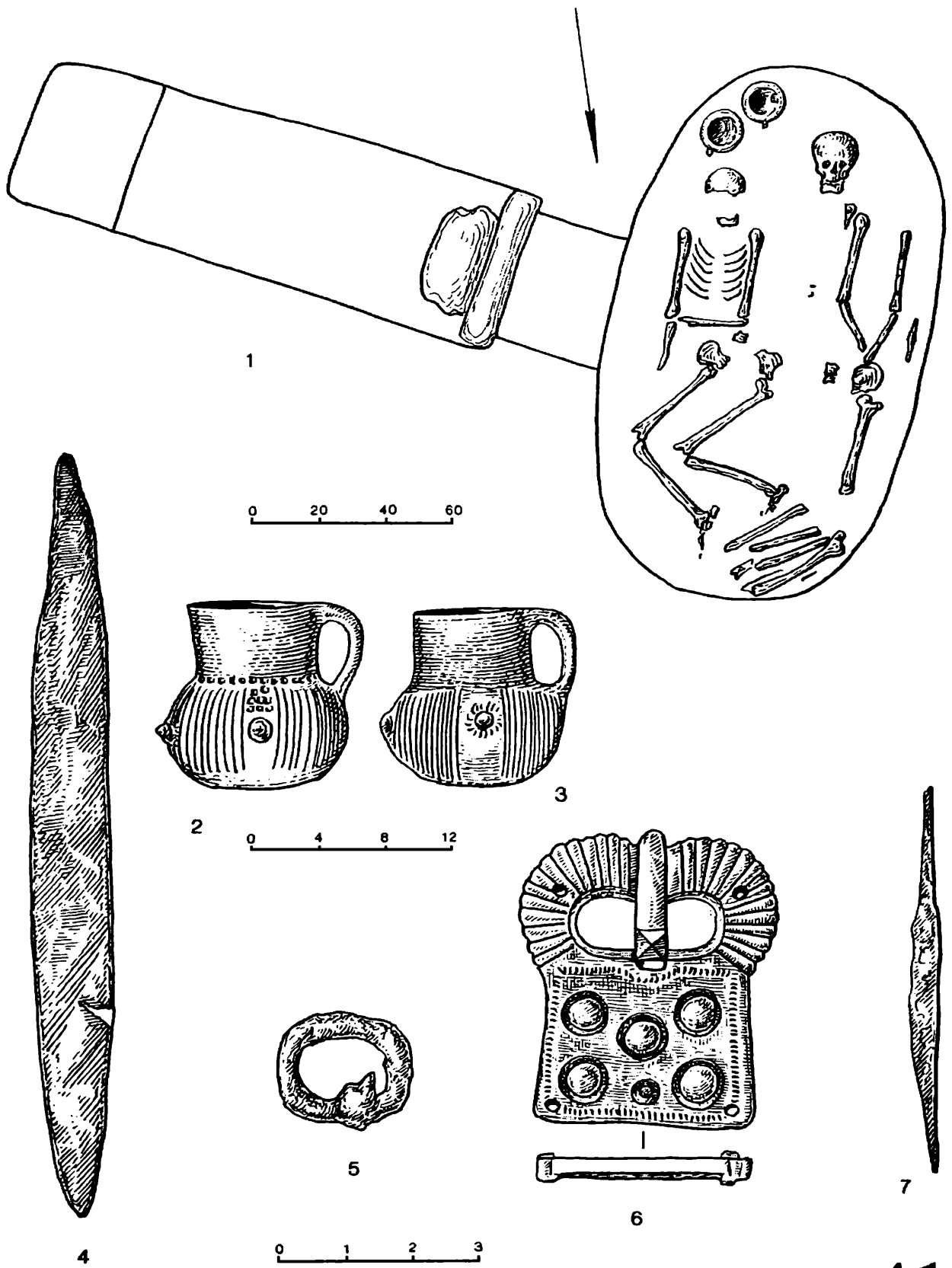
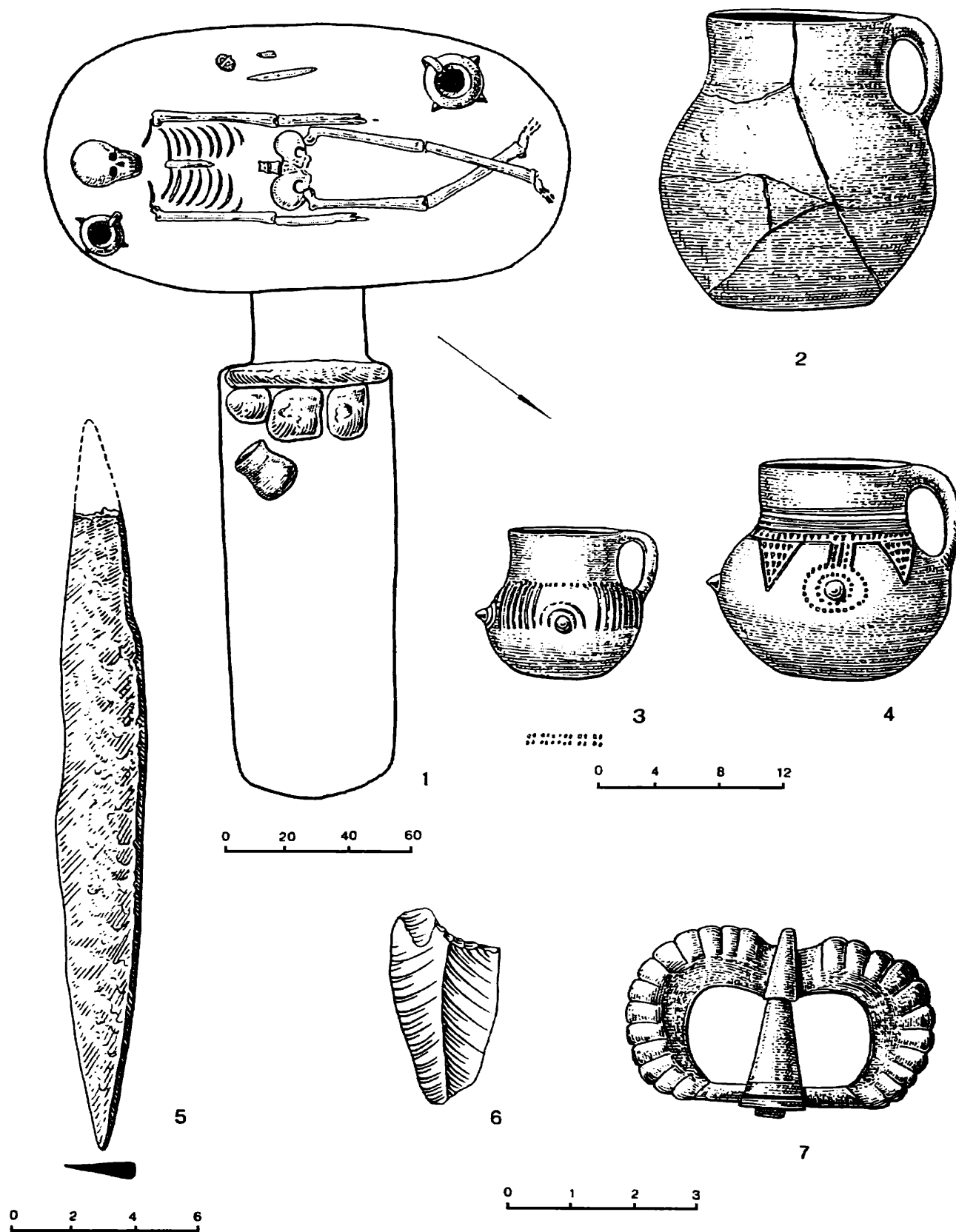

Рис. 58. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 41

42

Рис. 59. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 42

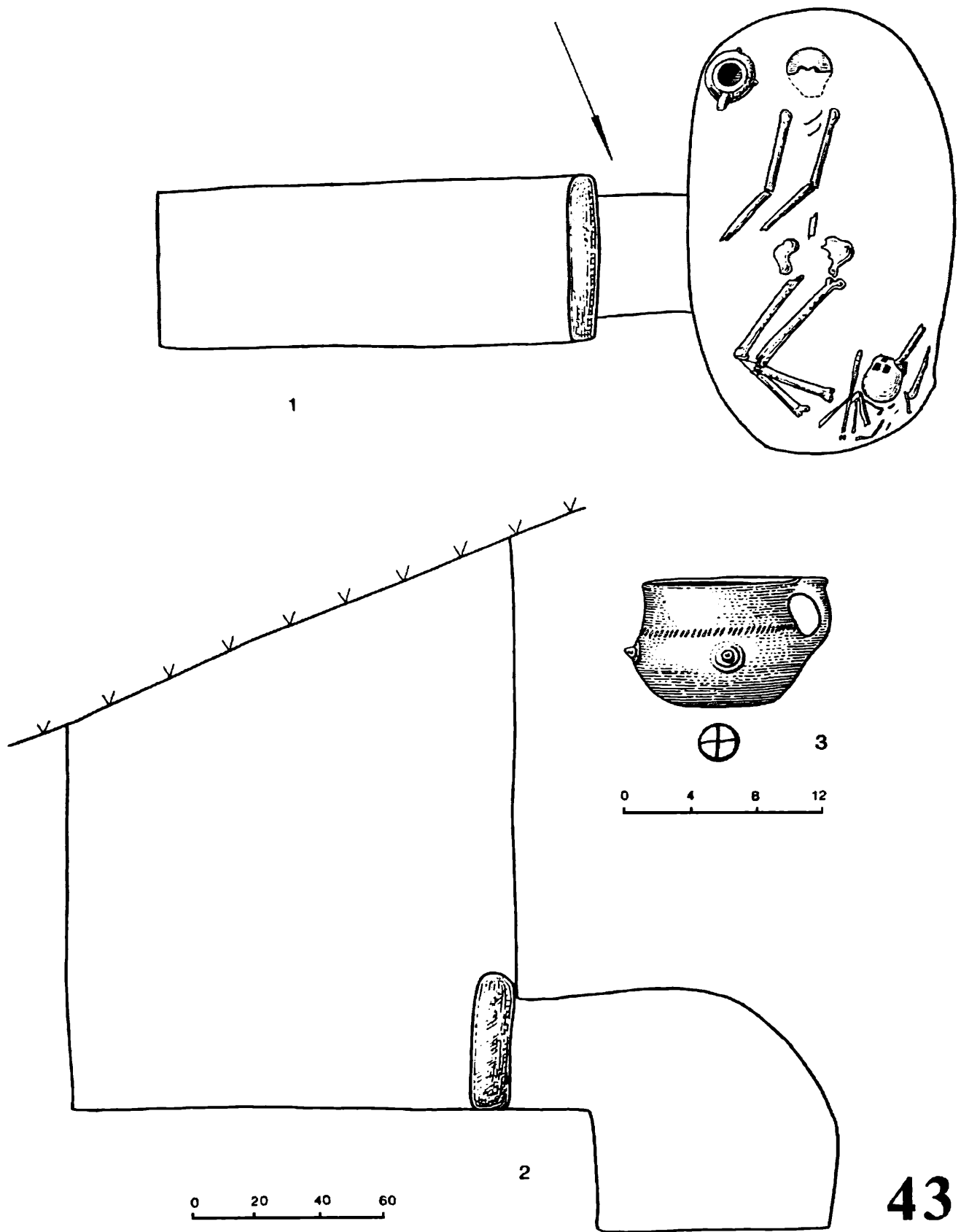

Рис. 60. Комплекс катакомбы 43

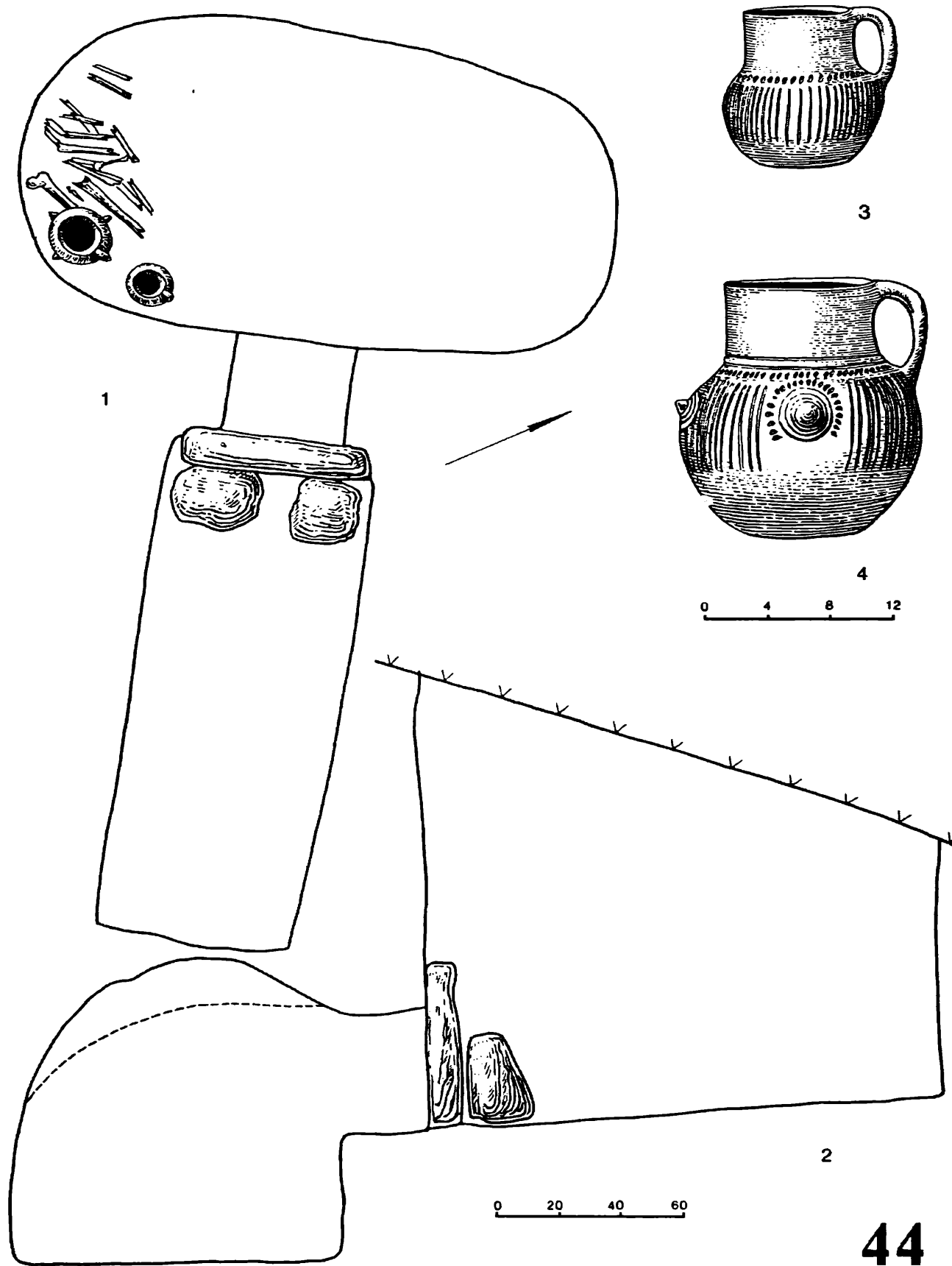

Рис. 61. Комплекс катакомбы 44

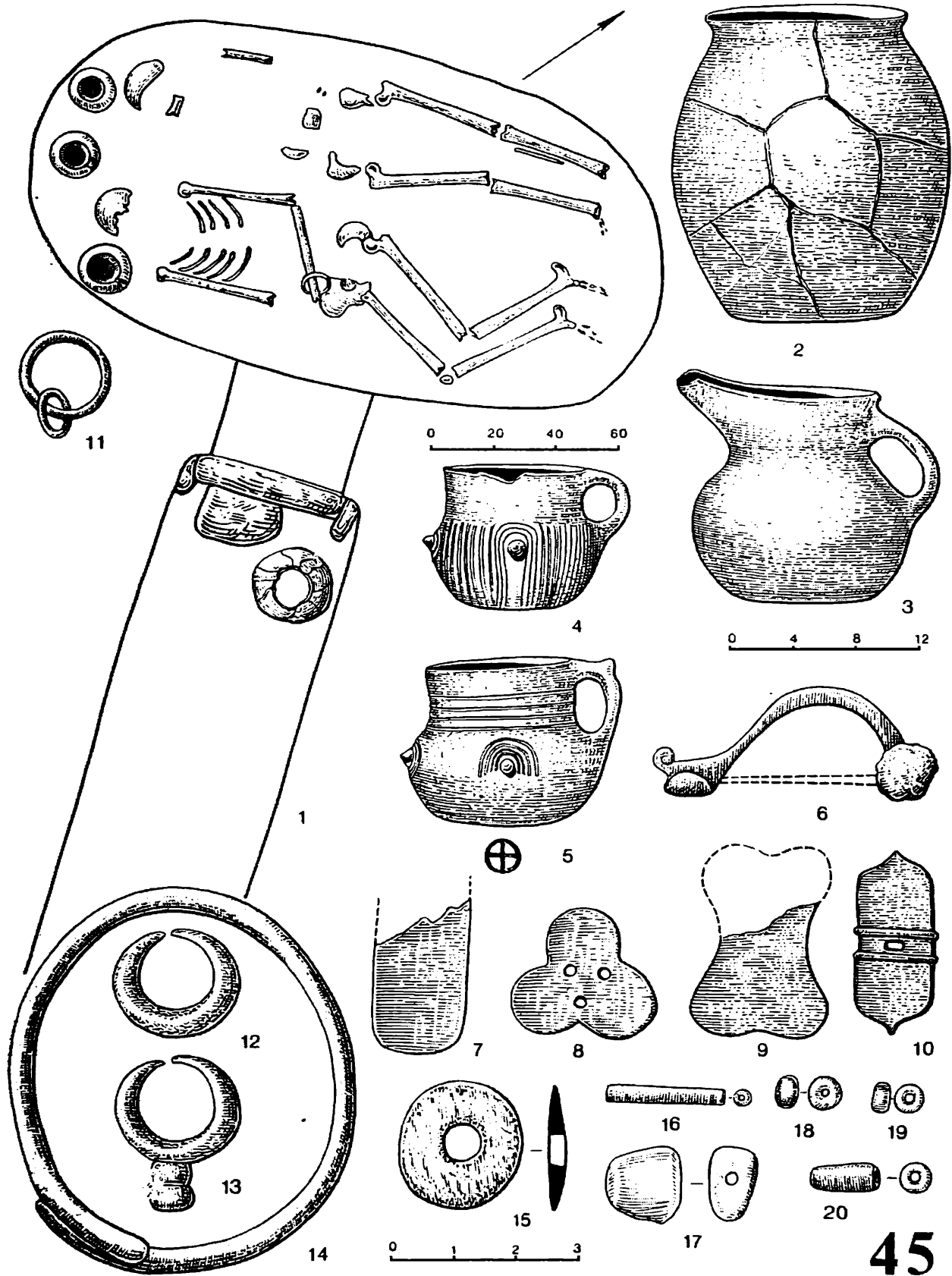

Рис. 62. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 45

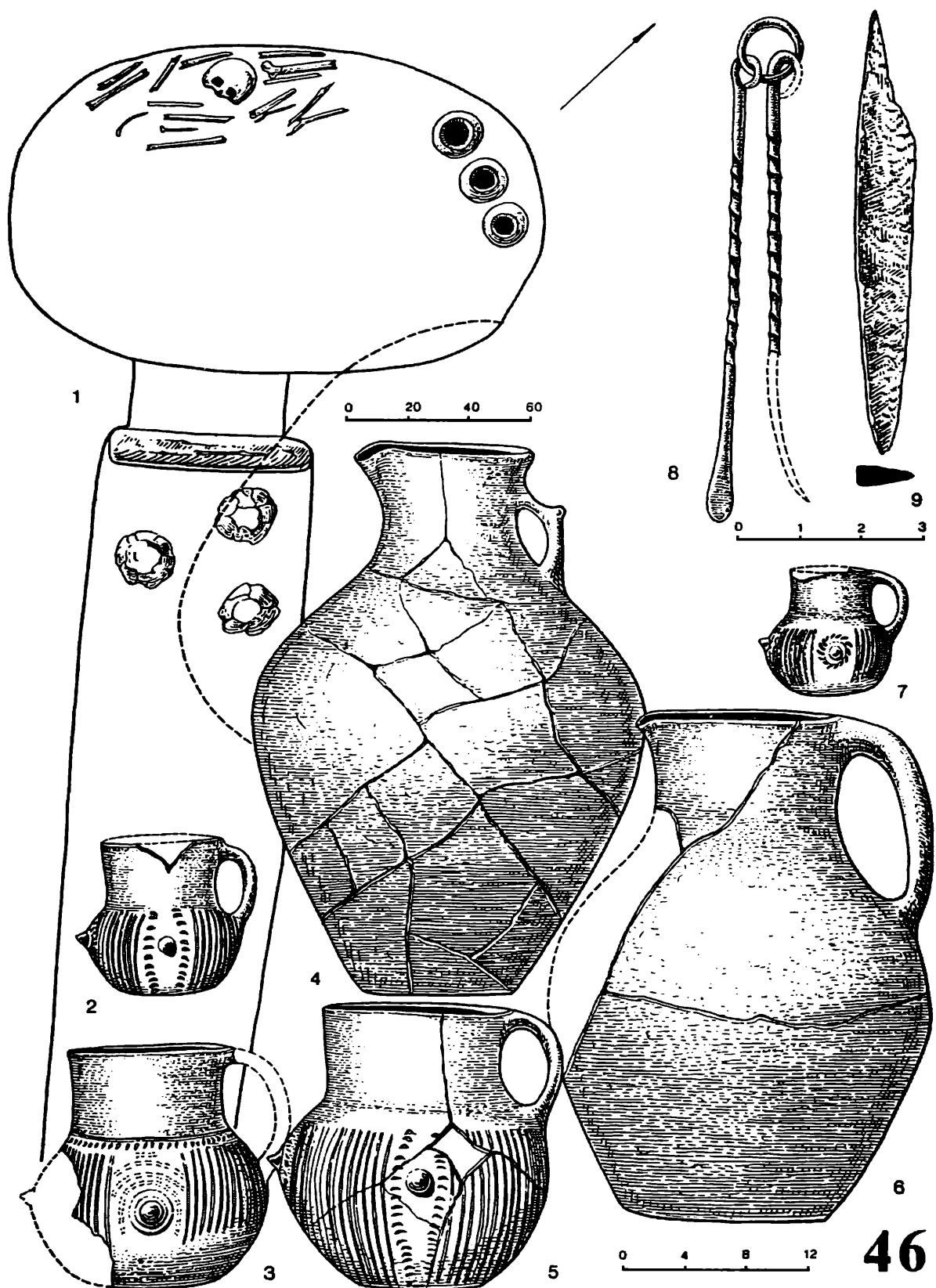
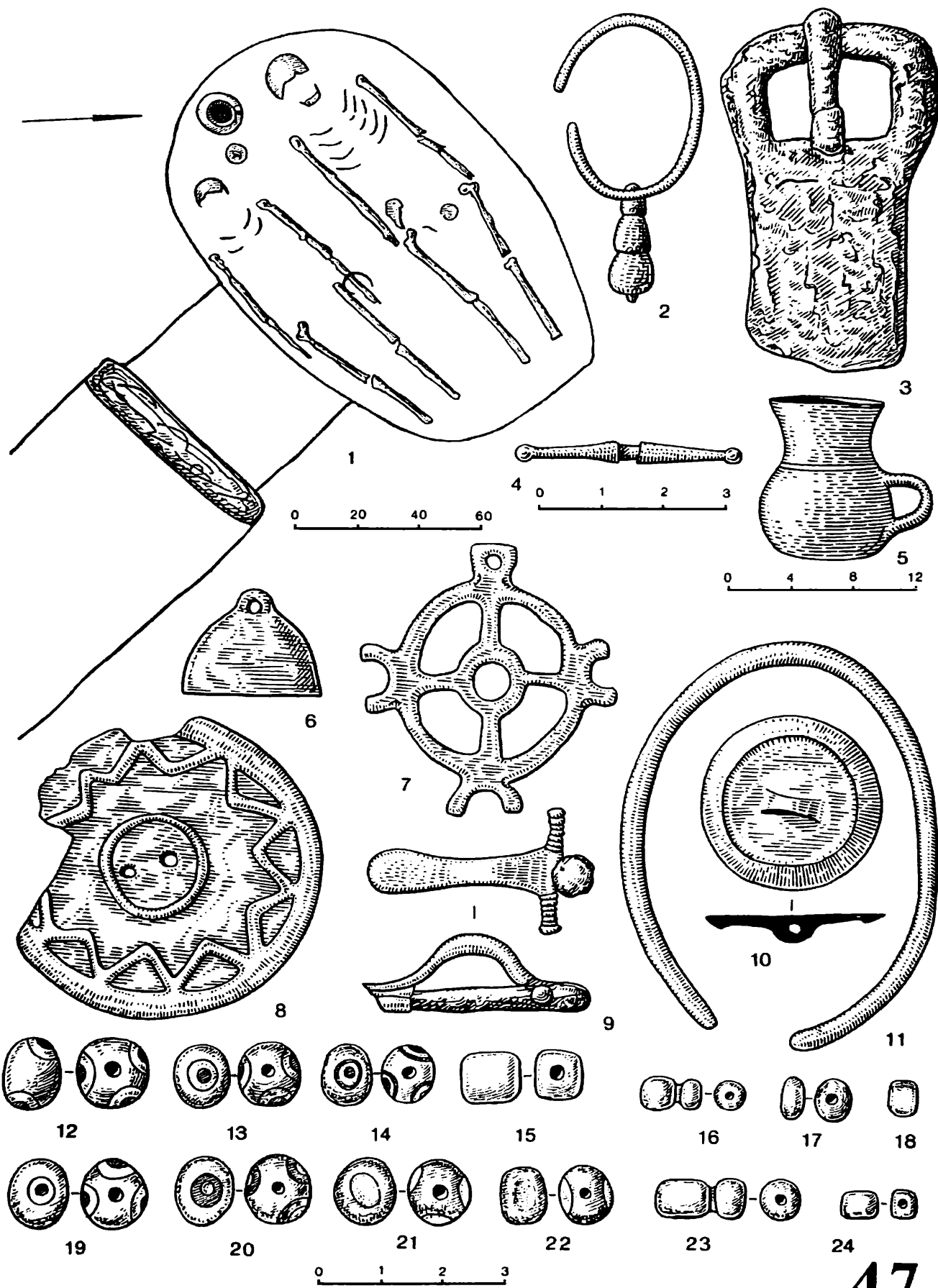

Рис. 63. Комплекс катакомбы 46

47

Рис. 64. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 47

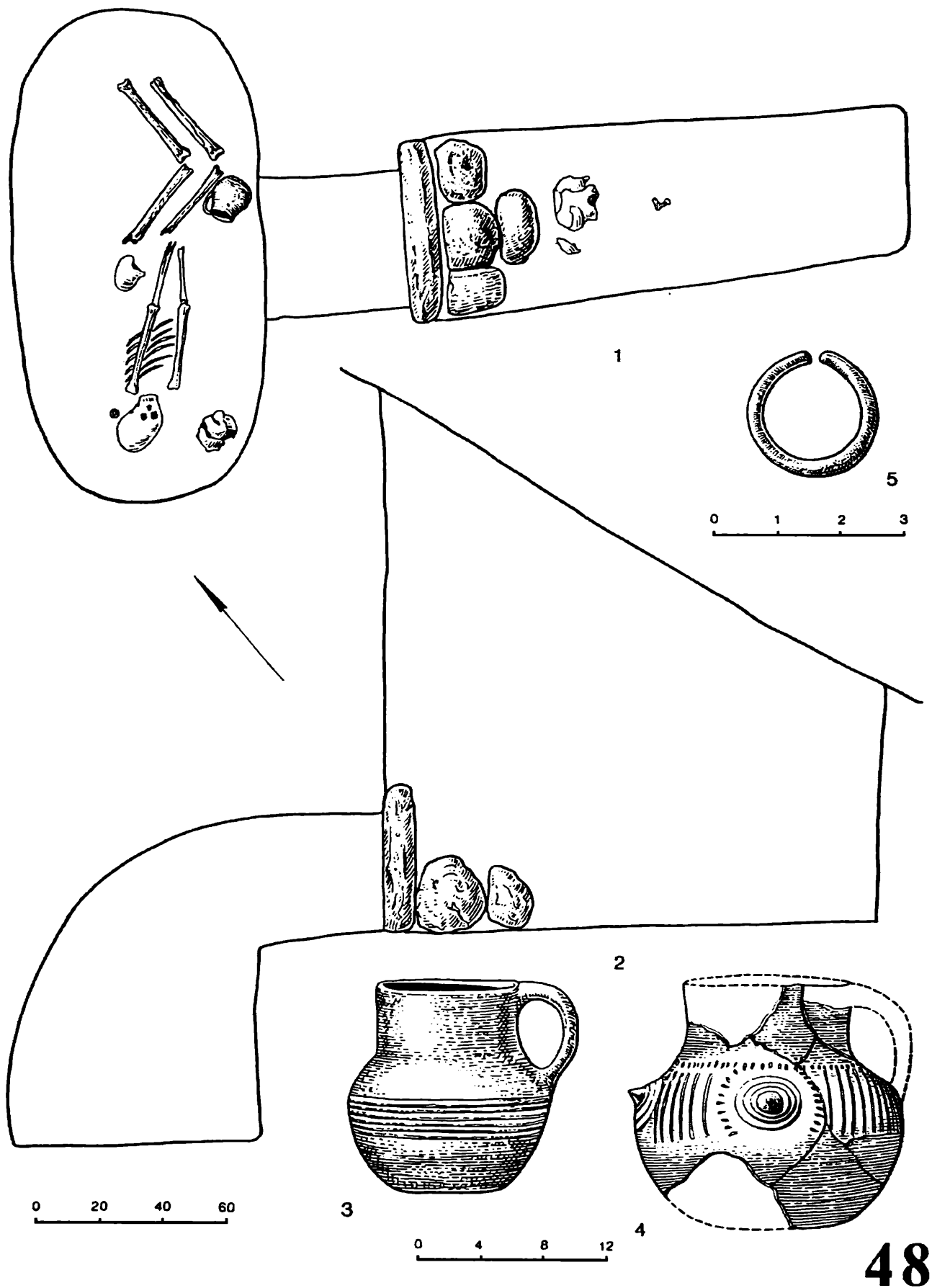

Рис. 65. Комплекс катакомбы 48

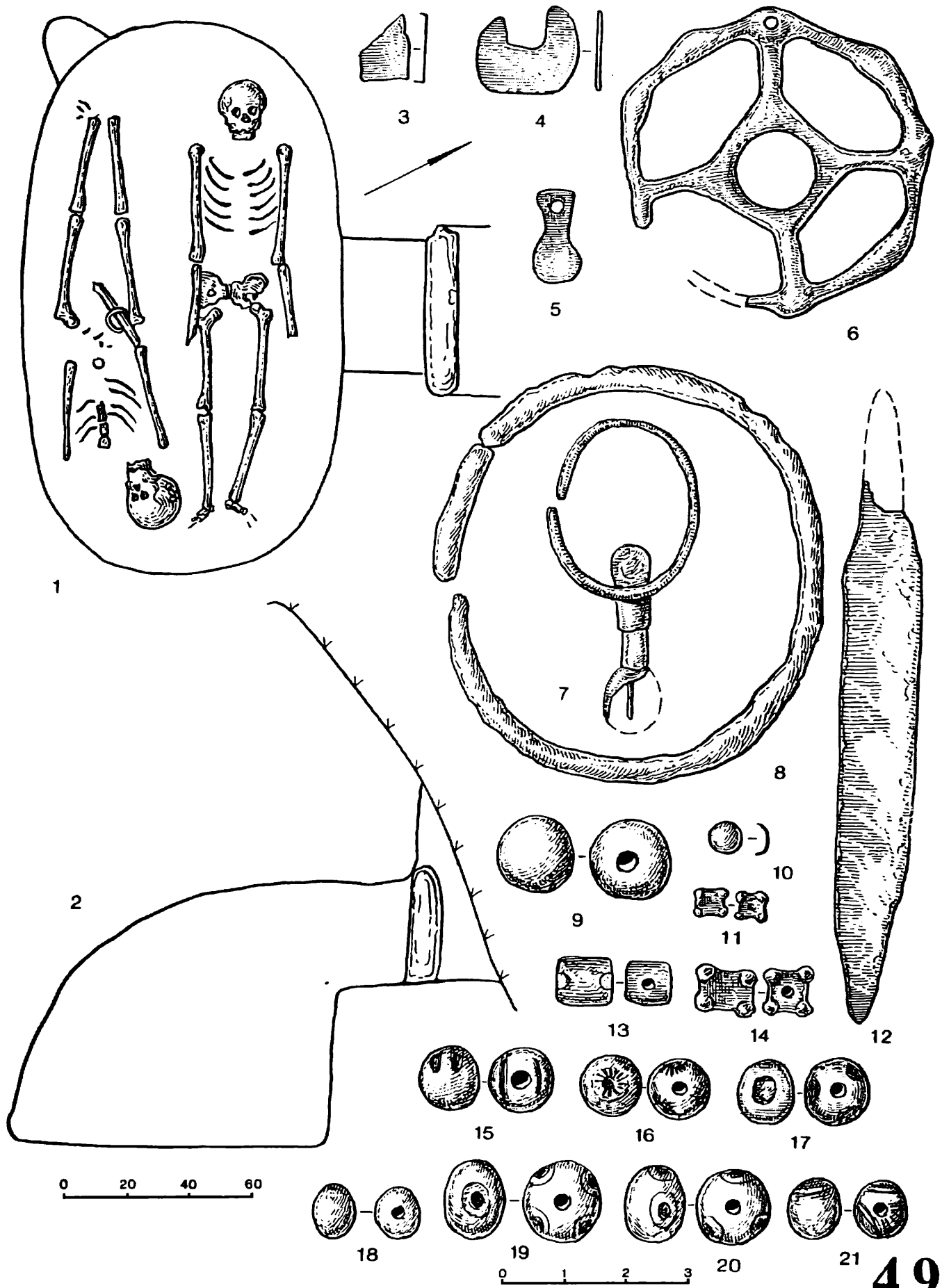

Рис. 66. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 49

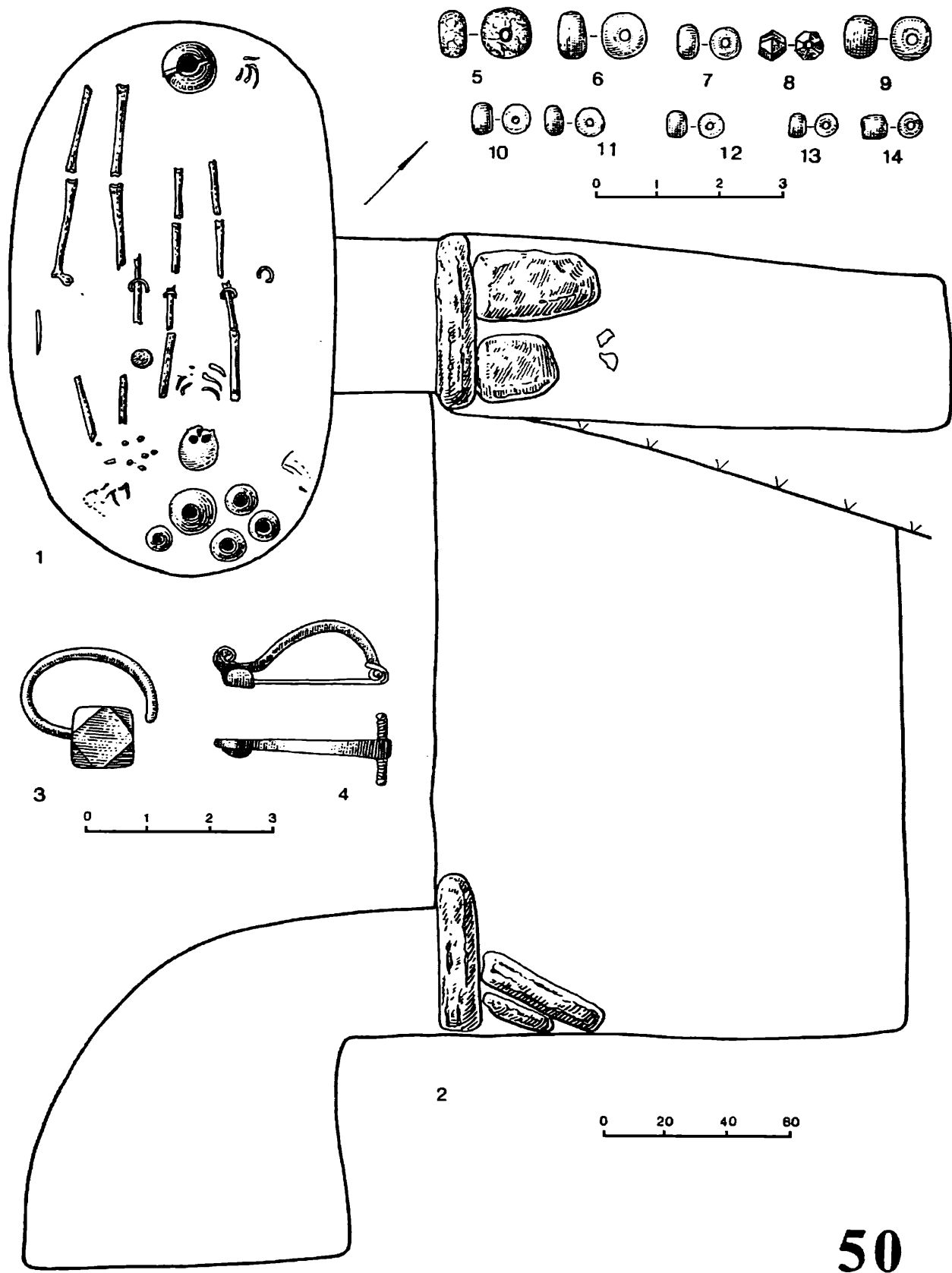
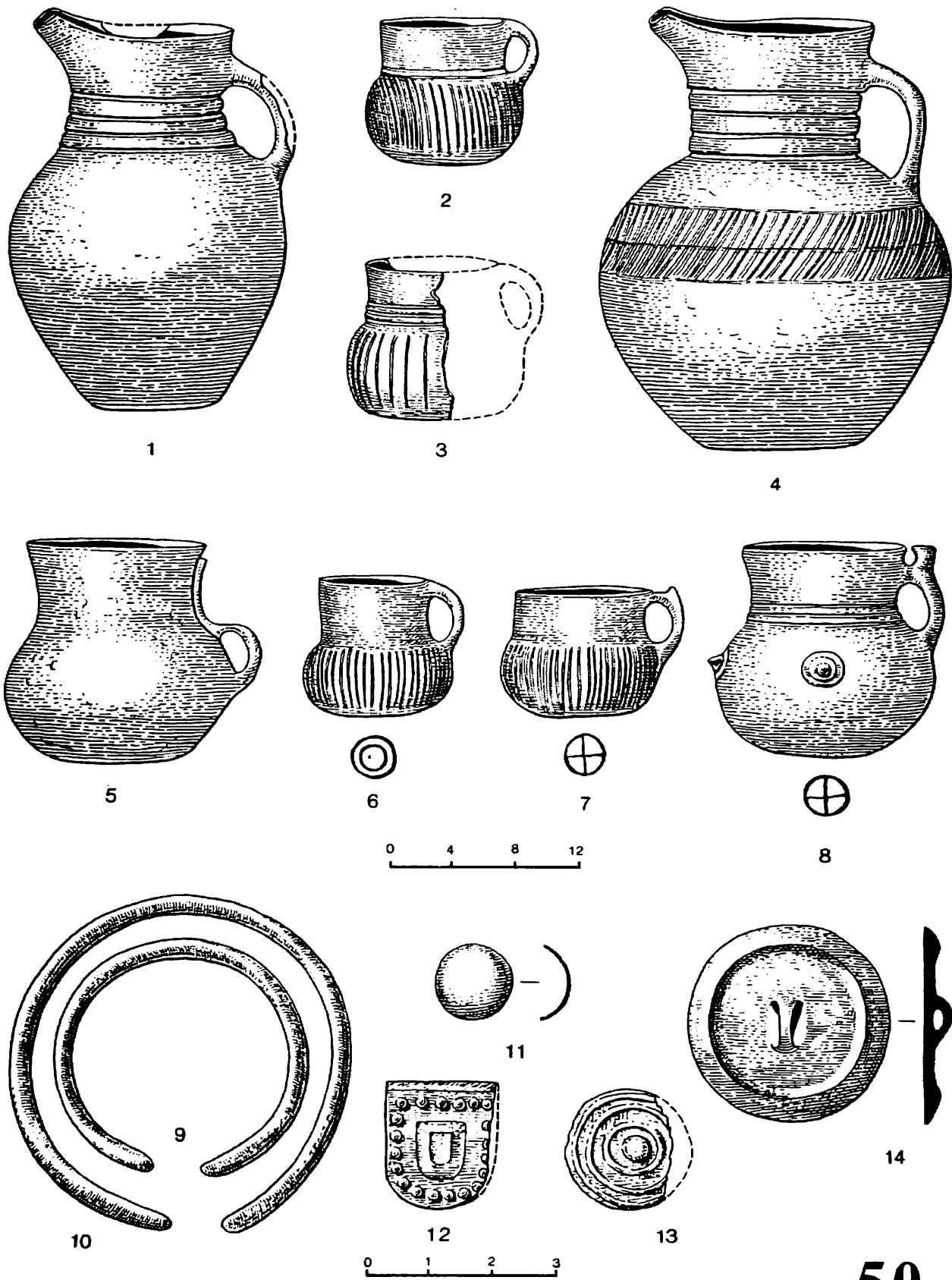

Рис. 67. Комплекс катакомбы 50

50

Рис. 68. Комплекс катакомбы 50

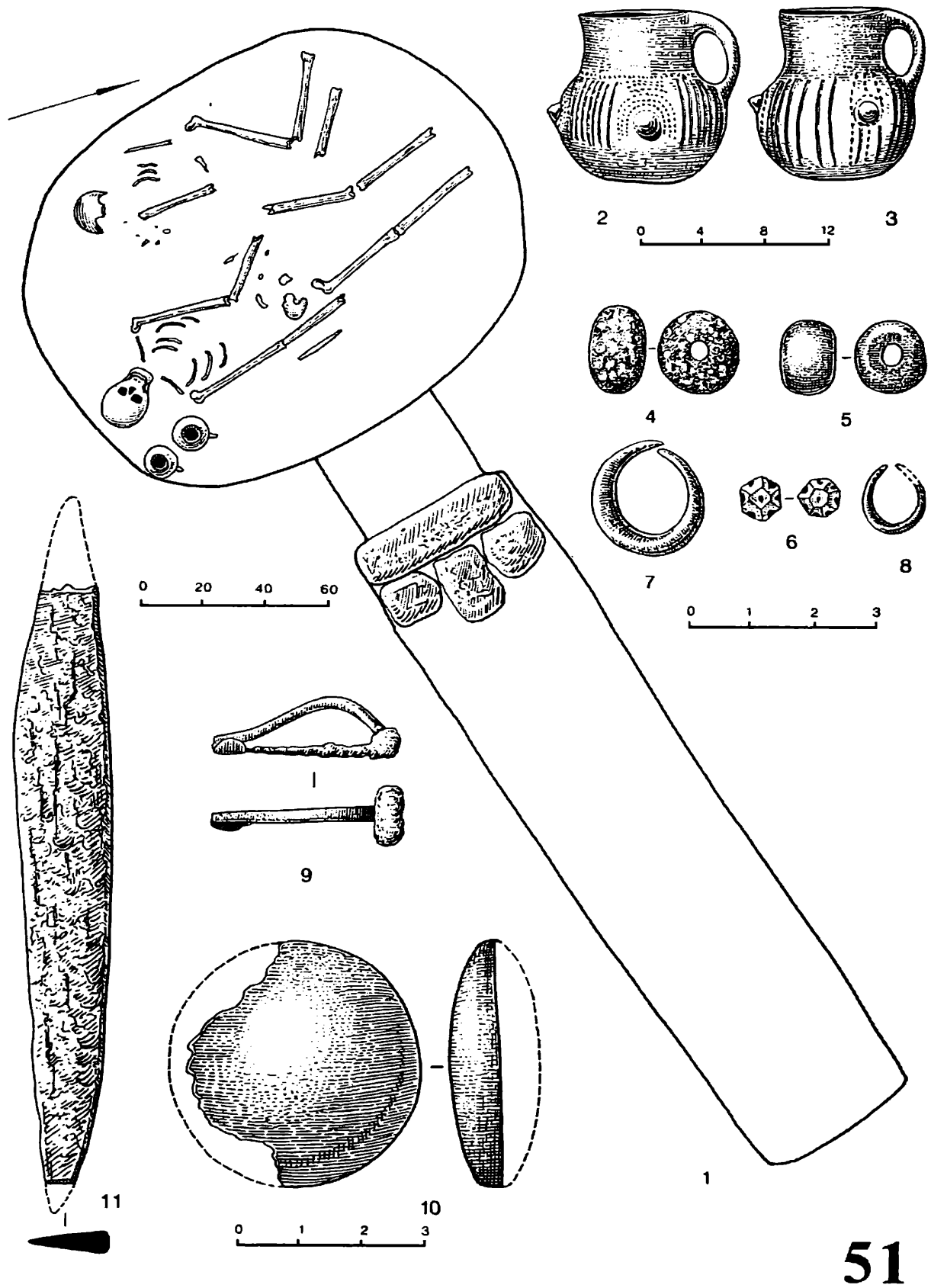

Рис. 69. Комплекс катакомбы 51

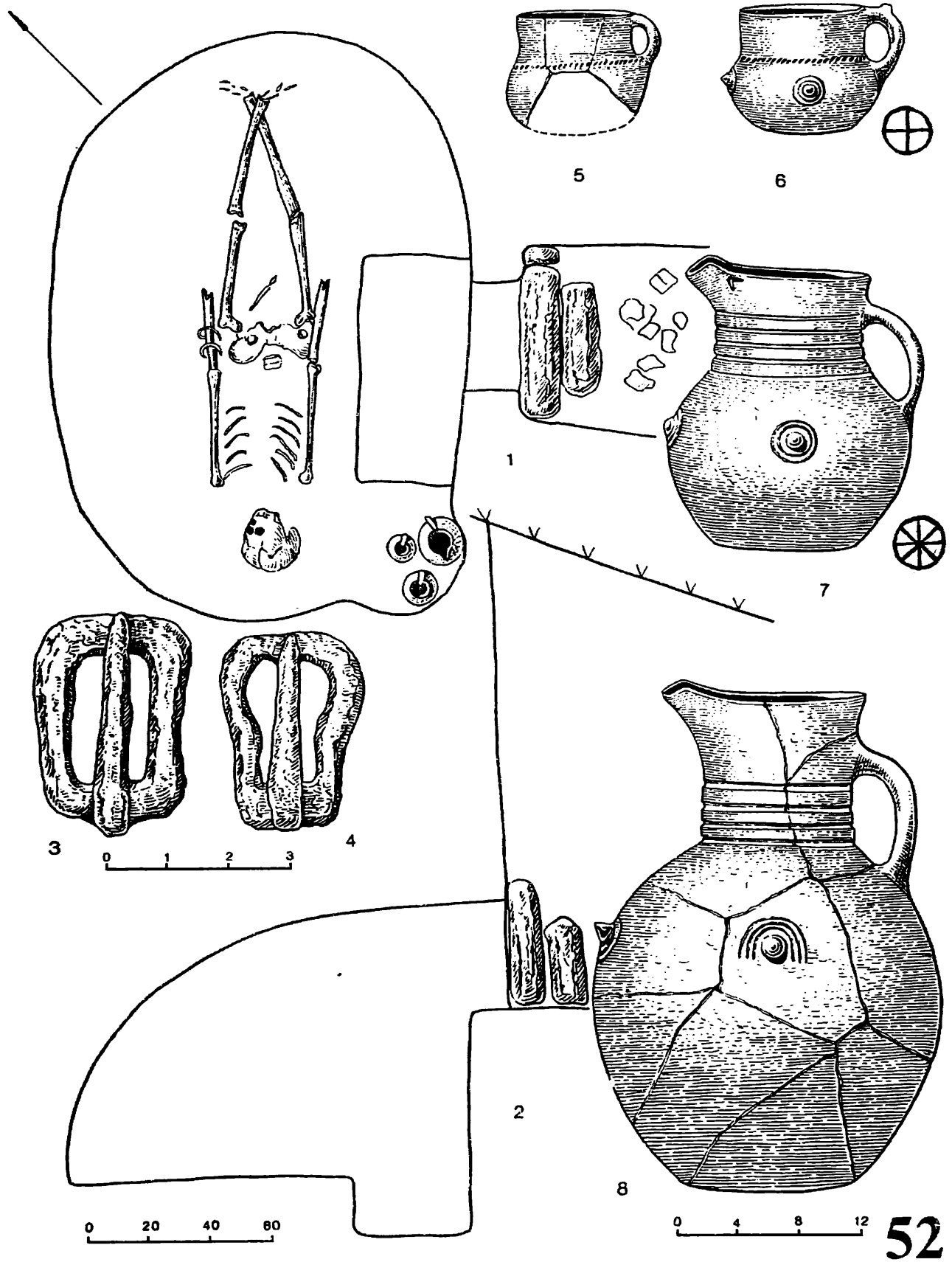
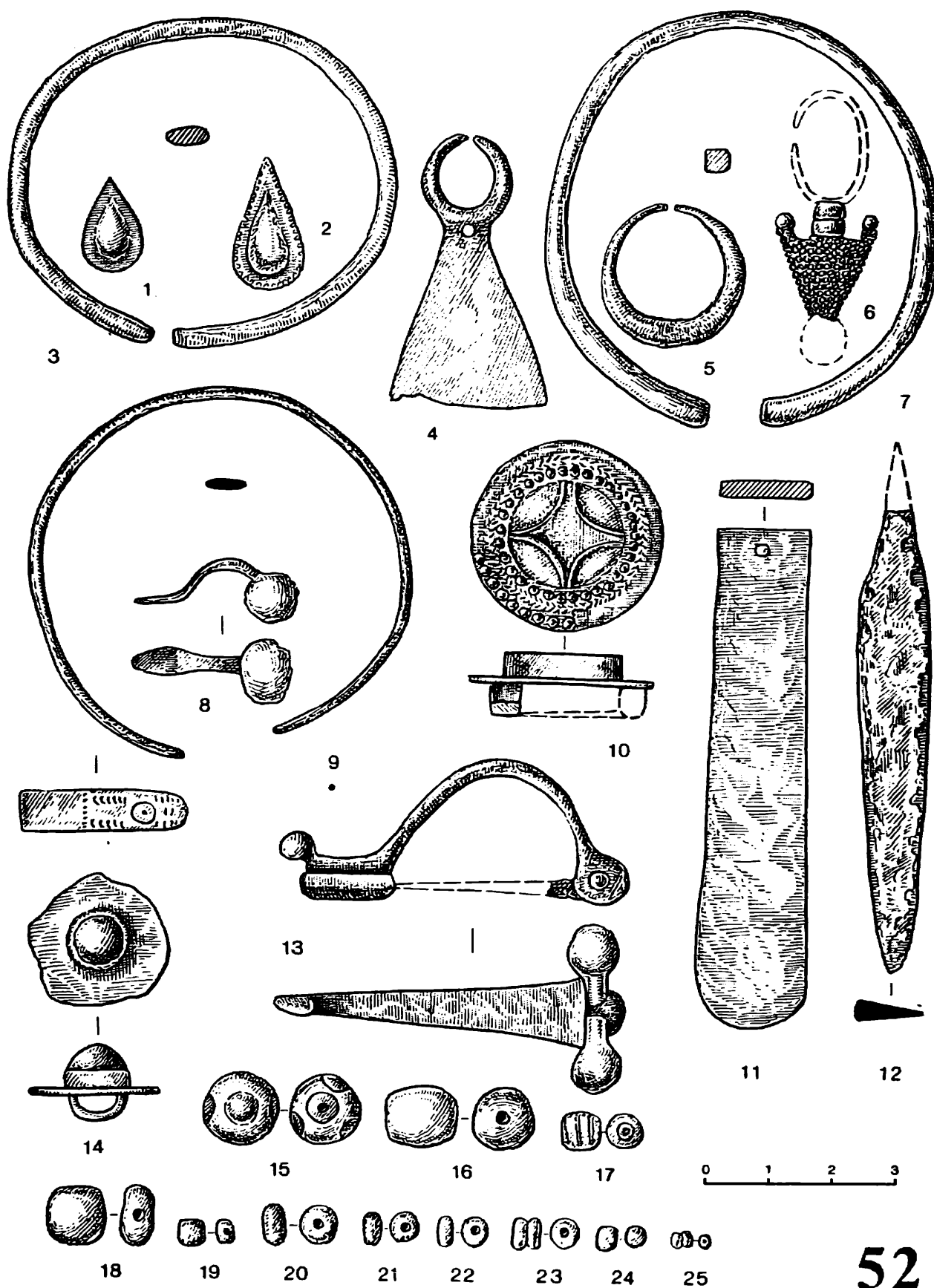
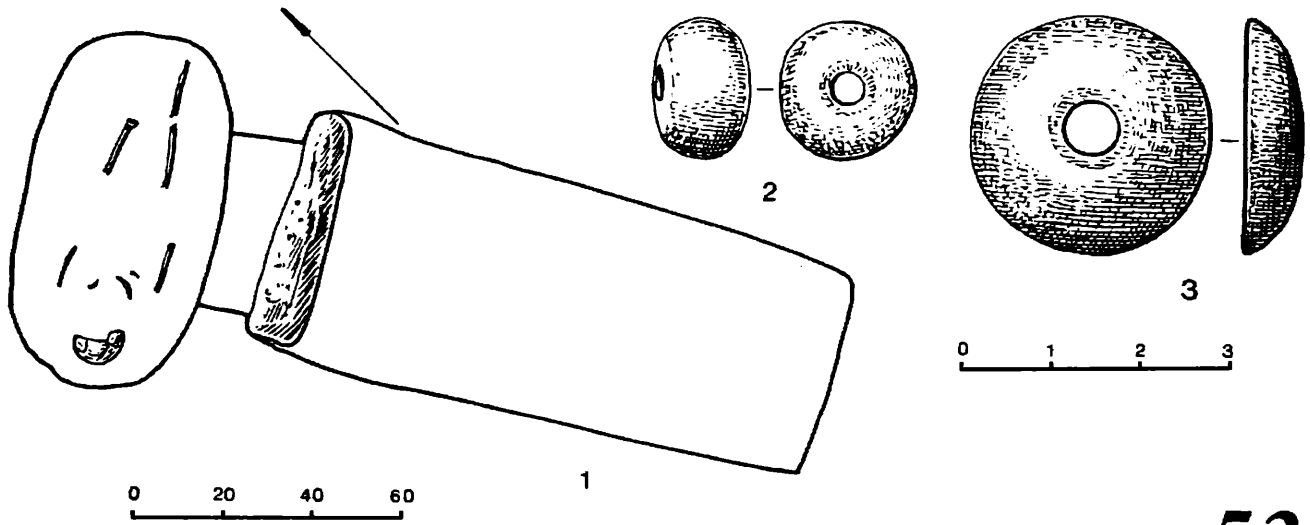

Рис. 70. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 52

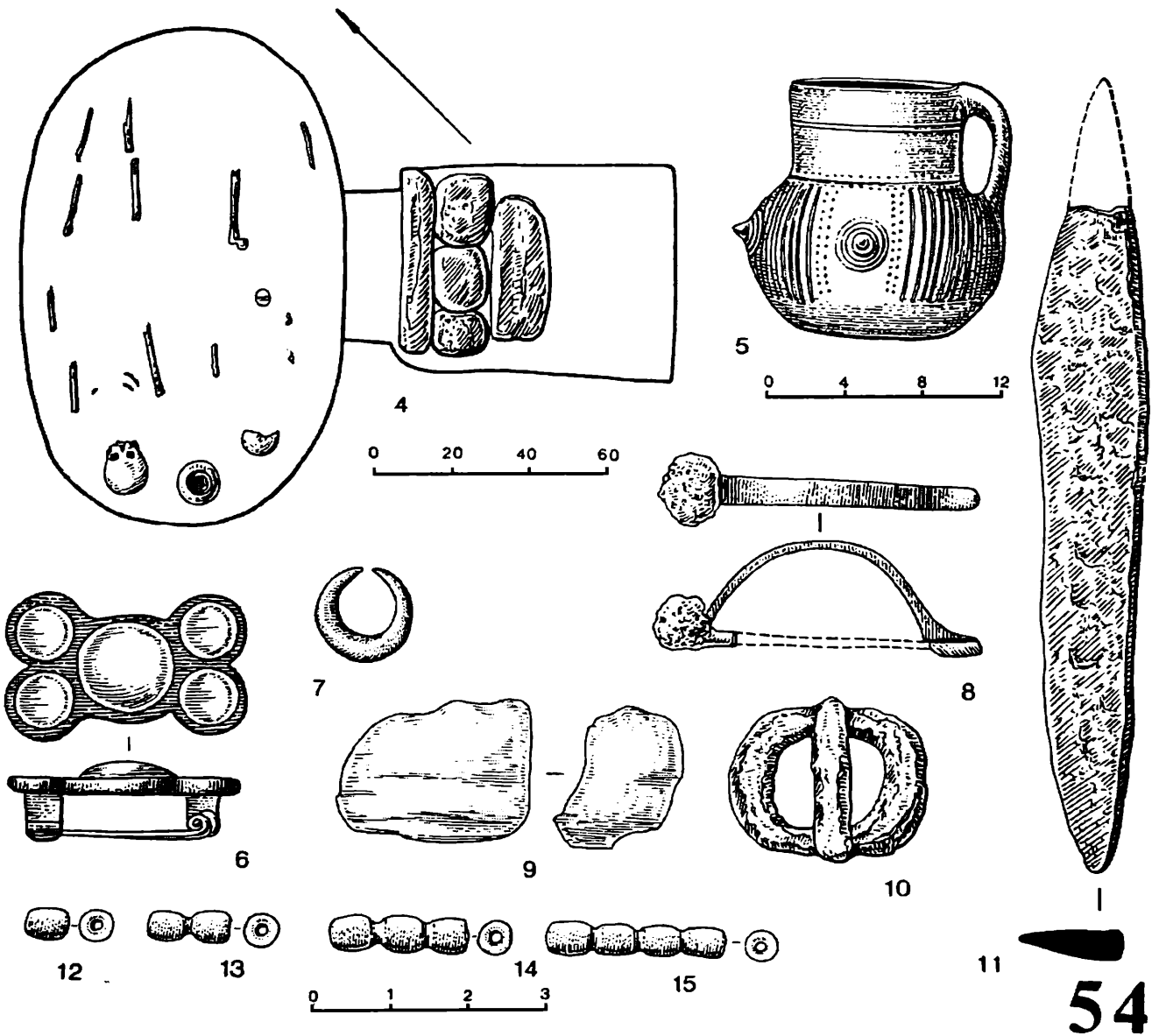

52

Рис. 71. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 52

53

54

Рис. 72. Комплексы из катакомб 53 и 54

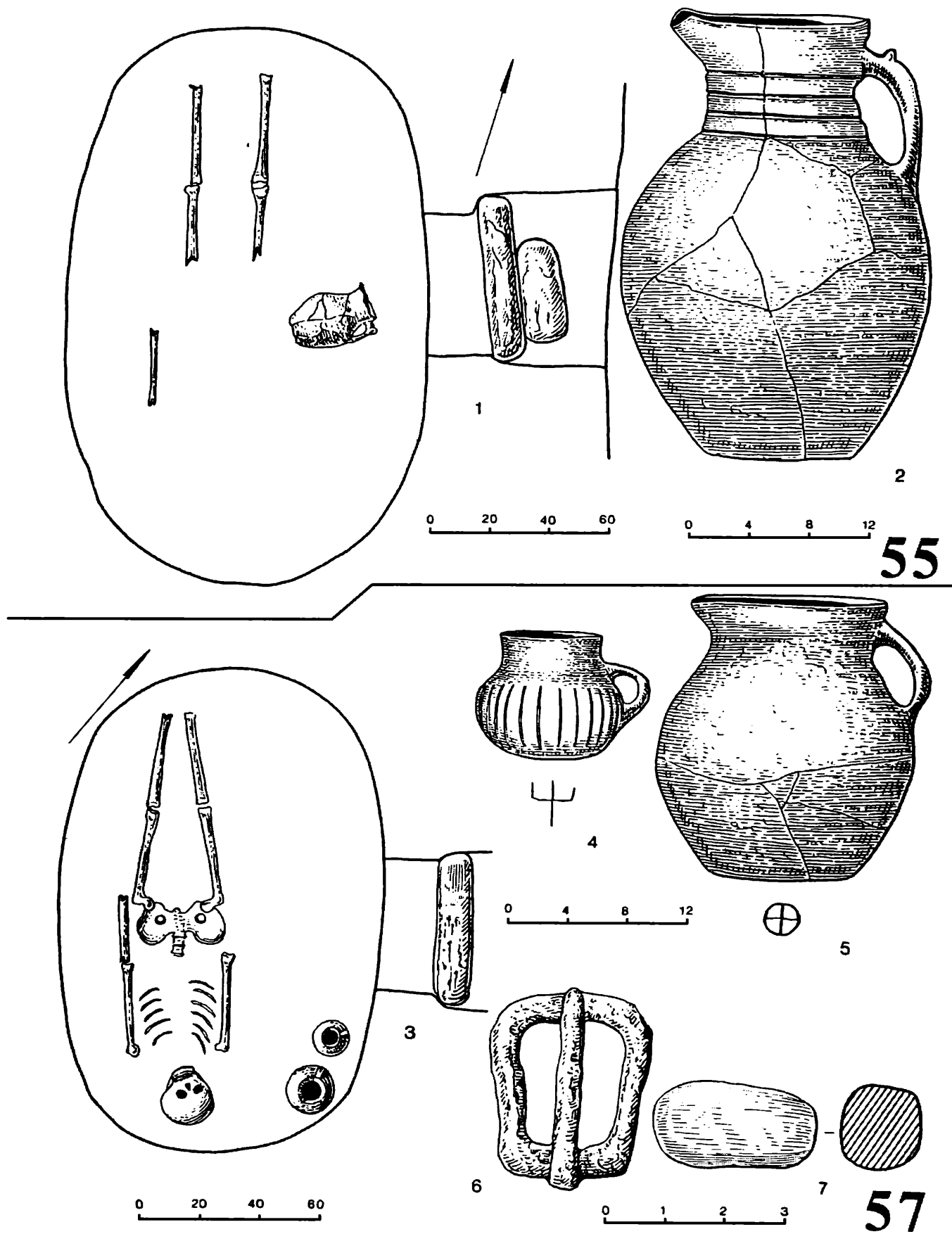

Рис. 73. Комплексы из катакомб 55 и 57

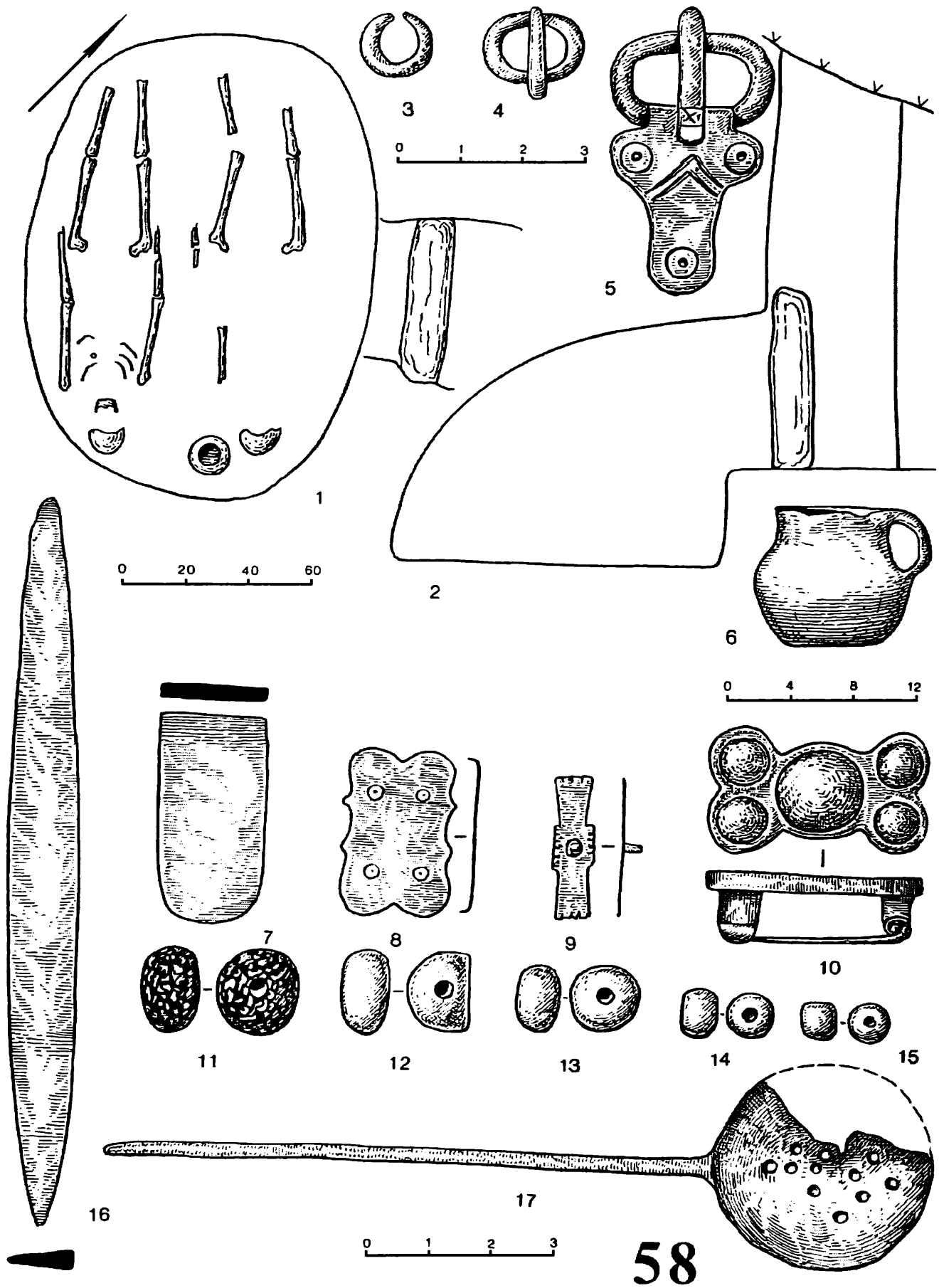

Рис. 74. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 58

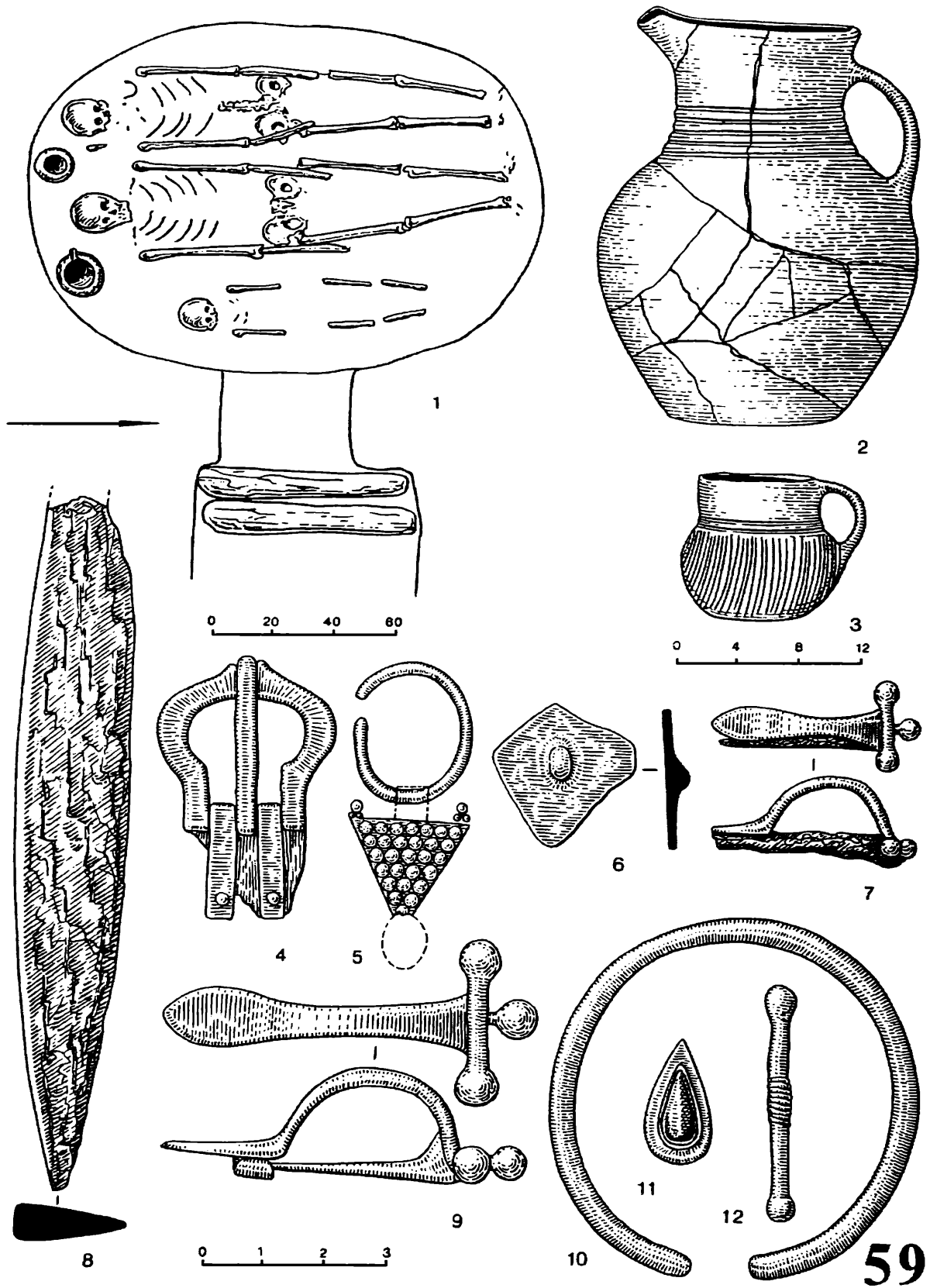

Рис. 75. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 59

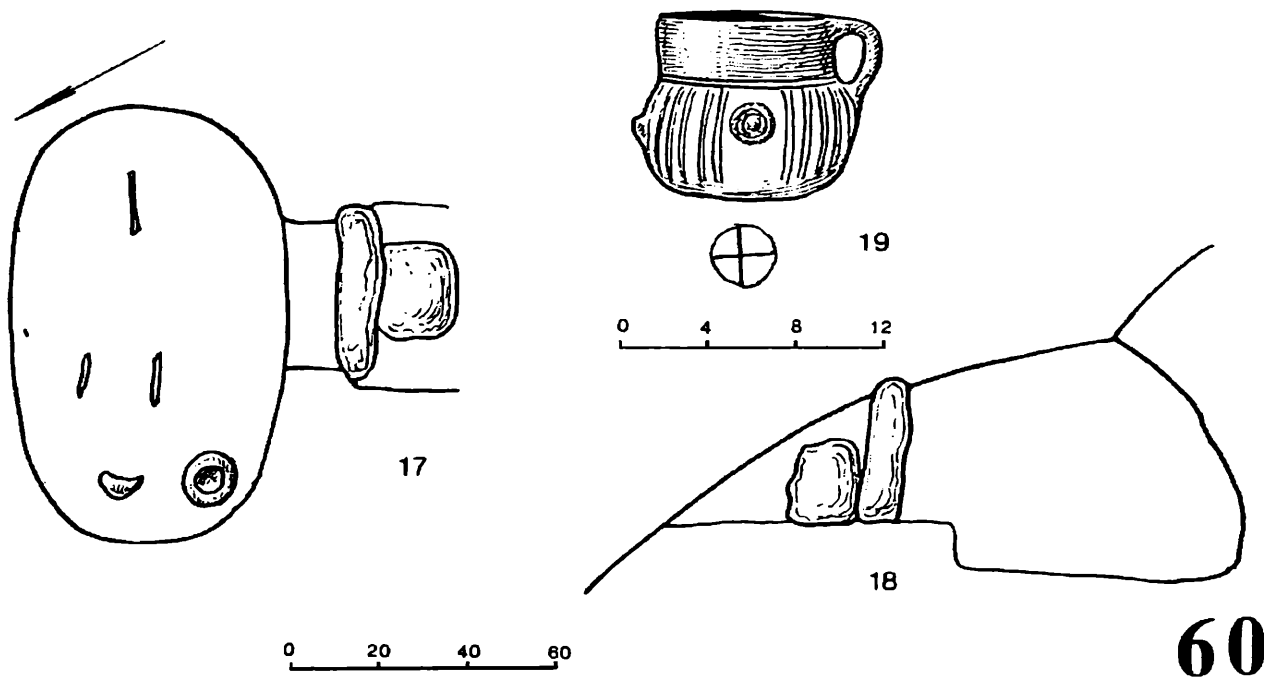
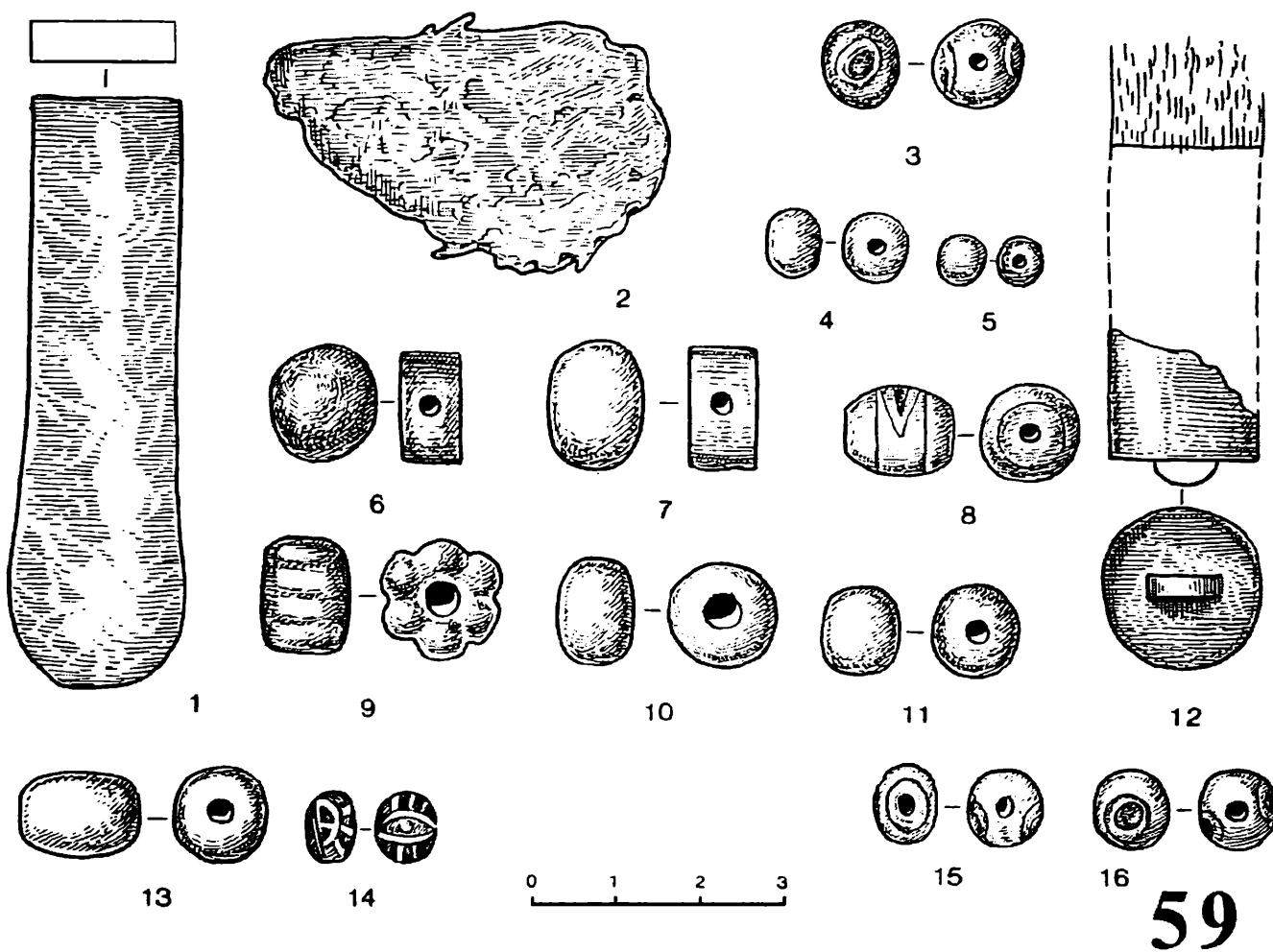

Рис. 76. Комплексы второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 59 и катакомбы 60

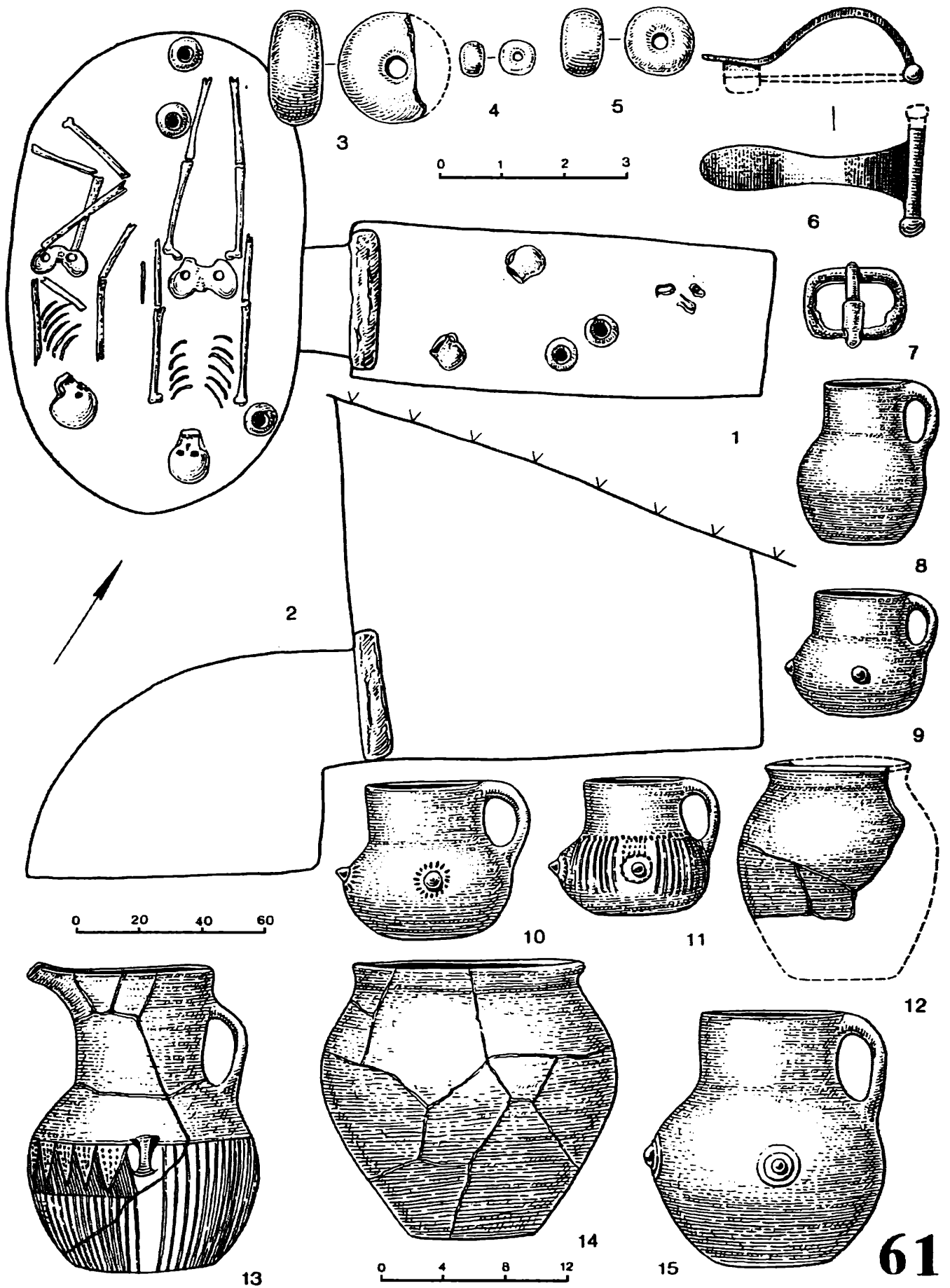
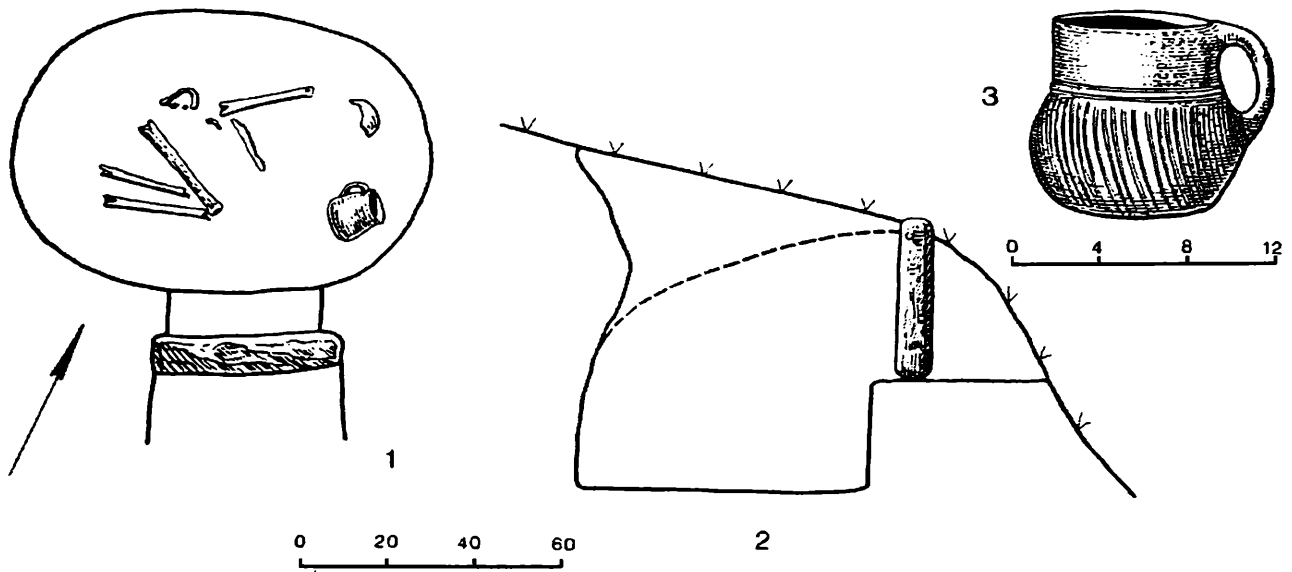
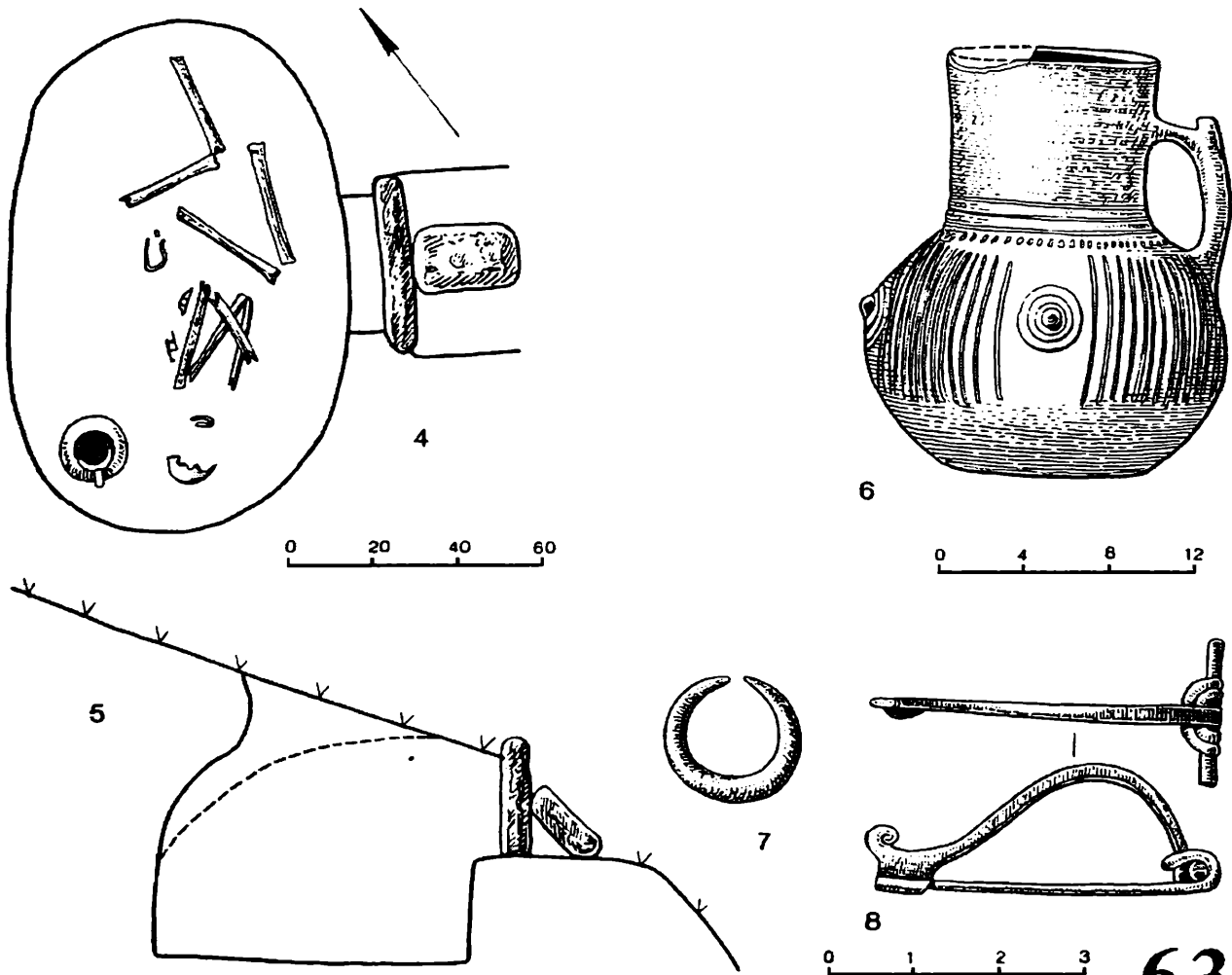

Рис. 77. Комплекс катакомбы 61

62

63

Рис. 78. Комплексы из катакомб 62 и 63

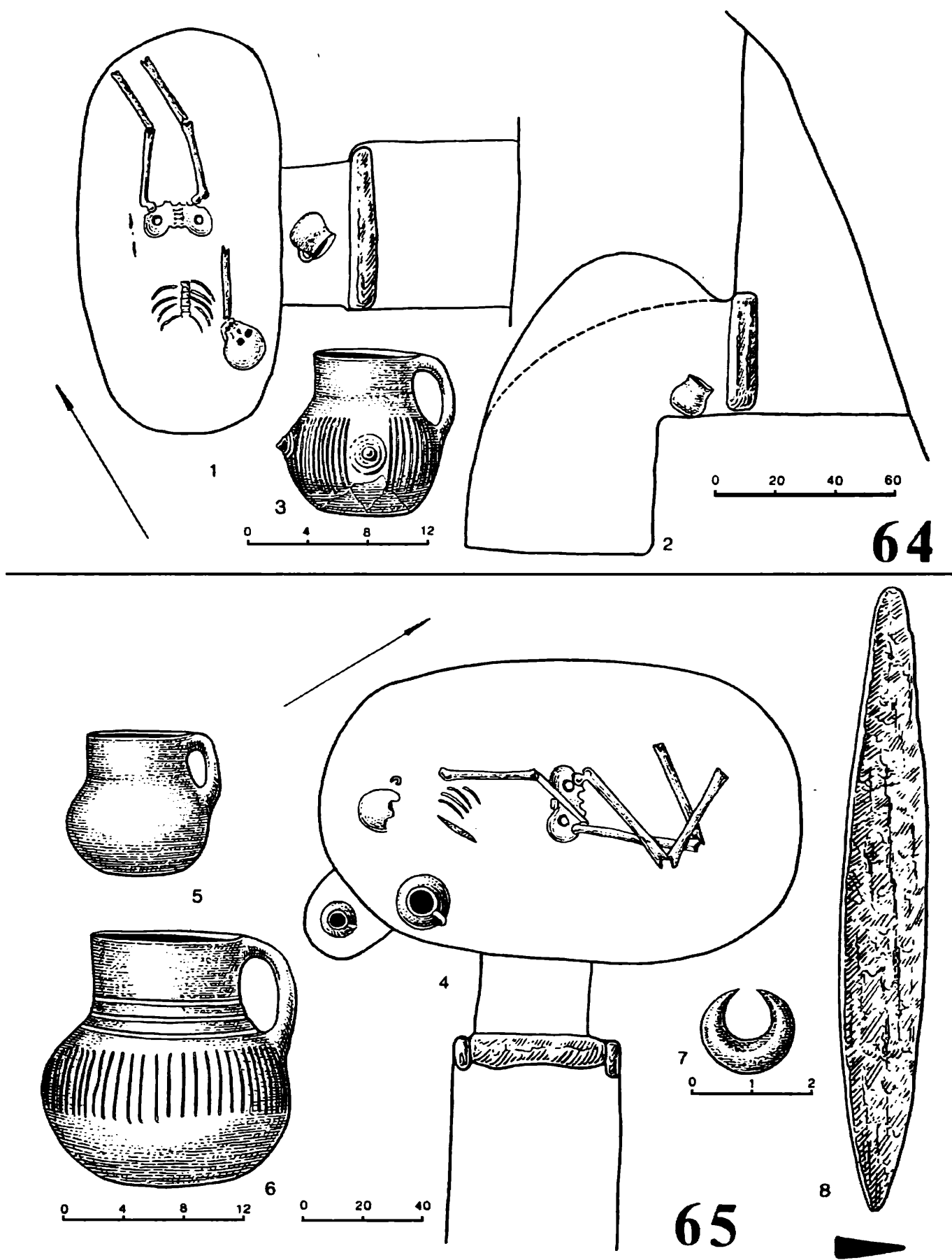

Рис. 79. Комплексы из катакомб 64 и 65

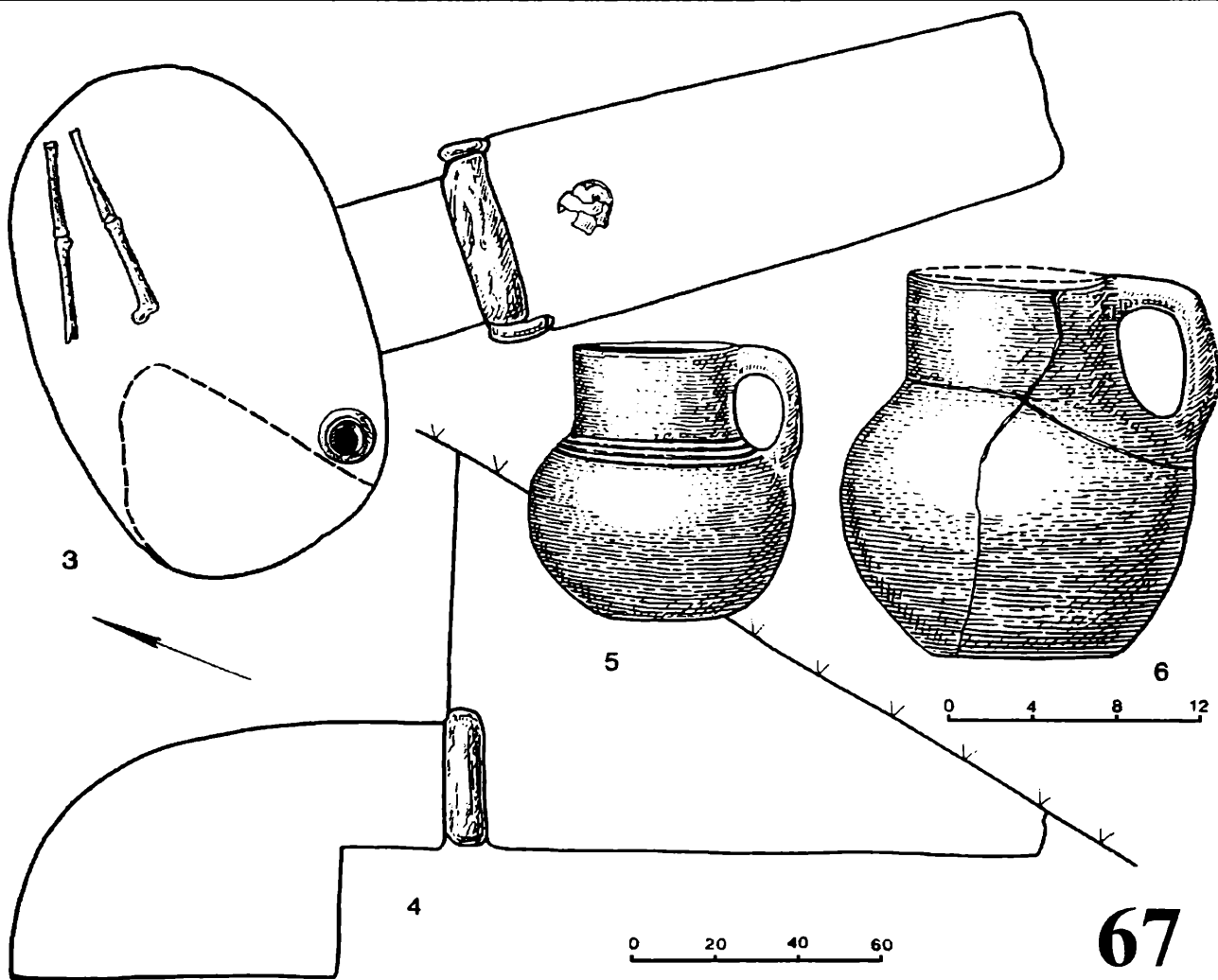
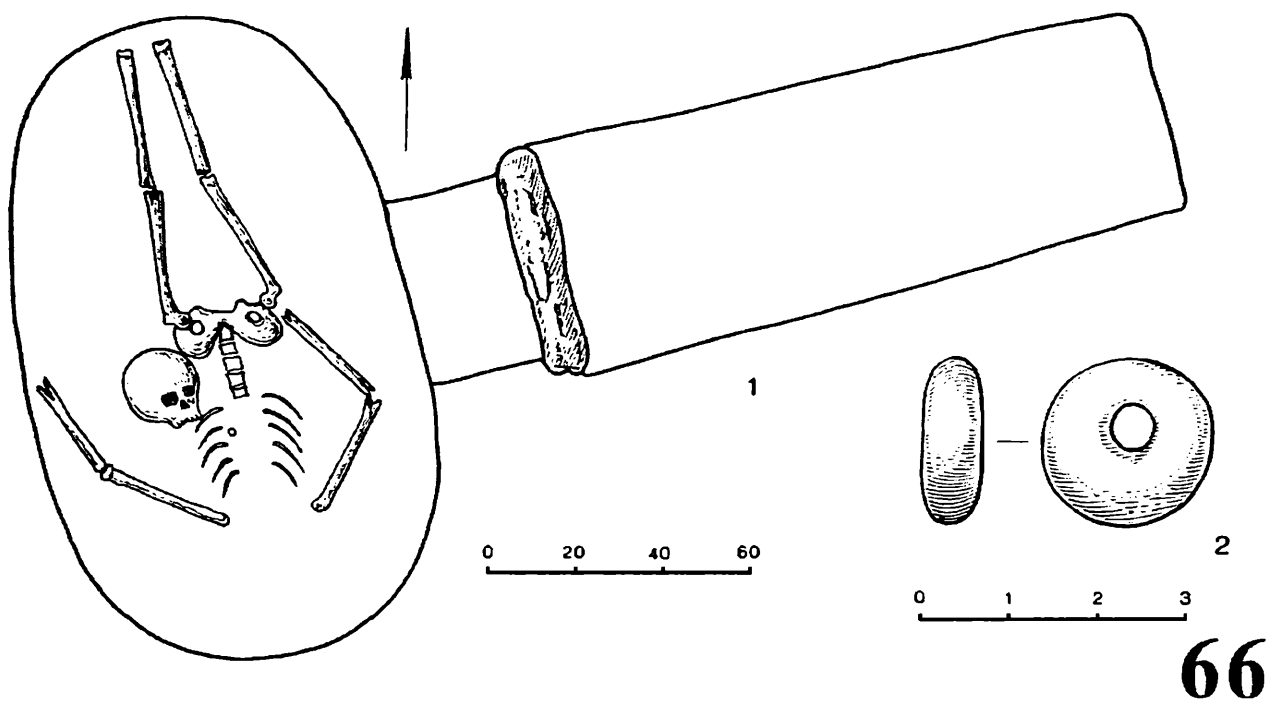

Рис. 80. Комплексы из катакомб 66 и 67

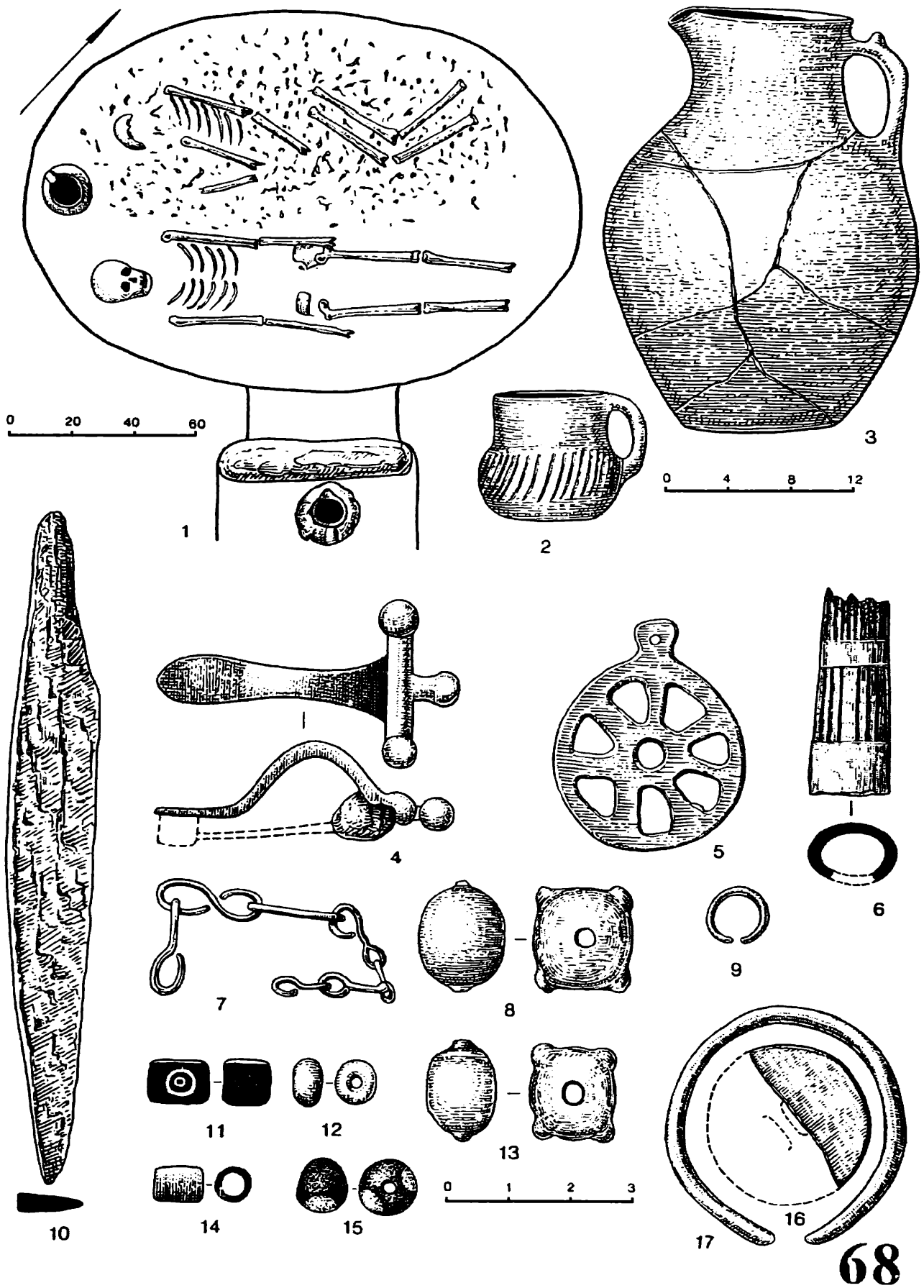
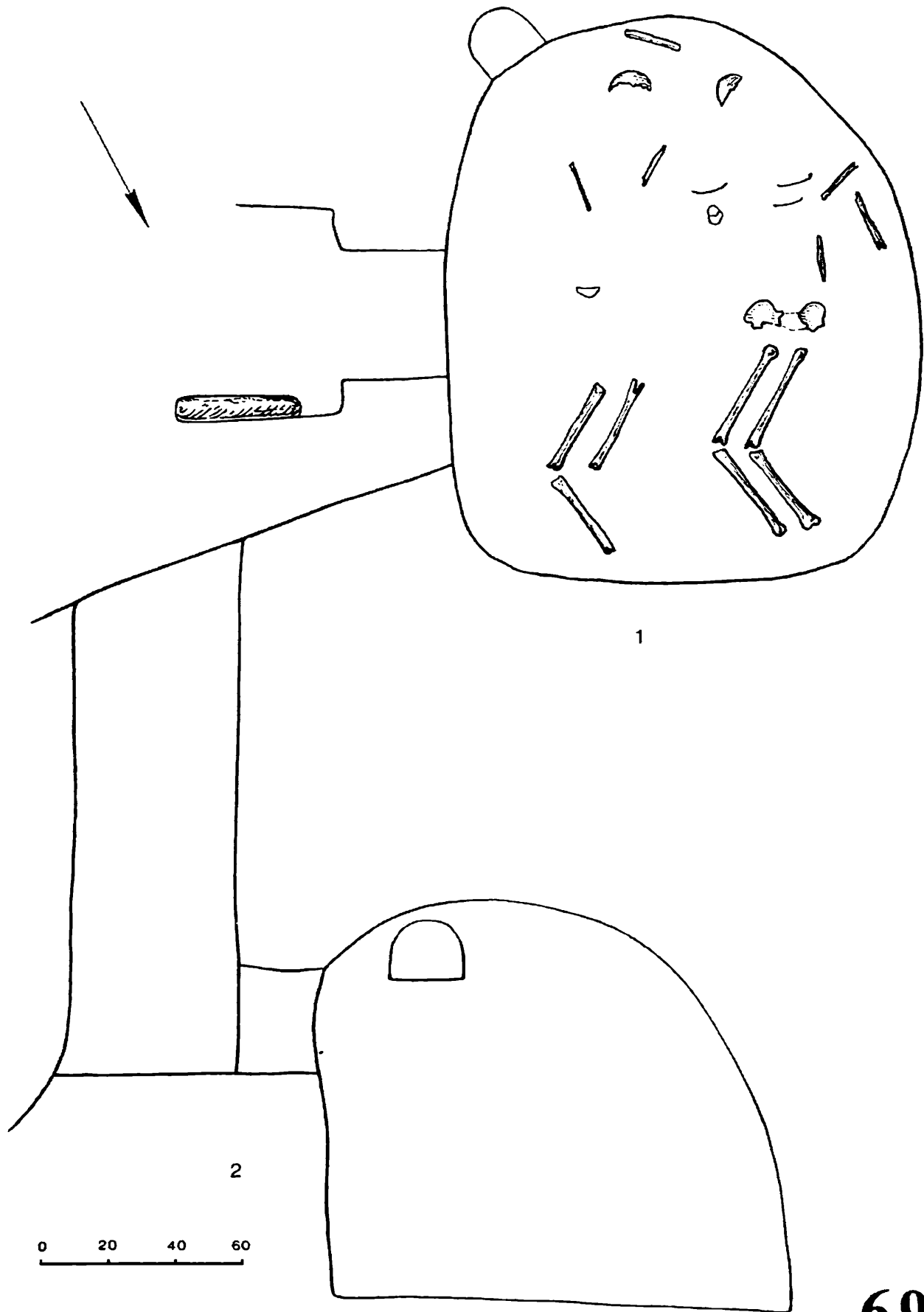

Рис. 81. Коллекция катакомбы 68

69

Рис. 82. Комплекс катакомбы 69

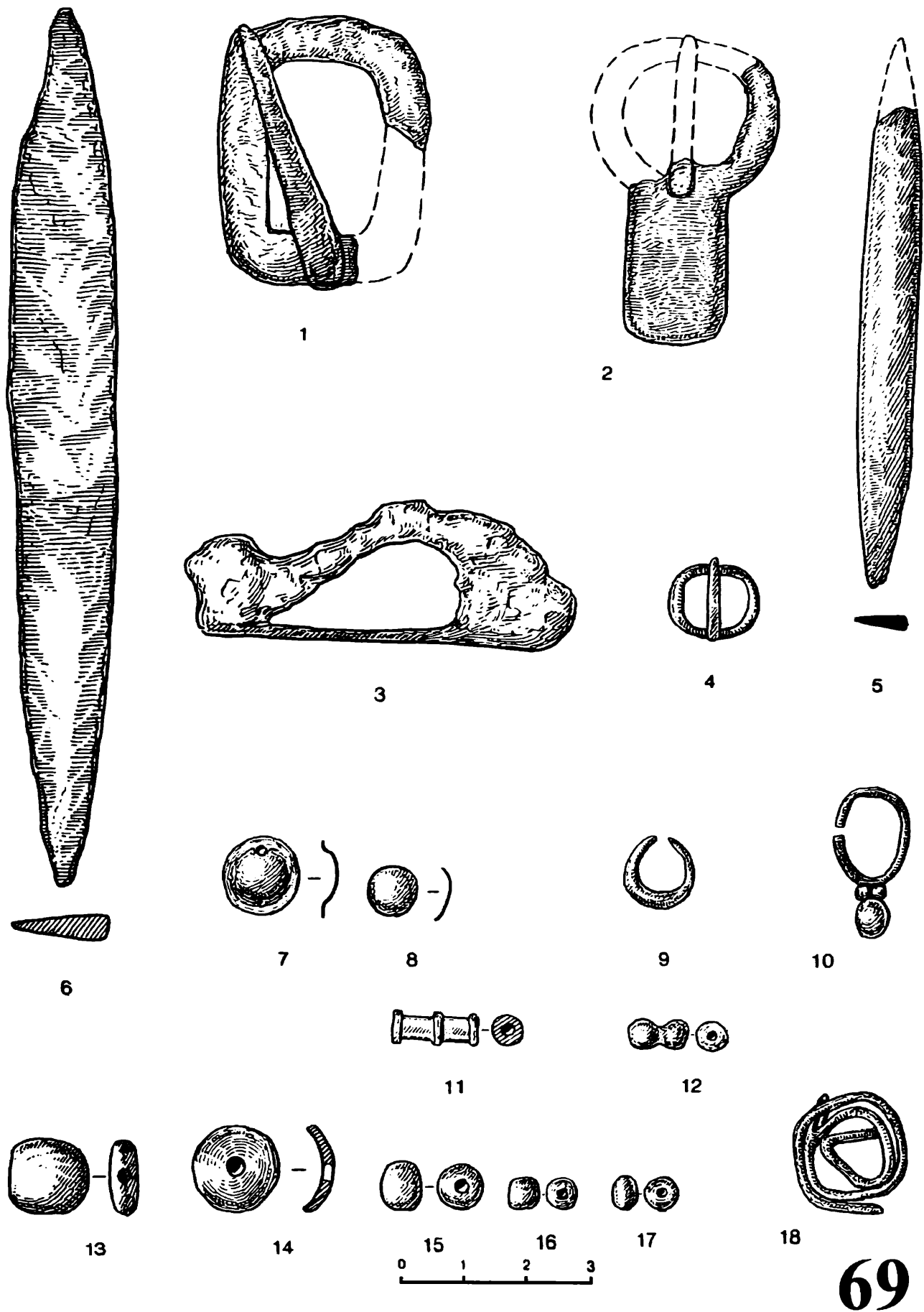

Рис. 83. Комплекс катакомбы 69

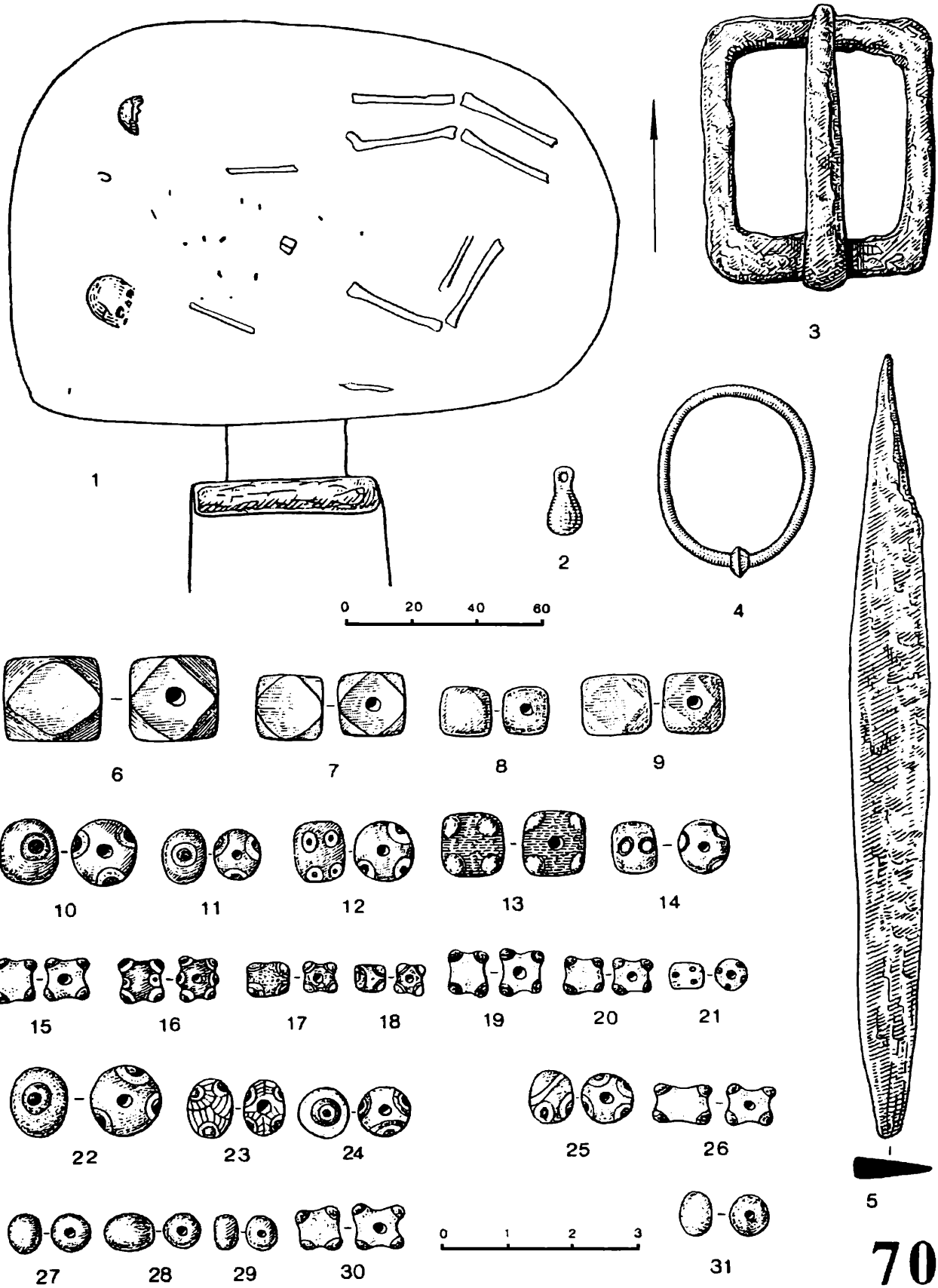

Рис. 84. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 70

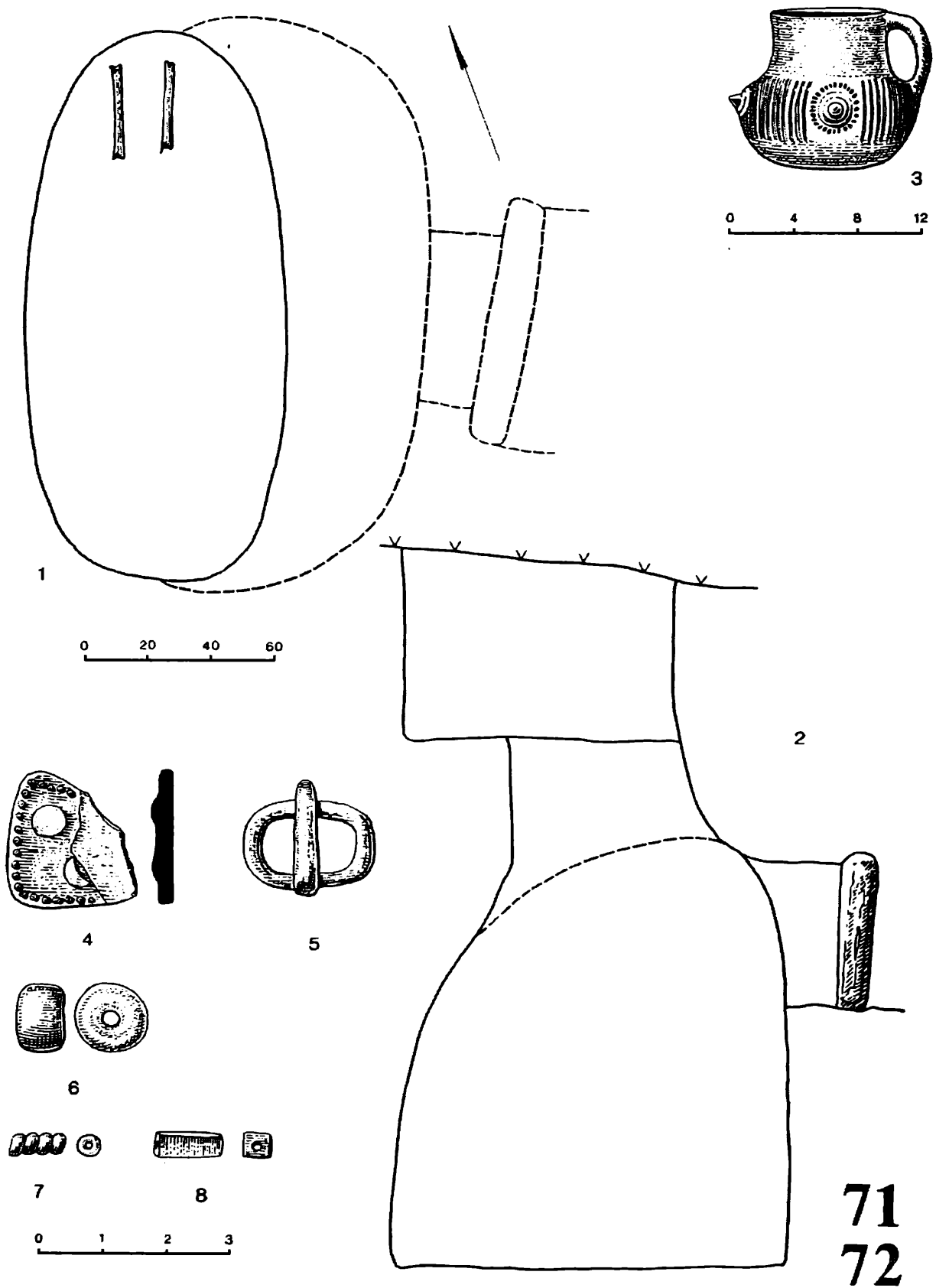

Рис. 85. Комплексы из катакомб 71 и 72

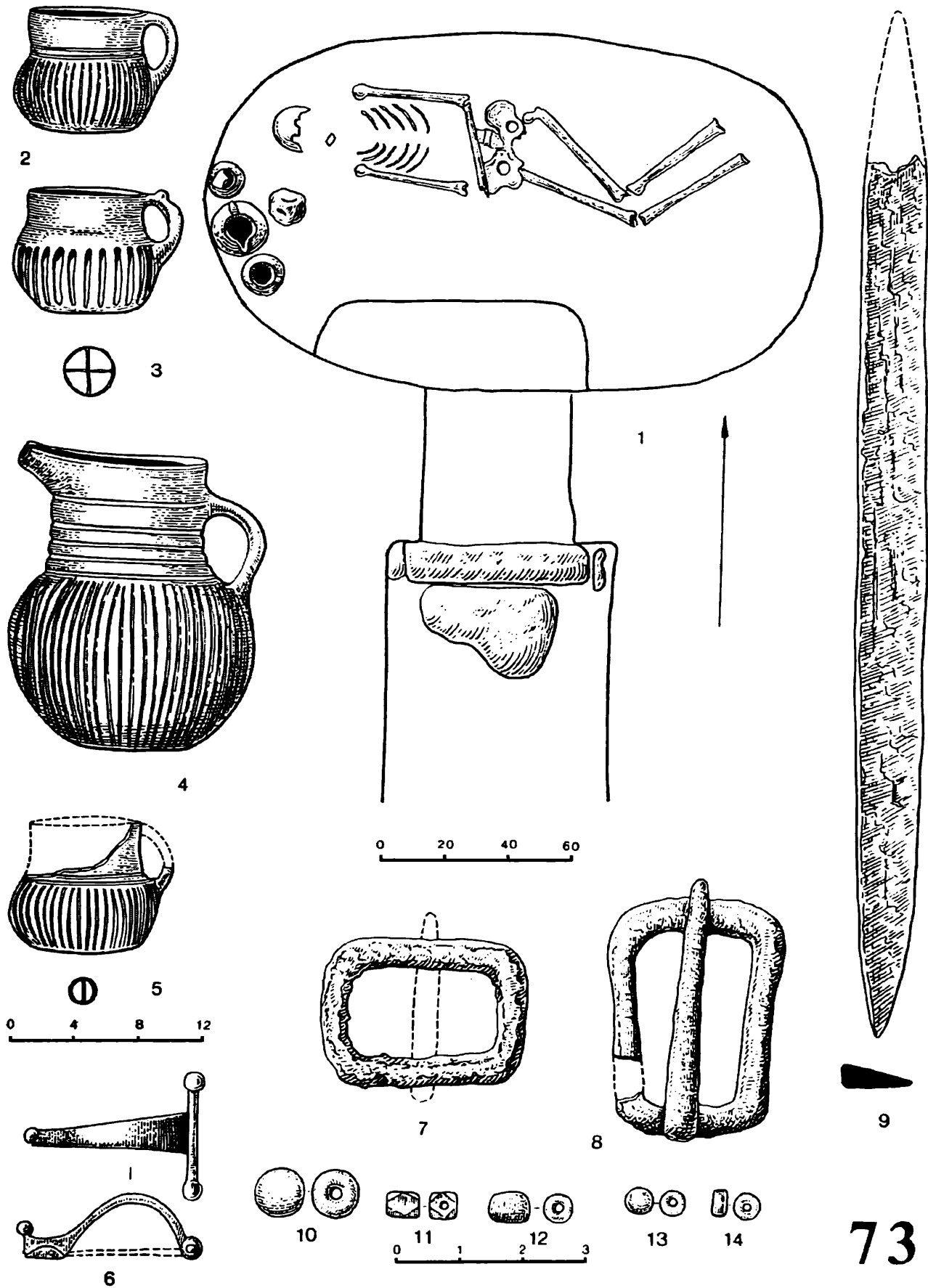

Рис. 86. Комплекс катакомбы 73

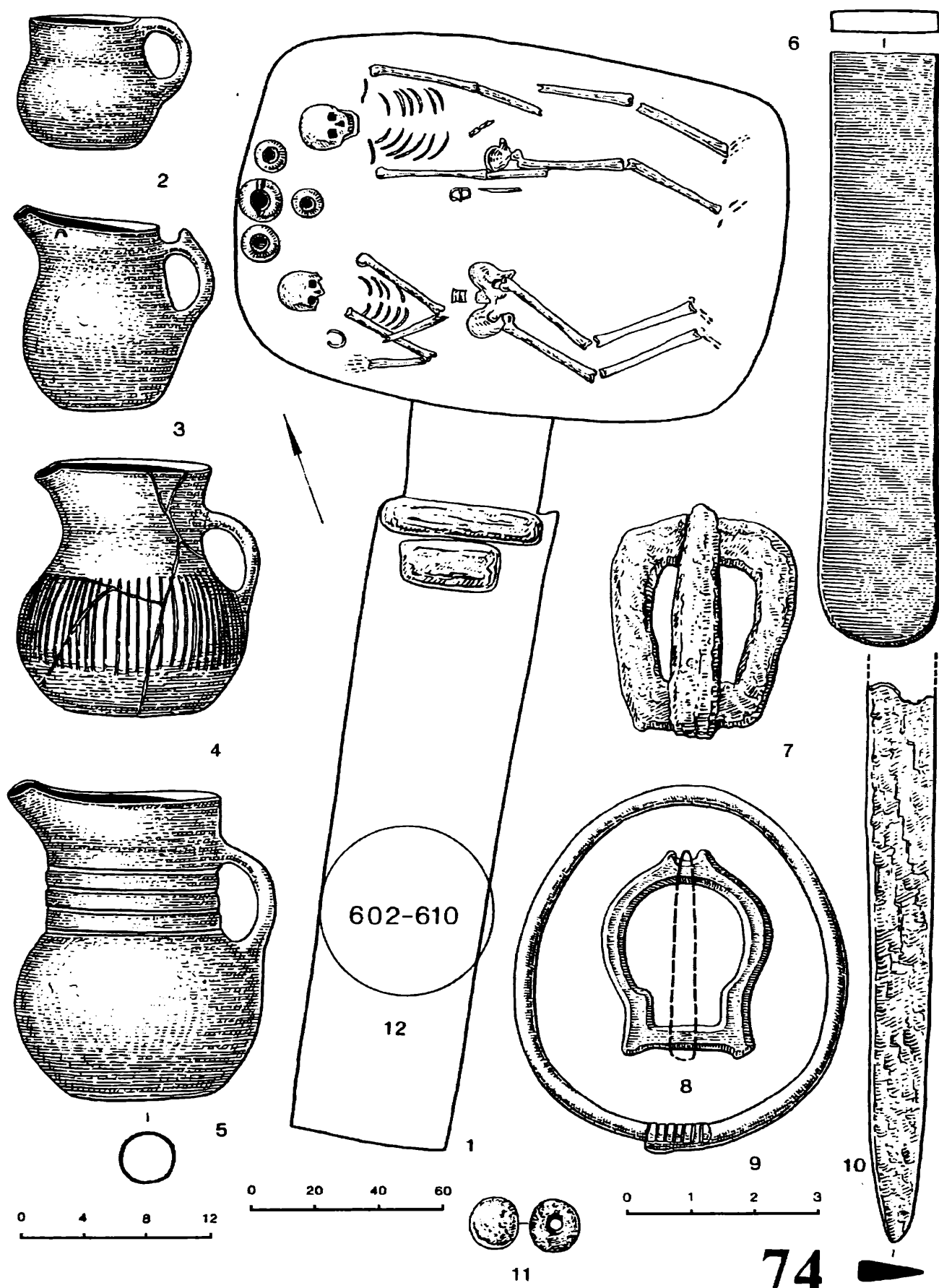
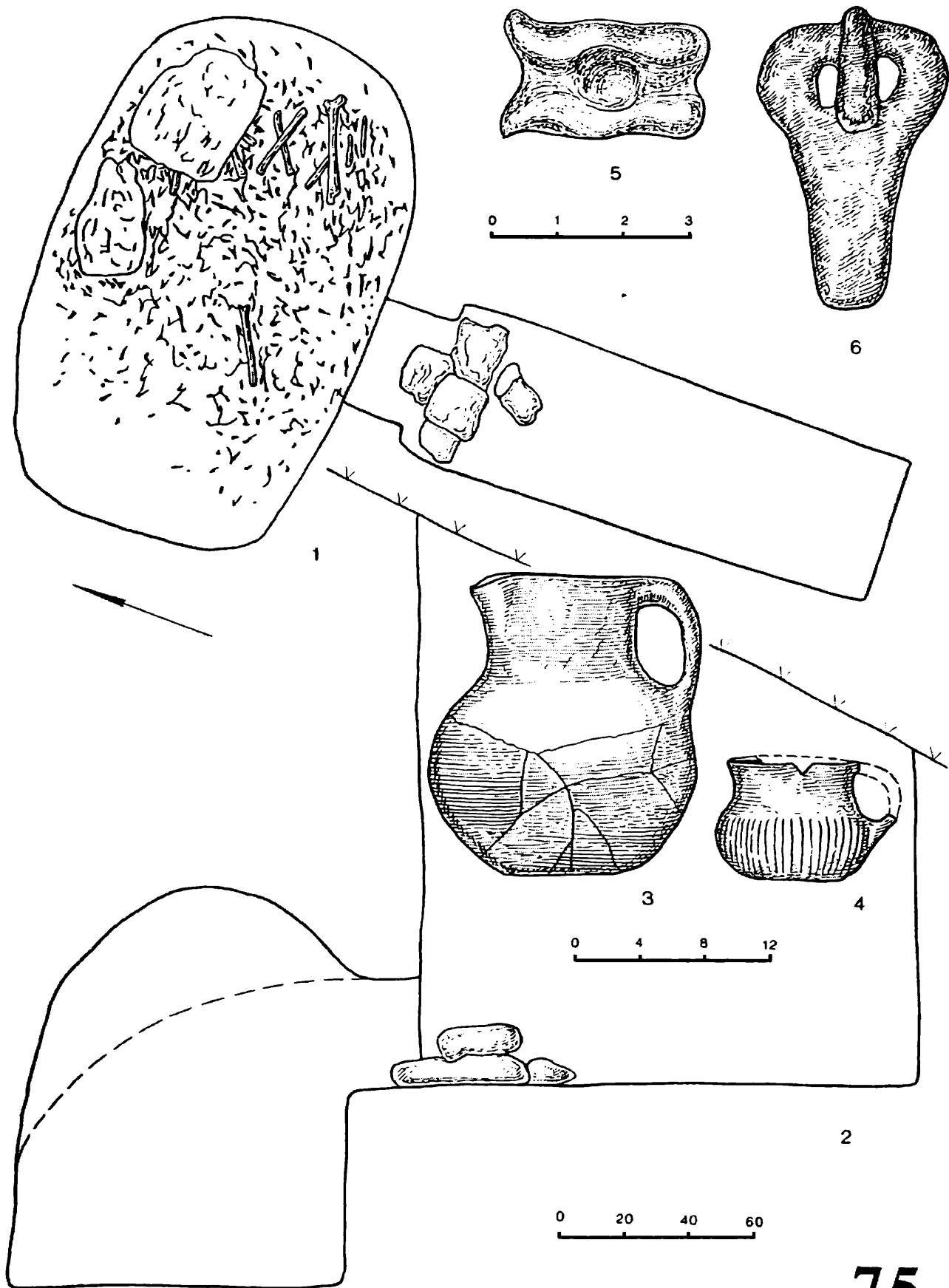

Рис. 87. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 74

75

Рис. 88. Комплекс катакомбы 75

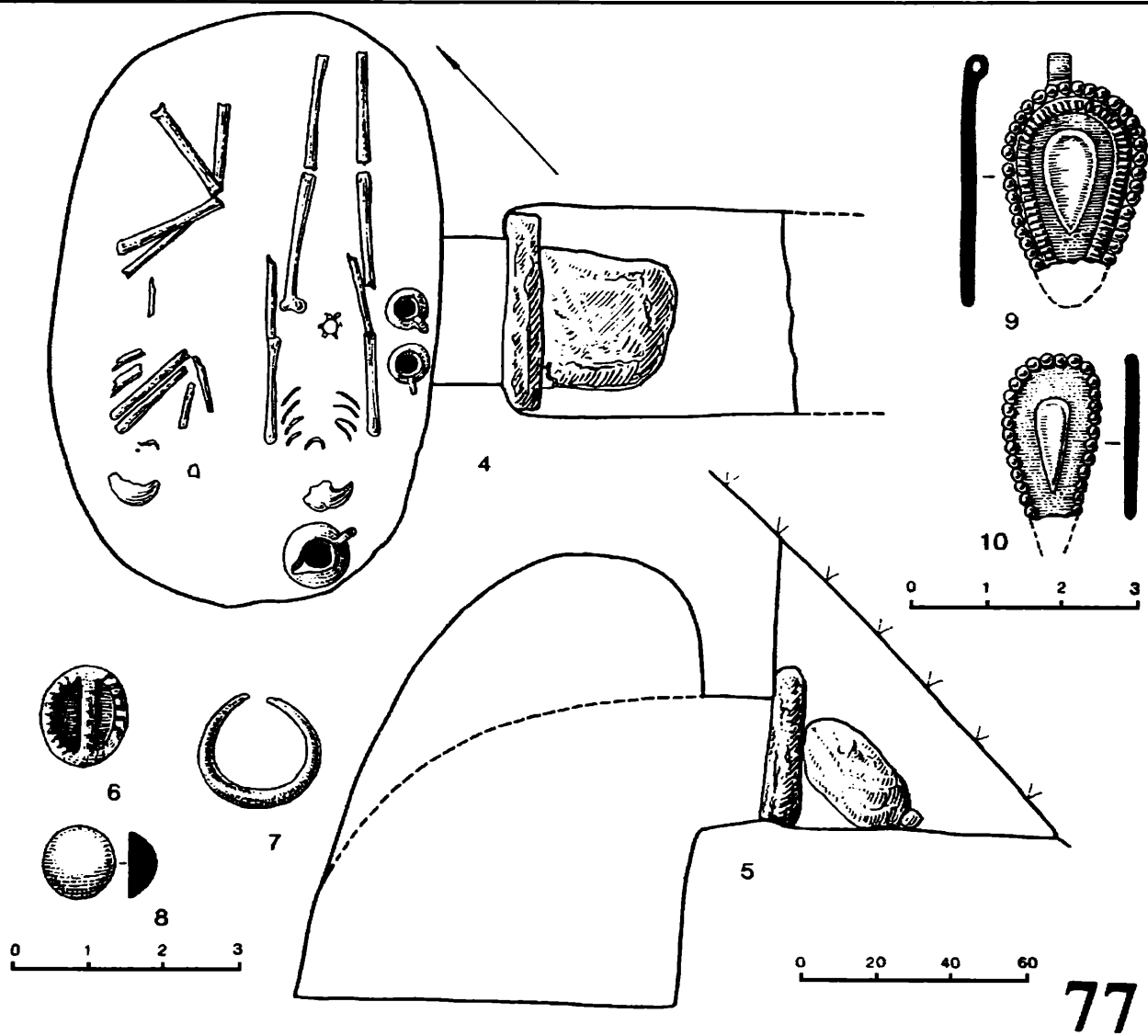
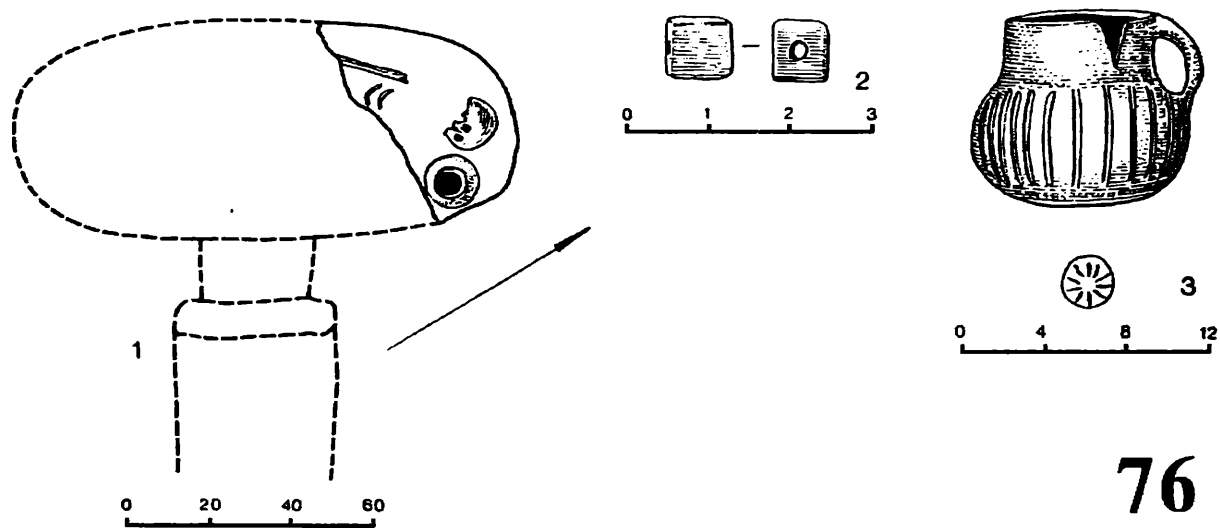

Рис. 89. Комплексы из катакомбы 76 и катакомбы 77

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1971 ГОДА

Катакомба 77

Дромос сохранился частично (рис. 89-4, 5). Вход закрывала плита размерами 0,66×0,54 м и толщиной 0,12 м, которую подпирали камни. Полукруглое входное отверстие (0,45 х 0,42 м) находилось на 0,47 м выше пола камеры. Длина лаза – всего 0,22 м. Ширина дромоса у входа 0,67 м. Потолок частично обрушился (рис. 89-5). В овальной камере размерами 1,86×1,44 м находились двое погребенных, лежавших головами на юго-запад (рис. 89-1). Под входом – два сосуда типа кружек (рис. 90-2, 3). Третий сосуд – кувшин с носиком-сливом (рис. 90-1) – стоял у головы вытянутого скелета. На поясице этого костяка было украшение-амулет из низкопробного серебра с шестью птичьими головками и желтой стеклянной вставкой (рис. 90-17), а на груди – бронзовая фибула (рис. 90-20).

Второй скелет – скорченный на правом боку. Перед головой – часть бронзового зеркала (рис. 90-21), а на грудной клетке лежали бронзовая брошь-амулет с птичьими головками, вставкой из желтого стекла и остатками железной иглы (рис. 90-18), две бронзовые подвески со стеклянными вставками (рис. 89-9, 10), бронзовая бляшка (рис. 89-8) и бусы: одна из дымчатого кварца (рис. 90-4), 4 пастовые (рис. 90-5, 8-10) и одна глазчатая (рис. 90-6), 11 янтарных (рис. 90-11), 2 пастовые желтые (рис. 90-12) и различные стеклянные: 22 голубые (рис. 90-13), 56 синих (рис. 90-14), 35 красноватых (рис. 90-15) и 2 спаренные (рис. 90-16). Здесь же лежал железный нож (рис. 90-22), а у черепа – две бронзовые серьги в виде калачиков (рис. 89-7) и раковина «каури» (рис. 89-6). Железная пряжка (рис. 90-19) оказалась в ходе грызуна.

Катакомба 78

Дромос шириной 0,66 м сохранился только частично (рис. 91-2). Входная плита размерами 0,58×0,57 м и толщиной 0,10 м лежала на дне дромоса. Камеру заполнял грунт. Вход полукруглой формы (0,39 х 0,45 м) расположен на 0,54 м выше пола камеры. Камера овальная, размерами 1,90×1,40 м, ее высота 1,05 м. Под входом углубление размерами 0,99 х 0,33 м, в котором находились два сосуда – кувшин с носиком-сливом и клеймом на дне (рис. 92-4) и кружка (рис. 92-3), – человеческие кости, наконечник пояса из бронзы (рис. 92-7) и проволочный бронзовый браслет (рис. 92-12).

В центре камеры лежал вытянутый мужской скелет, головой на юго-запад (рис. 91-1). У черепа найдены кружка (рис. 92-2) и бронзовое зеркало (рис. 92-8), на поясице – железная пряжка (рис. 92-5) и прямой железный нож длиной 15 см, а на грудной клетке – бронзовая фибула (рис. 91-6). Западнее черепа лежал камень, обвалившийся с грунтом с потолка камеры и разбивший кувшин с носиком-сливом (рис. 92-1).

Второй скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Около черепа две серебряные серьги в виде калачиков (рис. 91-3).

У шейных позвонков – три бусины: одна из гагата (рис. 92-9), одна янтарная (рис. 92-10) и одна пастовая (рис. 92-11).

На грудной клетке бронзовая фибула с остатками железной иглы (рис. 91-4), а в районе пояса – бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 91-5) и кисточка в бронзовой оправе (рис. 92-6).

Катакомба 79

Почти весь дромос снят при прокладке дороги (рис. 93-2). Ширина дромоса у входа 0,63 м. Вход закрывала плита размерами 0,60×0,54 м и толщиной 0,12–0,13 м, которую подпирали камень (рис. 90-1, 2). Длина входного отверстия 0,21 м, а его размеры 0,45×0,45 м. Овальную камеру размерами 2,10×1,23 м заполнял грунт. Вход на 0,51 м выше пола камеры. Из северо-западной и южной стенок выступала скала (рис. 93-1). На южном выступе, как на полке, стояли два сосуда типа кружек (рис. 93-3, 5). Женский скелет с деформированным черепом лежал на спине, со слегка подогнутыми ногами, головой на юго-запад (рис. 93-1). Около черепа найдены две серебряные серьги (рис. 93-11), у шейных позвонков 9 стеклянных бусин красноватого цвета (рис. 93-6, 7) и одна из раковины «каури» (рис. 93-8). На пояснице – бронзовая фибула (рис. 93-10) и остатки железной фибулы (рис. 93-9). Нужно добавить, что под камнем, подпиравшим входную плиту, обнаружен фрагмент сосуда типа кружки с клеймом на дне (рис. 93-4).

Катакомба 80

Верхняя часть камеры не сохранилась. Вход закрывала плита размерами 0,57×0,54 м и толщиной 0,11 м. В овальной камере (1,83×1,44 м) лежали два вытянутых скелета, головами на юго-запад: у входа мужской скелет, а у задней стенки – женский (рис. 94-1). У правого плеча мужского скелета стояла кружка с клеймом на дне (рис. 94-2), у правой руки обнаружен железный нож длиной 13 см, а на пояснице – железная пряжка (рис. 94-4). У правой руки второго скелета лежали кольца из гагата (рис. 94-5), 4 гагатовые бусины (рис. 94-6, 7, 10, 11) и 14 бусин в виде креста из того же материала (рис. 94-9). Кроме этого, здесь была одна бронзовая бусина (рис. 94-8).

Катакомба 81

При зачистке камеры катакомбы 80 в восточной стенке были обнаружены кости ног. Как выяснилось, эта камера – 81 – была полностью разрушена при устройстве камеры катакомбы 80. От инвентаря сохранился только сосуд типа кружки

(рис. 94-3), а от погребенного – берцовые кости (рис. 94-1).

Катакомба 82

Камера обнаружена в промоине по закладу, который закрывал вход в нее (рис. 95-1, 2). Входную плиту подпирали камень. Ширина дромоса 0,63 м, размеры входной плиты 0,60×0,48 м, ее толщина 0,09–0,10 м. Лаз на 0,75 м выше пола камеры. Камера овальная, размерами 1,95×1,40 м. Два вытянутых скелета лежали головами на юго-запад (рис. 95-1). У плеча мужского скелета, который был у входа, стоял сосуд типа кружки (рис. 95-3), у ног – кувшин с тремя ручками и носиком-сливом (рис. 95-4), а на пояснице – кусочек смоловидного вещества (рис. 95-6). Около второго скелета найдены стеклянная бусина (рис. 95-5) и обломки бронзовых предметов (рис. 95-7, 8, 9, 10).

Катакомба 83

Камера, размытая атмосферными водами, оказалась ограбленной. Она овальная, размерами 2,20×1,52 м (рис. 96-1). В ней найдены два черепа, разбитый сосуд типа кружки с клеймом на дне (рис. 96-2) и следующие предметы: часть железного браслета (рис. 96-4), бронзовая бляшка (рис. 96-3) и бусы: 15 стеклянных желтоватых (рис. 96-7), 6 спаренных (рис. 96-8), 92 желтые пастовые (рис. 96-10), 38 красноватых (рис. 96-11), 82 стеклянные синие (рис. 96-12), одна зеленая пастовая (рис. 96-13) и 4 голубые стеклянные (рис. 96-6). Кроме этих мелких бус были и крупные: одна из раковины «каури» (рис. 96-9), одна гемма из дымчатого кварца (рис. 96-14), одна с фасками (рис. 96-15) и одна янтарная (рис. 96-5).

Катакомба 84

Овальная камера размерами 1,83×1,23 м оказалась ограбленной. Вся верхняя часть не сохранилась. Пол камеры покрыт древесным углем (рис. 96-16). Отдельные кости разбросаны по камере. Из инвентаря в катакомбе найдены альчик (рис. 96-17), две стеклянные бусины (рис. 96-22, 23), кусочки смоловидного вещества (рис. 96-18), брон-

звая пряжка (рис. 96-20), стеклянная вставка (рис. 96-21) и бронзовая серьга (рис. 96-19).

Катакомба 85

Камера полностью снесена при прокладке дороги. В дромосе перед плитой находился череп лошади, нижняя часть передних ног (рис. 97-1) и плохо сохранившиеся железные удила (рис. 97-2).

Катакомба 86

Во время таяния снега в проезжей части обнаружены человеческие кости. Как выяснилось, верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Камера овальная, размерами 1,80×1,20 м. У западной стенки лежал вытянутый мужской скелет, головой на юго-запад (рис. 97-3). Никаких предметов при нем не оказалось. Второй скелет был женским, с деформированным черепом, и лежал в скорченном положении, головой на юго-запад. У южной стенки стояли три сосуда типа кружек (рис. 97-4–6). На черепе и под ним – две бронзовые серьги (рис. 97-7), а на поясице – бронзовая пряжка с остатками ремня (рис. 97-8).

Катакомба 87

От камеры уцелела только южная часть. Пол погребенных определить не удалось. Два скелета лежали на спине, а третий, видимо, на правом боку (рис. 98-1). У южной стенки стоял кувшин (рис. 98-2). Около него – маленькое бронзовое зеркало (рис. 98-14). У черепа скелета, лежавшего у восточной стенки, найдены две серьги в виде колечек (рис. 98-9), на грудной клетке – бронзовая фибула (рис. 98-15), а у плечевого сустава левой руки – бронзовое зеркало (рис. 98-16). На костяке в центре предметов нет. У третьего скелета рядом с черепом 2 бронзовые серьги (рис. 98-11, 12), на левой руке бронзовый браслет (рис. 98-10), у черепа бусы: три в виде креста из гагата (рис. 98-3), одна пастовая цилиндрическая (рис. 98-4), три стеклянные зеленоватые (рис. 98-5) и две пастовые (рис. 98-6, 7), а также обломок бронзового украшения (рис. 98-8), у локтевого сустава – амулет в виде фигурки оленя из бронзы (рис. 98-13).

Катакомба 88

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Камера овальная, размерами 1,83×1,14 м, ограблена. Все сохранившиеся кости свалены к западной стенке (рис. 99-1). Среди них мы нашли керамический сосуд типа кружки (рис. 99-2), две плохо сохранившиеся железные пряжки (рис. 99-3, 4) и стеклянные вставки (рис. 99-5).

Катакомба 89

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Длина дромоса 2,04 м, ширина у входа в камеру 1,05 м, а в начале – 0,60 м. Вход закрывала плита размерами 0,87×0,62 м и толщиной 0,18 м. Овальная камера размерами 1,98×1,37 м оказалась ограбленной, кости свалены к северной стенке (рис. 99-10). Около этих костей найдены бронзовая пряжка (рис. 99-14), целая бронзовая накладка от пояса со вставкой из красного стекла (рис. 99-9) и две сломанные аналогичного типа, бронзовая накладка другого типа (рис. 99-12) и бронзовый наконечник от пояса (рис. 99-13); маленькая бронзовая пряжка (рис. 99-11) и одна бронзовая серьга в виде калачика (рис. 99-8). Здесь же находились два сосуда с клеймами на дне: кружка (рис. 99-7) и кувшин (рис. 99-6). В заполнении дромоса, на его дне находились мелкие кусочки от сосуда и обломки человеческих костей.

Катакомба 90

Камера обнаружена в промоине по провалу. Дромос полностью исследовать не удалось. Вход закрывала плита размерами 0,72×0,54 м и толщиной 0,15 м. Длина входного отверстия 0,45 м, а его размеры 0,45×0,51 м. Камера овальная, размерами 2,00×1,50 м. Под входным отверстием сделано углубление размерами 0,72×0,45 м и глубиной 0,24 м, в котором ничего не оказалось (рис. 100-1, 2). Костяк почти полностью истлел.

У восточной стенки стояли четыре сосуда: кувшинчик (рис. 101-1), кувшин (рис. 101-5) и две кружки (рис. 101-2, 3), одна из которых с клеймом на дне (рис. 101-2). Пятый сосуд, также типа кружки, сохранился частично (рис. 101-4) и найден у южной стенки камеры. Здесь же находился и весь остальной погребальный инвентарь: две бронзо-

вые пряжки (рис. 101-30, 31), три железные пряжки (рис. 101-20, 21, 22), железный браслет (рис. 101-32), железный нож (рис. 100-3), бронзовый колокольчик (рис. 100-6) и три бронзовых подвески или наконечника от пояса (рис. 101-23, 24, 25), бронзовая фибула с железной иглой (рис. 100-4), две бронзовые серьги (рис. 100-7), остатки оправы кисточки из бронзы (рис. 100-8), три бронзовые бляшки с орнаментами (рис. 101-26, 27, 28), 43 гладкие бронзовые бляшки (рис. 101-29), кусочек смоловидного вещества (рис. 100-5) и бусы: десять янтарных (рис. 101-15), две пастовые (рис. 101-16), одна пастовая трехцветная (рис. 101-17), одиннадцать каплевидных из гагата (рис. 101-19), пять стеклянных (рис. 101-6), четыре сердоликовые (рис. 101-7), три пастовые (рис. 101-8, 9, 11), одиннадцать стеклянных (рис. 101-10), четыре стеклянные (рис. 101-12, 13), тридцать стеклянных бурого цвета (рис. 101-14) и пять спаренных стеклянных (рис. 101-18).

Катакомба 91

Верхняя часть камеры диаметром 2,07 м не сохранилась. Ширина дромоса у входа 0,69 м, входного отверстия – 0,57 м. Размеры плиты 0,68×0,52 м, ее толщина 0,11 м, а длина входного отверстия 0,16 м. Камера оказалась ограбленной. Остатки скелета лежали в беспорядке у юго-западной стенки (рис. 102-1). Здесь же найдены остатки погребального инвентаря: пять полусферических бронзовых бляшек (рис. 102-9), бронзовое колечко (рис. 102-6), бронзовая трубочка (рис. 102-3), стеклянная бусина (рис. 102-4), янтарная бусина (рис. 102-5), проволочный бронзовый браслет (рис. 102-7), амулет из речной гальки (рис. 102-2) и часть бронзовой фибулы (рис. 102-8).

Катакомба 92

Верхняя часть камеры и дромоса не сохранилась, и погребение было обнаружено по входной плите. Размеры плиты 0,69×0,51×0,13 м, длина входного отверстия 0,36 м, а его ширина 0,48 м. Пол на 0,54 м ниже входного отверстия. Камера овальная, размерами 2,62×1,26 м. Почти в ее центре на спине, с вытянутыми конечностями, лежал женский скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 103-1). У запястья на каждой руке по

одному бронзовому проволочному браслету с орнаментированными концами (рис. 104-15). На пояснице бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 104-6), два бронзовых наконечника или подвески от пояса (рис. 104-7), бронзовая обкладка от кисточки (рис. 104-8), две бронзовые бляшки (рис. 103-2) и бронзовая фибула с железной иглой (рис. 103-3). Около черепа и на нем – 56 бронзовых бляшек (рис. 104-16), маленькая бронзовая пряжка с кусочком ремня (рис. 104-14) и бусы: янтарные – одна крупная (рис. 103-16), 2 меньшего размера (рис. 103-12), 4 средние (рис. 103-13) и 17 мелких (рис. 103-14); две пары стеклянных (рис. 103-5, 6), одна стеклянная желтая (рис. 103-7), 27 красных стеклянных (рис. 103-8), одна стеклянная желтая (рис. 103-9) и 12 стеклянных синих (рис. 103-11); одна из горного хрусталя (рис. 103-15), одна из египетской пасты (рис. 103-17) и 94 из желтой пасты (рис. 103-18).

Кости второго скелета сильно сместили грызуны (рис. 103-1). На руках – шесть бронзовых браслетов (рис. 104-9). Примерно в районе поясницы – бронзовая пряжка (рис. 104-5) и два сломанных украшения из листовой бронзы: наконечник от пояса (рис. 103-19) и подвеска (рис. 104-12); бронзовая подвеска-амулет в виде кольца с наплывами (рис. 104-11) и железная фибула (рис. 103-4). Между погребенными найдена бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 104-13). Около южной стенки обнаружены бронзовое зеркало (рис. 104-17) и четыре керамических сосуда: два кувшина (рис. 104-1, 4) и две кружки (рис. 104-2, 3); на днищах двух сосудов были клейма (рис. 104-3, 4).

Катакомба 93

Камера обнаружена в промоине. Верхняя часть и дромос не сохранились (рис. 105-1). Камера оказалась ограбленной. Судя по черепам, в ней находилось пять погребенных. Среди разбросанных костей обнаружены три сосуда типа кружек (рис. 105-17, 18, 19), железный нож (рис. 105-22), две бронзовые серьги (рис. 105-13), бронзовая обойма от кисточки (рис. 105-11), две фибулы – бронзовая (рис. 105-15) и железная (рис. 105-14), бронзовая подвеска (рис. 105-16), 21 бронзовая бляшка (рис. 105-12), два бронзовых браслета (рис. 105-20, 21) и бусы: одна из гагата (рис. 105-7), 104 стеклянные красноватого цвета (рис. 105-8), 26 стеклянных голубых (рис. 105-9), 34 пастовые (рис.

105-10), одна сердоликовая (рис. 105-2), 13 янтарных (рис. 105-3), 5 пастовых желтоватых (рис. 105-4), одна красная (рис. 105-5) и 12 стеклянных зеленоватых (рис. 105-6).

Катакомба 94

В дне промоины обнаружен венчик кувшина (рис. 106-2). Как выяснилось, кувшин стоял в нише, а рядом – еще два сосуда типа кружек (рис. 106-3, 4). В кувшине были кости барана. Ниша находилась на 0,50 м выше пола. Вход и дромос не сохранились. Камера овальная, размерами 1,77×1,53 м. Почти в центре лежал плохо сохранившийся вытянутый мужской скелет с деформированным черепом (рис. 106-1). Около левого бедра железный нож длиной 13 см. На пояснице украшения от пояса из низкопробного серебра – накладки: одна (рис. 106-12), две (рис. 106-11), одна (рис. 106-8) и две (рис. 106-10), а также три наконечника от пояса (рис. 106-9). Здесь же была железная пряжка (рис. 106-7). У восточной стенки обнаружены следы от детского скелета. Примерно в районе его пояса находились две бронзовые пряжки (рис. 106-5, 6).

Катакомба 95

Камера сильно повреждена дорогой (рис. 107-1). Входная плита лежала внутри камеры. Кости разбросаны. Размеры овальной камеры 1,70×1,26 м. Из инвентаря в камере сохранились: керамический сосуд типа кружки (рис. 107-2), кусочек обсидиана (рис. 107-6), часть серебряной фибулы (рис. 107-3), бронзовая фибула с железной иглой (рис. 107-4), железный нож (рис. 107-7), две бронзовые серьги (рис. 107-5) и бусы: три сердоликовые (рис. 107-9–11) и три стеклянные (рис. 107-8, 12, 13).

Катакомба 96

Камера также сильно повреждена дорогой. От нее сохранилась только восточная часть, где были берцовые кости двух погребенных (рис. 107-14).

Катакомба 97

Верхняя часть камеры не сохранилась (рис. 108-1, 2). Вход шириной 0,54 м закрывала плита

размерами 0,72×0,39 м и толщиной 0,09–0,10 м. Вход на 0,45 м выше пола. В овальной камере (1,65×1,08 м) лежал скорченный скелет на правом боку, головой на юго-восток. Под входным отверстием стоял кувшинчик (рис. 108-3). На груди бронзовая фибула с железной иглой (рис. 108-6). Около тазовой кости железный нож (рис. 108-5), а на пояснице железная пряжка (рис. 108-4).

Катакомба 98

Камера обнаружена в размытом склоне по входной плите размерами 0,75×0,51 м и толщиной 0,15 м, которую подпирали два камня (рис. 105-7, 8). Вход шириной 0,51 м на 0,36 м выше пола. В овальной камере размерами 1,71×1,05 м лежал вытянутый скелет, головой на юго-восток (рис. 108-7). Около головы стоял орнаментированный сосуд типа кружки (рис. 108-9). Других предметов в катакомбе не оказалось.

Катакомба 99

Камера найдена на проезжей части дороги по образовавшемуся провалу. Дромос сохранился частично. Длина лаза 0,36 м, ширина 0,45 м, он находился на 0,38 м выше пола камеры. Вход закрывали две плиты размерами 0,57×0,56×0,13 и 0,48×0,49×0,14 м, которые заклинивали мелкие камни и подпирали один камень. Камера овальная, размерами 1,71×1,32 м. Вытянутый скелет лежал головой на юго-запад (рис. 109-1). На пояснице железная пряжка (рис. 109-4), здесь же обнаружены следы от ремня, на котором были серебряные бляшки (рис. 109-5). У южной стенки стояли два сосуда с клеймами на дне – кружка (рис. 109-2) и кувшинчик (рис. 109-3).

Катакомба 100

Ширина дромоса у входа 0,66 м, его глубина у входа 1,95 м, в начале дромос имел ступеньку (рис. 110-1, 2). Перед входной плитой был разбитый сосуд типа кружки (рис. 110-4). Вход в камеру закрывала плита размерами 0,66×0,60 м и толщиной 0,12 м. Лаз в камеру полукруглый (0,51×0,54 м), имел в длину 0,36 м. Лаз был на 0,36 м выше пола камеры. Камера овальная, размерами 1,98×1,05 м.

Мужской скелет с вытянутыми конечностями лежал на спине, головой на юг (рис. 110-1). У плеча левой руки лежал кувшин с носиком-сливом (рис. 110-3). На поясице бронзовая пряжка с красными стеклянными вставками (рис. 109-11) и украшения от пояса – накладки: четыре (рис. 109-14), две (рис. 109-12), по одному экземпляру (рис. 109-6, 7, 9, 13) и три (рис. 109-8), а также наконечник (рис. 109-10).

Катакомба 101

Камера обнаружена в 5-10 м от русла речки, в срезанном склоне, по дромосу. Длина сохранившейся части дромоса 1,08 м, а закрытый плитой вход размерами 0,57×0,42×0,09 м находился на 0,96 м выше пола камеры (рис. 111-1, 2). Камера овальная, размерами 1,90×1,32 м. Под входным отверстием стояла кружка с клеймом на дне (рис. 111-3). Плохо сохранившиеся скелеты лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головами на юго-запад (рис. 111-1). Ближе к входу был скелет подростка. На его правой руке бронзовый проволочный браслет (рис. 112-2), а на левой – железный (рис. 112-7). У остатков черепа – бронзовая серьга (рис. 112-1). В восточном углу камеры находилась бронзовая подвеска-амулет в виде кольца с наплывами (рис. 111-6). Два аналогичных амулета обнаружены у левой руки другого костяка и у его левой ноги.

Около черепа второго скелета находились две бронзовые серьги (рис. 112-5). На обеих руках у запястья – по одному бронзовому проволочному браслету (рис. 112-3). На тазовой кости – железный нож со слабовыраженным перекрестьем (рис. 111-5), шило (рис. 111-4) и бронзовая фибула (рис. 112-11). Здесь же лежал костяной учкурювдеватель (рис. 112-12), а под тазовыми костями оказалось бронзовое зеркало (рис. 112-4). Около ног найдены одна фигурная бляшка из листовой бронзы (рис. 112-9) и три полусферические (рис. 112-10).

По всей камере были разбросаны бусы: 13 стеклянных (рис. 112-19), 8 яйцевидных (рис. 112-20), одна в виде цепочки (рис. 112-21), одна тройная (рис. 112-22), 5 голубых (рис. 112-14), одна голубая граненая (рис. 112-15), 4 глазчатые (рис. 112-16), 3 синие глазчатые (рис. 112-18) и 2 бородавчатые (рис. 112-25). Кроме стеклянных, здесь были пастовые бусы: 8 глазчатых (рис. 112-17), одна синяя глазчатая (рис. 112-23), 8 желтых глазчатых

(рис. 112-24), 6 бородавчатых (рис. 112-26) и 2 меньшего размера (рис. 112-27, 28), а также одна зеленая с белыми «бородавками» (рис. 112-6). В камере также найден кусочек смоловидного вещества (рис. 112-8).

Катакомба 102

Обнаружена в срезанном склоне по дромосу. Его сохранившаяся длина 1,23 м, ширина 0,69 м, глубина у входа 1,20 м. Вход закрывала плита размерами 0,68×0,51×0,12 м. Длина лаза размерами 0,45×0,36 м составляла 0,39 м. Пол камеры на 0,45 м ниже входа (рис. 113-1, 2). Камера овальная, размерами 1,77×1,08 м. У входа стояли два сосуда типа кружек (рис. 114-5, 6). Скелет лежал на спине, со слегка подогнутыми конечностями, головой на юго-восток (рис. 113-1). Около черепа и у локтевого сустава правой руки лежали бронзовые ложечки-цедилки (рис. 114-3, 4). У черепа две различные бронзовые серьги (рис. 113-3, 4), на поясице арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 114-1) и три бусины: одна янтарная (рис. 113-5), одна стеклянная (рис. 113-6) и одна из песчаника (рис. 113-7); около таза остатки железного ножа (рис. 114-2).

Катакомба 103

Дромос обнаружен в склоне, срезанном дорогой. Глубина дромоса 1,98 м, ширина 0,69 м. Вход закрывала плита размерами 0,63×0,51×0,12 м, которую подпирали четыре камня. Входное полукруглое отверстие размерами 0,39×0,36 м и длиной 0,45 м находилось на 0,75 м выше пола (рис. 115-1, 2). Камера имела вид неправильного овала размерами 1,86×1,35 м. Под входным отверстием сделано углубление размерами 0,90×0,27 м и глубиной 0,18 м (рис. 115-1, 2), в котором лежал вытянутый детский скелет, ориентированный головой на северо-запад (рис. 115-1). Около виска был след от бронзового предмета, видимо индикации, определить которую не удалось. У северной стенки стояли семь сосудов: кувшинчик (рис. 115-8), кувшин (рис. 115-9) и пять кружек (рис. 115-3–7), на дне трех из них клейма (рис. 115-3-5). Около углубления на спине лежал женский вытянутый скелет, головой на северо-запад (рис. 115-1). На поясице у него была бронзовая пряжка (рис. 116-4). В цен-

тре в таком же положении лежал мужской костяк. На его поясице железная пряжка (рис. 116-1), а у кисти правой руки след от железного ножа.

Около северо-восточной стенки свалены кости четвертого погребенного (рис. 115-1). Среди костей найдены следующие предметы: два сломанных железных браслета (рис. 116-17), видимо, часть предмета из сурьмы (браслет?) (рис. 116-16), бронзовое украшение (рис. 116-15), маленький проволочный бронзовый браслет (рис. 116-5), 16 «заклепок» из бронзы (рис. 116-6), бронзовое спиральное кольцо (рис. 116-8), видимо, щиток от бронзовой пряжки (рис. 116-3), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 116-2), бронзовая бляшка (рис. 116-7) и бусы: одна пастовая (рис. 116-9), три стеклянные (рис. 116-10, 11, 12), одна сердоликовая (рис. 116-13) и две из красной пасты (рис. 116-14).

Катакомба 104

Верхняя часть камеры не сохранилась. Вход закрывала массивная плита (0,72×0,53×0,17–0,18 м), за которой был завал из крупных камней. Длина входного отверстия 0,51 м, ширина – 0,54 м. Пол камеры на 0,43 м ниже входа. Передняя стенка овальной камеры размерами 2,04 х 1,26 м почти ровная. В катакомбе лежал вытянутый скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 117-1). В южном углу находились три сосуда: один типа кружки, с клеймом на дне (рис. 117-9), кувшинчик, также с клеймом (рис. 117-8), и кувшин (рис. 117-10). На поясице погребенной бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 117-2) и бронзовые бляшки, которые сохранились очень плохо (целыми удалось взять только шесть; рис. 117-4), а также железный нож (рис. 117-3). Около сосудов след от какого-то предмета (сумочки?), обшитого по спирали мелкими бусами. Всего бус: 81 черная (рис. 117-5), 6 красных (рис. 117-6) и одна стеклянная (рис. 117-7).

Катакомба 105

Верхняя часть камеры не сохранилась, от дромоса уцелела только часть. Вход шириной 0,51 м закрывала плита (0,72×0,52×0,18 м). Вход на 0,50 м выше пола камеры. Длина камеры 1,89 м, ширина 1,18 м. Скелет сильно повредили грызуны. Судя по отдельным костям, погребенный ле-

жал головой на юго-восток (рис. 118-1). В восточном углу, на своеобразной полке, стоял сосуд типа кружки (рис. 118-2). Около костяка и в перекопанном грызунами грунте найдены следующие предметы: бронзовая пряжка (рис. 118-5), две бронзовые накладки от пояса (рис. 118-6, 7), три бусины – сердоликовая (рис. 118-8), пастовая (рис. 118-9) и стеклянная (рис. 118-10); бронзовые фрагменты фибулы или броши (рис. 118-3, 4) и одна тройная бусина в виде бисера (рис. 118-11).

Катакомба 106

Верхняя часть камеры не сохранилась. Ширина дромоса 0,66 м. Перед входной плитой обнаружен разбитый сосуд типа кружки (рис. 118-14). Вход шириной 0,42 м закрывала плита (0,60×0,52×0,12 м). В овальной камере размерами 1,80×0,96 м лежал один скелет – на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг (рис. 118-12). У черепа стояла кружка (рис. 118-13), у правого плеча погребенного найдены бронзовая пряжка (рис. 118-17) и железное шило (рис. 118-16), а у поясицы – обломок железного ножа (рис. 118-15).

Катакомба 107

Верхняя часть камеры не сохранилась. Длина дромоса 2,08 м, ширина 0,72 м. Полукруглый вход (0,45×0,38 м) закрывала плита (0,70×0,48×0,13 м). Вход на 0,47 м выше пола камеры. В овальной камере размерами 2,02×1,05 м лежал на спине вытянутый мужской скелет, ориентированный головой на юг (рис. 119-1). У южной стенки находились три сосуда – кувшин (рис. 119-2) и две кружки (рис. 119-3, 4), а около них найдены бронзовая пряжка (рис. 119-8) и украшения от пояса: обоймочка (рис. 119-5), три наконечника (рис. 119-6) и накладки – две (рис. 119-7) и по одной (рис. 119-9, 10). У коленных суставов ног – по бронзовой пряжке (рис. 119-12) и бронзовая обоймочка (рис. 119-11). Около кисти правой руки – след от железного ножа длиной 12 см.

Катакомба 109

Дромос и входное отверстие не сохранились, как и верхняя часть камеры. Овальная маленькая

камера (1,50×0,96 м) оказалась ограбленной (рис. 120-1). Судя по остаткам от погребенных, здесь были похоронены два человека, но положение костяков выяснить не удалось. Из инвентаря сохранились: 3 сосуда типа кружек (рис. 120-2-4), 4 бронзовых украшения – 2 подвески со стеклянными вставками (рис. 120-9, 43) и 2 накладки, одна из которых также имеет стеклянные вставки (рис. 120-6, 44), – 4 бронзовых браслета (рис. 120-45), бронзовый амулет-подвеска колесовидной формы (рис. 120-42), железная пряжка (рис. 120-5) и 2 бронзовые пряжки (рис. 120-11, 12), 2 бронзовые серьги (рис. 120-8), 11 полусферических бронзовых бляшек (рис. 120-10) и бронзовая фибула (рис. 120-7). Кроме этих предметов, по камере было разбросано множество различных бус: из горного хрусталя (рис. 120-31), стеклянные по одному экземпляру (рис. 120-22-25, 27, 32, 36), одна стеклянная глазчатая (рис. 120-33), 2 стеклянные двойные (рис. 120-37), 4 более темного, желтоватого цвета (рис. 120-38), пять (рис. 120-39), одна сердоликовая бочковидная (рис. 120-18), три шаровидные (рис. 120-19), одна бипирамидальная (рис. 120-34) и семь сердоликовых шаровидных (рис. 120-35). Много было различных бус из пасты: по одной (рис. 120-13, 26, 29, 41), по две (рис. 120-20, 30, 40), 29 янтарных (рис. 120-28), по 3 экземпляра пастовых (рис. 120-14, 15), 37 стеклянных красноватого цвета (рис. 120-16), 14 синих (рис. 120-17) и две черные (рис. 120-24).

Катакомба 110

Камера задета при прокладке дороги. Глубина дромоса у входа 2,03 м, ширина – 0,84 м. Входную плиту размерами 0,69×0,42×0,15 м подпирал довольно крупный камень. Полукруглый лаз сечением 0,43×0,33 м находился на 0,66 м выше пола камеры (рис. 118-2). В центре овальной камеры размерами 1,98×1,32 м лежал на спине вытянутый скелет, ориентированный головой на юго-запад (рис. 121-1); пол определить не удалось. У южной стенки стоял сосуд типа кружки (рис. 121-6), склеенный на дне. У правой руки железный нож (рис. 121-8), а около него сломанная железная пряжка (рис. 121-5). На грудной клетке найдены пять пастовых бусин (рис. 121-9-13) и две накладки из листового бронзы (рис. 121-3, 4). На пояснице находилась бронзовая пряжка со сломанным железным язычком (рис. 121-7). Щиток пряжки крепился к

ремню двумя заклепками, которые охватывали внутреннюю продольную часть щитка.

Катакомба 111

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Входная плита размерами 0,65×0,60×0,08 м лежала у входного отверстия, которое находилось на 0,70 м выше пола. В овальной камере размерами 2,05×1,40 м разбросаны остатки от двух скелетов (рис. 122-1). В центре найдены крупная железная пряжка (рис. 122-2) и сломанный прямой железный нож (рис. 122-3). Камера подвергалась ограблению.

Катакомба 112

Камера обнаружена по образовавшемуся у обочины грунтовой дороги провалу, под срезанным склоном (рис. 122-5). Пол камеры находился на глубине 2,70–3,00 м ниже поверхности склона. Входное отверстие на 0,75 м выше пола камеры. Входная плита (0,50×0,44×0,08 м) была смещена (рис. 122-4, 5). Камера овальная, размерами 2,10×1,32 м, ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. От двух скелетов сохранились нетронутыми черепа, три плечевые кости и ребра. Остальные кости и еще один череп сдвинуты в северо-восточную часть камеры. На сохранившихся в первоначальном положении костях и около них никаких предметов не найдено.

В северо-восточной части камеры, среди сдвинутых в кучу костей обнаружены следующие предметы: два бронзовых колокольчика (рис. 123-40), три проволочных бронзовых браслета (рис. 123-41), две плохо сохранившиеся железные пряжки (рис. 123-3, 4), два сломанных железных ножа, бронзовый перстень со вставкой из стекловидной пасты (рис. 123-42), четыре литые бронзовые пуговицы (рис. 123-7), две бронзовые серьги (рис. 123-5), туалетный набор – бронзовые копушка (рис. 123-1), ногтечистка (рис. 123-2) и ложечка (рис. 123-6). Здесь же найдены украшения из бронзы (рис. 123-8) и серебра (рис. 123-9).

По всей камере встречались разбросанные бусы: 15 пастовых глазчатых (рис. 123-10, 12, 14, 19), 10 стеклянных одноцветных (рис. 123-17, 23, 25, 28), одна пастовая с прожилками (рис. 123-13), две пастовые одноцветные (рис. 123-15, 27), 6 стек-

лянных глазчатых (рис. 123-11, 16, 26), одна янтарная (рис. 123-22), 3 сердоликовые (рис. 123-20, 21), 4 пастовые бородавчатые (рис. 123-18, 29, 30) и 19 стеклянных бородавчатых (рис. 123-24, 31–39).

Катакомба 113

При осмотре территории могильника в слое дерна были обнаружены остатки каменной кладки, сложенной без раствора. Толщина этих своеобразных стенок 0,25–0,35 м, а сохранившаяся высота – 0,20–0,25 м. В плане это сооружение имело вид прямоугольника шириной 2,30 м и сохранившейся длиной 3,10 м, ограничивающего сверху катакомбу 113 и ее дромос.

Верхняя часть камеры и дромоса не сохранилась. Длина дромоса 1,80 м, ширина у начала 0,69 м, у входа 0,84 м. Лаз шириной 0,48 м был на 0,62 м выше пола камеры. Плиту размерами 0,75×0,54×0,10 м подпирали камень. В дромосе найдены два кувшина (рис. 124-3, 4) и фрагмент третьего (рис. 124-5). Камера овальная, размерами 1,78×1,26 м. В южной стенке сделана ниша, которая находилась на 0,25 м выше пола. В нише стояли два кувшина (рис. 124-6, 8), на дне одного из них клеймо (рис. 124-6). Еще два сосуда – кувшин (рис. 124-7) и кружка с клеймом на дне (рис. 124-2) – обнаружены под нишей. Около них найдено бронзовое зеркало (рис. 126-11).

Мужской скелет с деформированным черепом лежал на спине, со слегка подогнутыми ногами, головой на юго-запад (рис. 124-1). Между восточной стенкой и коленным суставом правой ноги находились обломки железной сабли с крестообразной рукоятью (рис. 126-13). Около сабли лежали кучкой тисненые бронзовые украшения от пояса, обложенные золотой фольгой, большая часть которых была погнута или сломана. Эти украшения представлены восемью типами: накладки – одна (рис. 125-14), одна (рис. 125-7), четыре (рис. 125-10), восемь (рис. 125-9), четыре (рис. 125-11) и двенадцать в виде трех соприкасающихся полусфер (рис. 125-8); один наконечник (рис. 125-12). У локтя правой руки найдены арбалетовидная фибула (рис. 125-13) и плохо сохранившийся железный нож. У левого бедра бронзовый колокольчик (рис. 126-12), второй – у левого локтевого сустава. Здесь же лежали бронзовые предметы, большая часть которых была сломана; среди них: четыре проволочных браслета (рис. 126-5), наконечник от

пояса (рис. 125-5), две серьги в виде калачиков (рис. 126-4), 24 бляшки (рис. 125-15), антропоморфный амулет-подвеска (рис. 125-6), четыре пряжки (рис. 125-1–4). Здесь же обнаружены бусы: 6 янтарных (рис. 126-2), 6 сердоликовых (рис. 126-7, 8), 2 стеклянные (рис. 126-9, 10), одна пастовая (рис. 126-3), одна крестообразная из гагата (рис. 126-14) и одна очень крупная янтарная (рис. 126-1). Около черепа погребенного лежали 6 серебряных монет: Хосрова I (531–579 гг.), Хосрова II (591–628 гг.), Маврикия (582–602 гг.) и Фоки (602–610 гг.).

Катакомба 114

Дромос глубиной 2,35 м и шириной 0,75 м обнаружен в срезанном склоне. Входное полукруглое отверстие сечением 0,45×0,51 м и длиной 0,60 м закрывала плита размерами 0,72×0,66×0,12 м. Вход расположен на 0,60 м выше пола камеры (рис. 127-2). В овальной камере размерами 1,92×1,29 м лежали два очень плохо сохранившихся скелета, ориентированные головами на юг (рис. 127-1). У северо-западной стенки стояли два сосуда типа кружек (рис. 127-6, 10). У юго-западной стенки находились две кружки (рис. 127-7, 8), на дне одной из них клеймо (рис. 127-8). Еще три сосуда – кувшин (рис. 127-5) и две кружки (рис. 127-4, 9) с клеймами на дне – были около юго-восточной стенки. Под входным отверстием находилась золотая монета Юстина II и Тиберия (578 г.) с двумя пробитыми дырочками (рис. 127-3).

Вдоль западной стенки лежал на правом боку скорченный скелет (рис. 127-1). На обеих руках – по проволочному бронзовому браслету (рис. 128-10), у тазовых костей две бронзовые пряжки с остатками железных язычков (рис. 128-2, 3). В центре был вытянутый скелет. На руках пять бронзовых браслетов (рис. 128-11).

Между погребенными, около тазовых костей и на них находились следующие предметы: бронзовый амулет-подвеска колесовидной формы (рис. 128-1), два бронзовых зеркала (рис. 128-15, 16), три бронзовых наконечника от пояса (рис. 128-4-6), хрустальный шарик в серебряной оправе (рис. 128-12), бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 128-13), 10 полусферических бляшек (рис. 128-7) и два железных ножа (рис. 128-14).

Кроме того, грызуны разбросали по камере следующие предметы: две арбалетовидные бронзовые фибулы (рис. 129-2, 4) и одну серебряную, с

надетыми на концы штифта сердоликовыми бусами (рис. 129-3), две бронзовые серьги (рис. 129-5) и две серебряные (рис. 129-7). В ходах грызунов мы нашли также бронзовую пряжку (рис. 128-3), бронзовую пластинку-накладку от пояса (рис. 128-9), две бронзовые накладки (рис. 128-8), позолоченное украшение со следами вставок из пасты (рис. 129-6) и кольцо из гагата (рис. 129-33). Под входом были различные бусы: 7 из гагата (рис. 129-8, 9, 34, 35), одна из опала, в виде таблетки (рис. 129-10), 12 сердоликовых (рис. 129-11–13) и 2 сердоликовые с прорезным орнаментом (рис. 129-14, 26), 45 янтарных (рис. 129-15, 16), 11 различных пастовых (рис. 129-17, 20–22, 24, 25, 28, 30, 32), стеклянные (рис. 129-18, 23, 28, 29, 31) и одна бронзовая (рис. 129-27). В северо-западной части камеры находился остаток кинжала или сабли (рис. 129-1), которую сильно разрушили и сместили грызуны.

Катакомба 115

Верхняя часть камеры и почти весь дромос не сохранились. Лаз в камеру, шириной 0,39 м и длиной 0,57 м, закрывали две плиты (0,60×0,50×0,10 м и 0,42×0,45×0,11 м). Вход на 0,62 м выше пола камеры. Камера овальная, размерами 1,92×1,29 м. Два скелета (вытянутый и скорченный) лежали головами на юг (рис. 130-1). На вытянутом скелете не было никаких предметов. На руках второго – два браслета: бронзовый (рис. 130-8) и железный (рис. 130-9). На поясице бронзовый наконечник от пояса (рис. 130-13), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 130-10), пять бляшек из листовой бронзы (рис. 130-7), и, видимо, бронзовый футляр от кисточки (рис. 130-12). Около темени лежала серебряная монета Хормизда IV (579–590 гг.) с двумя пробитыми дырочками (рис. 130-11), а под нижней челюстью были бусы: одна пастовая глазчатая (рис. 130-5), 7 пастовых бурого цвета (рис. 130-6), 13 сердоликовых (рис. 130-2), 24 стеклянные желтоватые (рис. 130-3) и 6 синеватых (рис. 130-4).

Катакомба 116

Верхняя часть камеры не сохранилась. Вход шириной 0,69 м, закрытый плитой (0,67×0,50×0,12 м), находился на 0,50 м выше пола камеры.

У южной стенки стояли два сосуда типа кружек (рис. 131-2, 3). Оба костяка лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головами на юг (рис. 131-1). При скелете, лежавшем ближе к входу, никаких предметов не найдено. Между погребенными обнаружено бронзовое зеркало (рис. 131-4). На грудной клетке второго скелета находился бронзовый туалетный набор – копоушка и ногтечистка (рис. 131-9), на поясице – бронзовая коробочка (рис. 131-22), бронзовая фибула (рис. 131-6) и бронзовая пуговица-«скалочка» (рис. 131-7). Под нижней челюстью найдены бусы: 6 стеклянных желтоватых (рис. 131-15), одна зеленая глазчатая (рис. 131-16), две красные (рис. 131-20), одна синяя (рис. 131-21) и две коричневые (рис. 131-19); пастовые – одна черная (рис. 131-18), три бурого цвета (рис. 131-10) и одна мозаичная (рис. 131-12); одна из гагата (рис. 131-11), одна из горного хрусталя (рис. 131-13) и три янтарные (рис. 131-14, 17). У северной стенки лежали кости от третьего погребенного. Среди них найдены серебряное колечко или серьга (рис. 131-5) и железный наконечник стрелы (рис. 131-8).

Катакомба 117

Длина дромоса 2,85 м, ширина у входа 0,72 м, глубина 2,16 м. Полукруглое входное отверстие сечением 0,54×0,45 м и длиной 0,32 м закрывала плита (0,66×0,57×0,15 м), которую подпирали два камня. Лаз в камеру находился на 0,90 м выше пола камеры. Под входом сделано углубление длиной 1,26 м, шириной 0,45 м и глубиной 0,24 м. Часть потолка обрушилась. Высота камеры 1,35 м. Камера в плане прямоугольной с закругленными углами формы, ее размеры 2,28×1,53 м. В восточной стенке небольшая ниша, где стояли четыре сосуда типа кружек (рис. 132-3-6), на двух из них клеймо (рис. 132-3, 5). Около ниши обнаружено еще пять сосудов: кружка с клеймом на дне (рис. 132-2), два кувшинчика с носиком-сливом (рис. 132-7, 8), на дне одного клеймо (рис. 132-7), и два кувшина с носиком-сливом (рис. 133-18, 19). В камере находились четыре скелета – два взрослых и два детских (рис. 132-1).

В углублении лежал детский скелет с бронзовым зеркалом (рис. 134-14) на груди. В центре – вытянутый скелет. На черепе две бронзовые серьги (рис. 134-8), на поясице – бронзовые ногтечистка и копоушка с остатками железного кольца для

подвешивания (рис. 133-15), два бронзовых наколенника от пояса (рис. 134-9, 10), бронзовая накладка (рис. 134-16), кисточка в бронзовой оправе (рис. 133-16), бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 134-11) и бронзовая фибула с остатками железного язычка (рис. 133-2). На левой ноге этого скелета лежал костяк ребенка (рис. 132-1) с железным ножом (рис. 133-1) на груди.

Четвертый скелет сохранился очень плохо. На нем и около лежали следующие предметы: три бронзовых браслета (рис. 134-3, 5, 6), четыре бронзовые бляшки (рис. 134-1, 2, 4, 15) и бронзовая накладка от пояса (рис. 134-7). Здесь же находились две пряжки – одна бронзовая с железным язычком (рис. 134-12) и одна железная (рис. 134-13), – индикация с монеты Ираклия и Ираклия Константина (613–641 гг.) плохой сохранности и бусы: две пастовые (рис. 133-17) и три меньшего размера (рис. 133-11); стеклянные мелкие – 5 красных (рис. 133-7), 3 зеленые (рис. 133-8) и 10 черных (рис. 133-9, 10); одна сердоликовая круглая (рис. 133-3), 19 янтарных (рис. 133-4, 5), одна крестообразная из гагата (рис. 133-12), одна стеклянная глазчатая (рис. 133-13), три глазчатые (рис. 133-14) и одна пастовая (рис. 133-6).

Катакомба 118

Длина дромоса 2,10 м, ширина 0,66 м, глубина у входа 3,05 м. Входное полукруглое отверстие размерами 0,51×0,54 м и длиной 0,42 м находилось на 0,75 м выше уровня пола камеры. Под входом сделано углубление размерами 0,48×0,45 м и глубиной 0,39 м. Вход закрывала плита (0,62×0,63×0,18 м), которую подпирали камень. У южной стенки камеры обнаружены четыре сосуда: кувшин с носиком-сливом (рис. 135-5), кувшинчик с носиком-сливом (рис. 135-2) и две кружки (рис. 135-3, 4). Камера овальная, размерами 2,04 х 1,47 м. В ней находились два очень плохо сохранившихся скелета (рис. 132-1). В углублении под входом лежали обломки железной сабли с крестообразной рукоятью (рис. 136-3, 4), железное стремя (рис. 136-1) и железные удила (рис. 136-2). На плечевой кости, лежавшей в центре, были два браслета – бронзовый (рис. 136-7) и серебряный (рис. 136-8). Здесь же найдены пять альчигов (рис. 136-6) и бронзовое колечко (рис. 136-5), а в куче перекопанного грунта и в ходе грызуна обнаружены се-

ребриная подвеска (рис. 136-10) и золотая серьга (рис. 136-9).

Катакомба 119

Верхняя часть камеры и дромос не сохранились. Входная плита лежала в дромосе. Почти круглая камера размерами 2,20×1,85 м ограблена, видимо, еще в древности. В юго-западной стенке на уровне пола – небольшая ниша, в которой лежали железные удила (рис. 137-5). В центре камеры – деформированный череп, а у западной стенки свалены остальные кости погребенного (рис. 137-1). Остатки инвентаря разбросаны по камере и перемешаны с костями. Здесь обнаружены два бронзовых предмета (рис. 137-6), обломки железной и бронзовой пряжек, остатки коробочки из листовой бронзы (рис. 138-3), часть бронзовой ложечки (рис. 137-10), бронзовые заклепка (рис. 137-8), часть фибулы (рис. 138-1) и, видимо, два амулета из речной гальки (рис. 138-2). Здесь же найдены различные бусы: одна из гагата (рис. 138-6), одна сердоликовая (рис. 138-4), одна из янтаря (рис. 138-5), 8 пастовых (рис. 138-7, 9–12, 14, 16, 17) и 3 стеклянные (рис. 138-8, 13, 15). Среди костей лежали остатки цилиндрического сосуда типа стакана (рис. 137-2). В дромосе, под плитой и камнями, найдены два сосуда – горшок (рис. 137-3) и кружка (рис. 137-4), – кусочек сосуда из прозрачного стекла толщиной 0,5 мм, железная пряжка (рис. 137-11), две бронзовые серьги (рис. 137-9), обломки бронзовых и железных предметов и кусочек серебряной орнаментированной фольги с односторонней позолотой (рис. 137-7), а также стеклянные вставки (рис. 137-12–14).

Катакомба 120

Верхняя часть камеры и почти весь дромос размыты атмосферными водами. Камера обнаружена по входной плите размерами 0,60×0,52×0,12 м. Вход шириной 0,45 м находился на 0,42 м выше пола камеры. Камера овальная, размерами 1,82×0,84 м. В ней на спине, с вытянутыми конечностями, лежал скелет, ориентированный головой на юг (рис. 138-18). У черепа стоял раздавленный сосуд типа кружки (рис. 138-19), на пояснице – бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 138-25), две поясные накладки из бронзы (рис. 138-23, 24)

и бронзовый наконечник (рис. 138-22). У левого бедра железный нож (рис. 138-26), а под входным отверстием – бусы: одна голубая стеклянная (рис. 138-20) и одна глазчатая пастовая (рис. 138-21).

Катакомба 121

139-2-5), на одном из них клеймо (рис. 139-5). Ближе к входу – скелет подростка. На поясице – бронзовая пряжка (рис. 139-7). В районе пояса второго погребенного – позолоченная пряжка со стеклянными вставками (рис. 139-10) и часть бронзового предмета (накладка?) (рис. 139-6). У бедра железный нож (рис. 139-11), а на правой руке – железный браслет (рис. 139-9). У северо-западной стенки – остатки железной пряжки (рис. 139-8).

Катакомба 122

Длина дромоса 1,89 м, ширина 0,66 м и глубина у входа 1,85 м. Лаз полукруглой формы (0,51×

×0,54 м) находился на 0,81 м выше пола камеры. Его закрывала плита размерами 0,60×0,63×0,11 м (рис. 140-2). В овальной камере размерами 1,80××1,27 м лежали два скелета, ориентированные головами на юго-восток (рис. 140-1). В восточной части обнаружены три сосуда: кувшин с носиком-сливом и тремя зооморфными ручками (рис. 141-1) и две кружки (рис. 141-2, 3). На поясице погребенного, лежавшего в середине камеры, найдена пряжка из низкопробного серебра с красными стеклянными вставками (рис. 141-4). Здесь же находились украшения от пояса из того же материала со вставками желтого стекла: один наконечник (рис. 141-6) и накладки – по одному экземпляру (рис. 141-9, 10), восемь (рис. 141-8), восемь (рис. 141-7), три (рис. 141-11). На поясице две фибулы – бронзовая (рис. 140-4) и железная (рис. 140-5). Второй скелет лежал в скорченном положении на правом боку, вдоль юго-восточной стенки. На поясице бронзовая пряжка со вставками красного стекла (рис. 141-5), арбалетовидная бронзовая фибула (рис. 140-3) и одна стеклянная бусина (рис. 140-6).

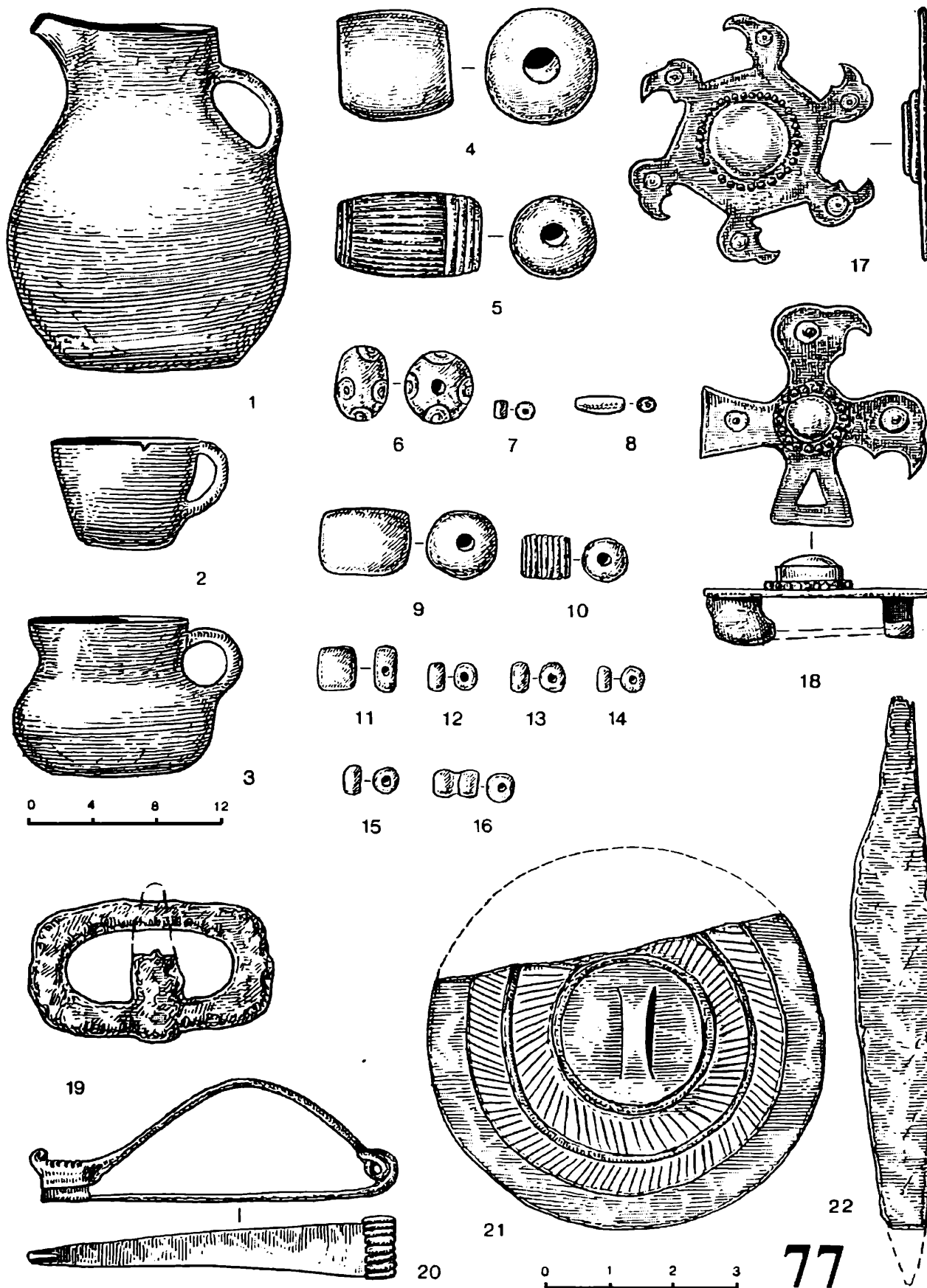
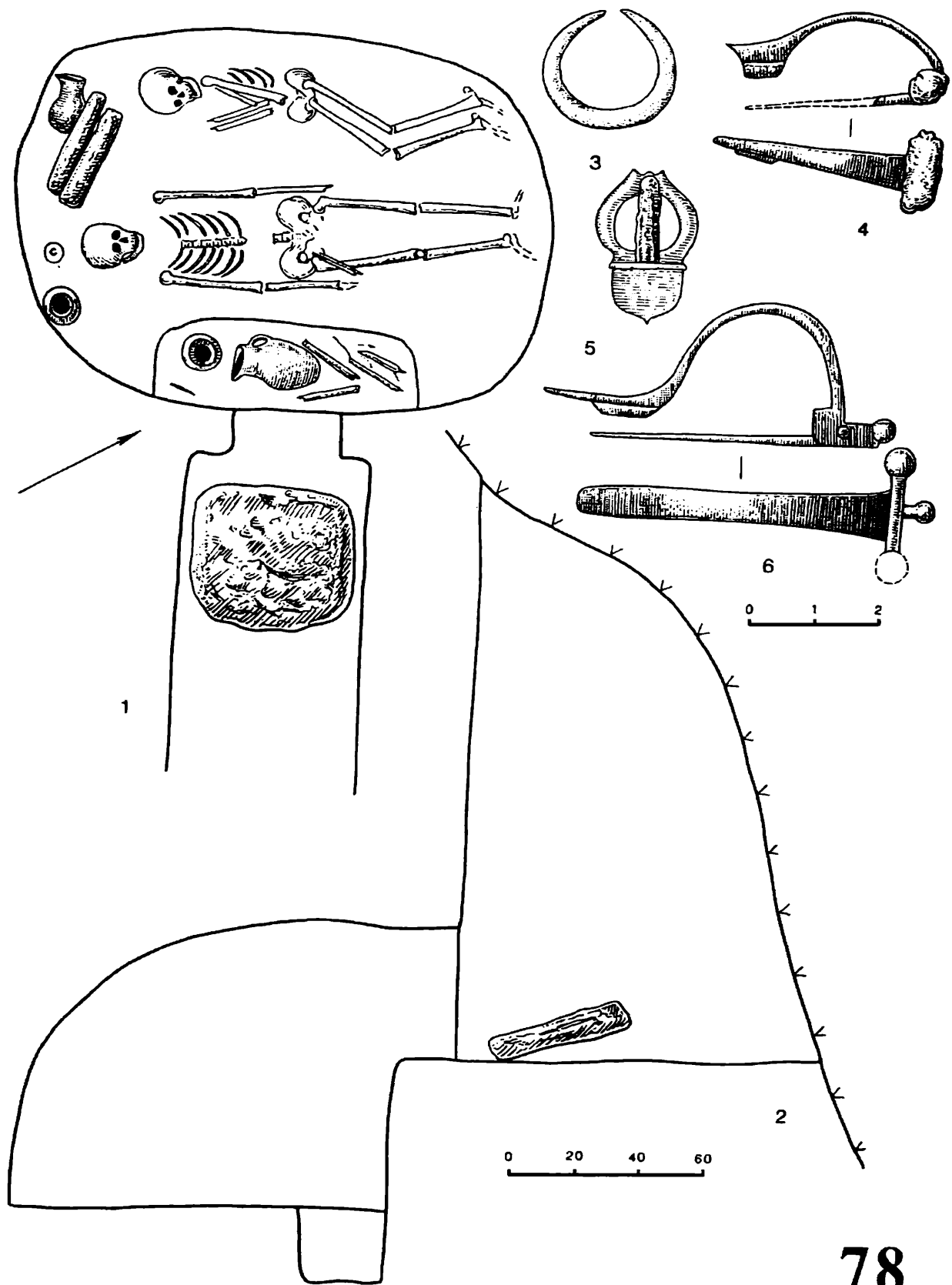

Рис. 90. Комплекс катакомбы 77

78

Рис. 91. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 78

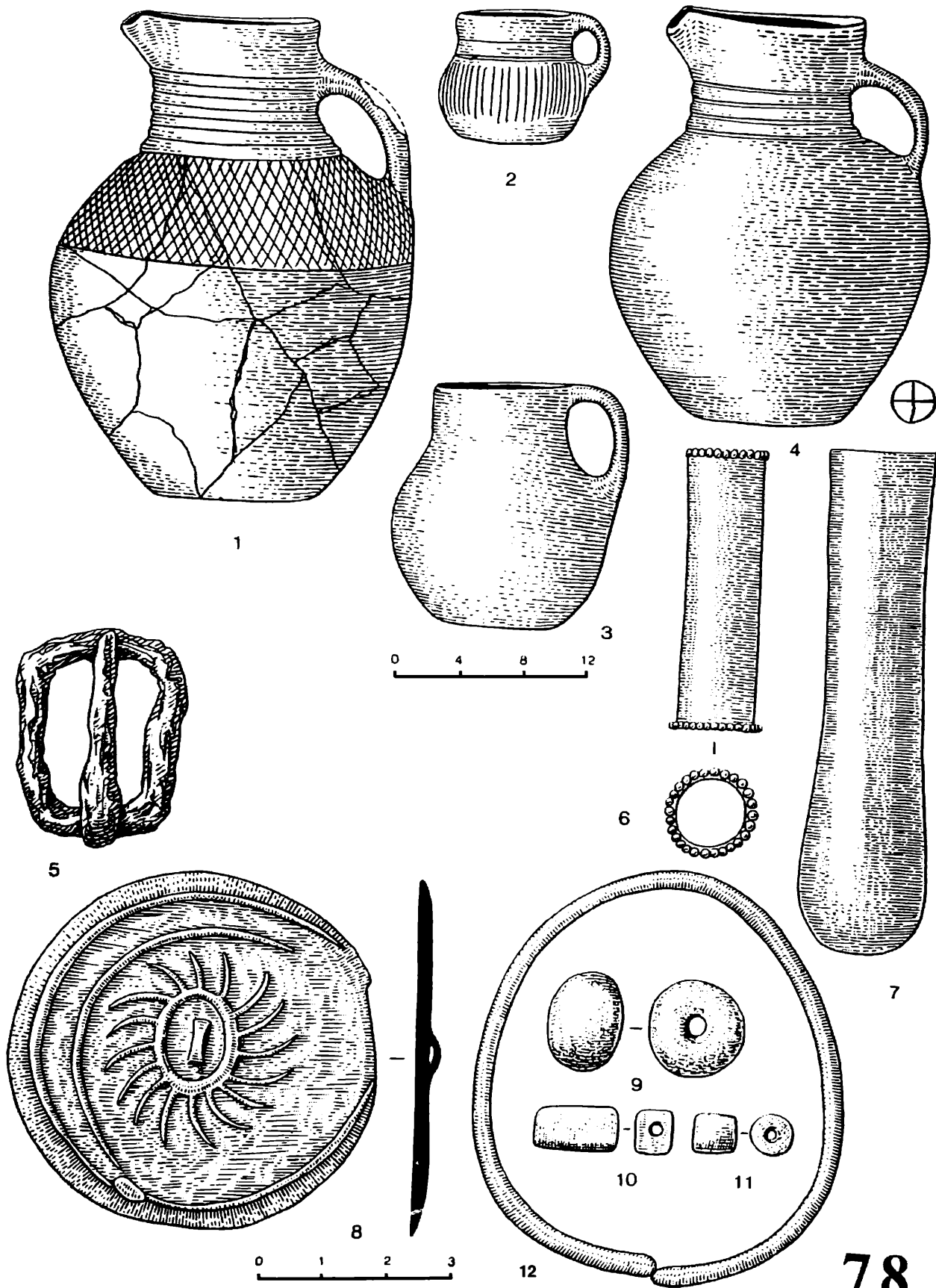

Рис. 92. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 78

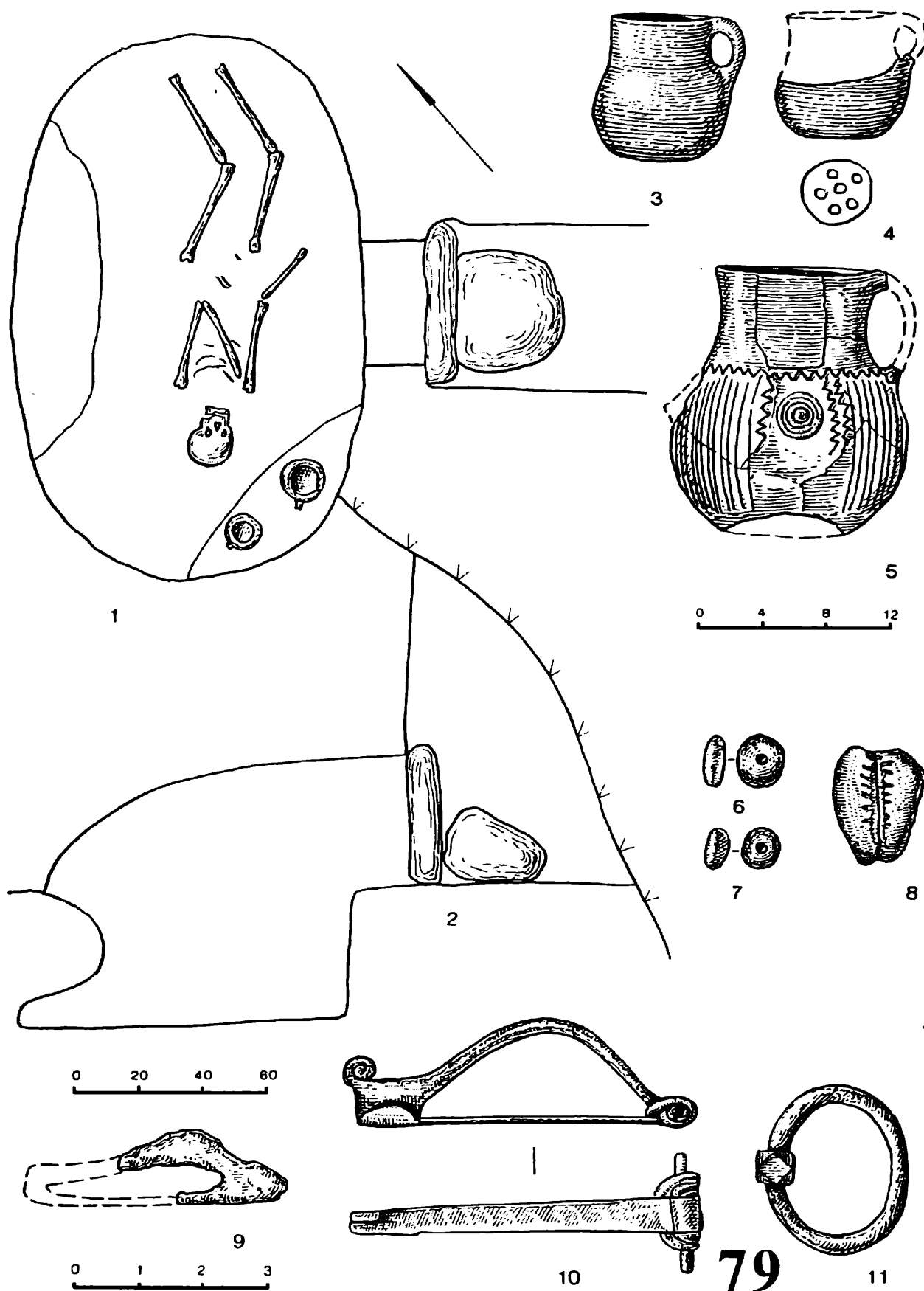

Рис. 93. Комплекс катакомбы 79

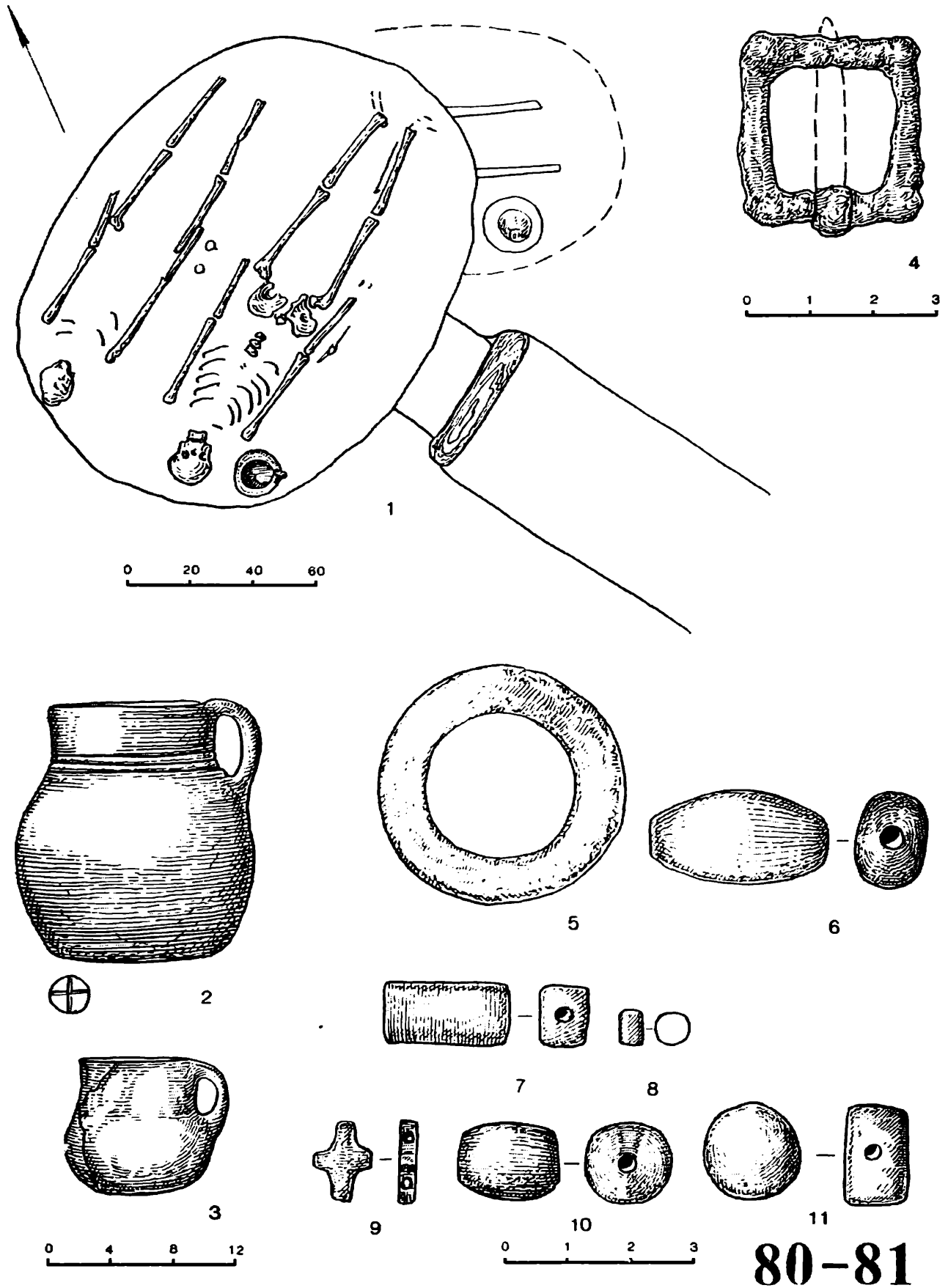

Рис. 94. Комплексы из катакомб 80 и 81

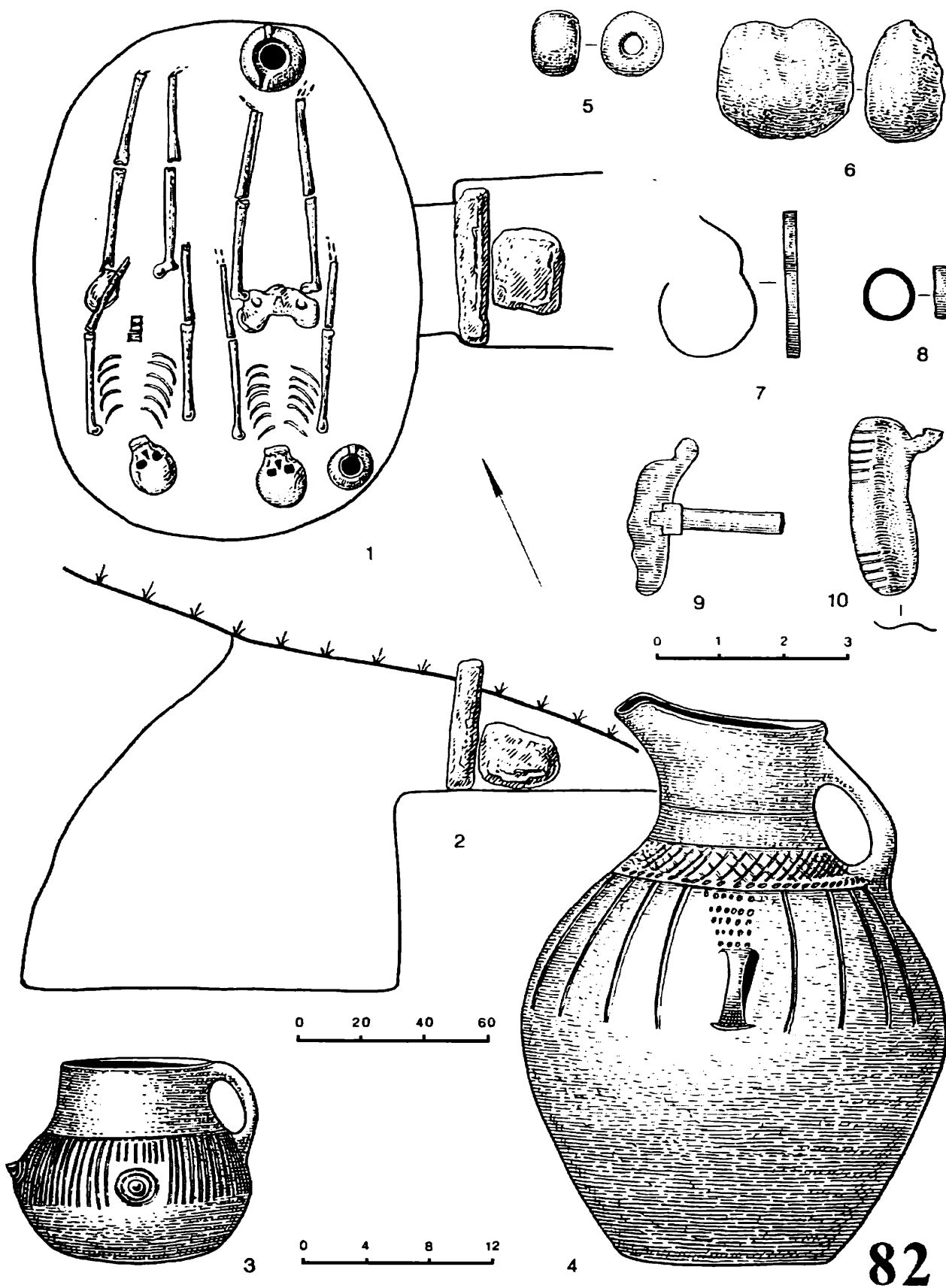
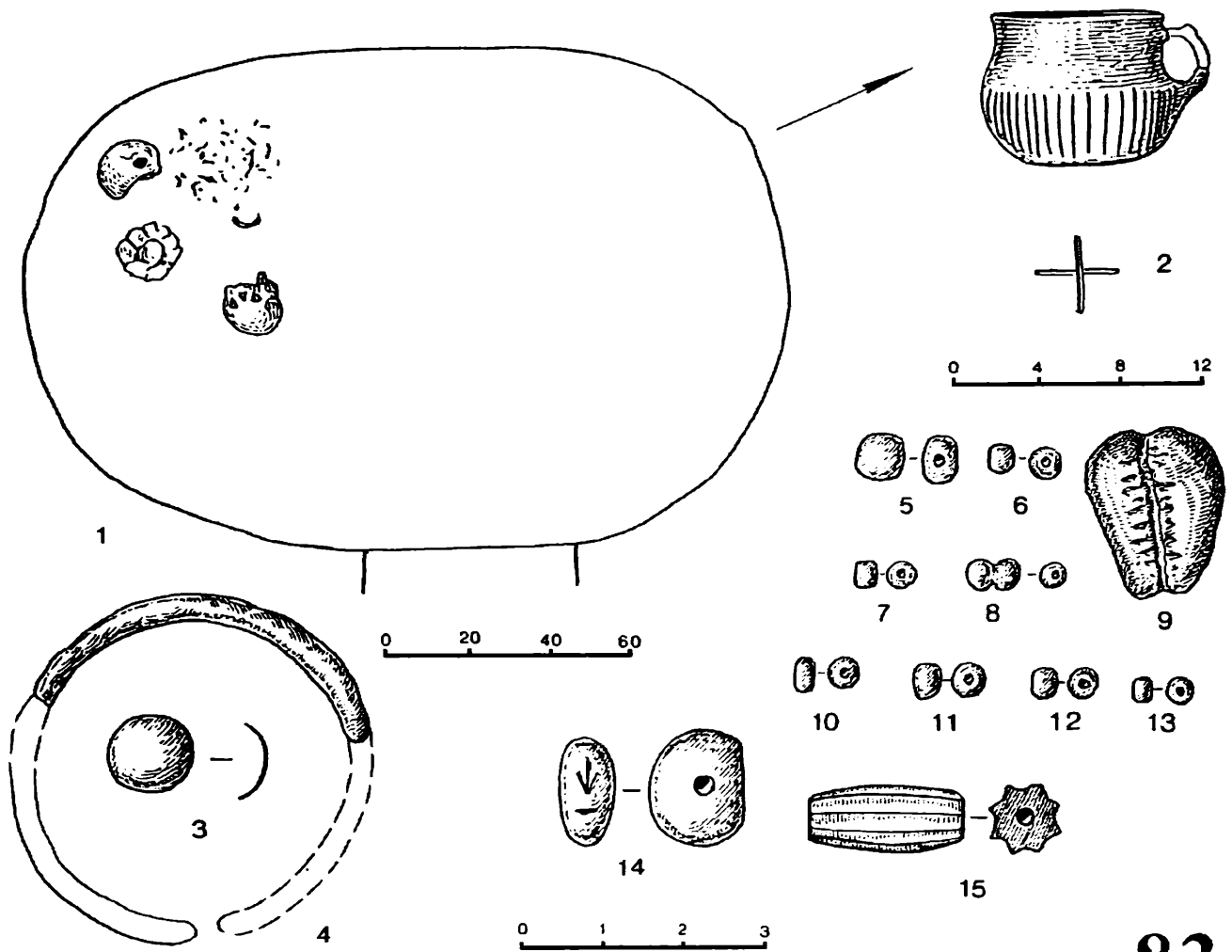
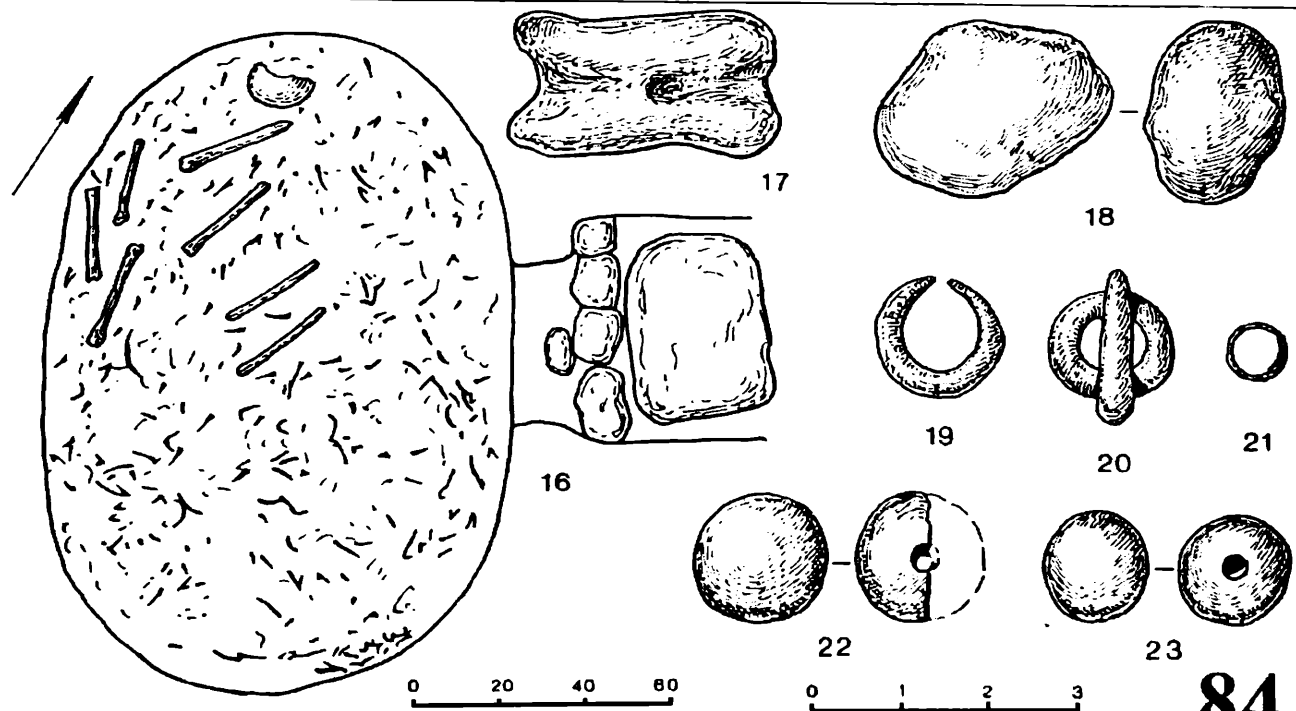

Рис. 95. Комплекс катакомбы 82

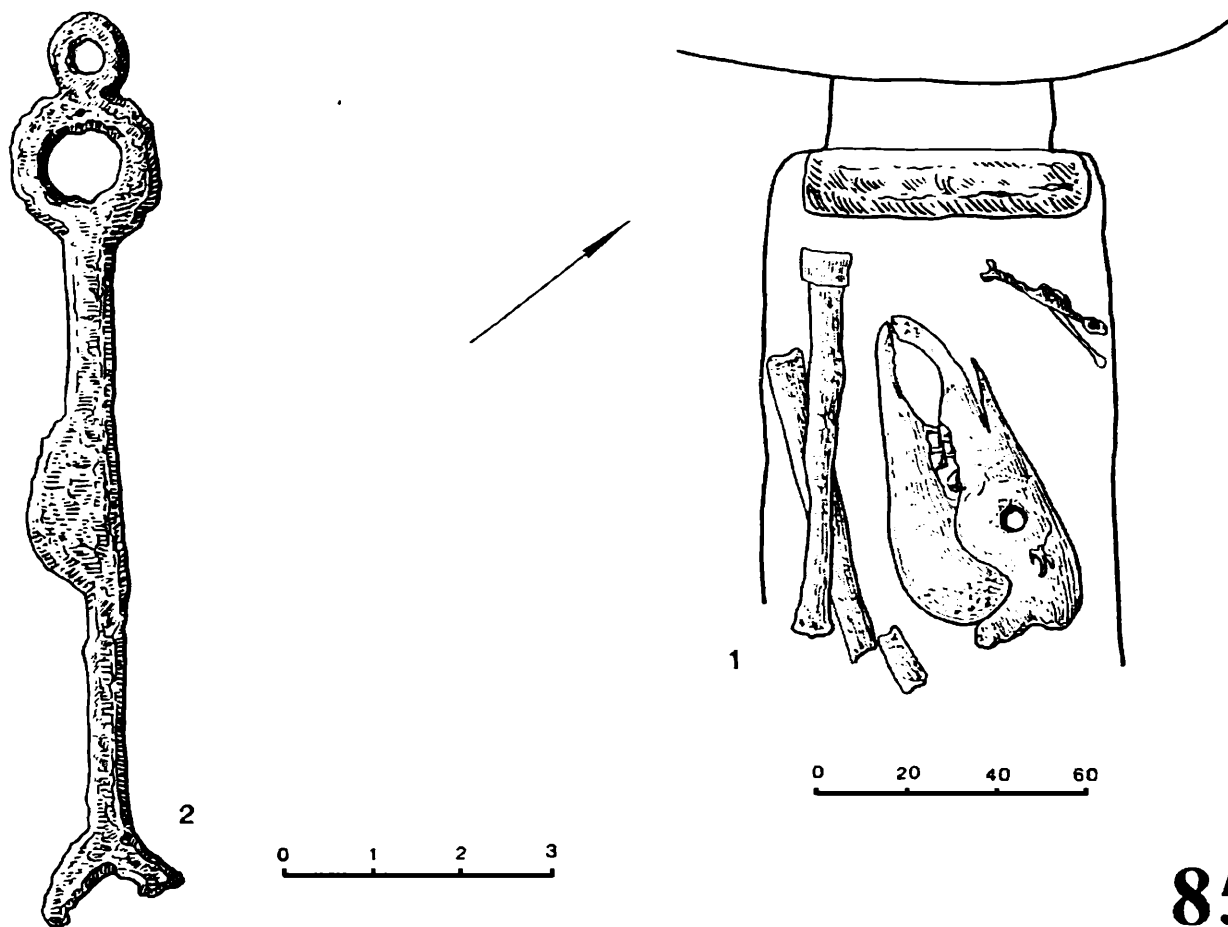

83

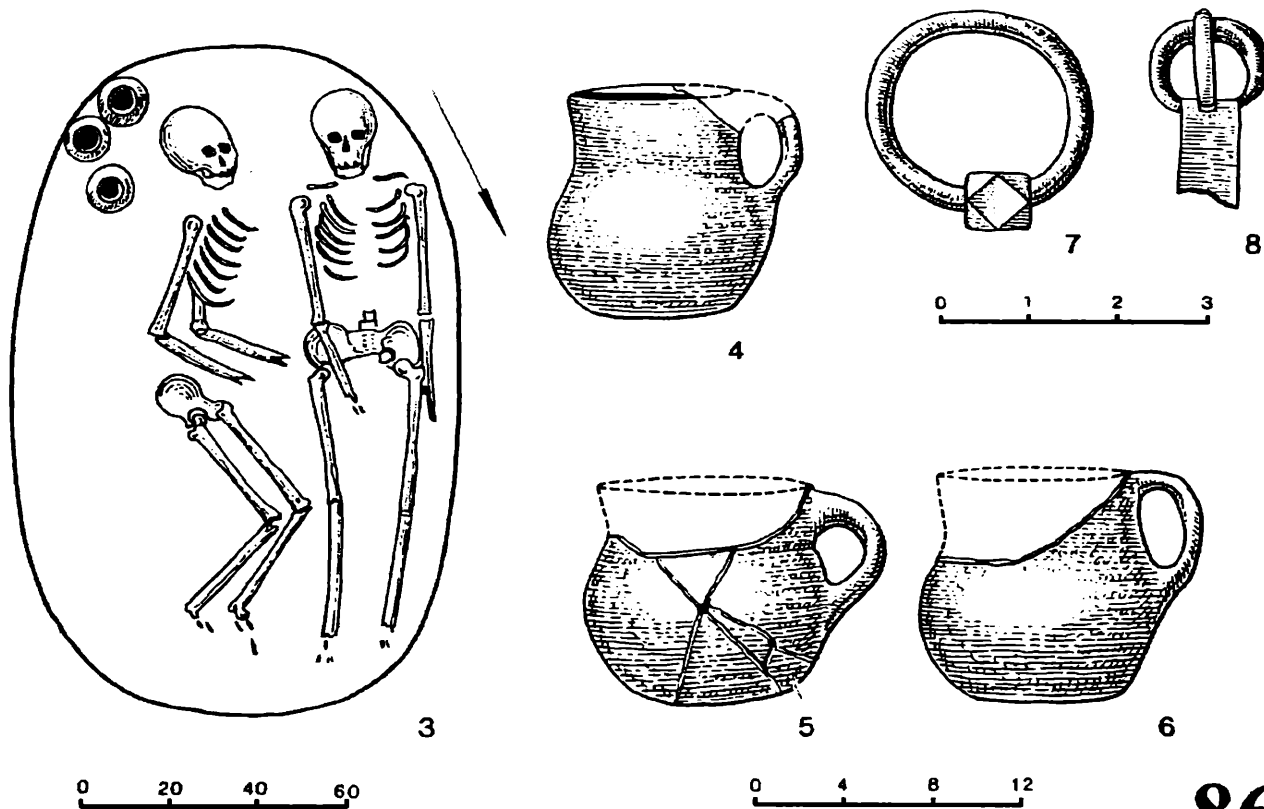

84

Рис. 96. Комплексы из катакомб 83 и 84

85

86

Рис. 97. Комплексы из катакомб 85 и 86

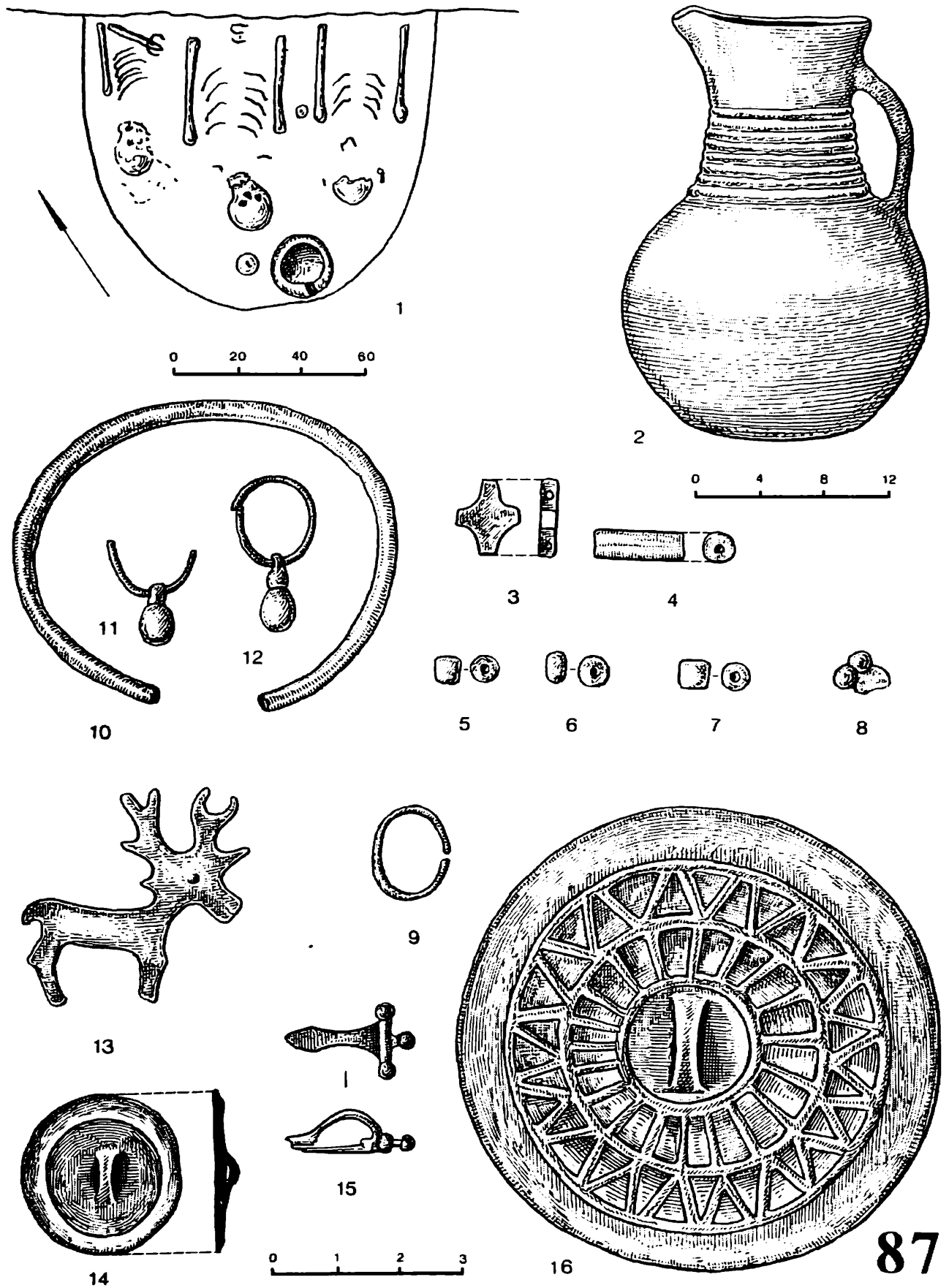

Рис. 98. Комплекс рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 87

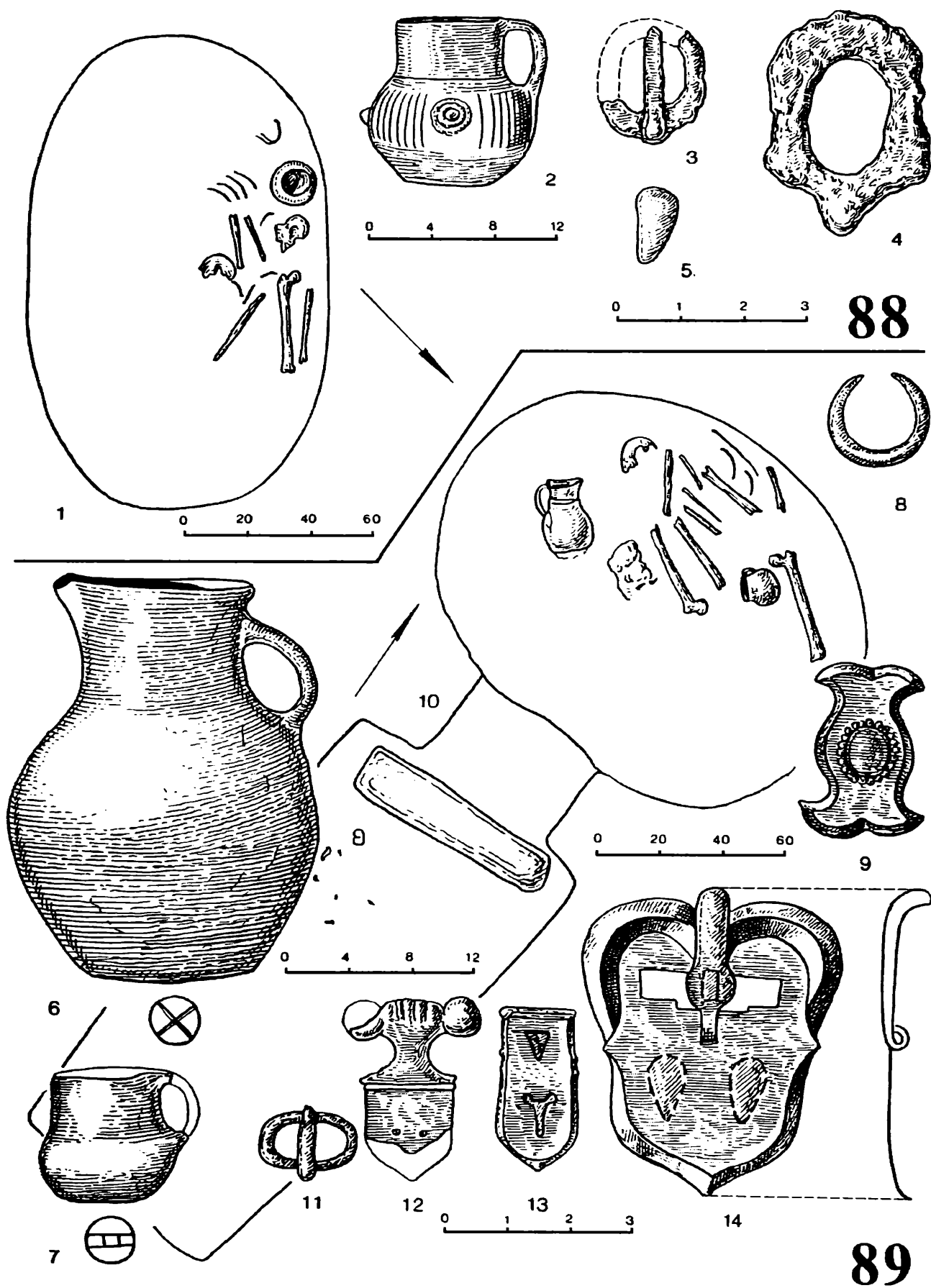

Рис. 99. Комплексы из катакомб 88 и 89

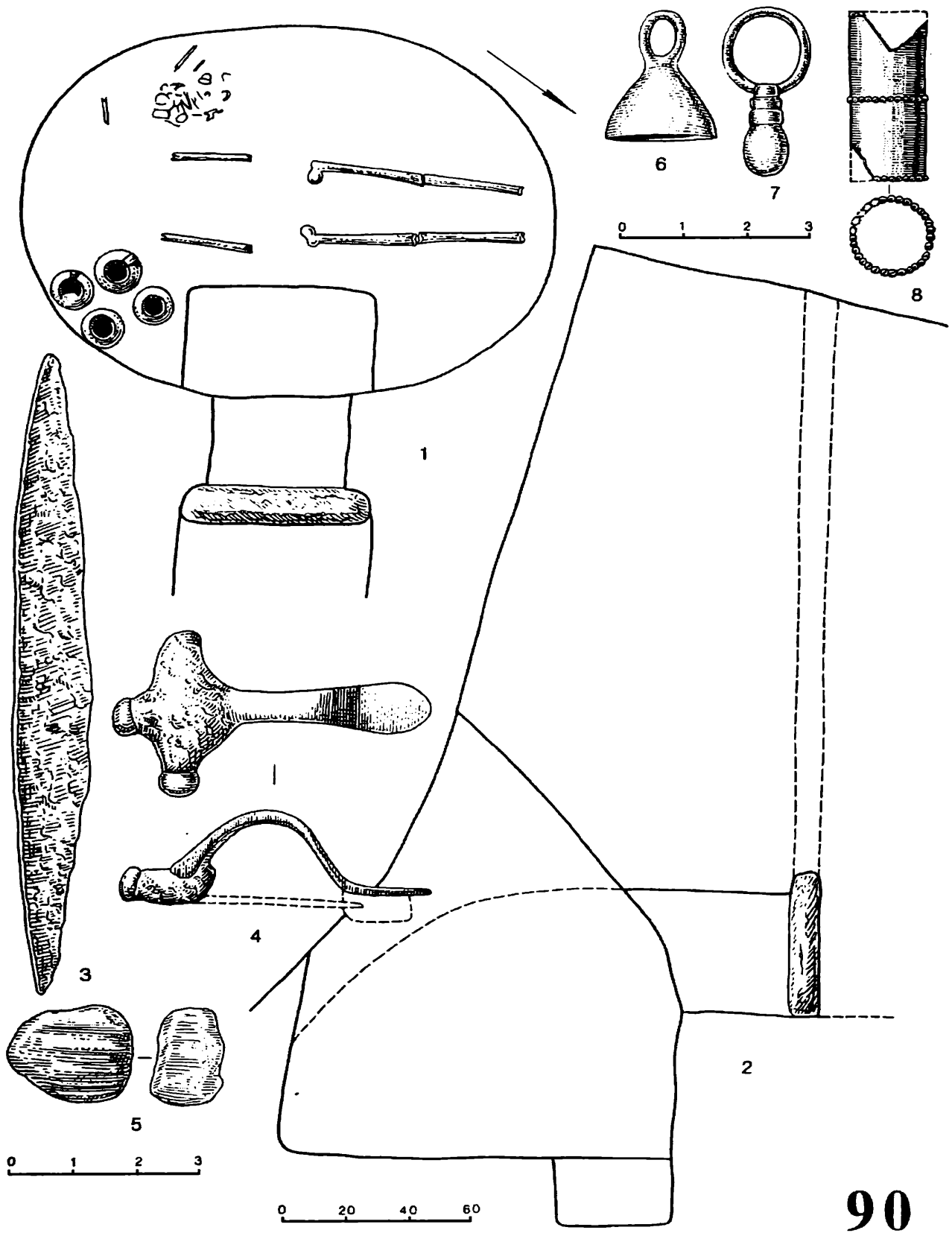

Рис. 100. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 90

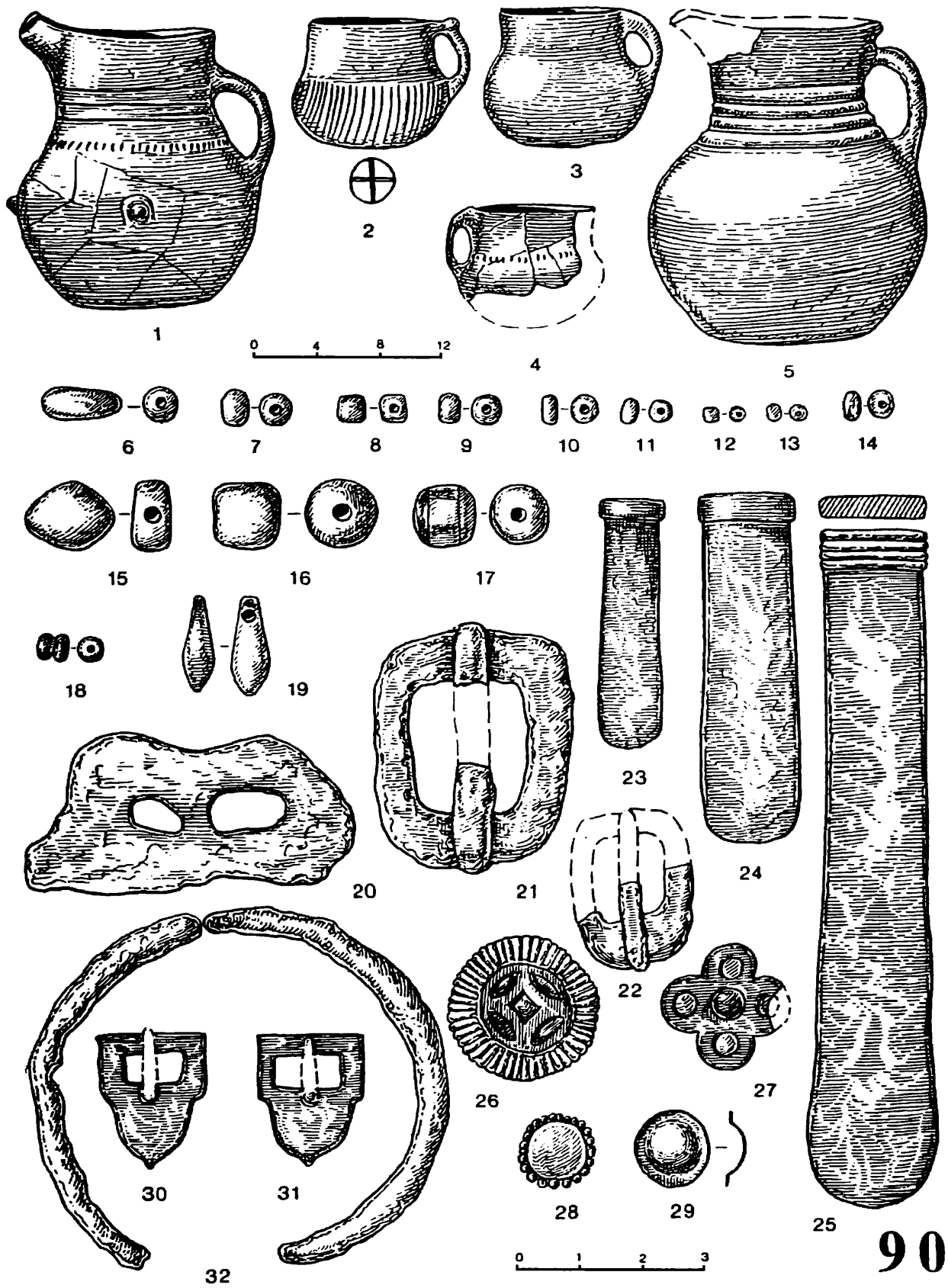

Рис. 101. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 90

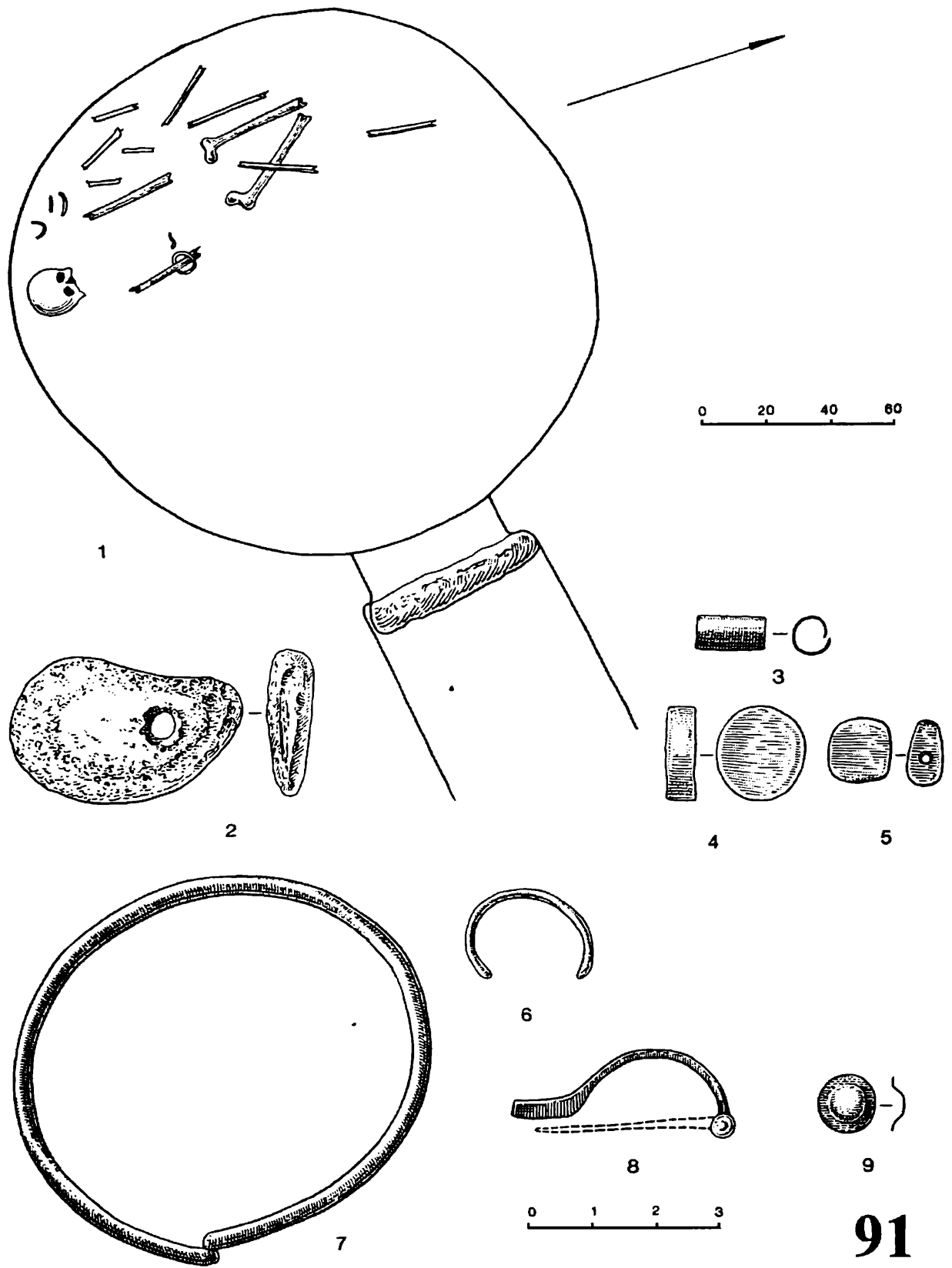

Рис. 102. Комплекс из катакомбы 91

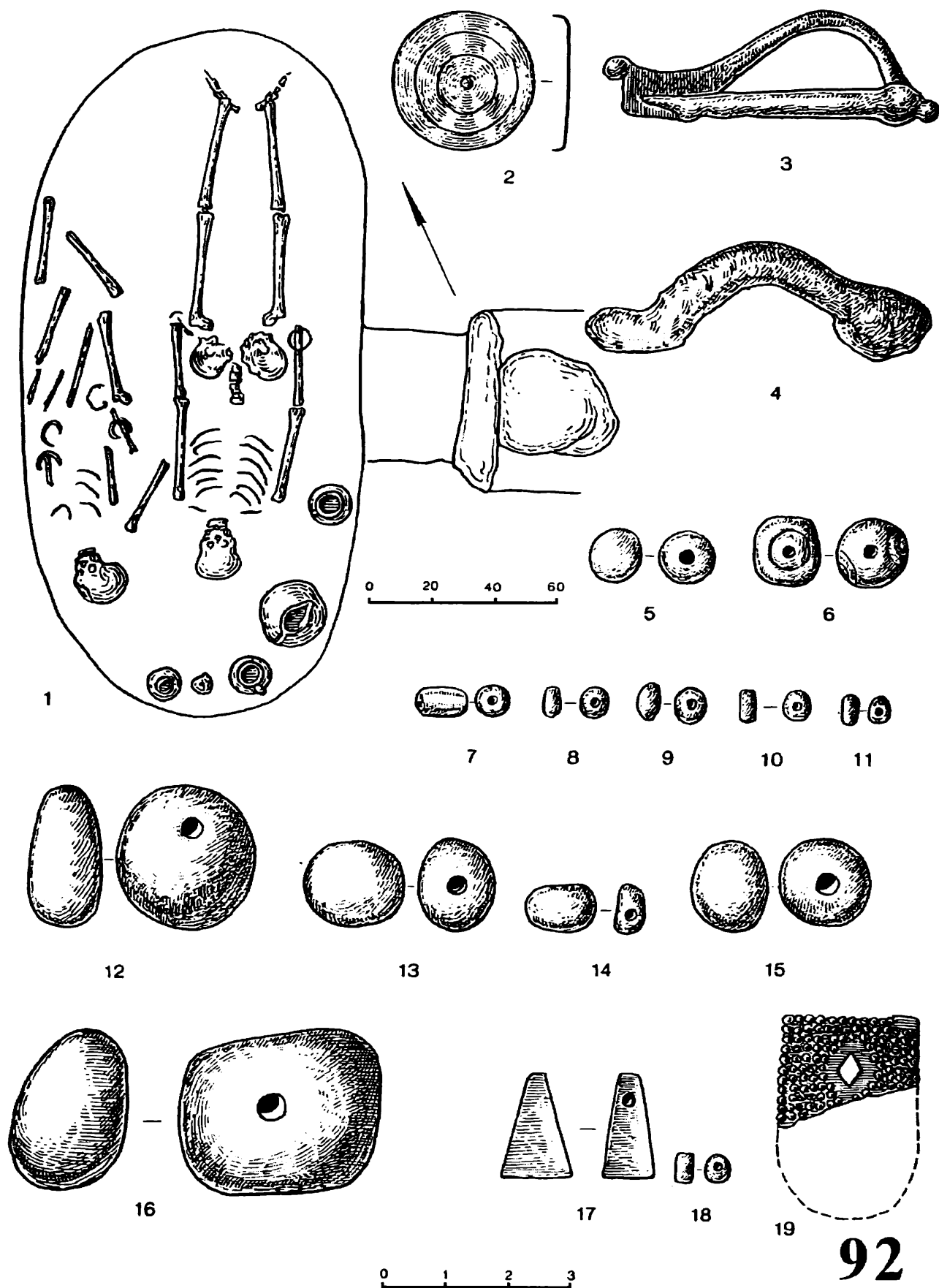

Рис. 103. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 92

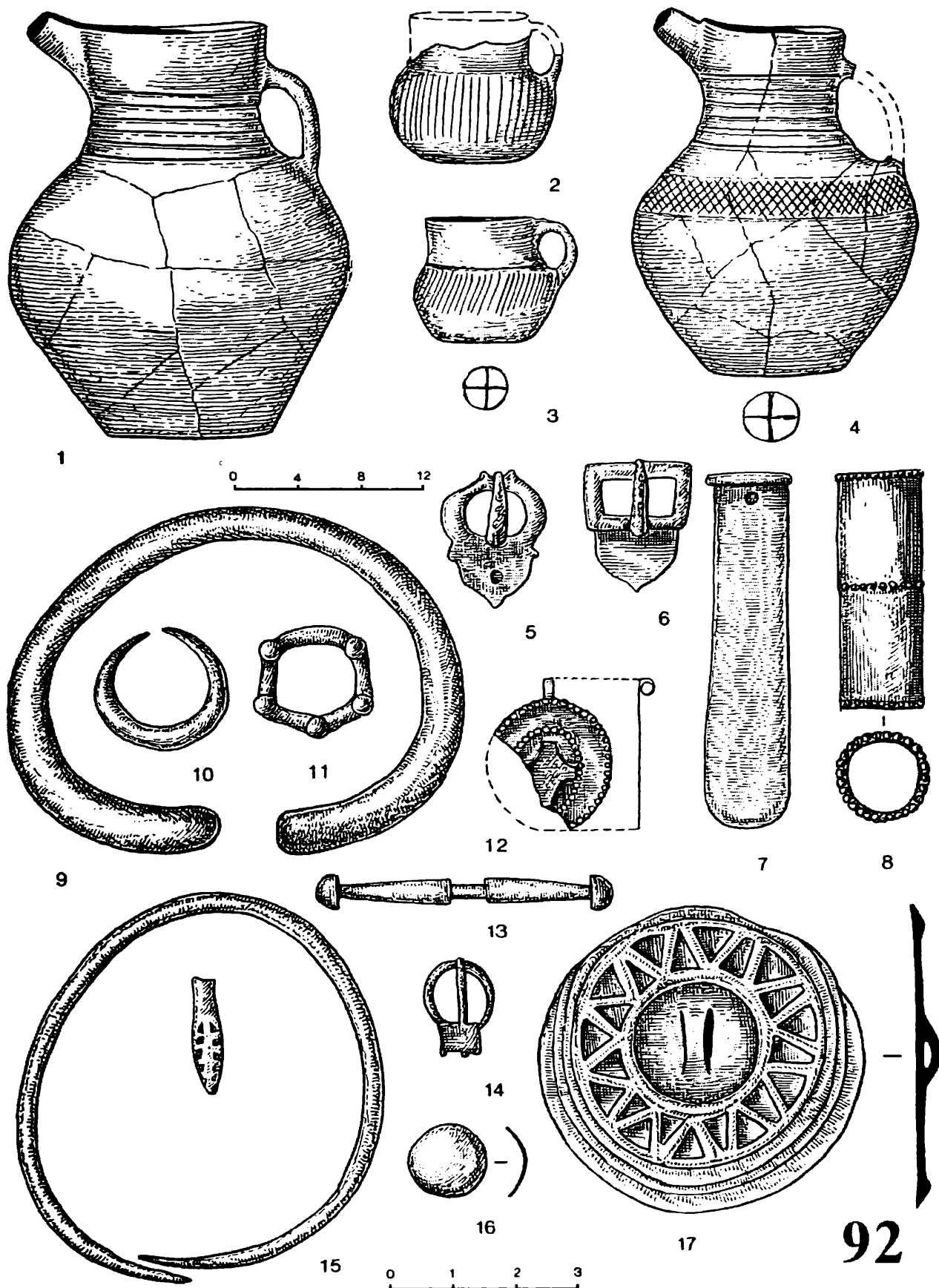

Рис. 104. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 92 (продолжение)

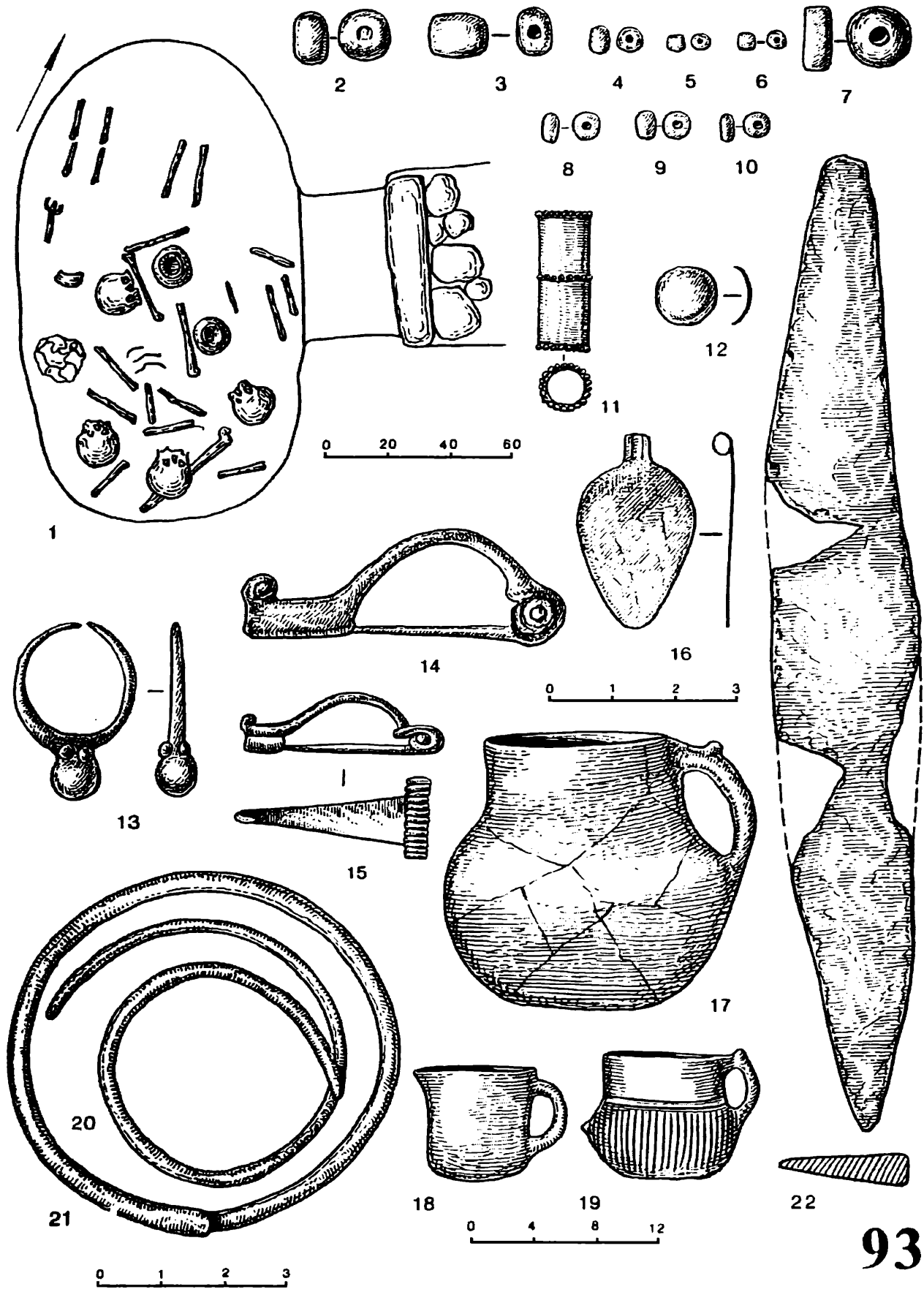
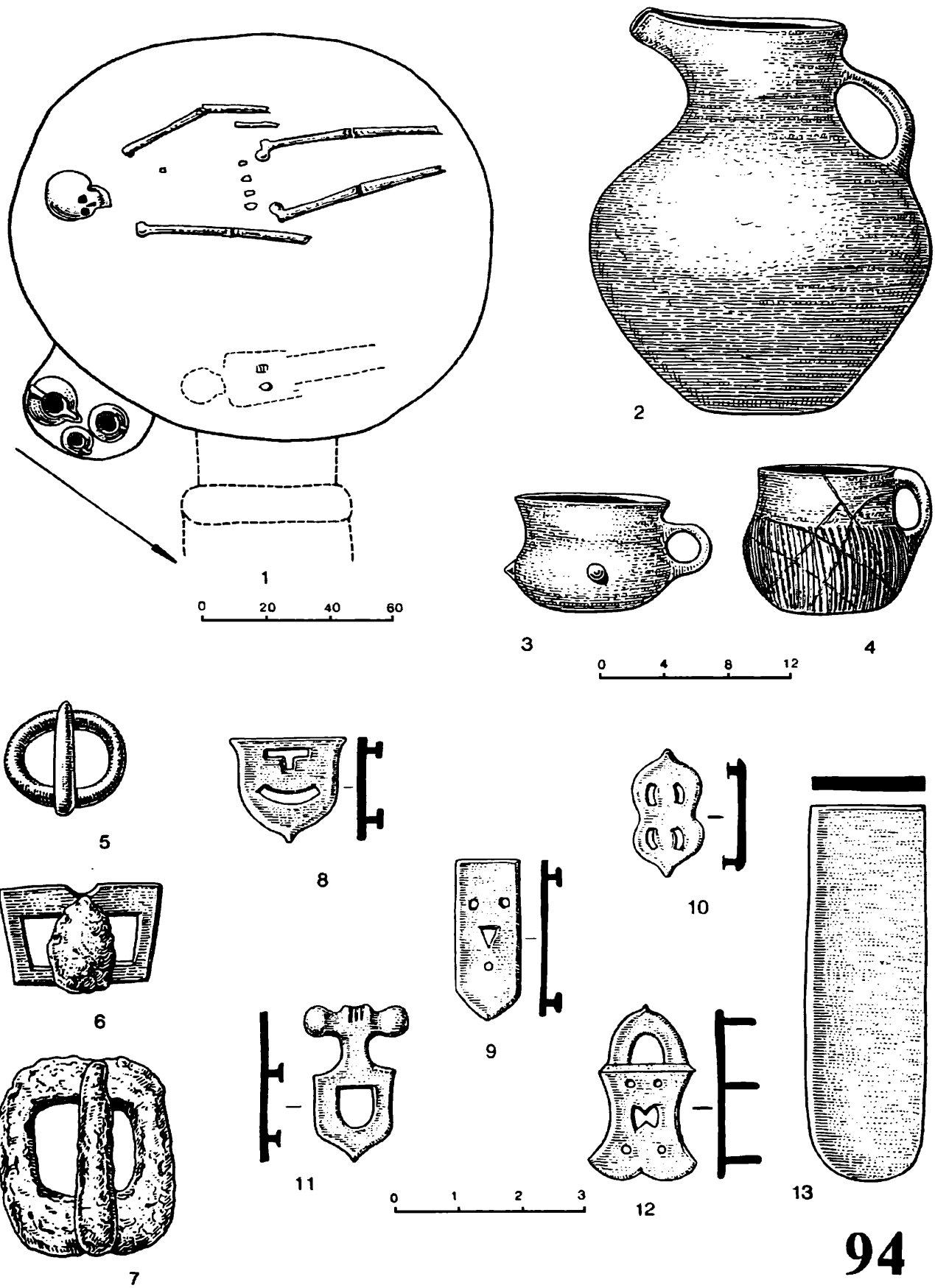

Рис. 105. Комплекс катакомбы 93

94

Рис. 106. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 94

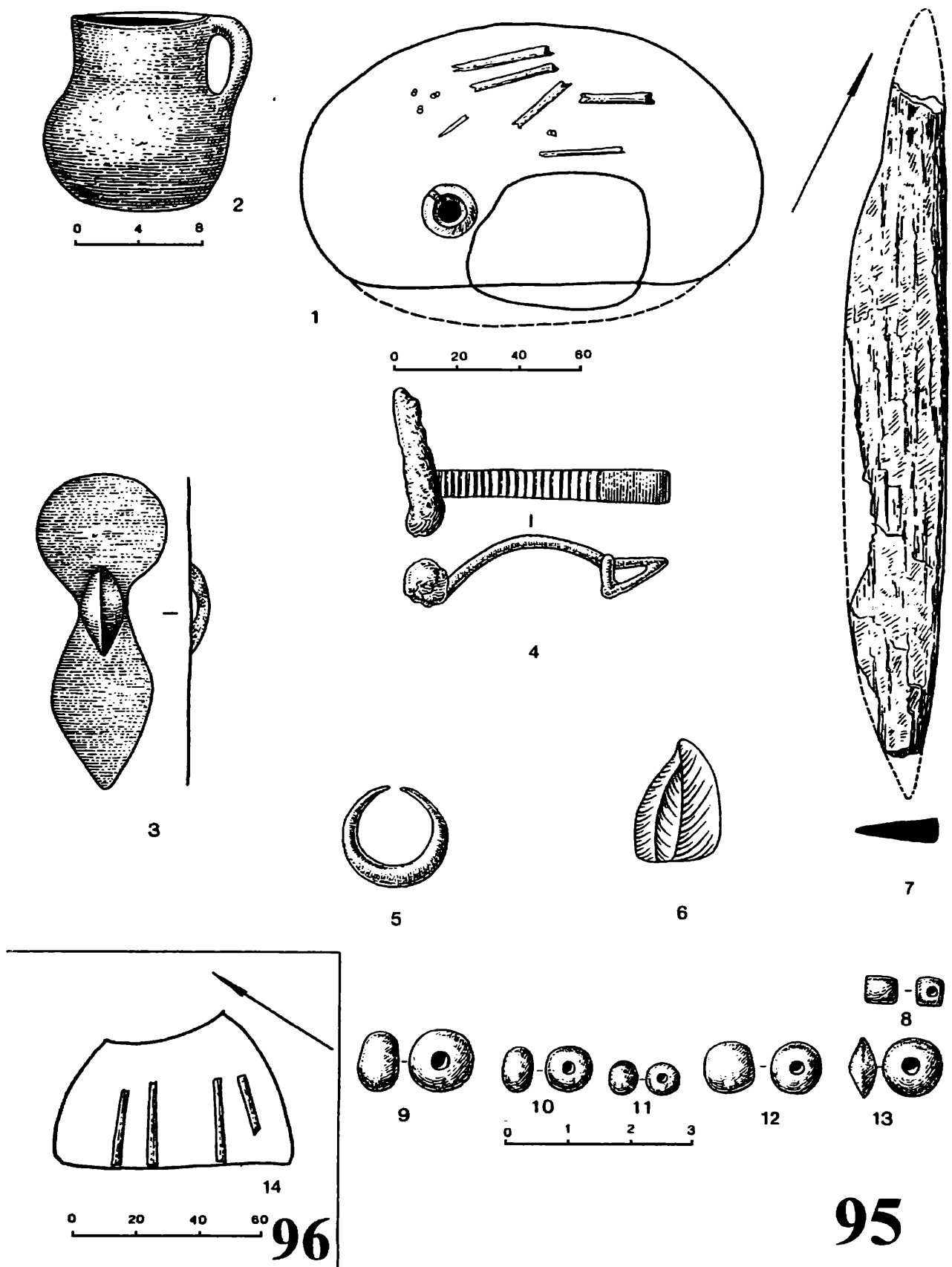

Рис. 107. Комплексы из катакомб 95 и 96

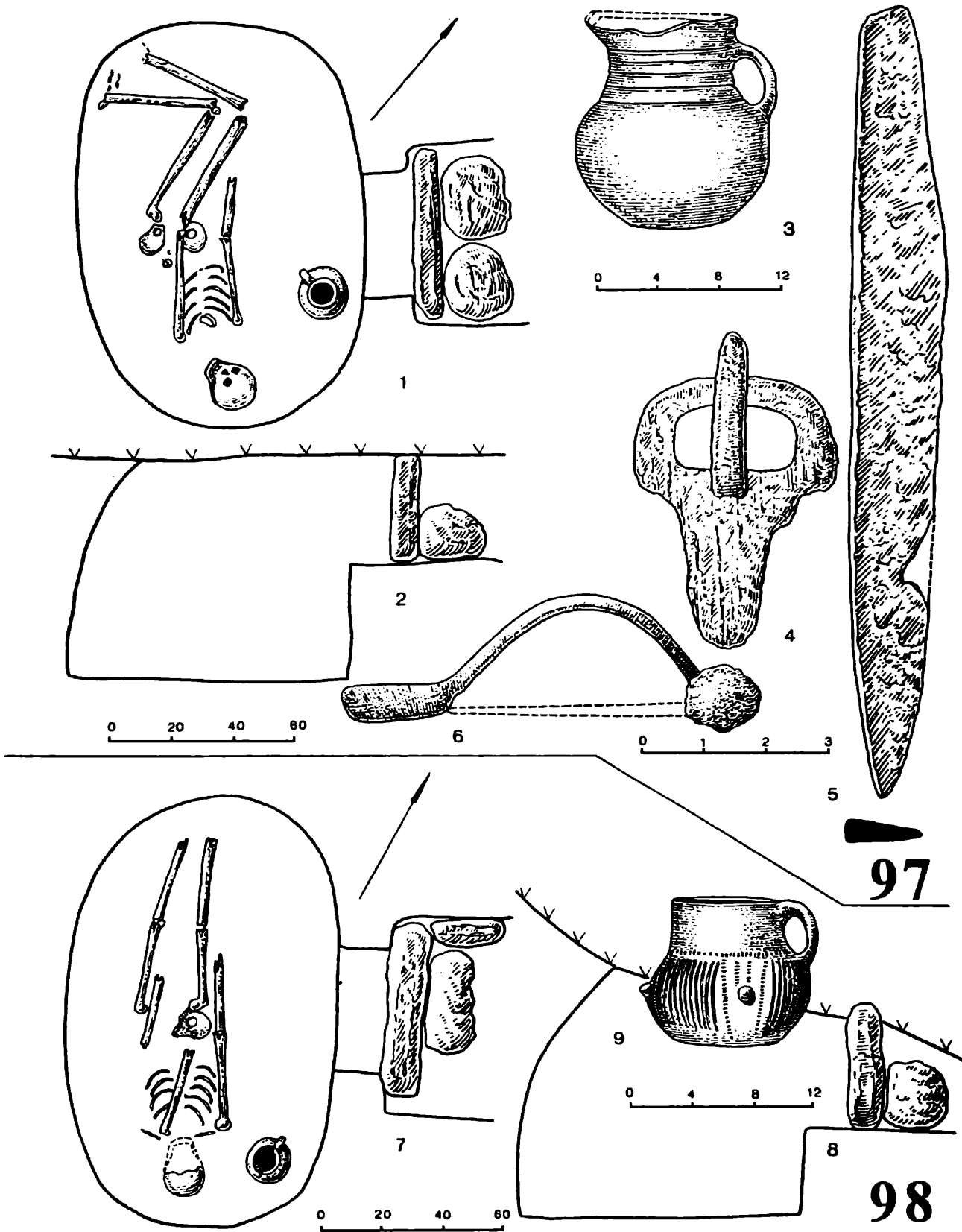

Рис. 108. Комплексы из катакомб 97 и 98

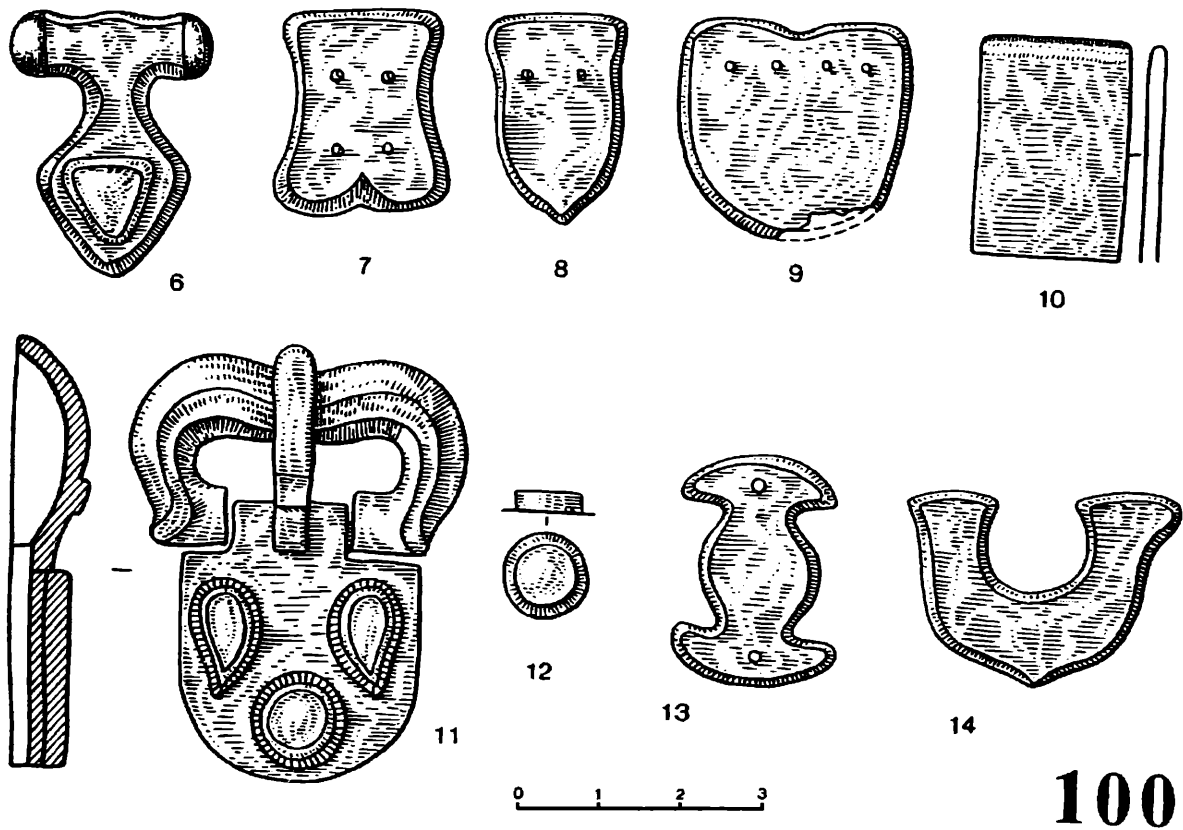
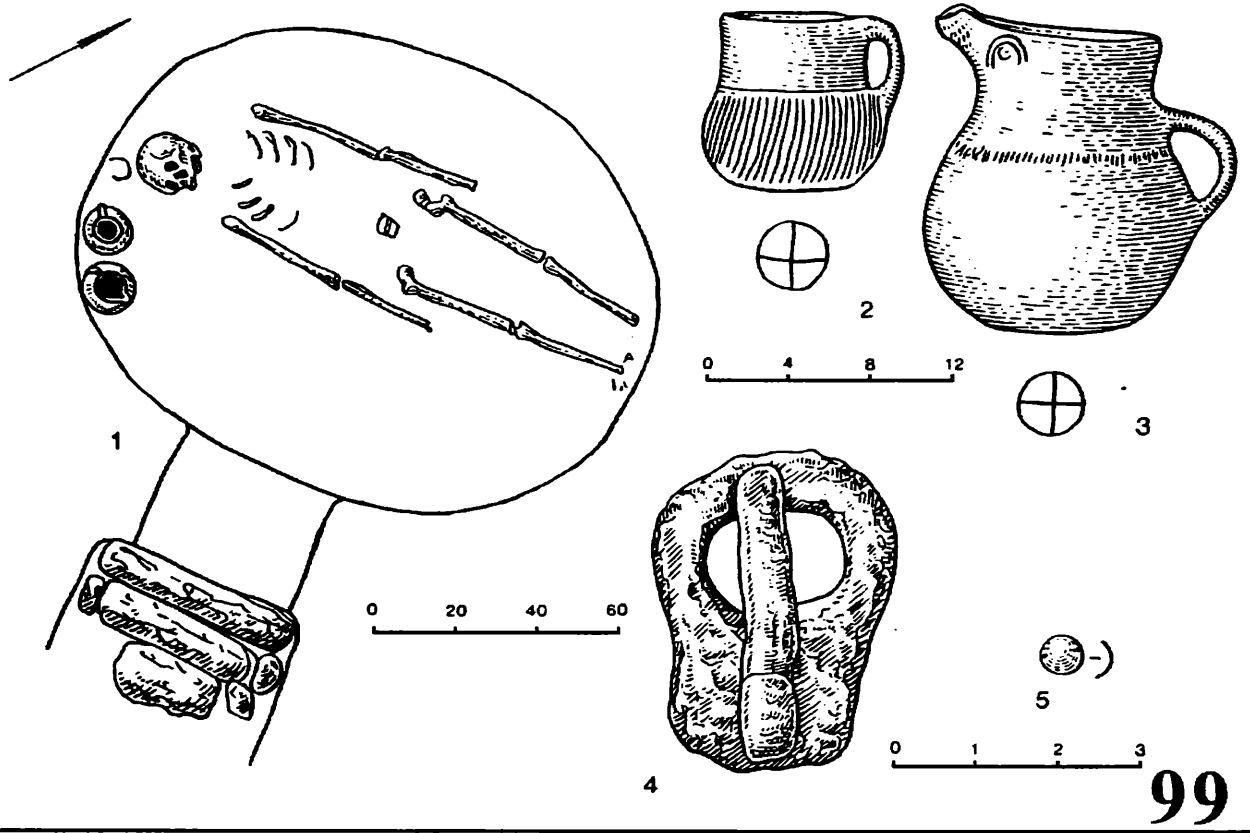

Рис. 109. Комплексы из катакомбы 99 и катакомбы 100

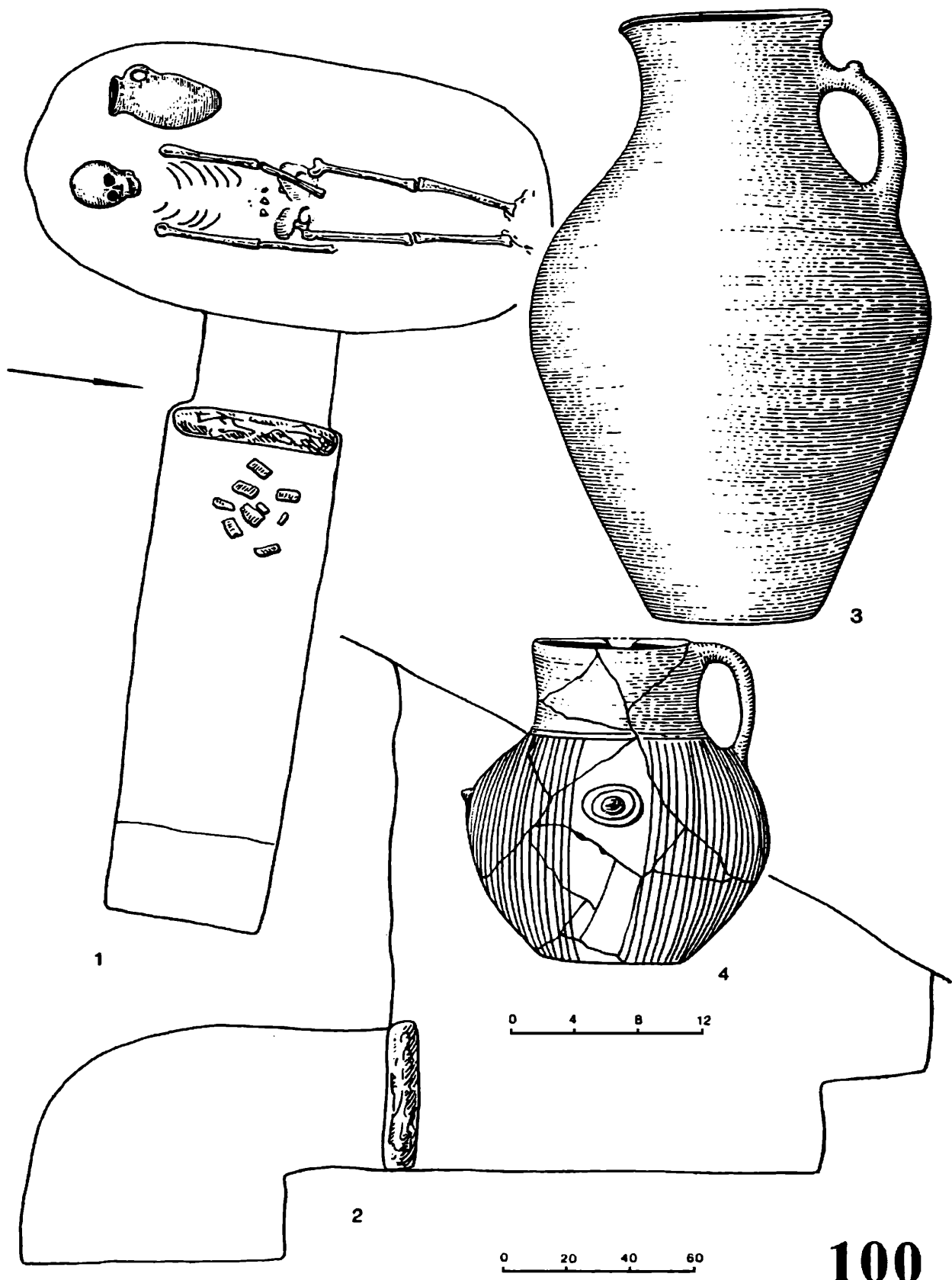

Рис. 110. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 100

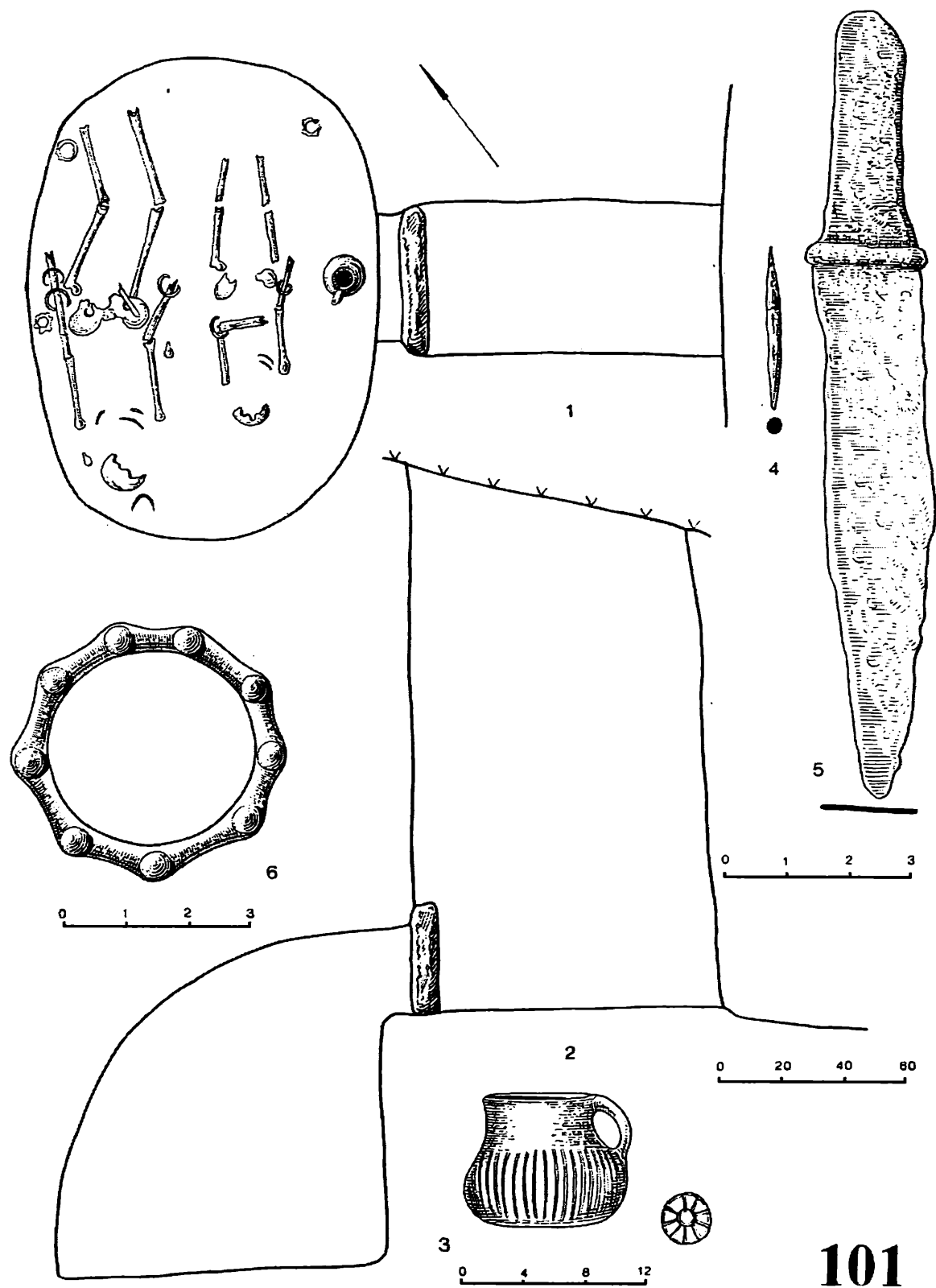

Рис. 111. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 101

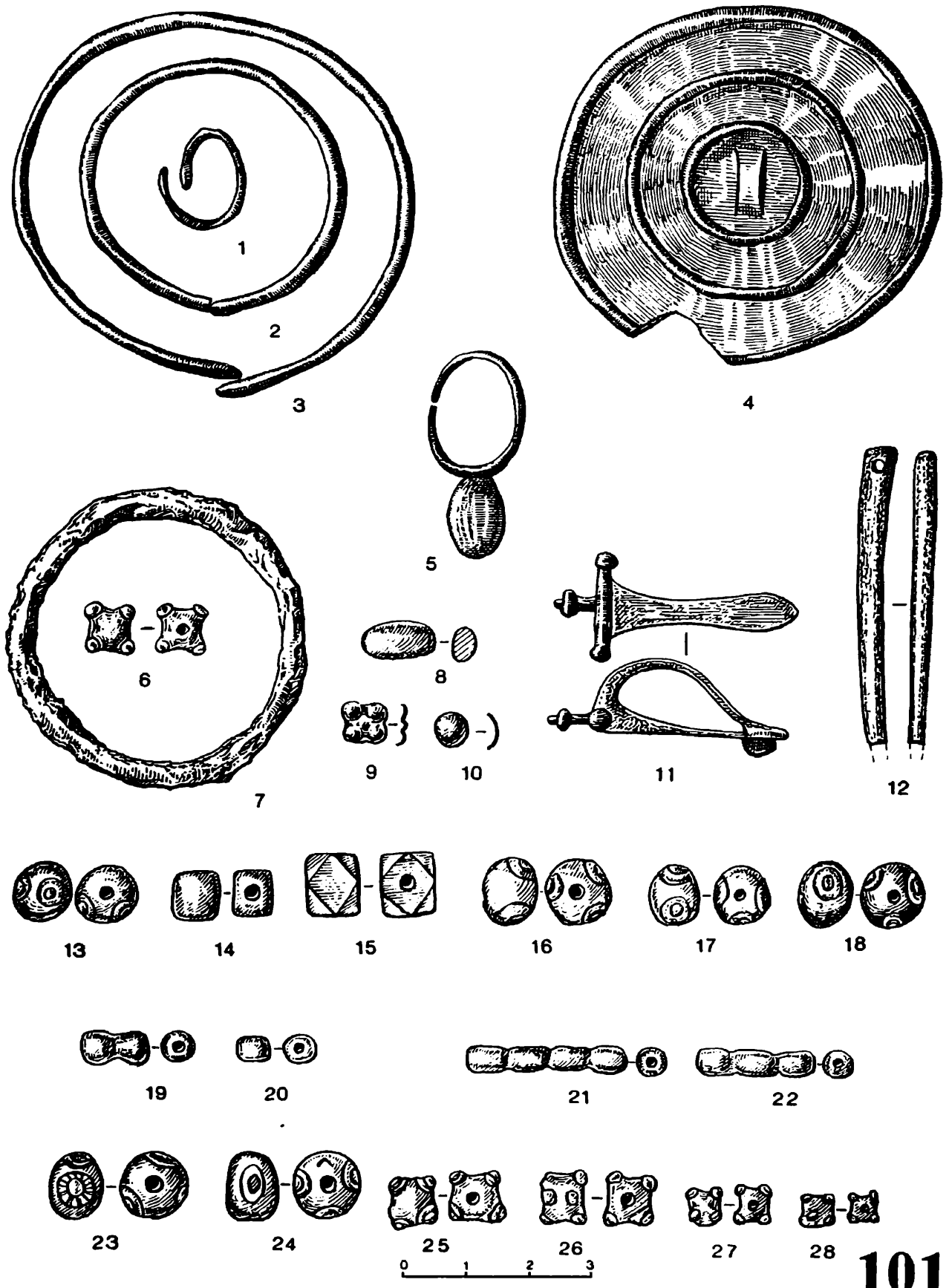

Рис. 112. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 101

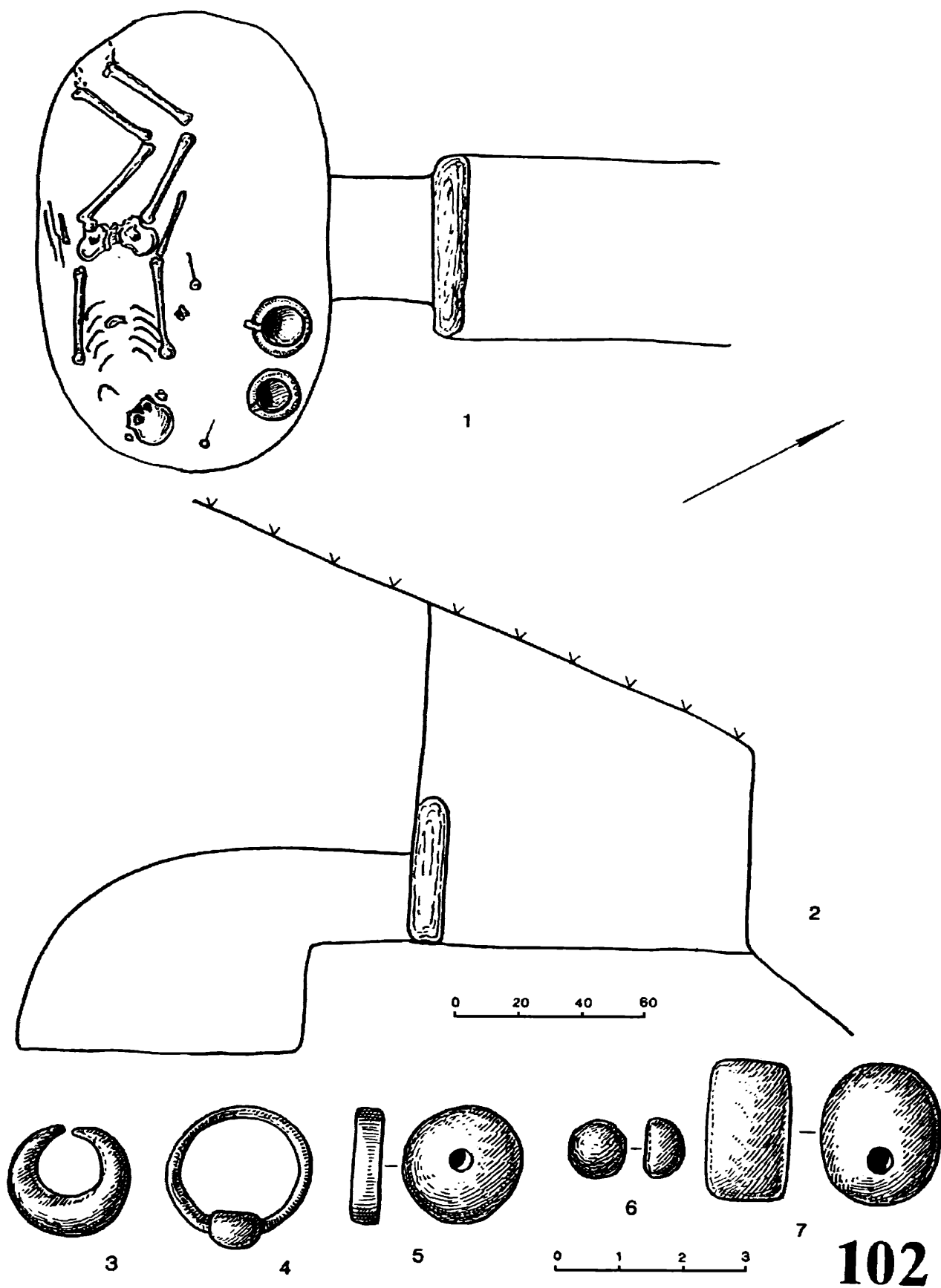
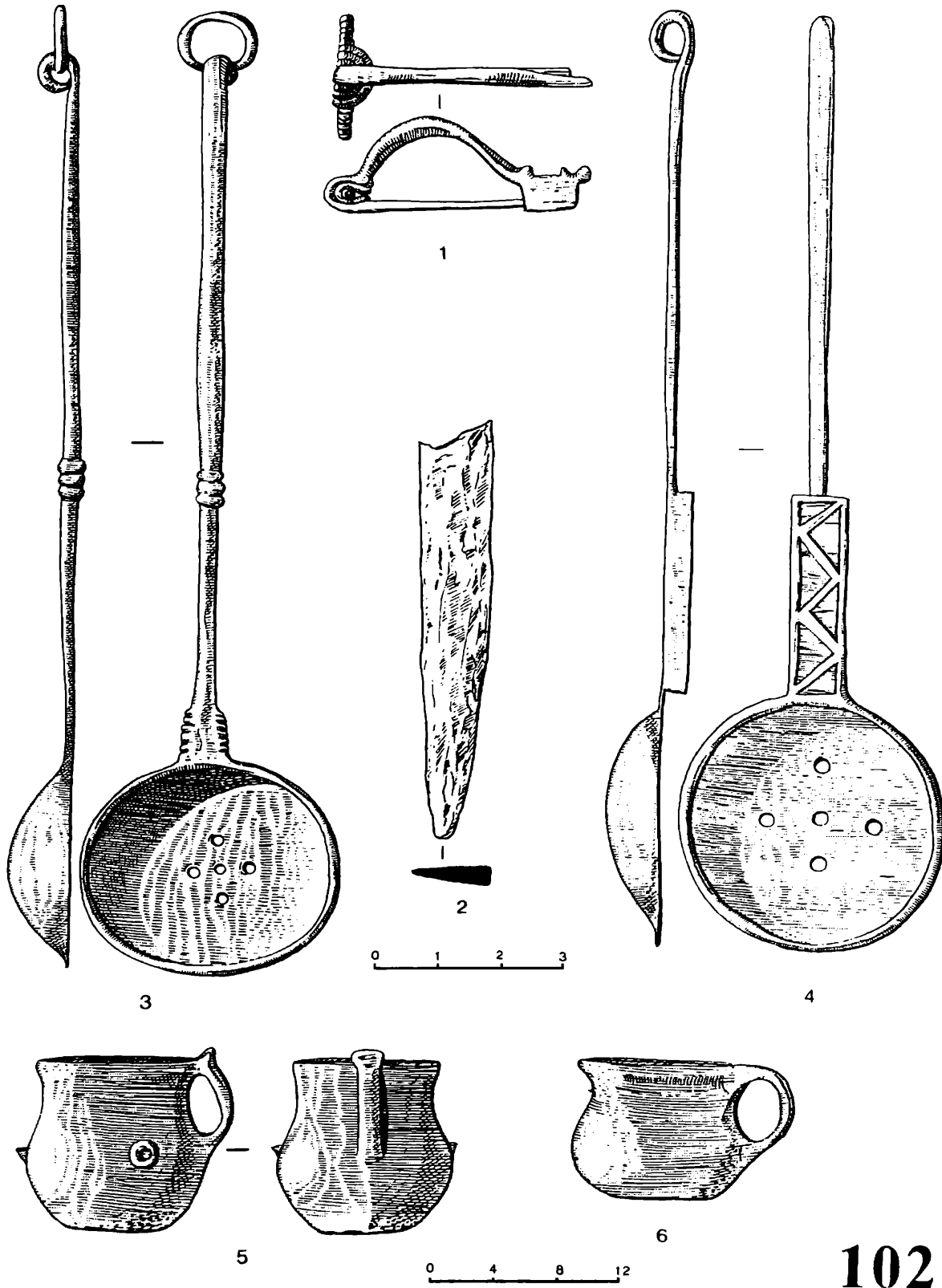

Рис. 113. Комплекс из катакомбы 102

102

Рис. 114. Комплекс из катакомбы 102

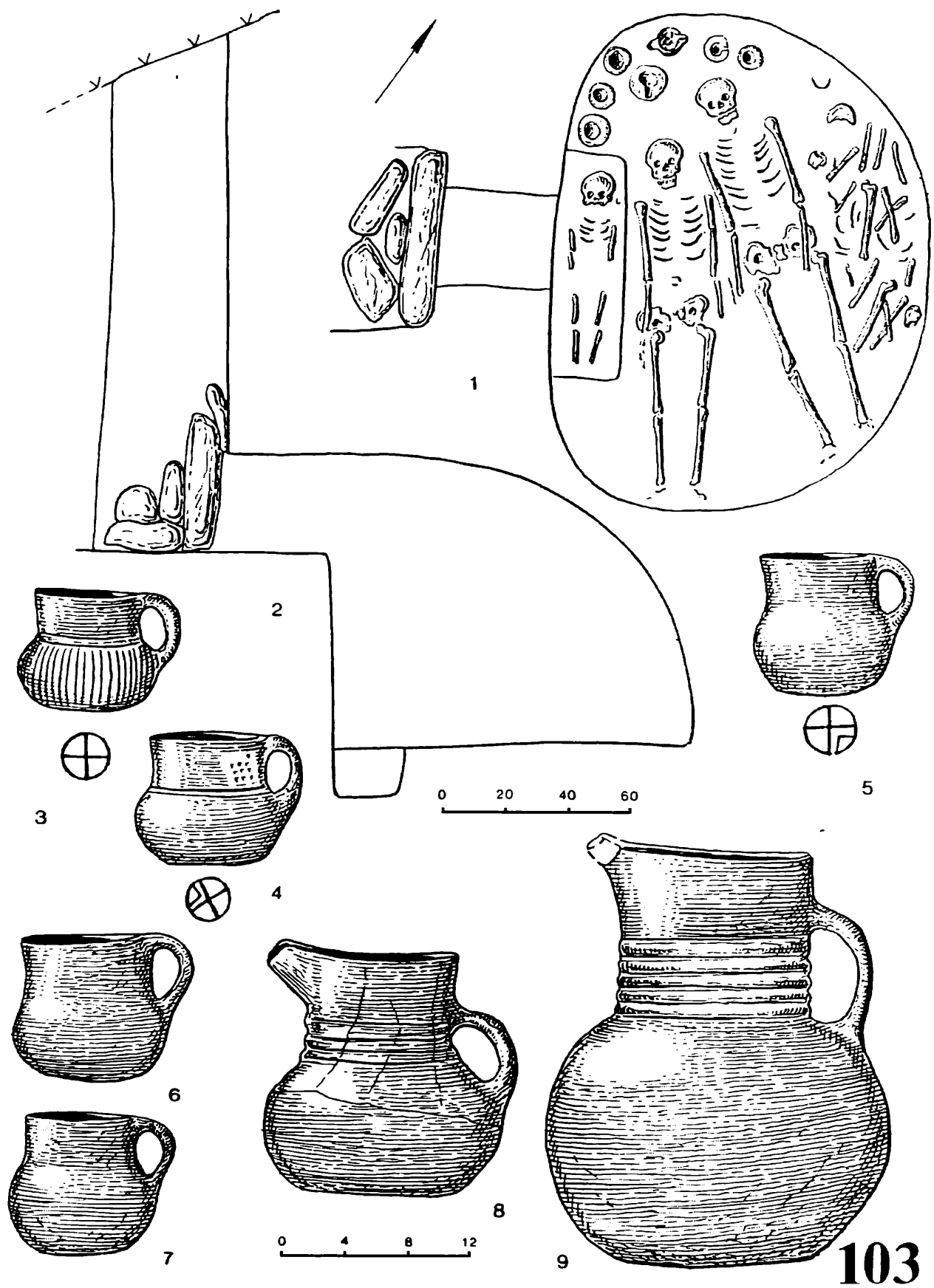
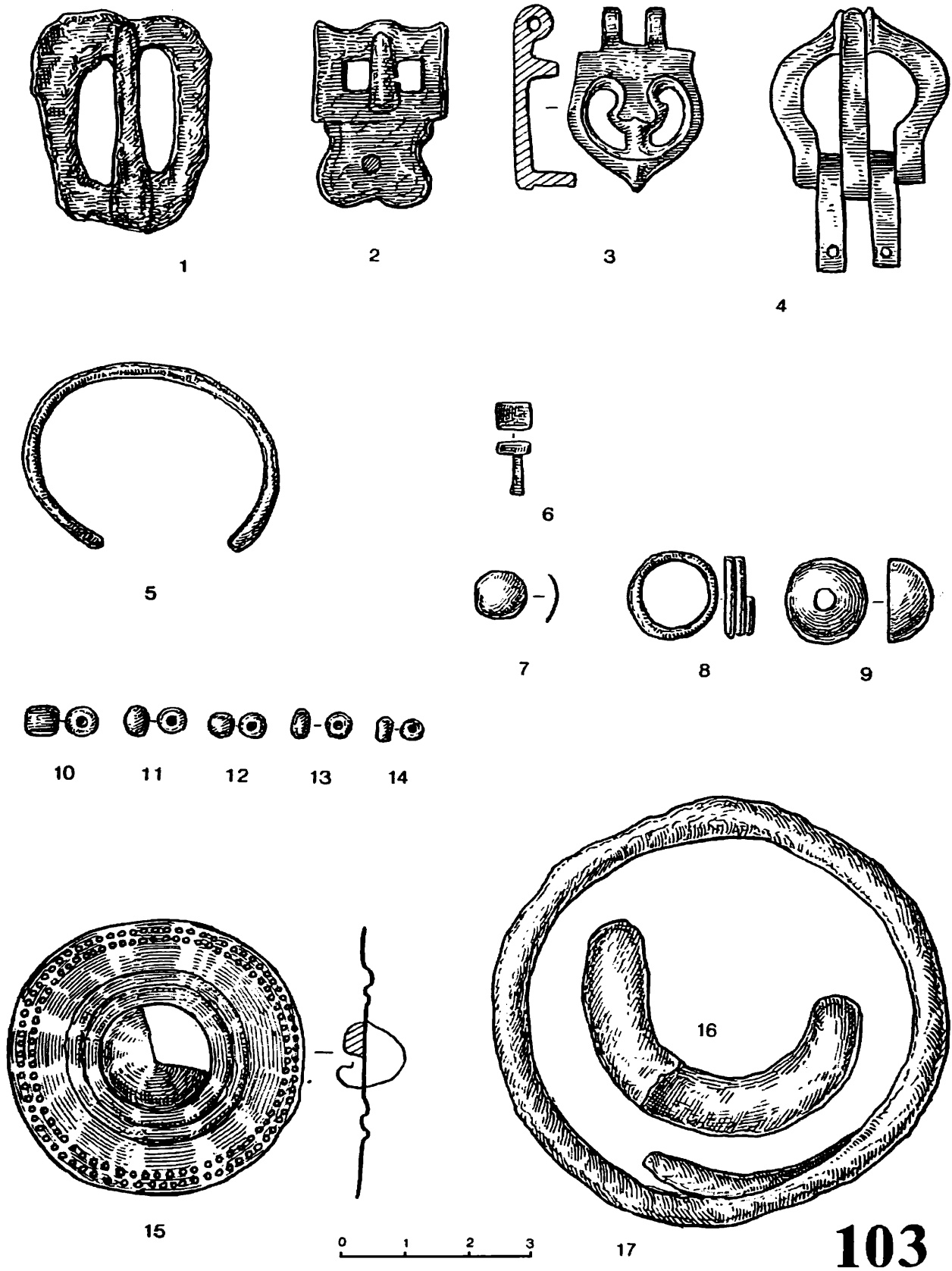
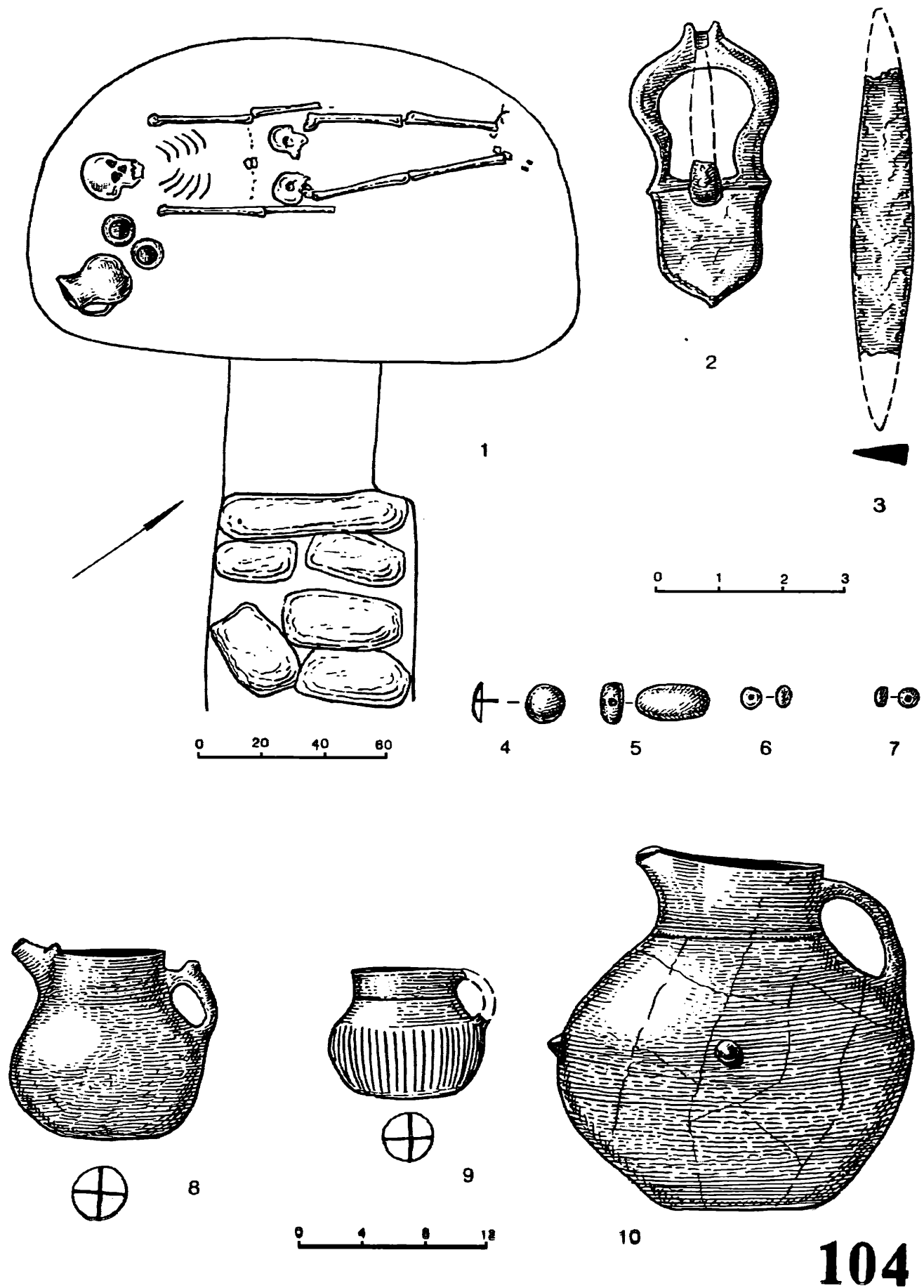

Рис. 115. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 103

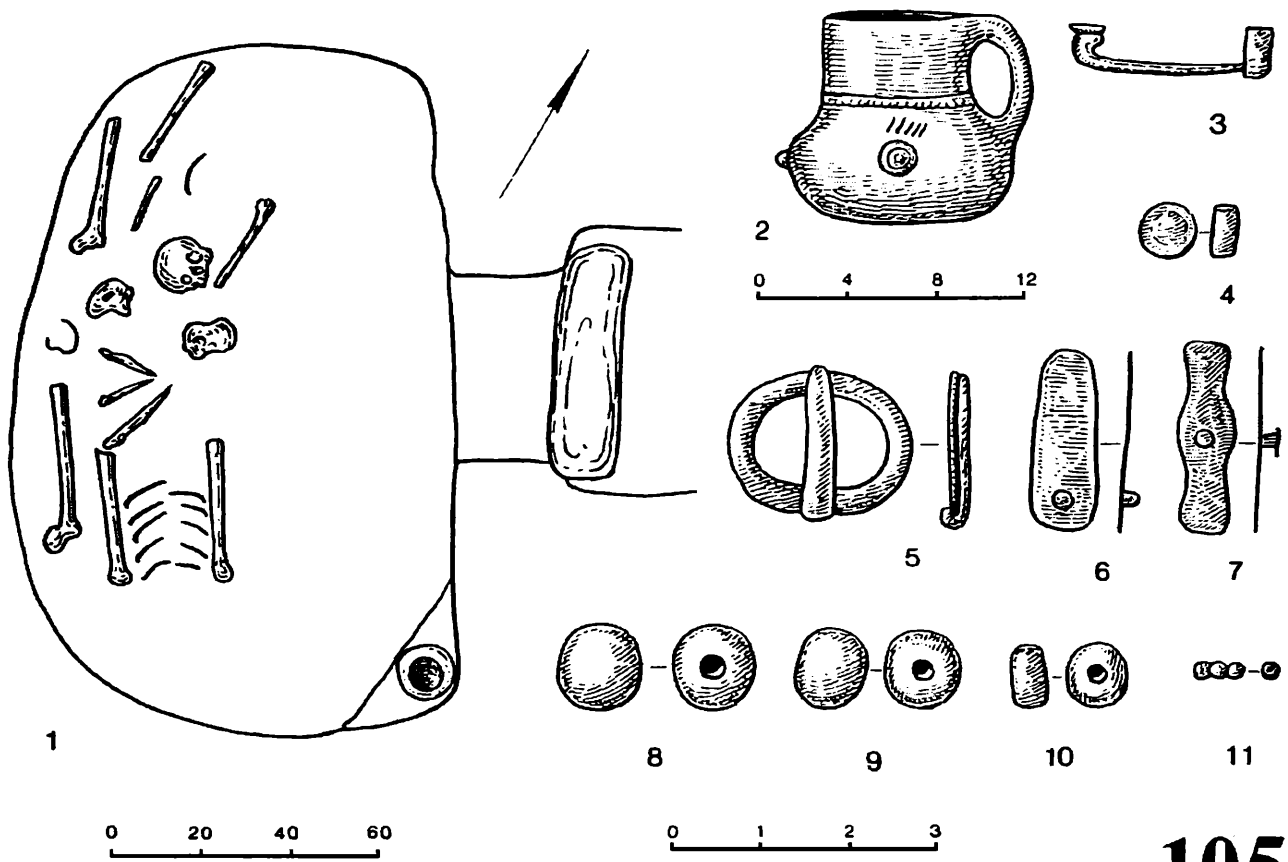
103

Рис. 116. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 103

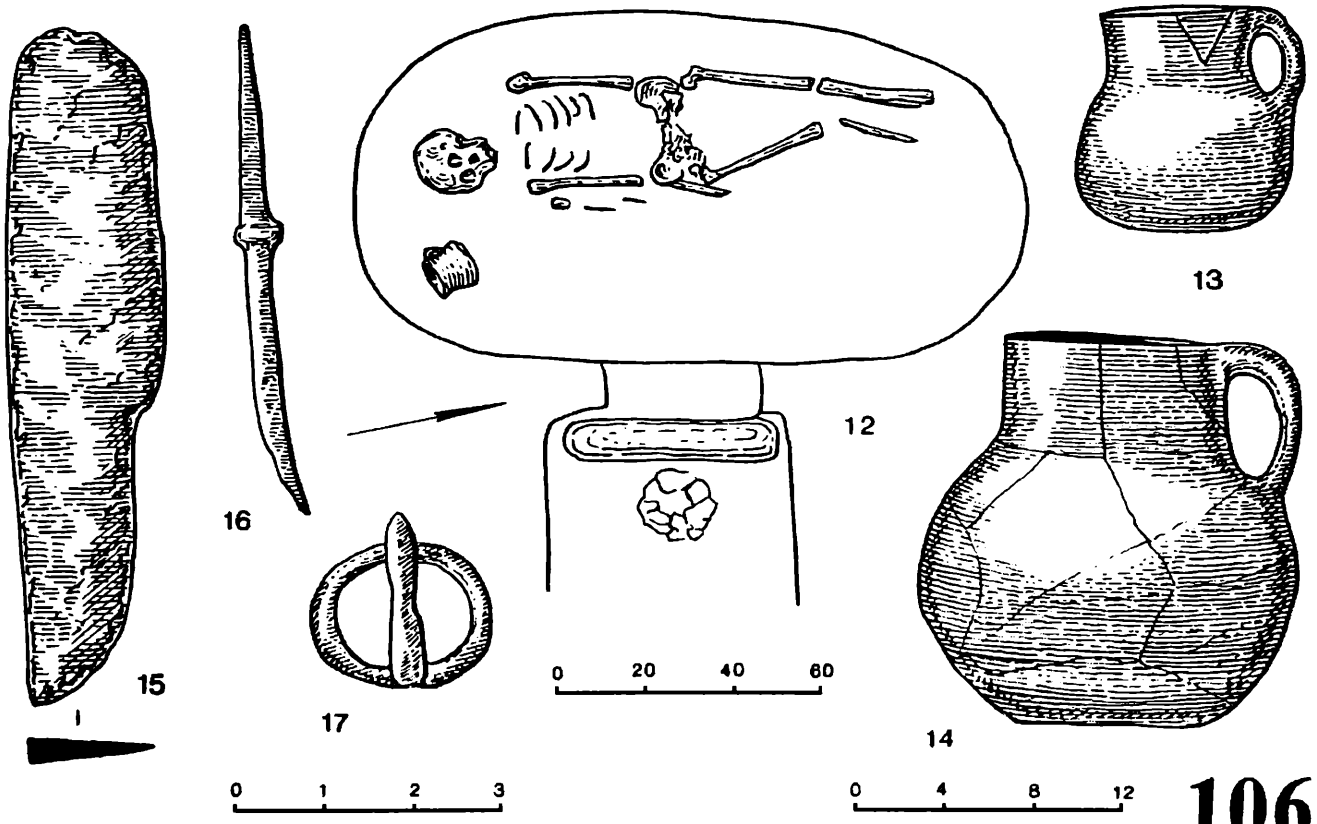

104

Рис. 117. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 104

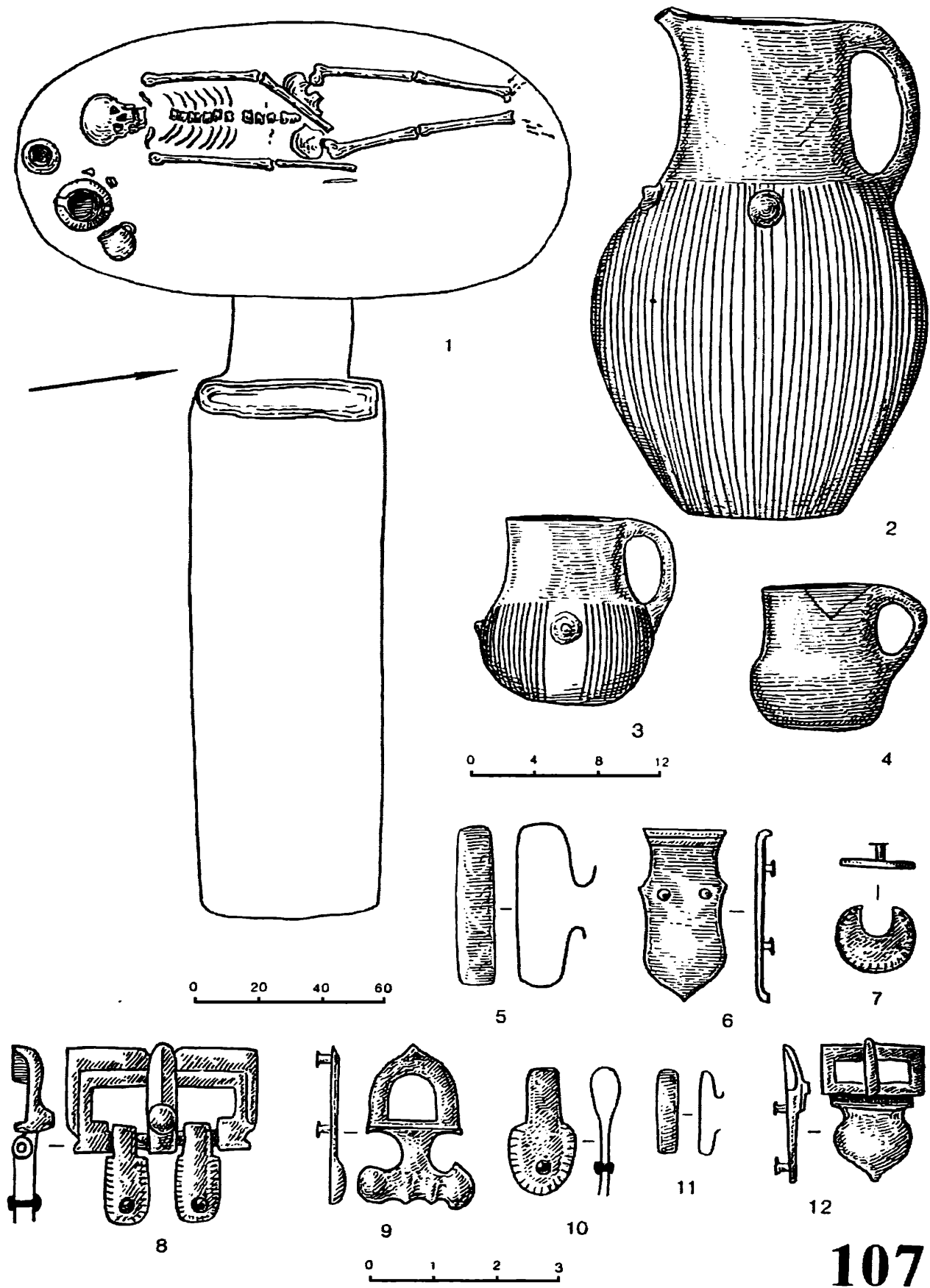

105

106

Рис. 118. Комплексы из катакомб 105 и 106

107

Рис. 119. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 107

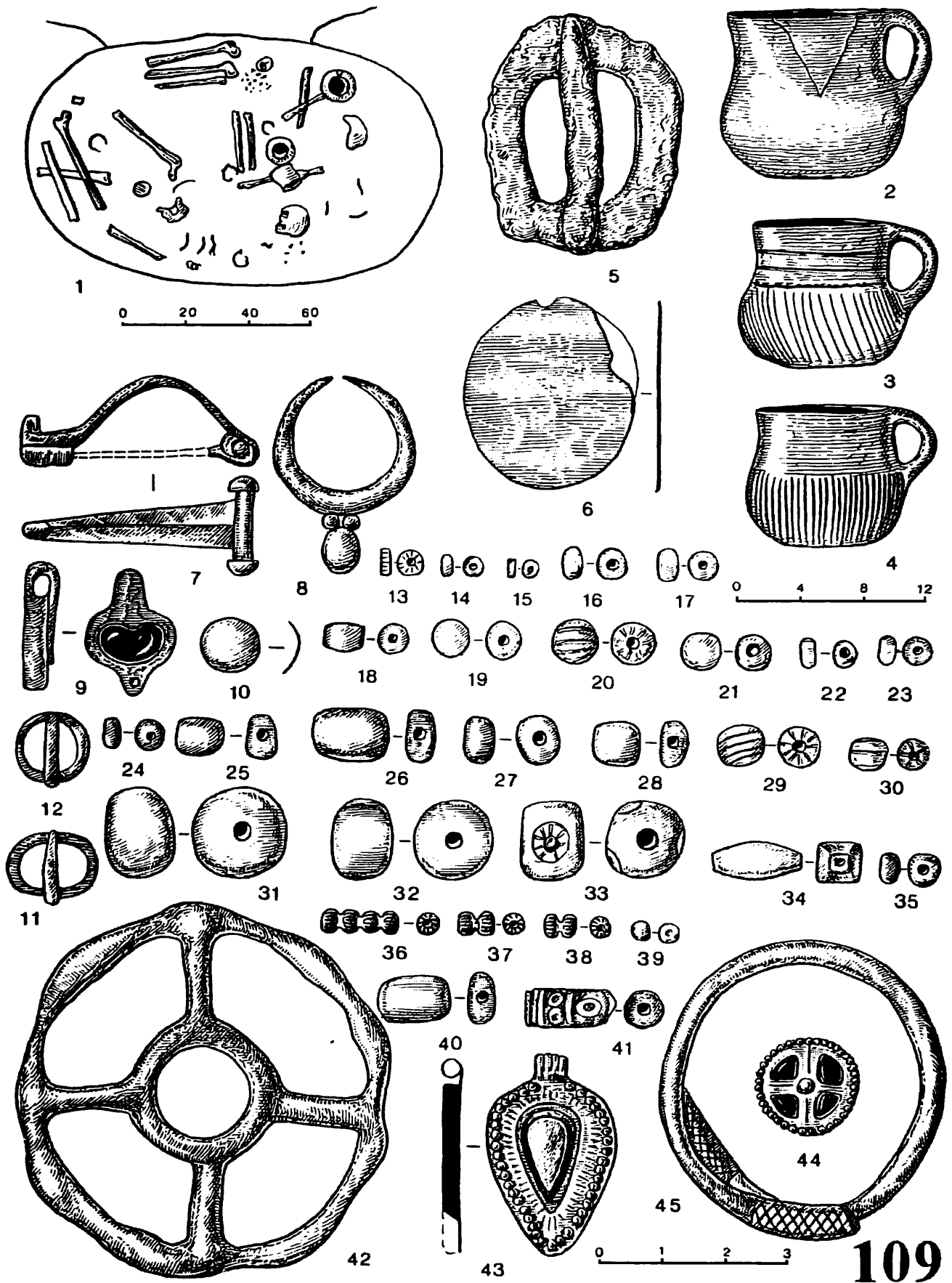

Рис. 120. Комплекс из катакомбы 109

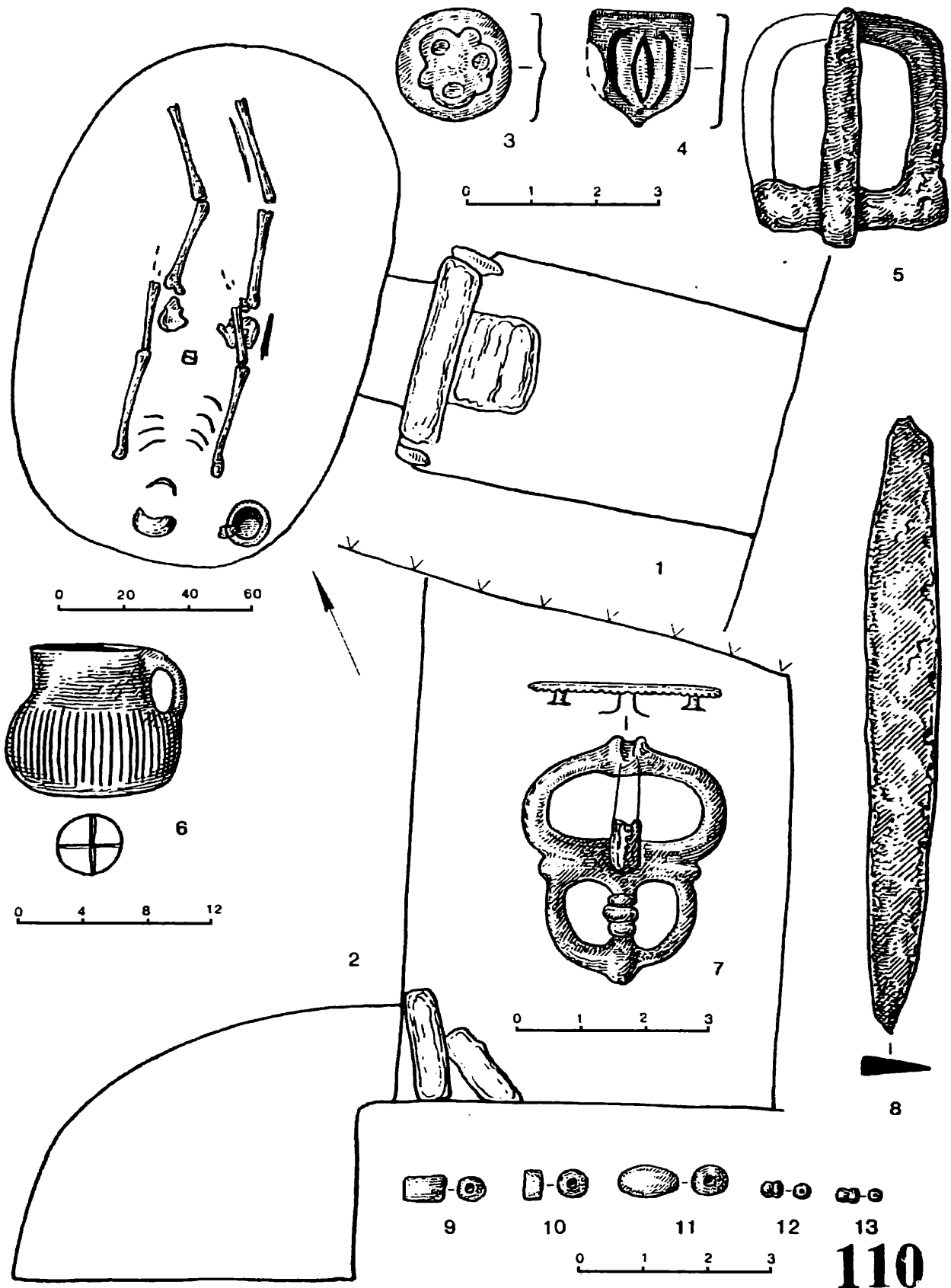

Рис. 121. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 110

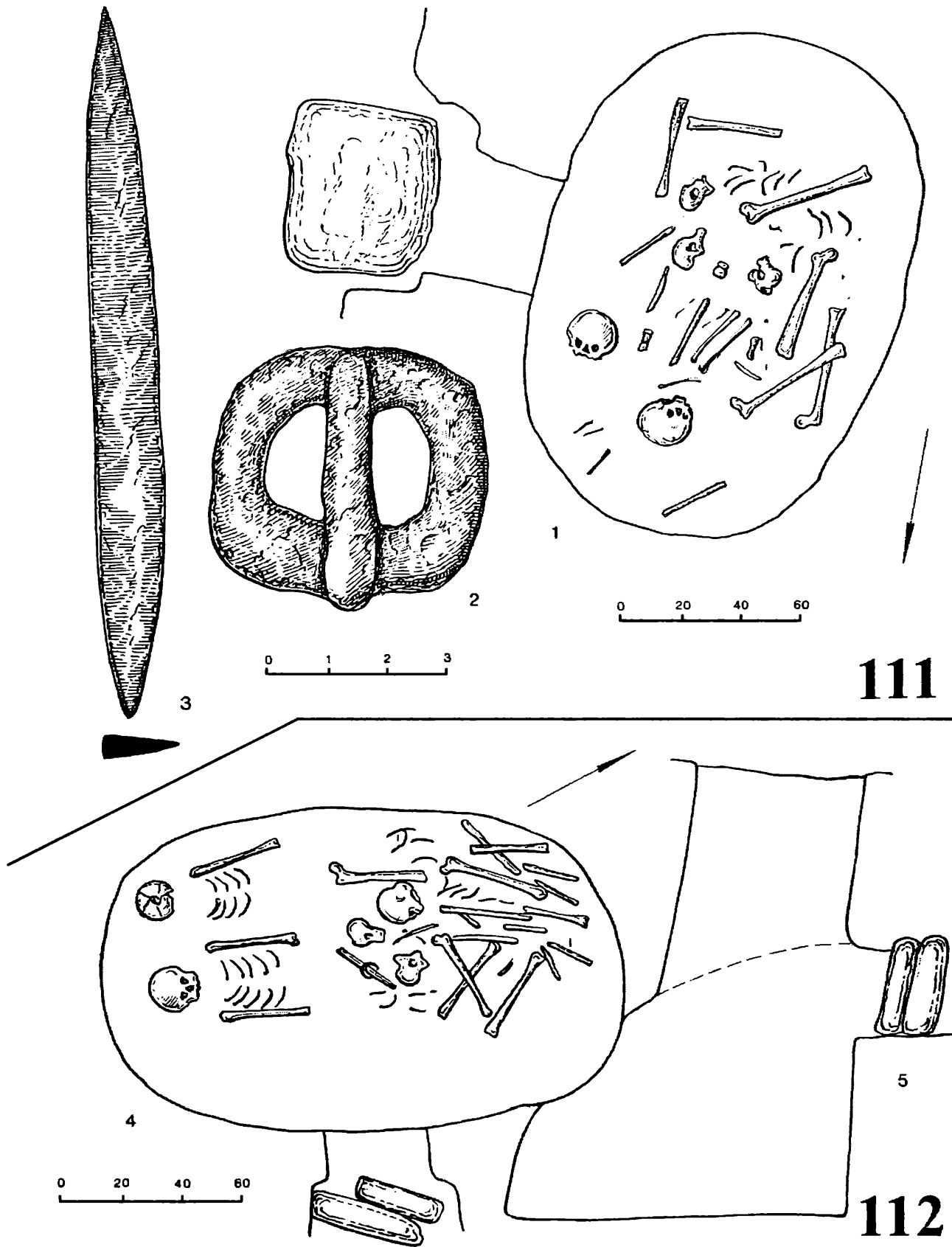

Рис. 122. Комплексы из катакомбы 111 и катакомбы 112

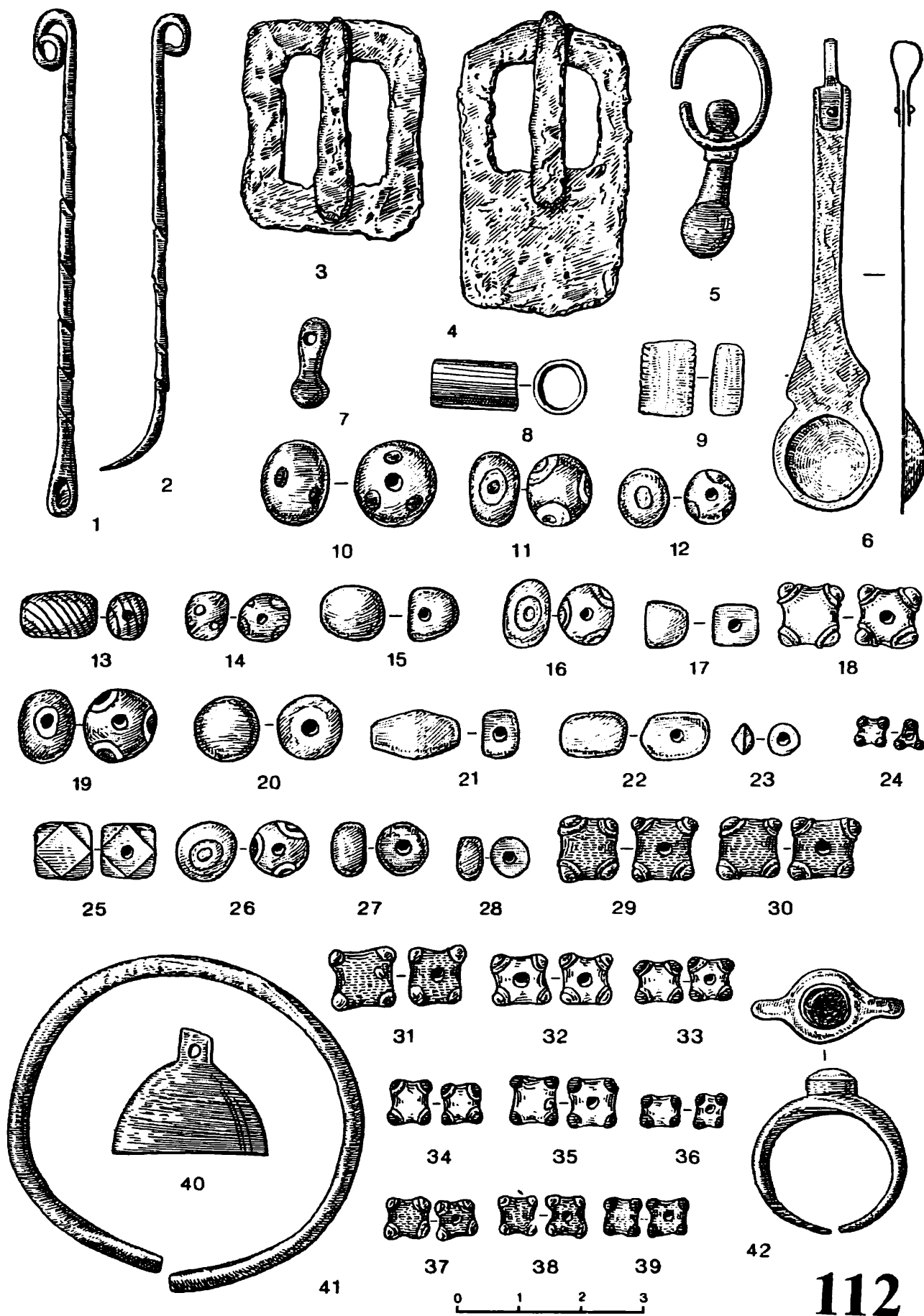

Рис. 123. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 112

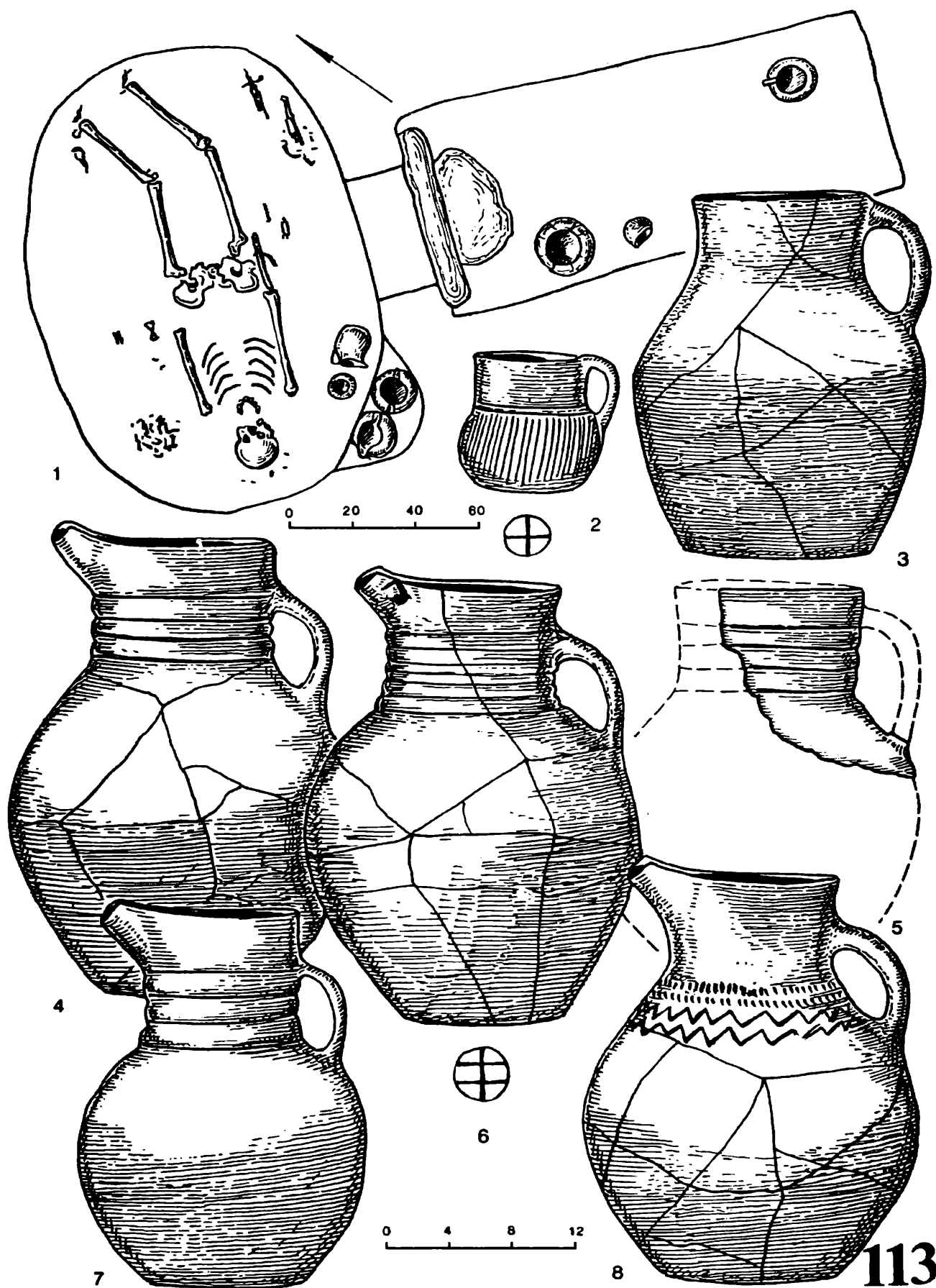

Рис. 124. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 113

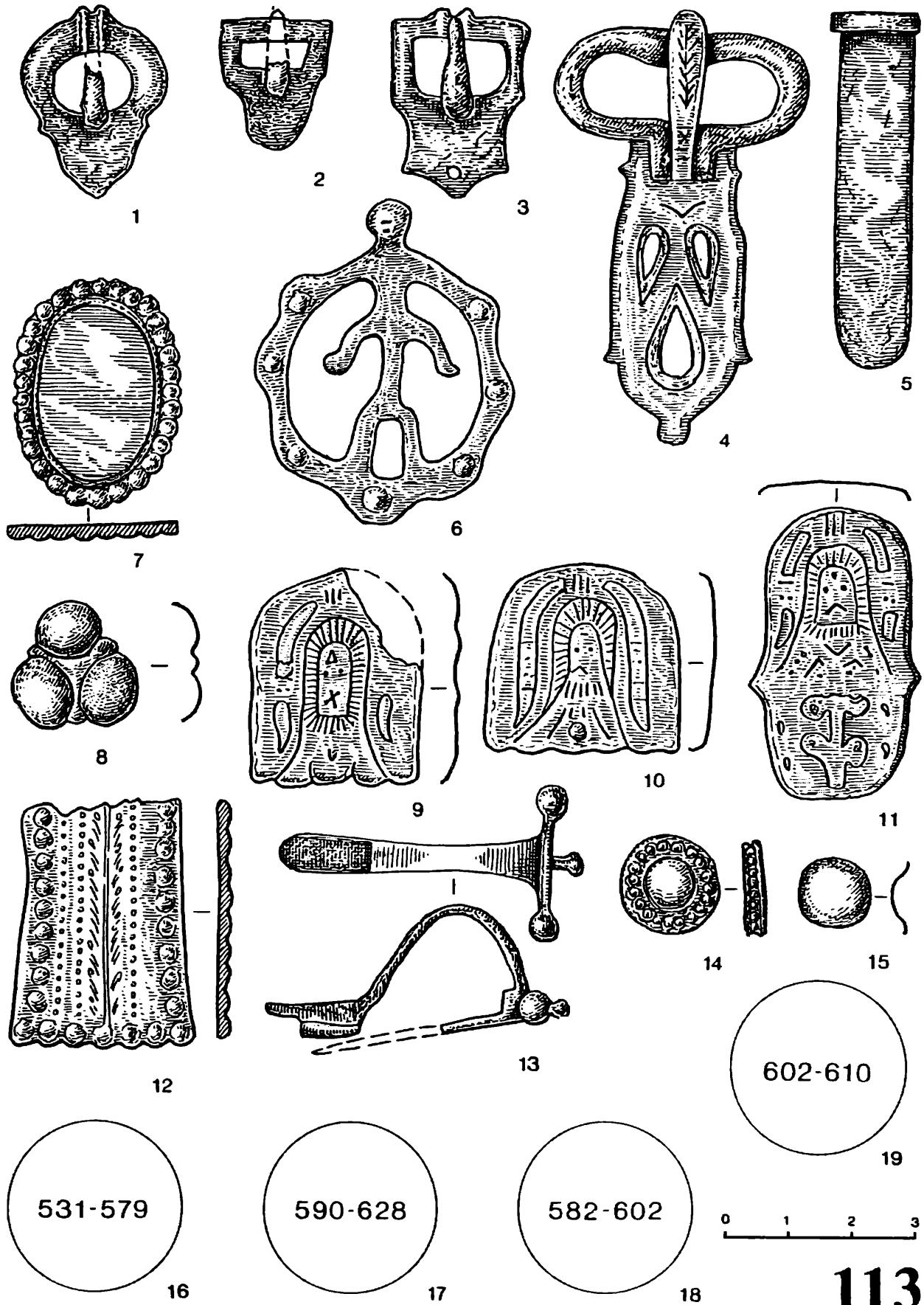
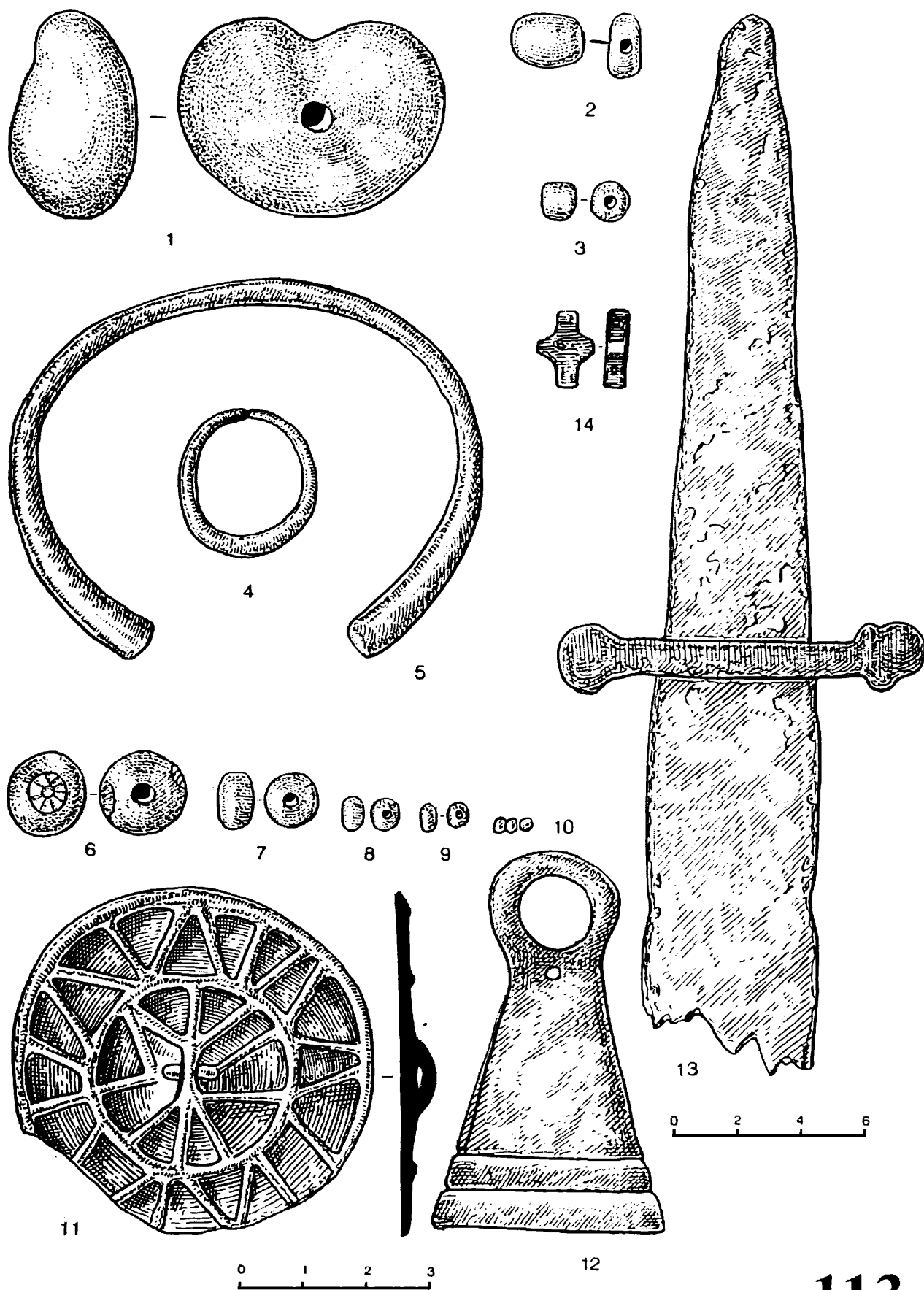

Рис. 125. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 113

113

Рис. 126. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 113

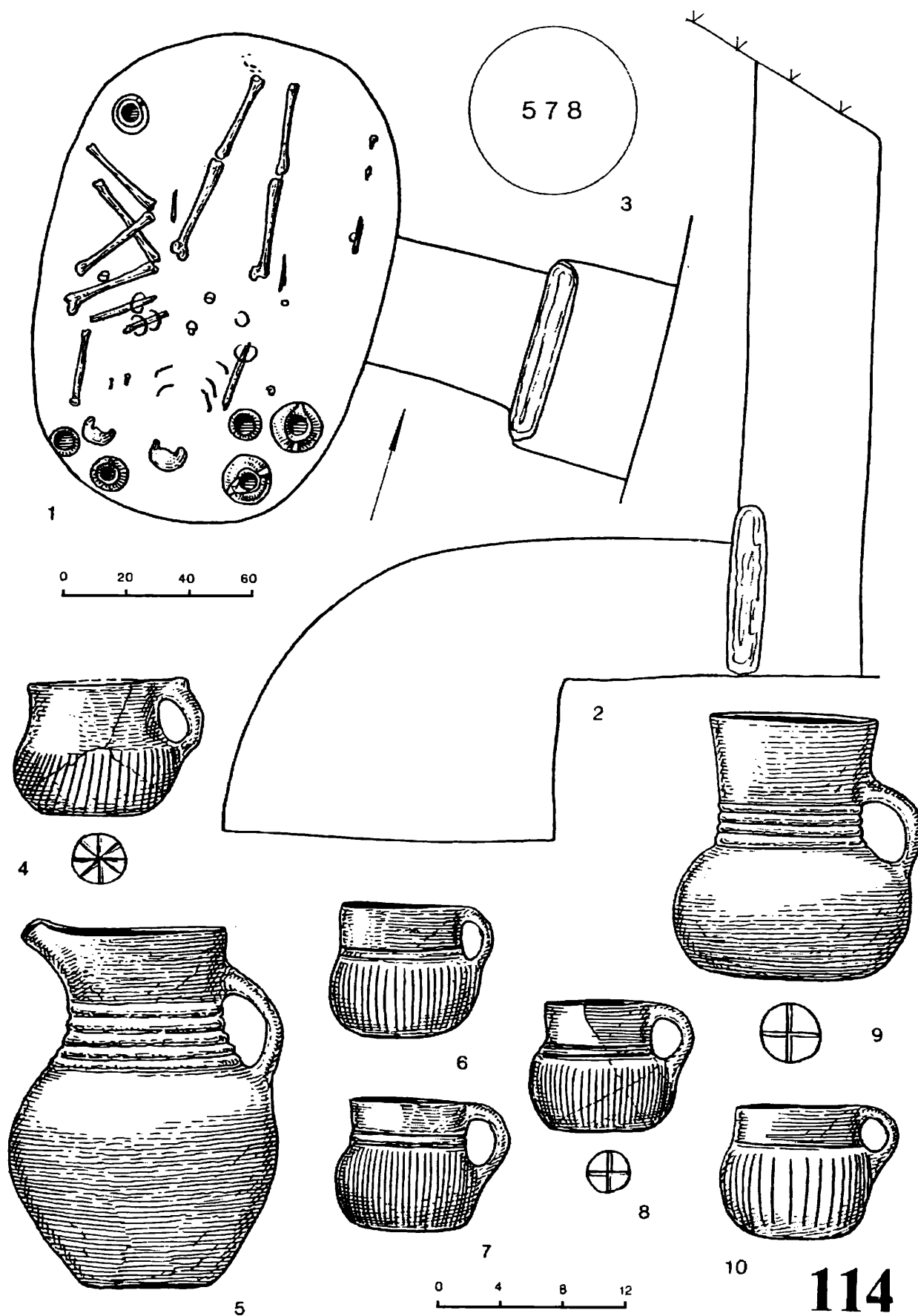

Рис. 127. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 114

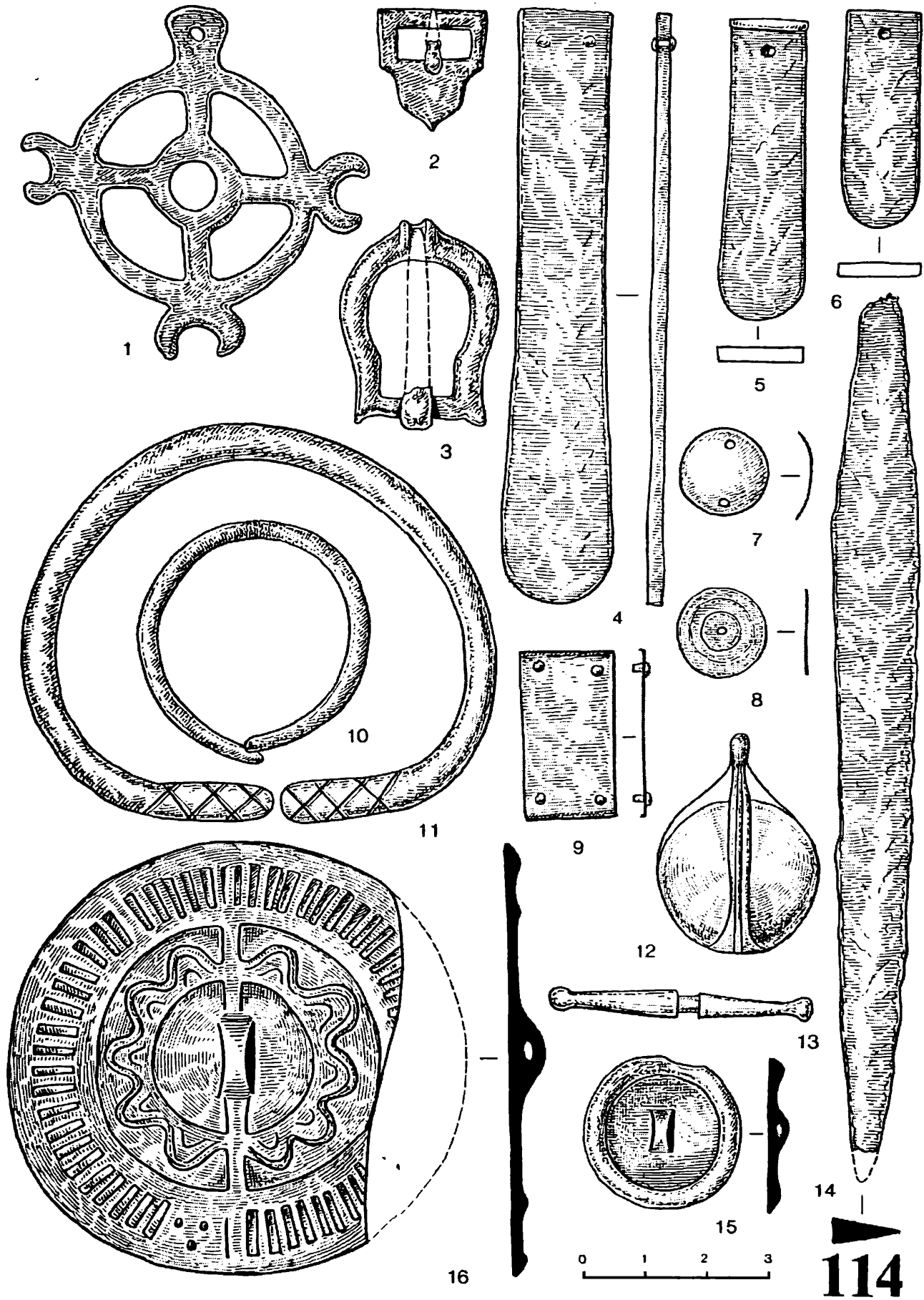

Рис. 128. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 114

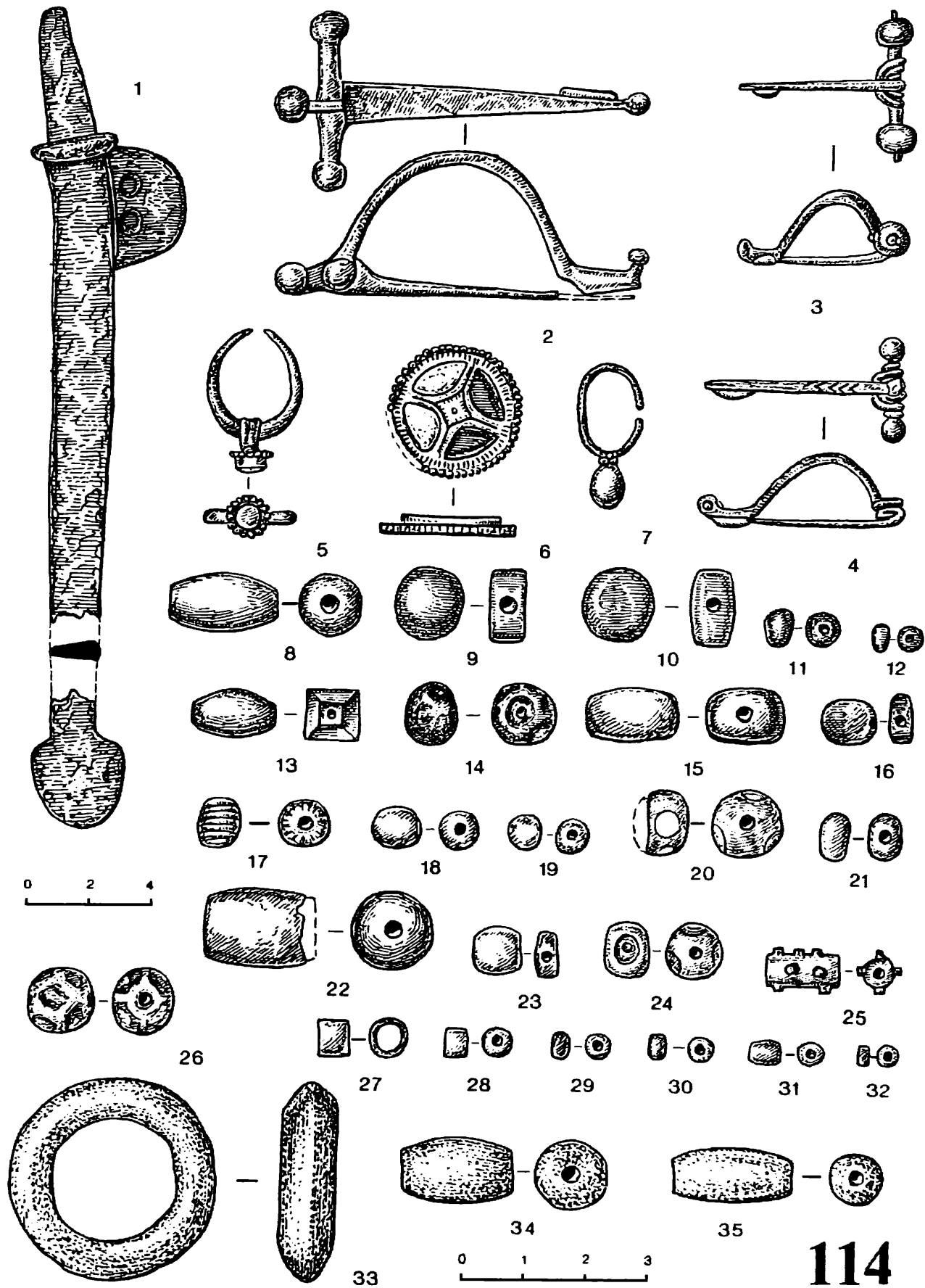

Рис. 129. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 114

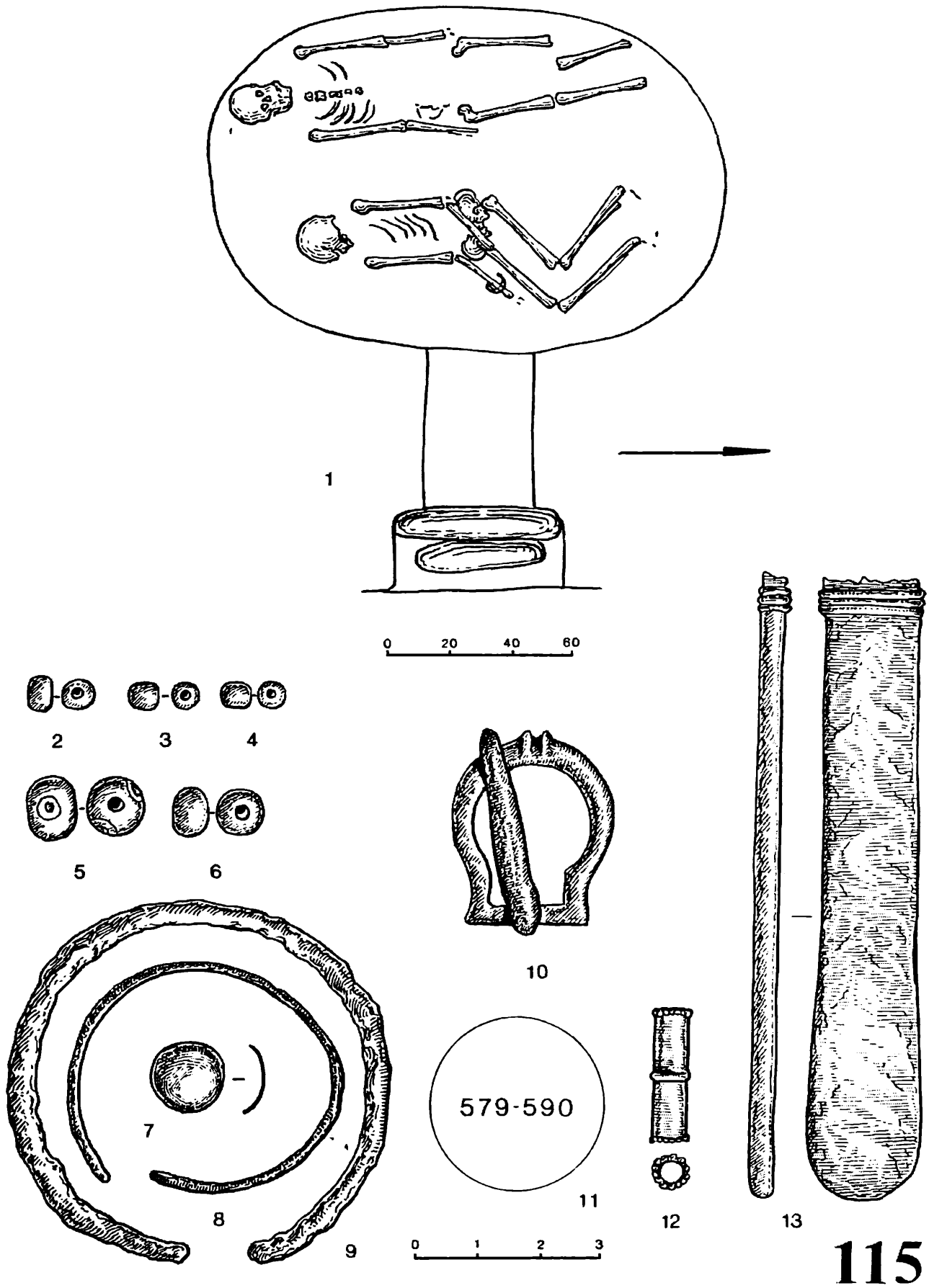

Рис. 130. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 115

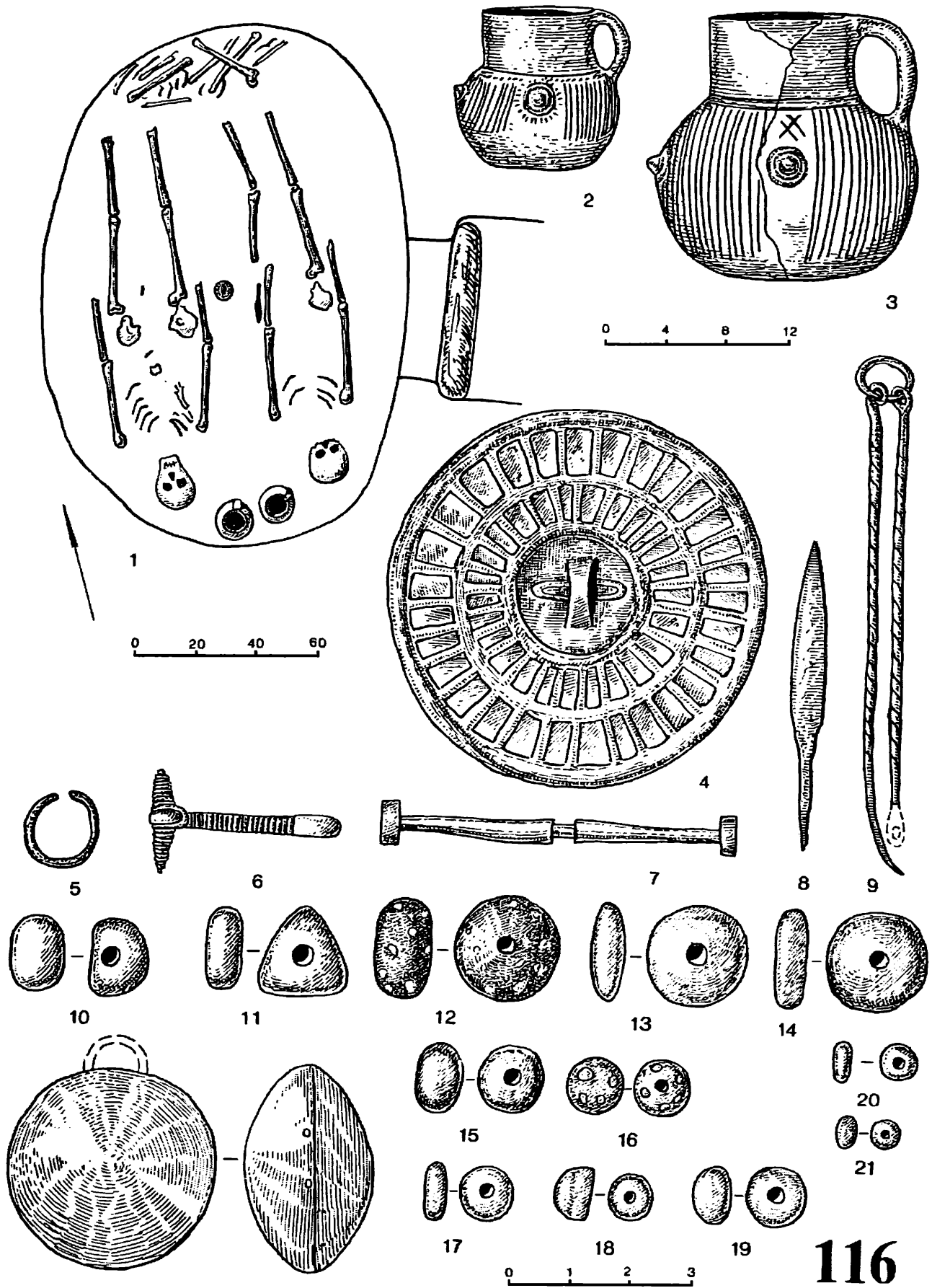

Рис. 131. Комплекс катакомбы 116

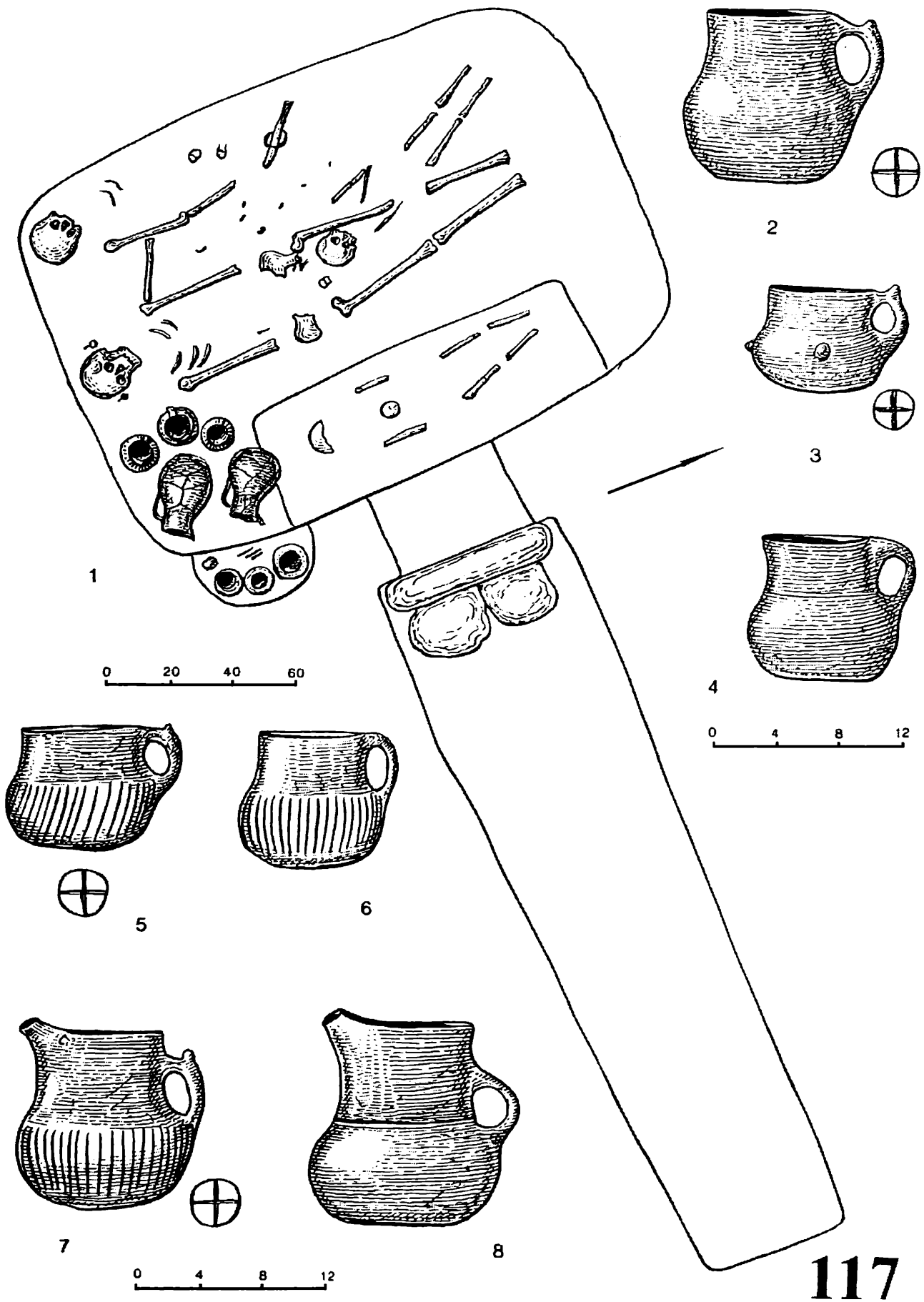

Рис. 132. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 117

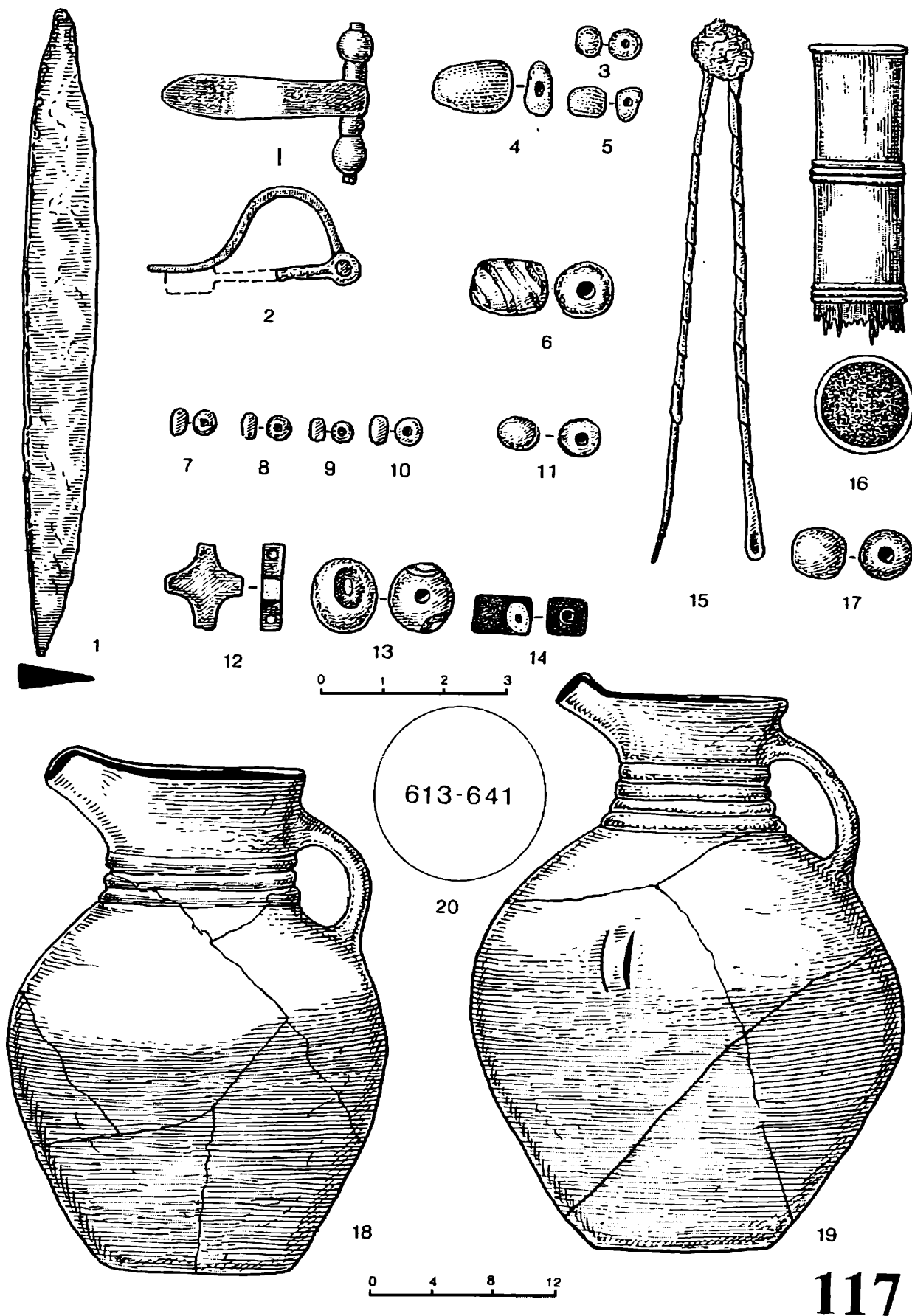
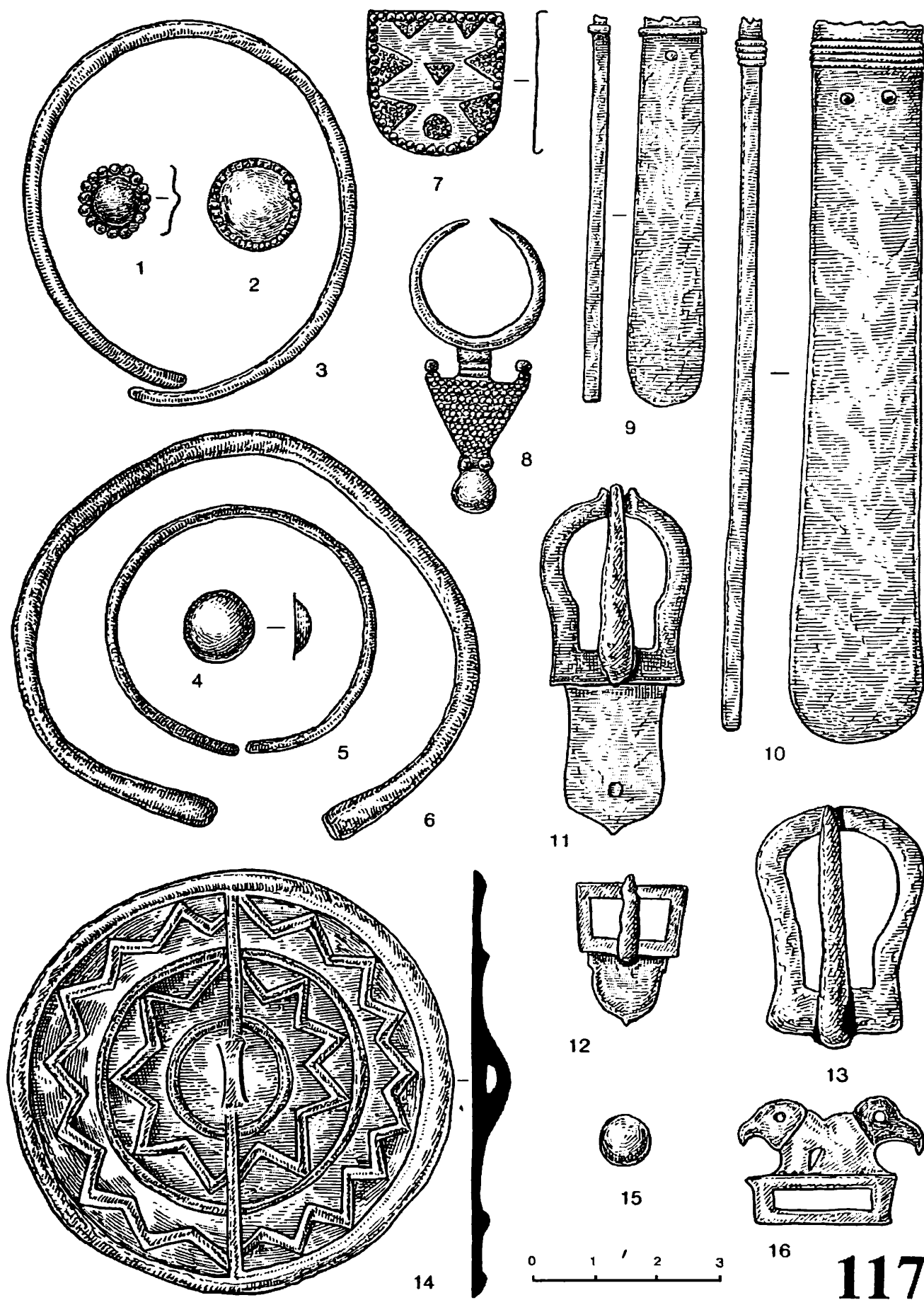

Рис. 133. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 117

117

Рис. 134. Комплекс второй четверти VII – рубежа VII–VIII вв. из катакомбы 117

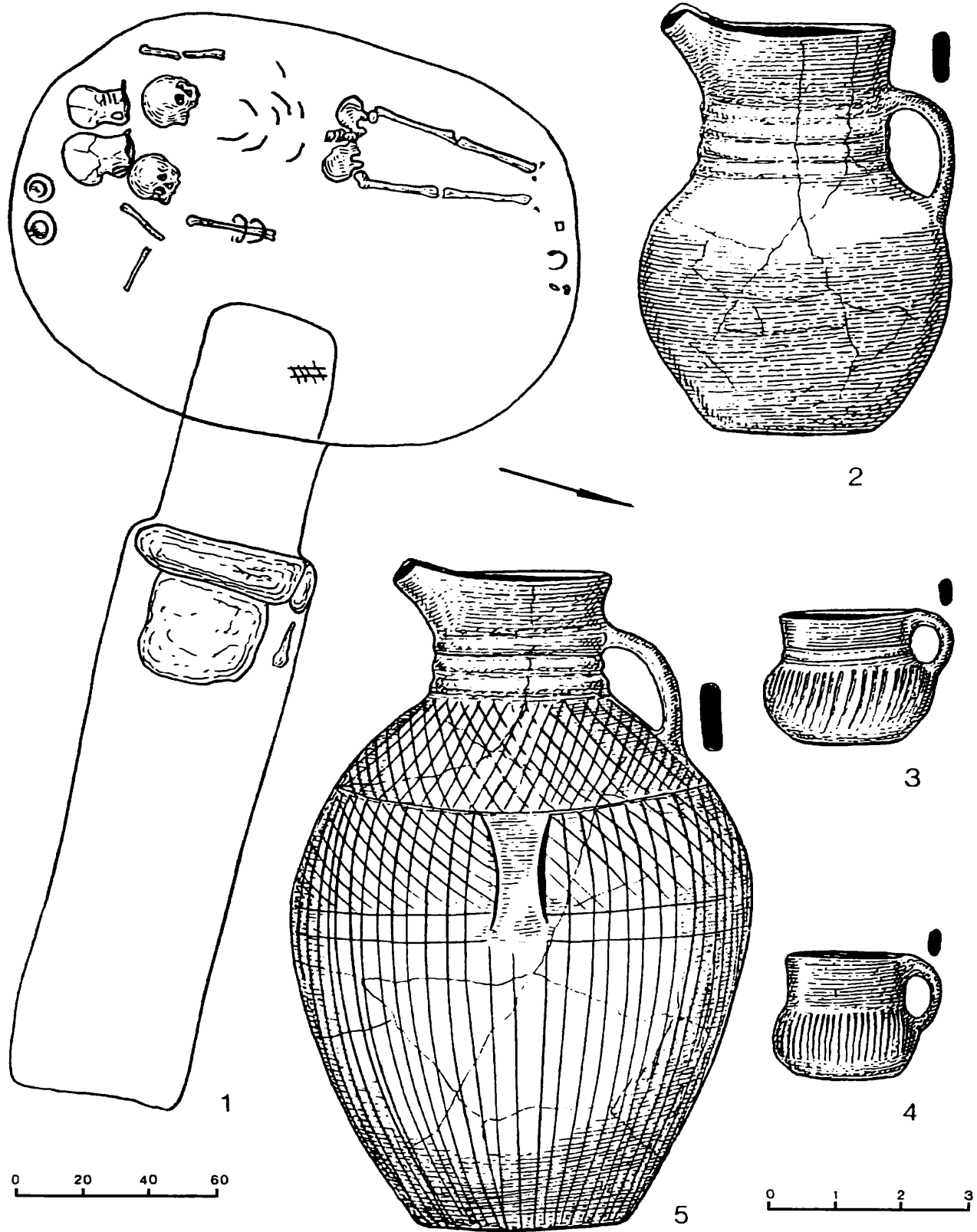
118

Рис. 135. Комплекс катакомбы 118

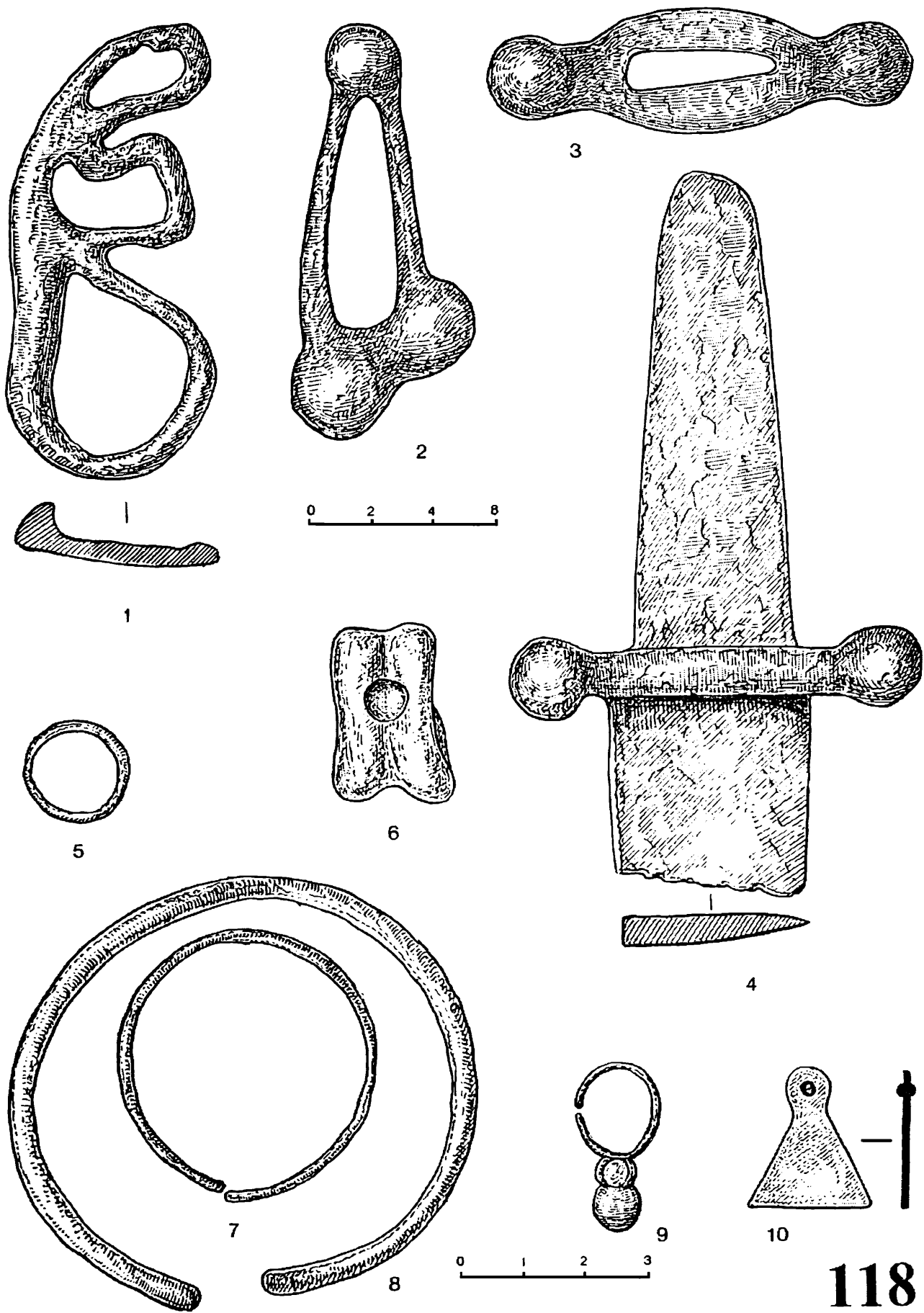

Рис. 136. Комплекс катакомбы 118

118

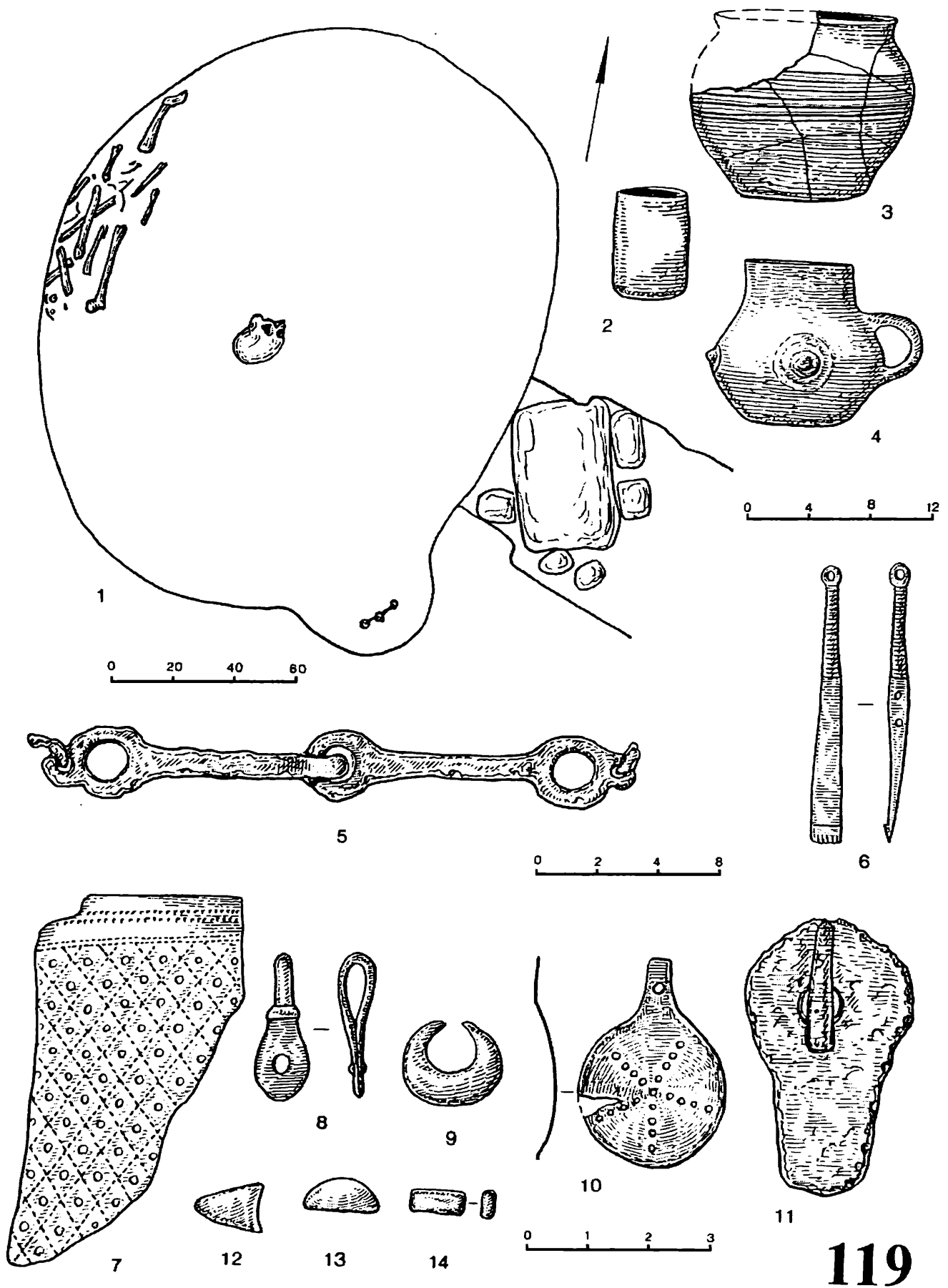

Рис. 137. Комплекс катакомбы 119

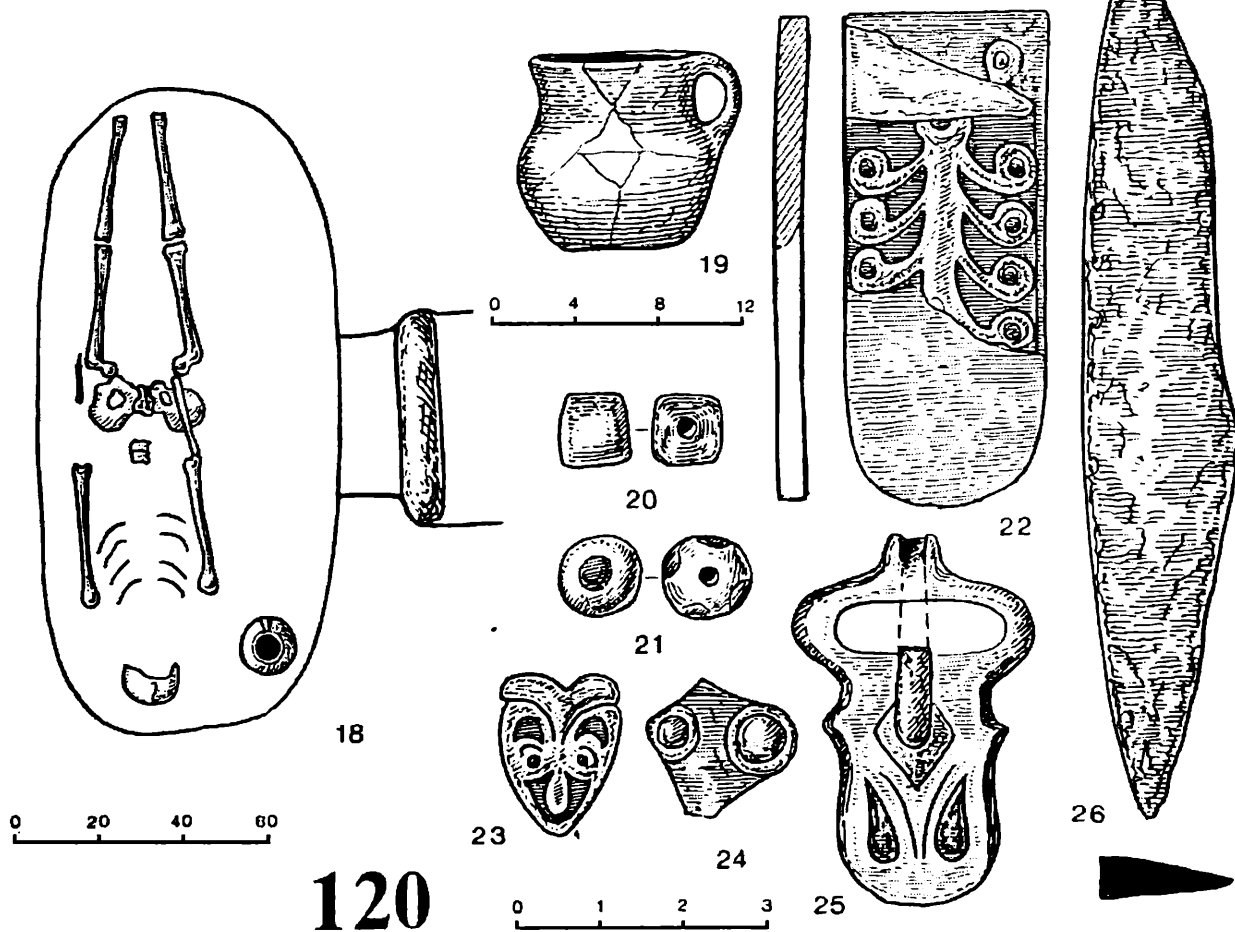
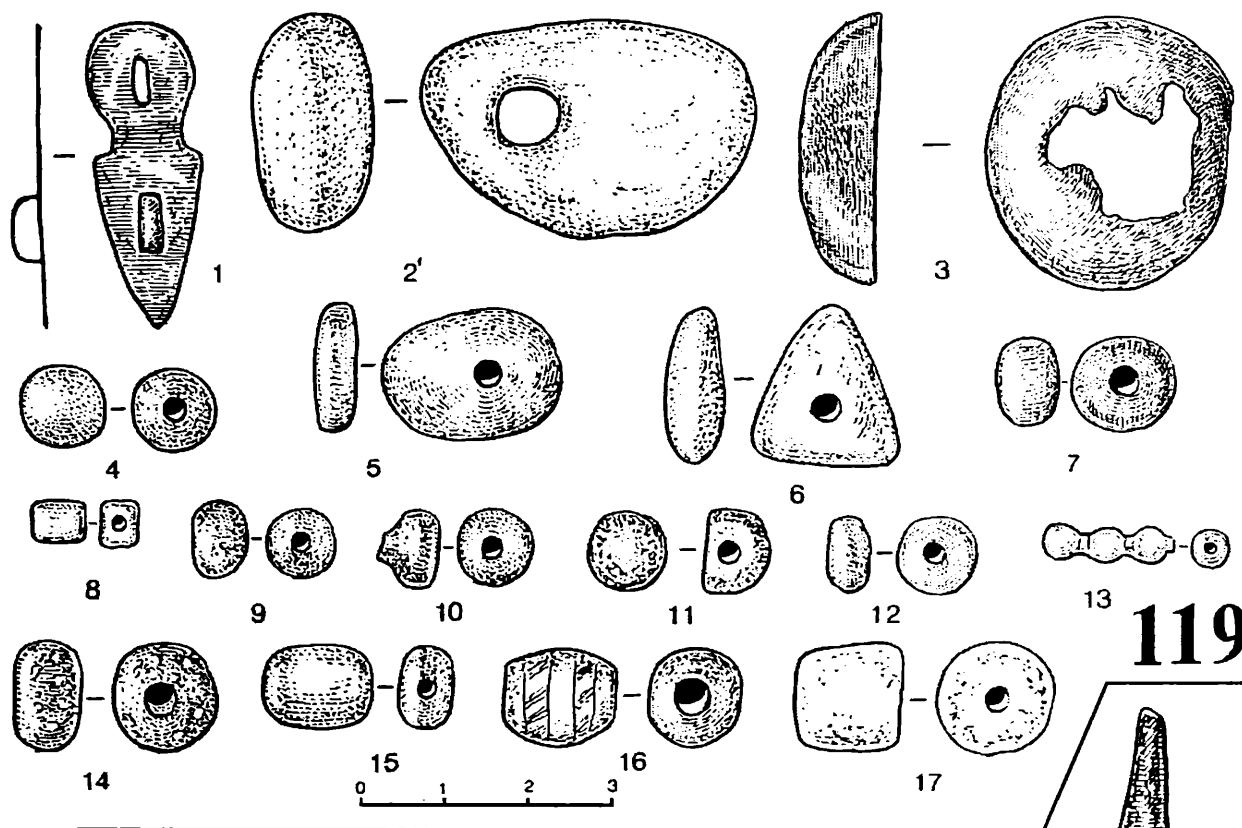

Рис. 138. Комплекс из катакомбы 119 и комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 120

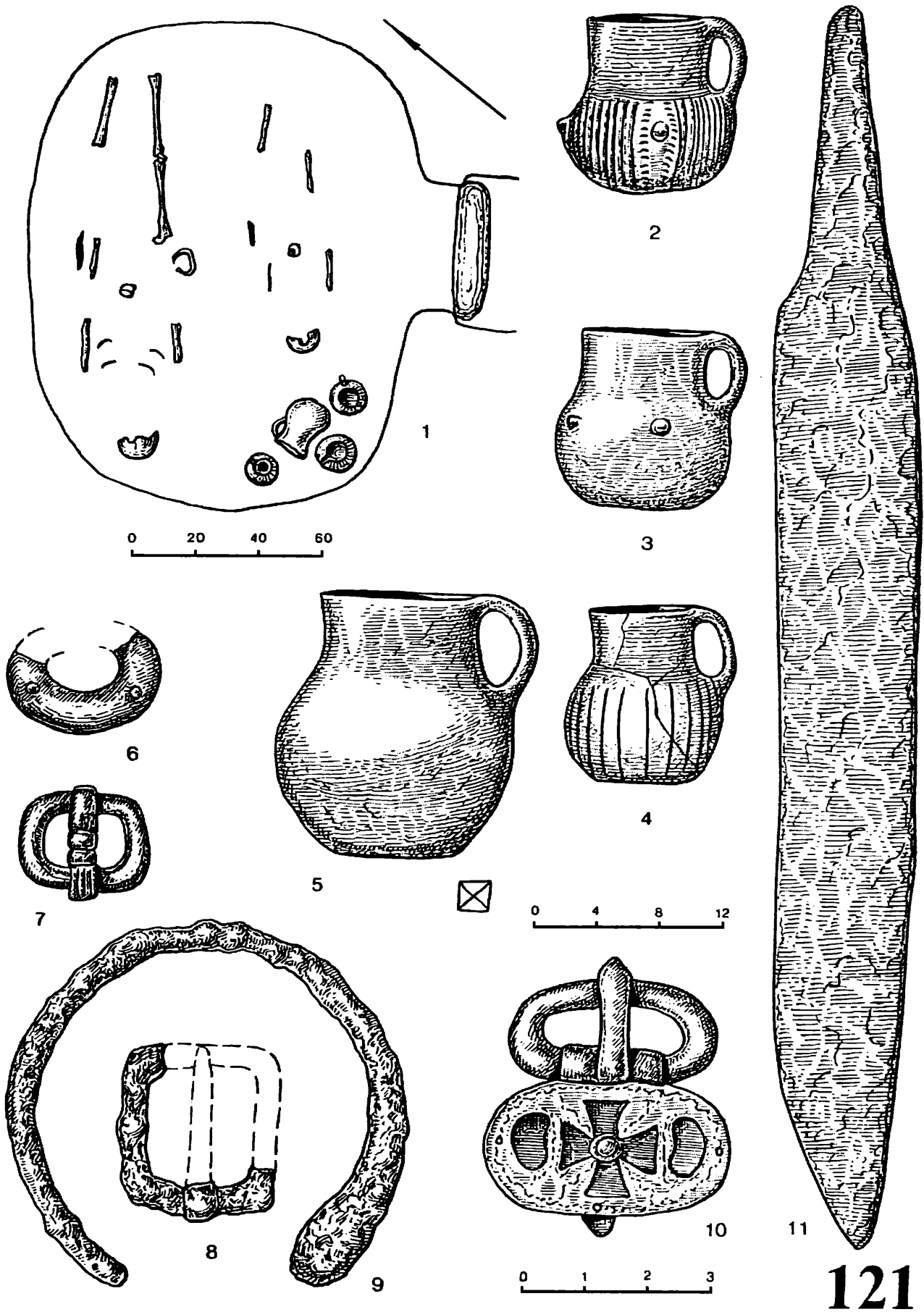

Рис. 139. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 121

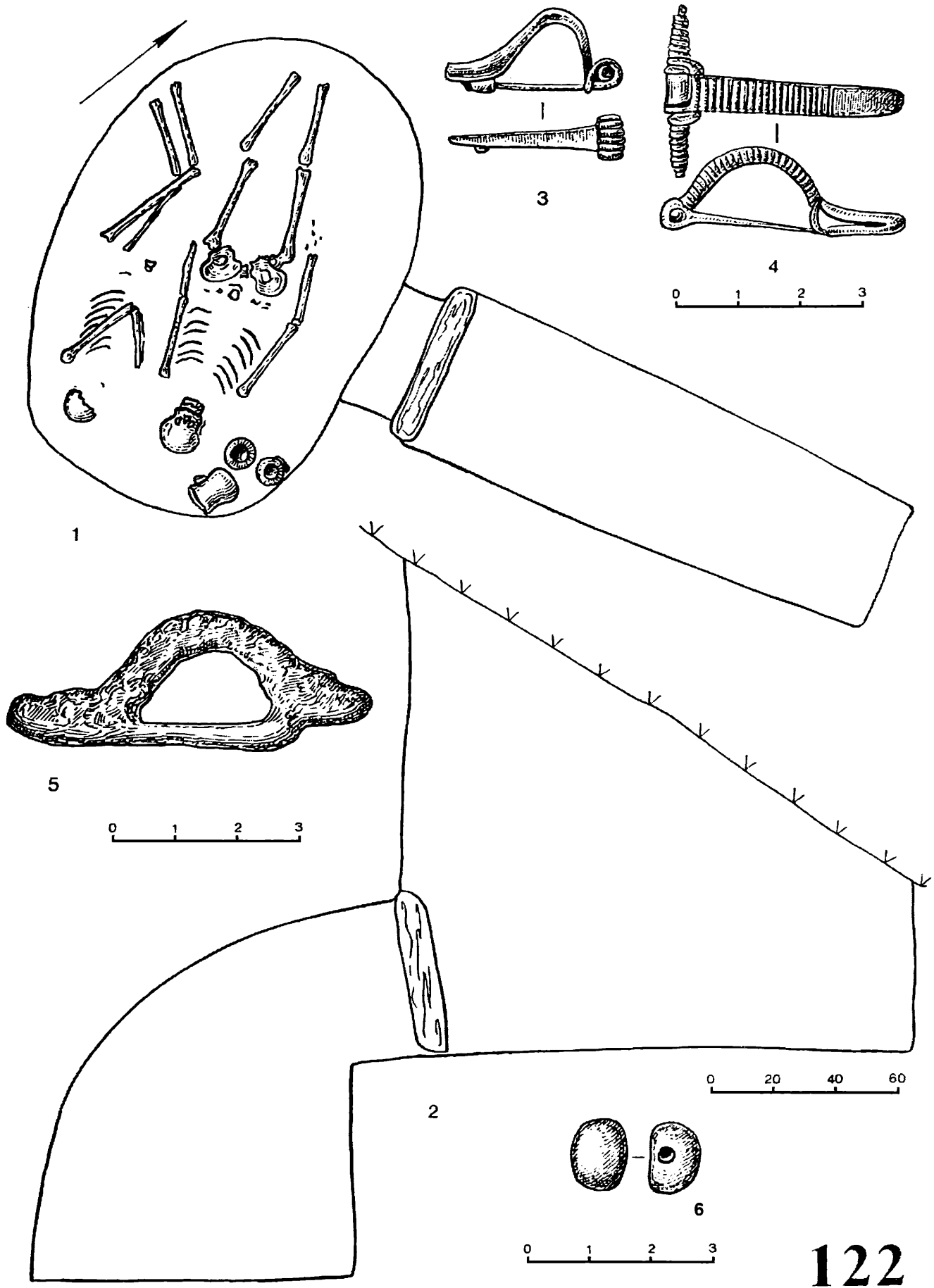

Рис. 140. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 122

122

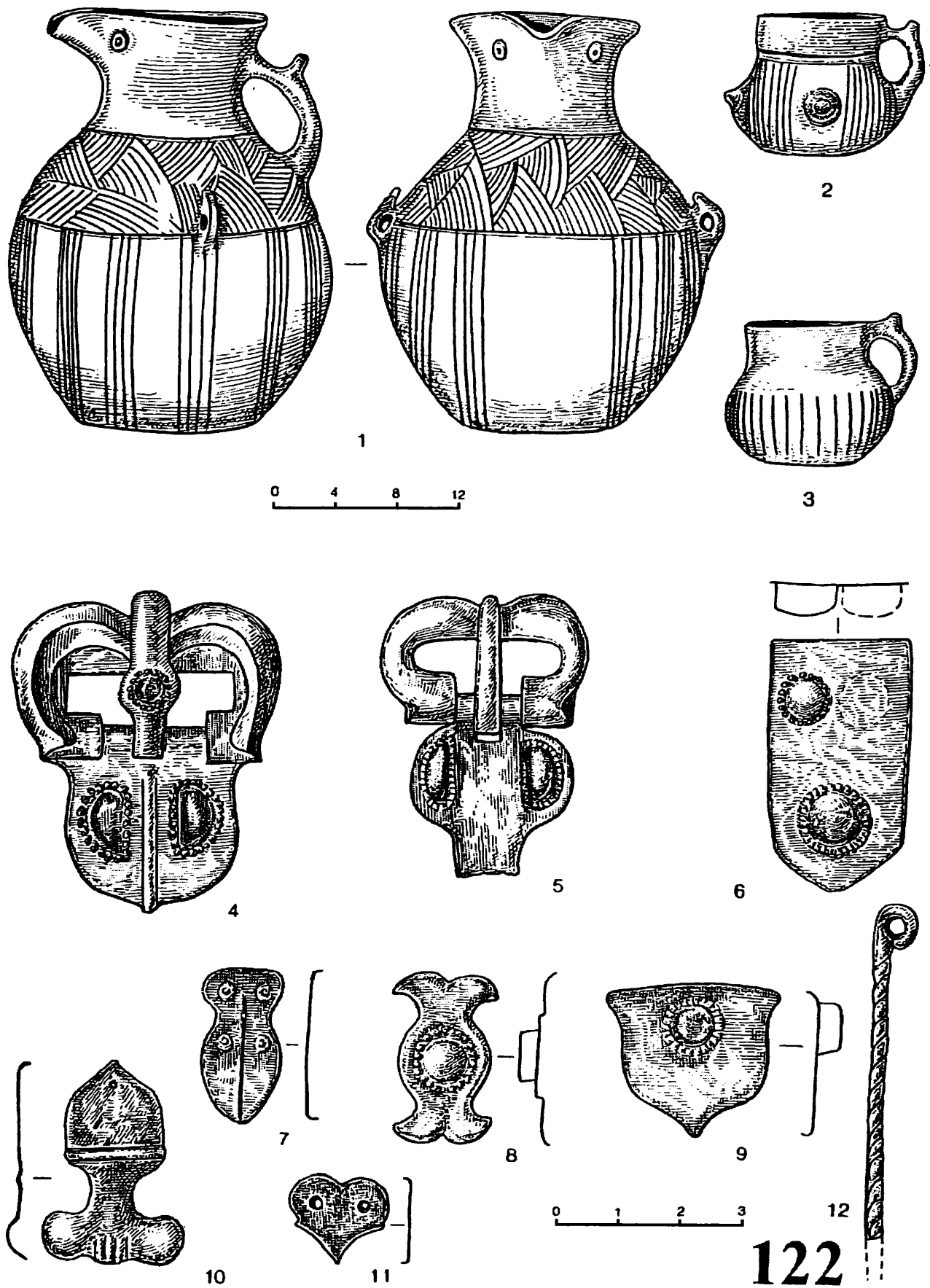

Рис. 141. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 122

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1973 ГОДА

На территории могильника Мокрая Балка 1 раскоп Г.Е. Афанасьева был прирезан с запада к раскопам 3 и 4 В.Б. Ковалевской с целью выяснения планировки и стратиграфии захоронений в центральной части могильника. На этой площади вскрыто 5 катакомбных усыпальниц, различных как по своему устройству, так и по времени.

Катакомба 1-а

Камера и дромос занимали квадраты В-2, В-3, Б-3 (рис. 142-1, 2). Усыпальница была обнаружена по дромосу, темный цвет которого четко выделялся на фоне материковой глины. Дромос начинался в северной стенке квадрата В-2 и шел с северо-востока на юго-запад. Прослеженная длина 2,36 м. При зачистке встретились остатки трех сосудов, находившихся в таком плохом состоянии, что взять их не представлялось возможным. Следует, однако, отметить, что один из них был типа корчаги с насечками по венчику, а второй – кувшинчик с коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками. Юго-западная часть дромоса увенчивалась плитой размерами 0,60×0,45×0,10 м. Ее подпирали несколько менее крупные камни. Входное отверстие длиной 0,40 м имело высоту 0,45 м. Сама камера имела длину 1,60 м, ширину 1,10 м, высоту 1,10 м. Дно камеры находилось на глубине 0,75 м от уровня входного отверстия. В восточном углу была устроена ниша, в которой стояли две глиняные кружки с коническими бугорками и ручками (рис. 142-13, 14). В юго-восточной части камеры стояла плохо сохранившаяся кружка с ручкой и коническими бугорками (рис. 142-12). Рядом с ней лежали ребра барана или козы, древесные угли и кусочек смоловидного вещества (рис. 142-3).

На дне камеры находились остатки трех костяков: детского (14–15 лет) и двух взрослых. Кости ребенка и одного взрослого сильно потревожены грызунами, так что их первоначальное положение установить не удалось. Второй взрослый костяк принадлежал, по-видимому, женщине. Она лежала вдоль юго-западной стенки на правом боку, с согнутыми в локтях руками и подогнутыми ногами. В районе височной части черепа найдены две бронзовые серьги в виде калачиков (рис. 142-6, 8). На шее бусы: плоская округлая янтарная (рис. 142-15), стеклянная мозаичная (рис. 142-16), 11 синих стеклянных шарообразных (рис. 142-17), синяя стеклянная неправильно-цилиндрическая (рис. 142-10), 57 бисеринок синего стекла (рис. 142-9). В районе грудной клетки находились две фибулы: железная (рис. 142-5) и бронзовая с железным язычком (рис. 142-4). В районе голени найдены железный нож (рис. 142-11) и бронзовая овальнорамчатая пряжка (рис. 142-7).

Катакомба 2-а

Камера занимала квадраты Б-1, В-1 и была обнаружена по темному пятну провала купола на фоне материковой глины. Дромос уходил в восточную стенку, за пределы раскопа, и имел прослеженную длину около 1,00 м и ширину у входной плиты 0,72 м (рис. 143-1, 2). Со стороны дромоса входную плиту подпирали камень, рядом с которым стоял плохо сохранившийся сосуд. Высота входного отверстия 0,60 м. Длинная ось усыпальницы ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, в длину камера имела 2,00 м, в ширину 1,10 м. Входное отверстие имело ширину 0,37 м. Дно камеры на 0,50 м ниже входа. Высота катакомбы 1,10 м.

У противоположной от входа стенки лежал на спине несколько изогнутый мужской костяк, головой на юго-восток. Правая рука – вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. Рядом с черепом лежали глиняная кружка с коническими бугорками (рис. 143-3), кусочек смоловидного вещества (рис. 143-7), железное шило (рис. 143-8) и кремневый отщеп. Последний не имеет на поверхности следов, позволяющих предполагать его использование в качестве кресала, и, видимо, попал в погребение случайно, при разрушении более древних слоев.

Перед правой ключицей лежали в куче несколько ремней, а также овальнорамчатая серебряная пряжка с литым геральдическим щитком (рис. 143-13), полукруглая бронзовая накладка со стеклянной вставкой (рис. 143-16), 7 штампованных бронзовых Х-образных накладок со стеклянными вставками (рис. 143-15), бронзовый наконечник от пояса (рис. 143-17). От мелких ремней сохранились 4 маленьких наконечника (рис. 143-11), антропоморфная бронзовая накладка (рис. 143-12), 3 круглые накладки со стеклянными вставками (рис. 143-18), круглая бронзовая штампованная накладка с концентрическими кругами (рис. 143-4).

Слева от входа лежали костяная подпружная пряжка (рис. 143-19), железный нож (рис. 143-9) и стеклянная вставка в бронзовой оправе на кусочке кожи (рис. 143-6). На ногах сохранились остатки обувных ремней: 6 круглых штампованных бронзовых накладок с концентрическими кругами (рис. 143-4), 2 круглые крупные бронзовые накладки (рис. 143-5), 2 овальные со стеклянными вставками (рис. 143-14) и одна штампованная прямоугольнорамчатая пряжка с литым геральдическим щитком (рис. 143-10).

Катакомба 3-а

Вскрыта в квадратах А-1, А-2, Б-1, Б-2. Ее провал в виде крупного черноземного пятна в глине был отчетливо виден в срезе южной бровки (рис. 7; 144-1, 2). В дромосе, имевшем длину до плиты 1,20 м и ширину 0,66 м, никаких предметов обнаружено не было. Длина входного лаза 0,60 м. Пол камеры находился на 0,61 м ниже уровня входа. Высота камеры 1,20 м. Катакомба была ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток и имела в длину 2,10 м. Ширина камеры в юго-восточной части 1,20 м, в северо-западной – 0,90 м. В восточной части камеры была устроена ниша шириной 0,64 м и глубиной 0,40 м. Здесь сто-

яли два сосуда – кувшин с двумя ручками на тулове (рис. 145-1) и кружка с клеймом на дне (рис. 145-2). Вторая ниша была устроена в южной стенке и имела ширину 0,75 м и глубину 1,00 м. Никаких предметов в ней не обнаружено. На дне катакомбы лежал мужской костяк – на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и перекрещенными в голених ногами, головой на юго-восток. Череп лежал на правом боку. К востоку от черепа найдены железный нож (рис. 144-8), железный наконечник стрелы (рис. 145-3) и крупная серебряная пряжка с зооморфным язычком (рис. 144-4). В верхней части левой бедренной кости находились две бронзовые пряжки (рис. 144-6, 7). Еще одна пряжка лежала у ключицы (рис. 144-5). Около коленной чашечки правой ноги найдена бронзовая накладка со стеклянной вставкой (рис. 144-3) на кожаном ремешке. Длина костяка 1,60 м.

Катакомба 4-а

Располагалась на пересечении квадратов А-3-4 и Б-3-4. Дромос камеры был прослежен начиная от входной плиты на 1,00 м, а дальше уходил на юг, под бровку (рис. 145-1, 2). Перед входной плитой (0,48×0,50×0,12 м) стояла раздавленная кружка с коническими бугорками и вертикальными лощеными полосками (рис. 146-3). Лаз в катакомбу (длиной 0,55 м) находился на 0,15 м выше уровня пола камеры. Усыпальница имела в плане форму, близкую к овалу (1,85×1,10 м), вытянутому по линии юго-запад-запад – северо-восток. Высота камеры 0,75 м. На дне лежали два костяка. Первый принадлежал ребенку. Его рост 0,75 м. На груди найдены 2 мозаичные бусины (рис. 145-6, 7), 8 синих мелких стеклянных (рис. 145-10), 1 синяя стеклянная цилиндрическая (рис. 145-9), 1 синяя стеклянная двойная (рис. 145-8), а также железное шило (рис. 145-12). У головы стояла кружка с коническими бугорками (рис. 146-1). Вторым костяк – взрослый – лежал также на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. На поясе найдена овальнорамчатая железная пряжка (рис. 145-11), а у северной стенки – нож (рис. 145-13). Здесь же стояли две кружки (рис. 146-2, 4); одна из них того же типа, что и в дромосе, с клеймом на дне (рис. 146-4).

Катакомба 5-а

Располагалась в квадратах Б-3-4, В-3-4. Дромос длиной более 2,25 м уходил в западную стен-

ку раскопа (рис. 147-1, 2). В дромосе перед входной плитой обнаружены два раздавленных сосуда: кувшинчик с клеймом на дне (рис. 147-4) и кружка (рис. 147-5). Входная плита находилась на расстоянии 0,55 м от камеры и имела размеры 0,46×0,72×0,08 м. Камера овальной формы имела длину 2,30 м и ширину 1,10 м. В северо-восточной стенке была устроена ниша, в которой стоял сосуд типа кружки, с клеймом на дне (рис. 147-3). Глубина ниши 0,25 м. Дно камеры находилось на глубине 0,90 м от дна дромоса. Высота камеры 1,70 м. На дне усыпальницы обнаружены два костяка. Первый, видимо мужской, лежал на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми вдоль туловища руками и перекрещенными в голенях ногами. На правой руке находился железный браслет (рис. 146-16), в районе таза – железный нож (рис. 146-17) и овальнорамчатая железная пряжка (рис. 146-21).

Второй костяк, женский, лежал на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, причем кисть левой находилась перед лицевой частью черепа, а правая – несколько ниже. На обеих руках бронзовые браслеты (рис. 146-8, 22), на черепе – литые бронзовые пуговицы (рис. 146-15). Около правого виска – бронзовая серьга (рис. 146-14). Такая же серьга, видимо, упавшая с левого виска, найдена около нижней челюсти. В области грудной клетки обнаружены две бронзовые фибулы (рис. 147-6, 7) и бусы: 12 шарообразных сердоликовых (рис. 146-10), 5 тройных стеклянных с золотой прокладкой (рис. 146-7), 8 таких же двойных (рис. 146-5) и 15 таких же одинарных (рис. 146-6). В области таза найдены: 29 глазчатых бусин с основой желтого цвета, глазками светло-зеленого и каплей темно-зеленого цвета (рис. 146-11), 30 глазчатых голубовато-желтых, обесцвеченных пастовых бусин, на темно-синей основе которых – желтые глазки с красной и голубой каплей (рис. 146-18), 1 пастовая бледно-голубого цвета (рис. 146-12), 13 полосатых с темно-синей основой и желтыми полосками (рис. 146-19), 48 голубых стеклянных (рис. 146-9). Между костяками лежало серебряное зеркало (рис. 146-20).

Катакомба 1-а-а*

Открыта в нижней части могильника по дромосу, хорошо заметному в срезе дороги после дож-

дя. Дромос шириной 0,70 м, сделанный в глине, был прослежен на 1,85 м, вплоть до входного отверстия (рис. 148-1, 2). В дромосе обнаружены две плиты. Одна стояла на ребре перпендикулярно входному отверстию, другая лежала плашмя. Третья плита, закрывавшая входное отверстие, находилась на дне катакомбы. Камера (длиной 1,95 м, шириной 1,40 м, высотой 0,87 м) была вырублена наполовину в глине, наполовину в твердой материковой скале – доломите. Дно камеры находилось на 0,37 м ниже дна дромоса. По всему было видно, что камера подвергалась ограблению еще в древности. В разных местах камеры были найдены: железный нож (рис. 148-6), серьга с бронзовым кольцом и серебряной подвеской (рис. 148-5), бусинка с желтой основой и зелеными глазками (рис. 148-3), 3 стеклянные бусины с золотистой металлической прокладкой (рис. 148-4).

Катакомба 2-а-а

Это погребение названо катакомбой условно, так как от него сохранилась только могильная яма, находившаяся прямо на дороге, проходившей через могильник. Длина могильной ямы 1,80 м, ширина 2,00 м (рис. 149-1). Длинная ось погребения ориентирована по линии север – юг. Костяк лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юг. У правой руки лежал на боку грубый закопченный бытовой горшок. Судя по чрезвычайной бедности погребения, покойник принадлежал, видимо, к самой низшей социальной группе населения, оставившего могильник.

Катакомба 3-а-а

Вскрыта в южной части могильника, на расстоянии 15 м от поворота дороги, на ее краю. Верхняя ее часть была полностью снесена. Камера длиной 1,85 м, шириной 1,10 м и глубиной от дна дромоса 0,50 м (рис. 149-2, 3) подвергалась ограблению, поэтому установить положение костяков не представилось возможным. Можно лишь отметить, что в ней были погребены по меньшей мере трое. Погребальный инвентарь представлен одной костяной пряжкой с железным язычком (рис. 149-4).

* Следующие три катакомбы были доследованы в промоинах дороги. Их порядковому номеру придан еще один индекс «а».

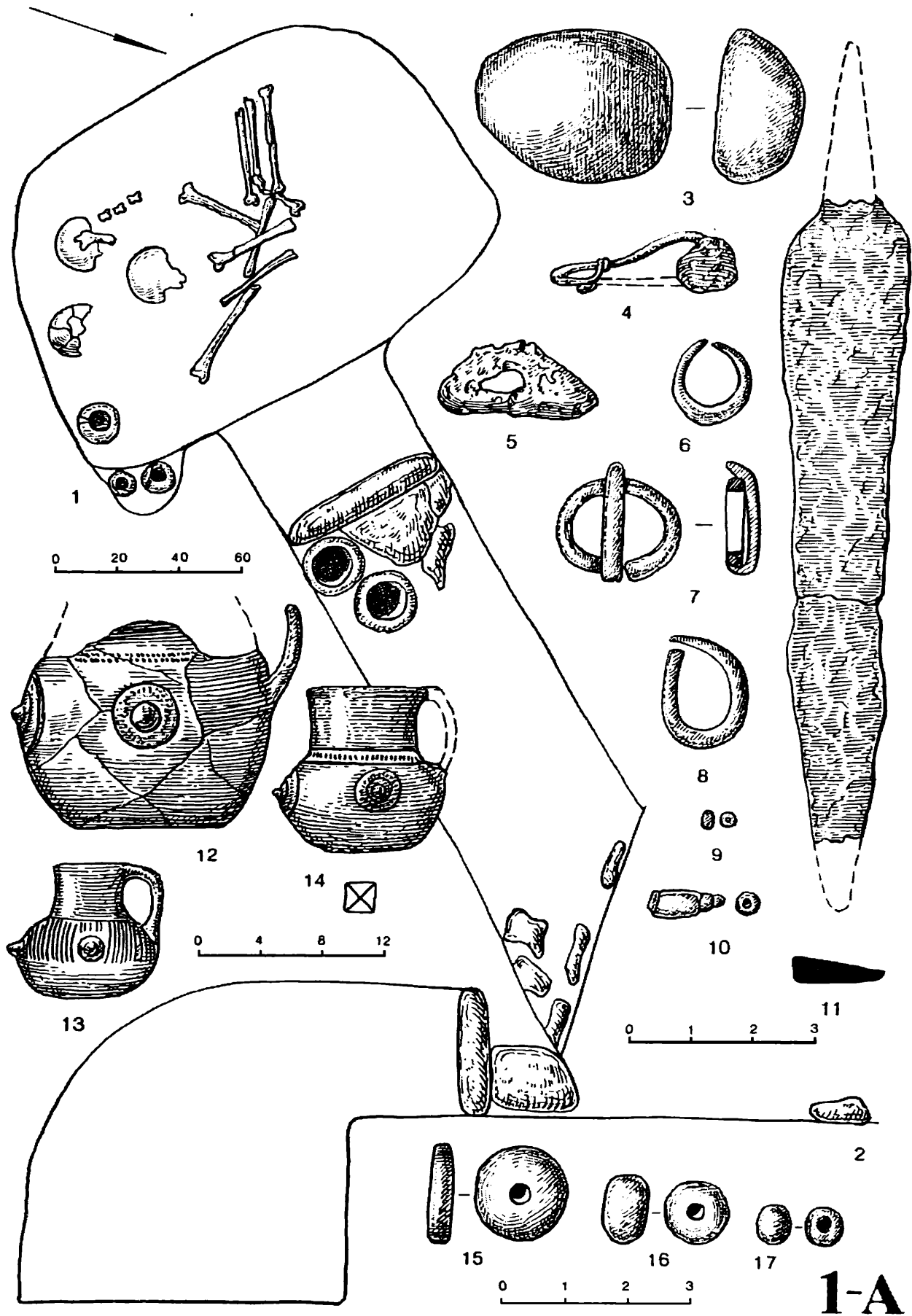

Рис. 142. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 1-а

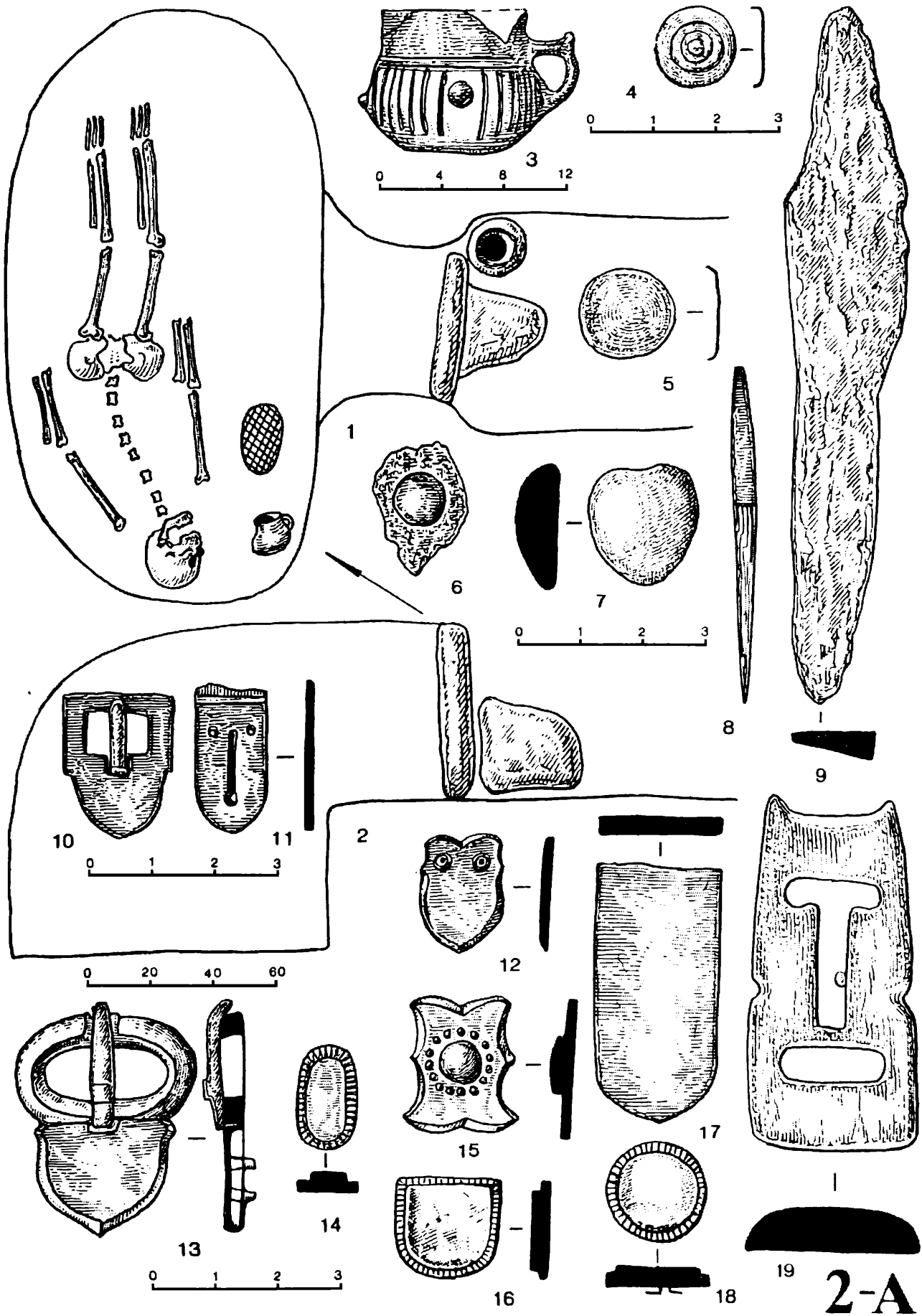

Рис. 143. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 2-а

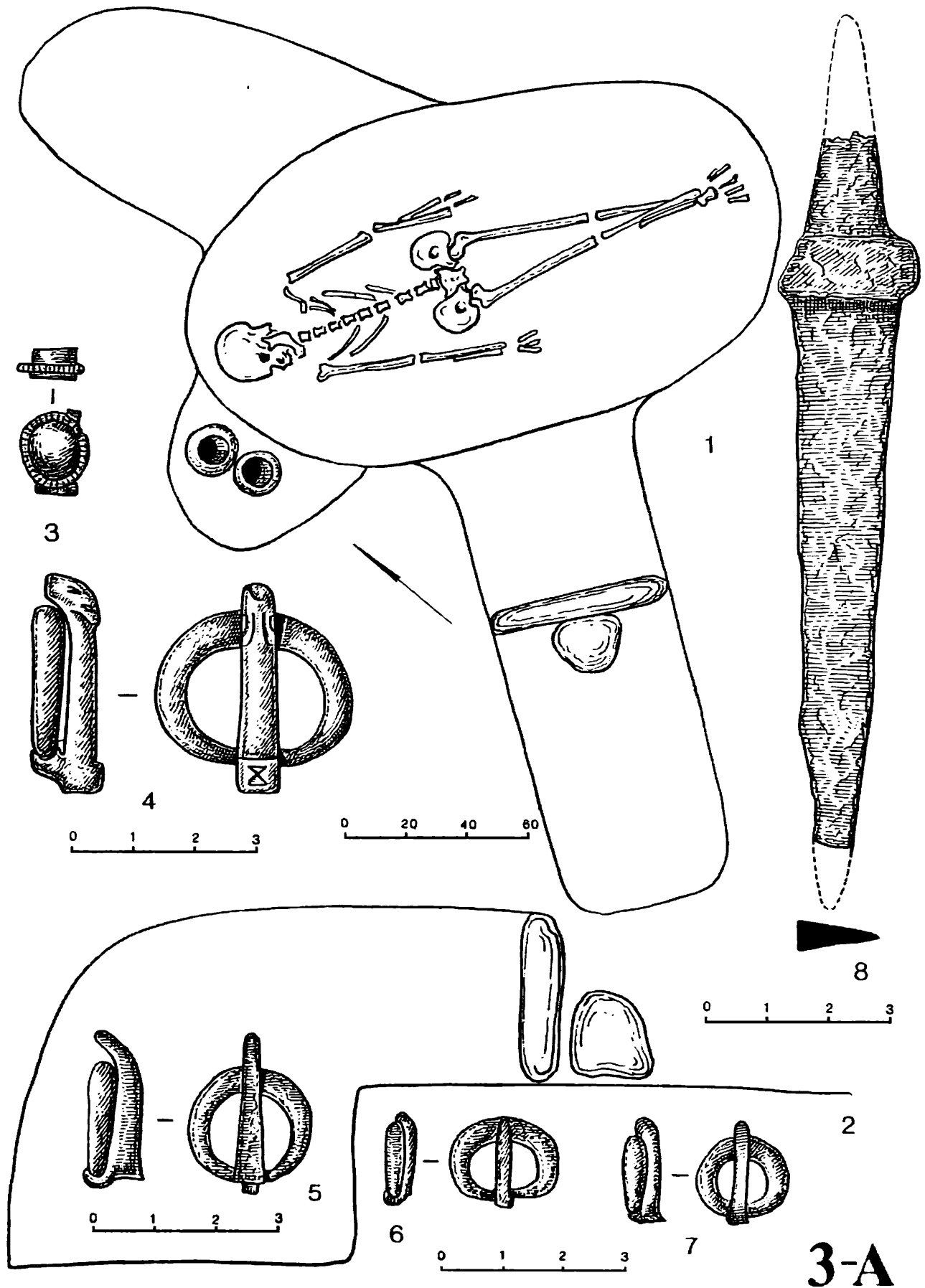

Рис. 144. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 3-а

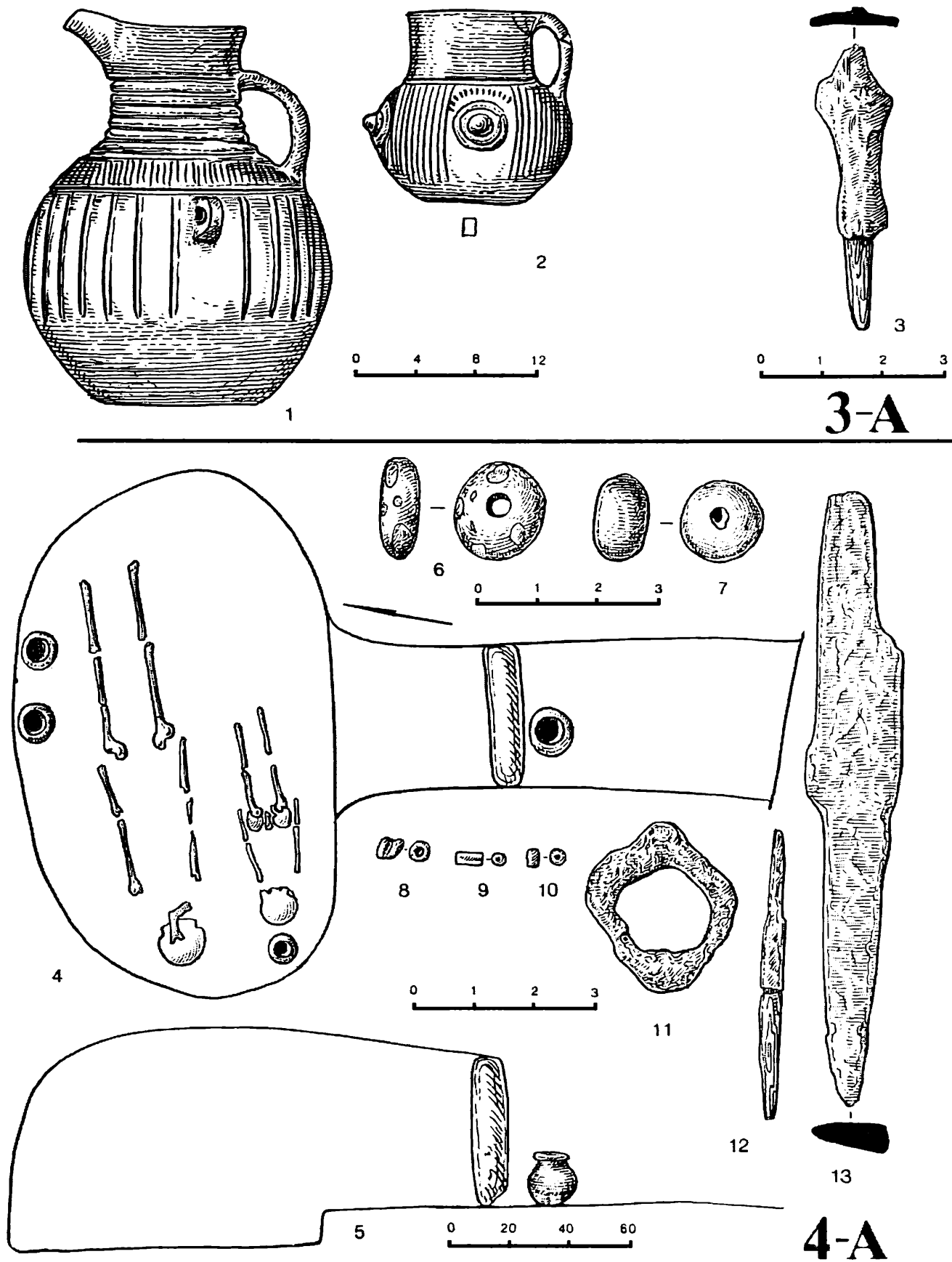

Рис. 145. Комплексы второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 3-а и катакомбы 4-а

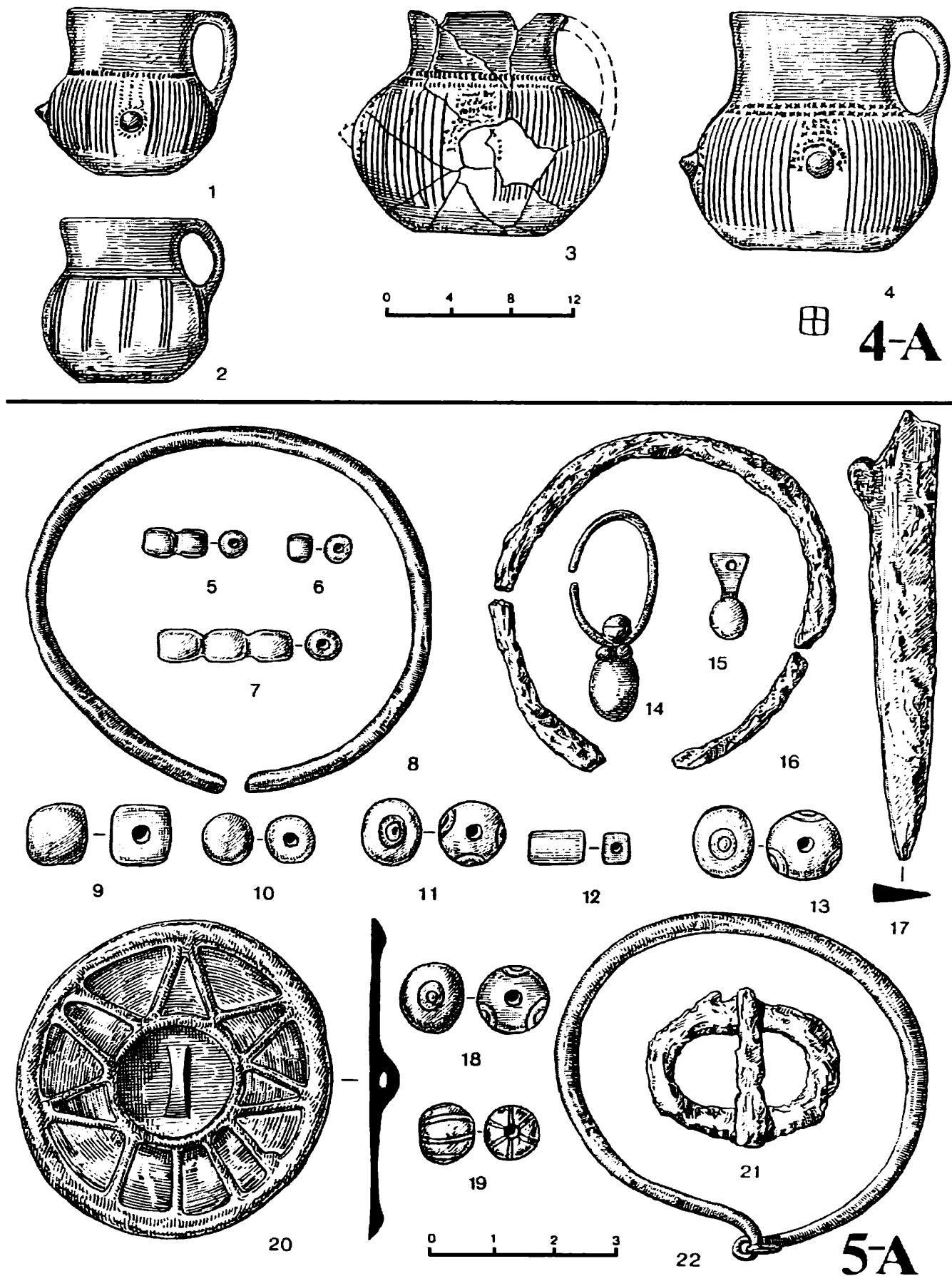

Рис. 146. Комплексы второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 4-а и первой половины VIII в. из катакомбы 5-а

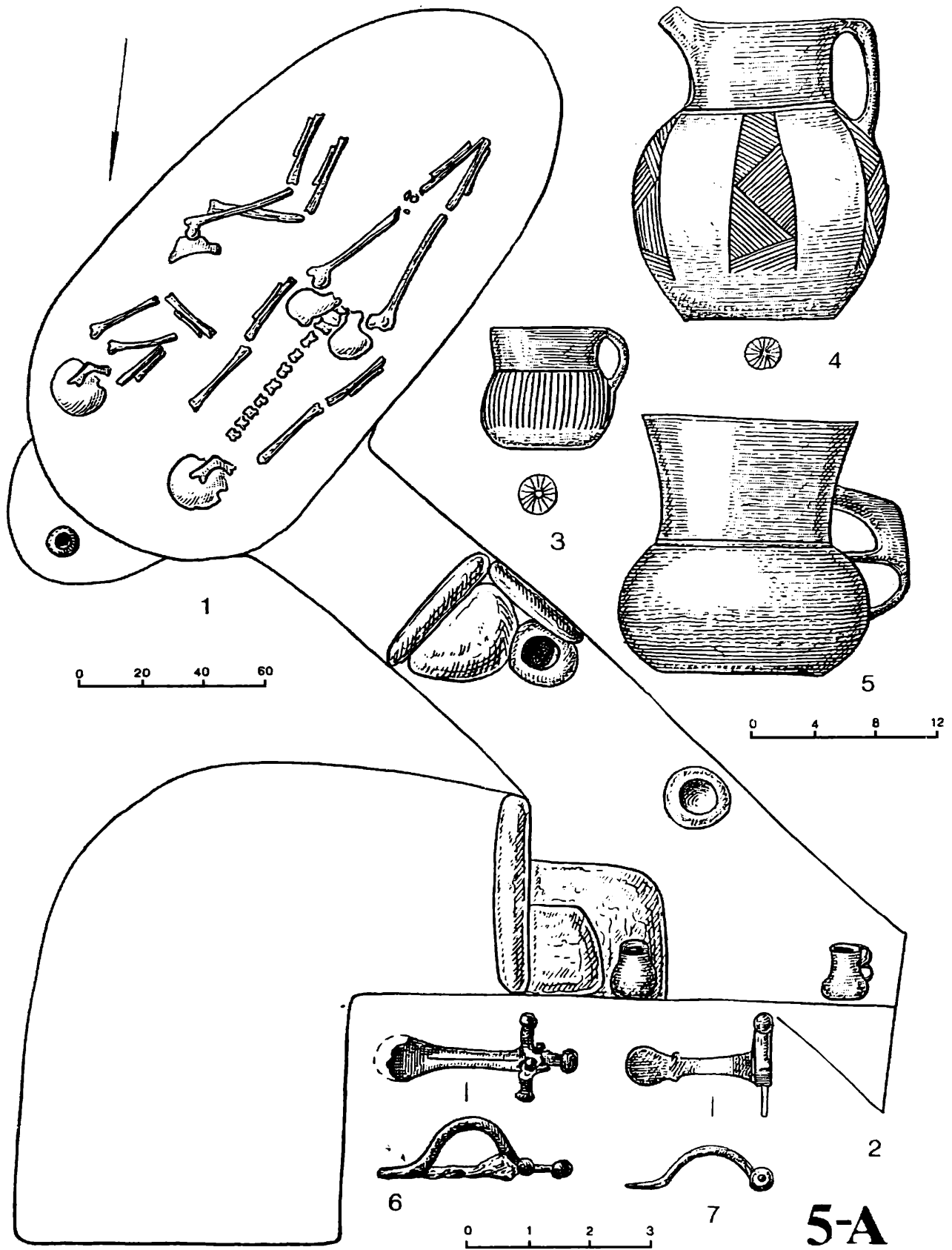

Рис. 147. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 5-а

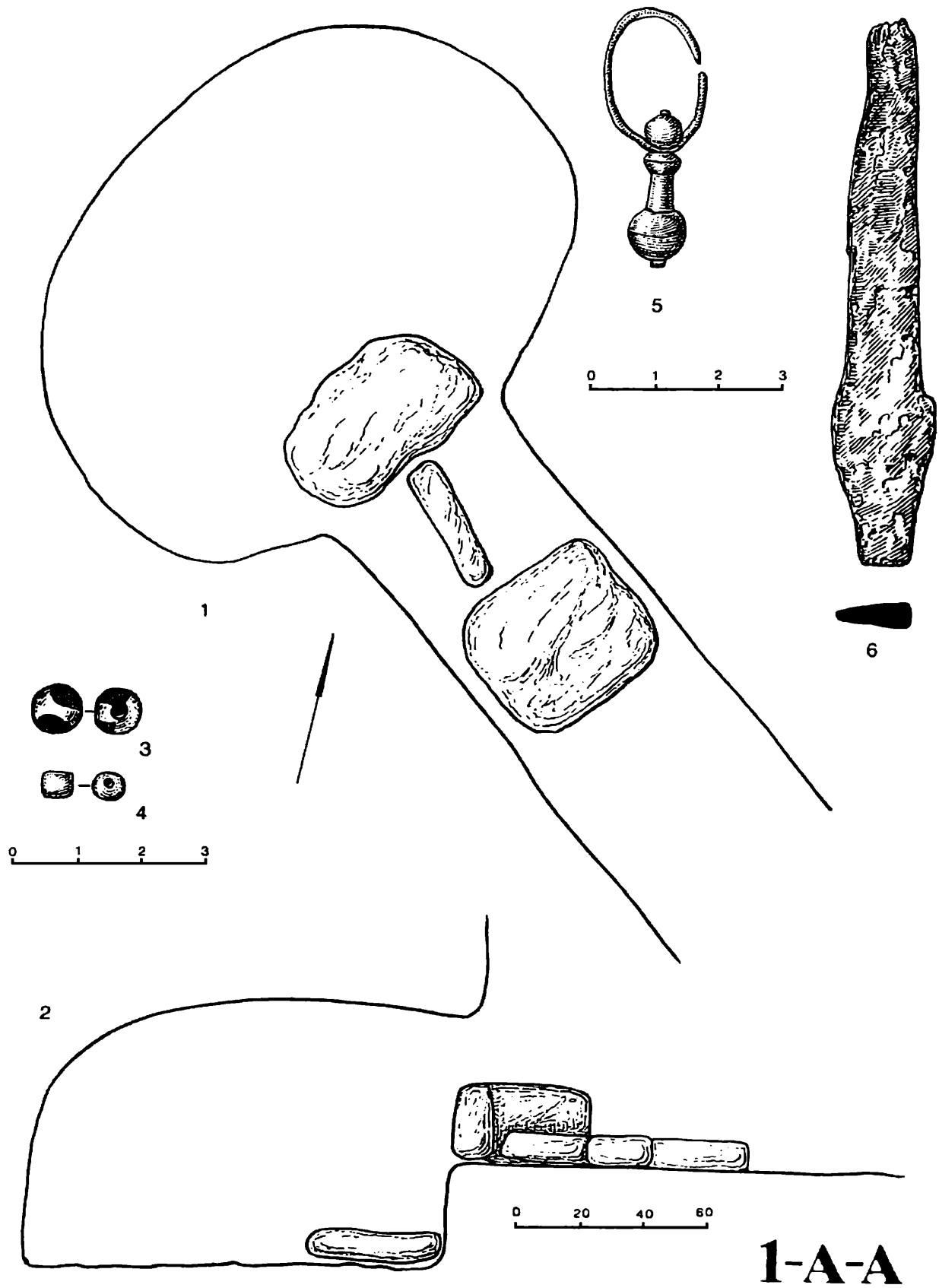

Рис. 148. Комплекс первой половины VIII в. из катакомбы 1-а-а

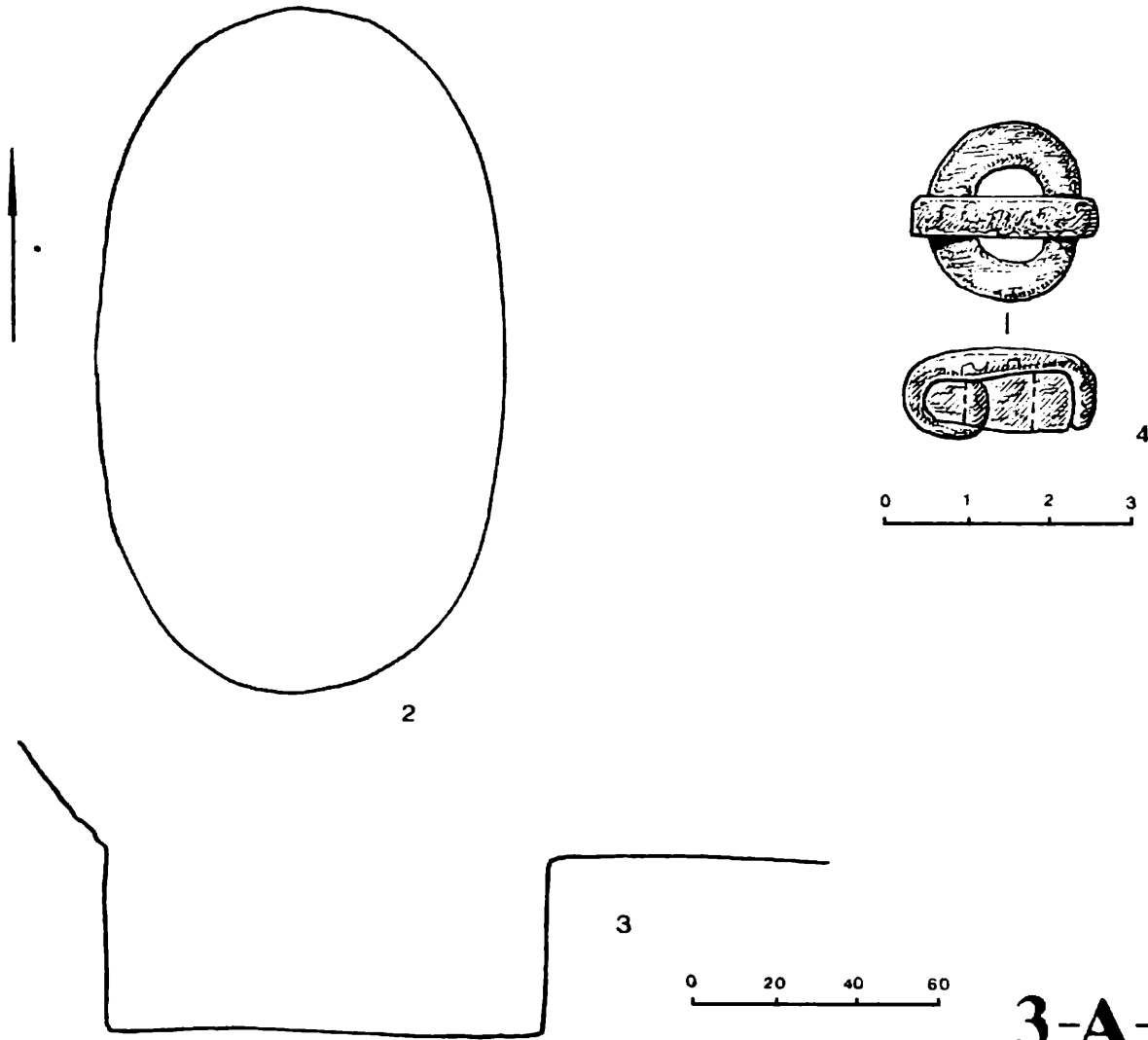
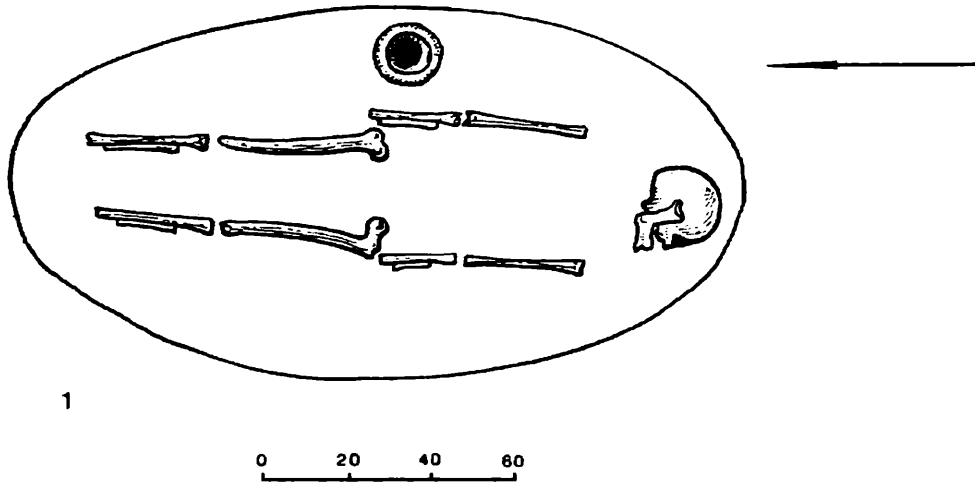

Рис. 149. Комплексы из катакомб 2-а-а и 3-а-а

ДНЕВНИК РАСКОПОК 1975 ГОДА

Катакомба 123

Сохранившиеся остатки дромоса раскопали неизвестные, но, увидев, что камера заполнена хорошо слежавшимся грунтом, работу прекратили. Дромос глубиной 1,75 м сохранился только частично (рис. 150-1). Его ширина у входного отверстия 0,67 м. Полукруглый лаз (0,45×0,51 м) закрывала плита размерами 0,60×0,66×0,105 м. Длина входного отверстия 0,27 м, оно находилось на 0,48 м выше ровного пола усыпальницы. Овальная камера (2,03×1,41 м) ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Высота у входа 1,05 м. Потолок полусферический. У южной стенки находились два женских черепа и другие кости, но предметов здесь не оказалось.

В западной части камеры лежал мужской скелет с вытянутыми конечностями, головой на северо-восток (рис. 150-1). Длина скелета 1,65 м. Около черепа стоял керамический сосуд типа кружки (рис. 150-5), на поясе погребенного находилась бронзовая пряжка (рис. 150-2). Вдоль правой руки лежал железный меч общей длиной 0,88 м. Его узкое железное перекрестье с одной стороны украшено инкрустациями из цветного стекла в бронзовой оправе (рис. 151-2, 3, 4). Ниже перекрестья находилась железная обойма (рис. 151-1), которая являлась верхней частью ножен. У конца меча стоял еще один керамический сосуд типа кружки (рис. 150-4), а в западном углу камеры находился клепаный котел из листовой меди с железными дужкой и ушками (рис. 150-3). У кисти левой руки был железный нож (рис. 151-5).

Катакомба 124

Верхняя часть камеры и дромоса не сохранилась. Длина дромоса 1,95 м, ширина у начала

0,60 м, а у входного отверстия 0,72 м. Длина лаза 0,15 м, ширина 0,45 м. Вход закрывала плита размерами 0,60×0,60×0,12 м, которую со стороны дромоса подпирала вторая плита, размерами 0,45×0,40×0,15 м. Пол камеры был на 0,44 м ниже входного отверстия. Под лазом в полу сделано углубление овальной формы, размерами 1,13×0,45 м и глубиной 0,24 м (рис. 152-1). На дне этого углубления лежали два железных стремена (рис. 153-2), железные удила (рис. 153-1), крупная железная подпружная пряжка (рис. 153-3) и бляшки из низкопробного серебра – видимо, от уздечного набора (рис. 153-5–7). Сама камера имела вид неправильного овала (рис. 152-1). Около юго-западной стенки стояли керамические сосуды – кувшинчик с носиком-сливом и клеймом на дне (рис. 152-2) и три кружки (рис. 152-3–5), на дне двух из них клейма (рис. 152-4, 5). Рядом с сосудами найдено зеркало из белого сплава (рис. 152-12).

Два плохо сохранившихся и смещенных скелета лежали головами на юго-запад (рис. 152-1). Скелет, находившийся у северо-западной стенки, был мужской. В районе пояса погребенного лежали бронзовая пряжка с поломанным железным язычком (рис. 153-4), бронзовая цепочка (рис. 152-9) и бронзовая фибула с остатками железного язычка (рис. 152-11). У самой северо-западной стенки найден завиток из бронзовой проволоки (рис. 152-6).

Второй скелет, женский, также был сильно смещен (рис. 152-1). У черепа погребенной обнаружены две бронзовые серьги в виде калачиков (рис. 153-14). У правого плечевого сустава найдена индикация на медной фольге (рис. 152-7), сделанная с монеты Маврикия (582–602 гг.) достоинством в сорок нуммий, выпущенной пятой мастерской Константинополя. Под нижней челюстью и на грудной клетке обнаружены бусы: 27 шаровидных сердо-

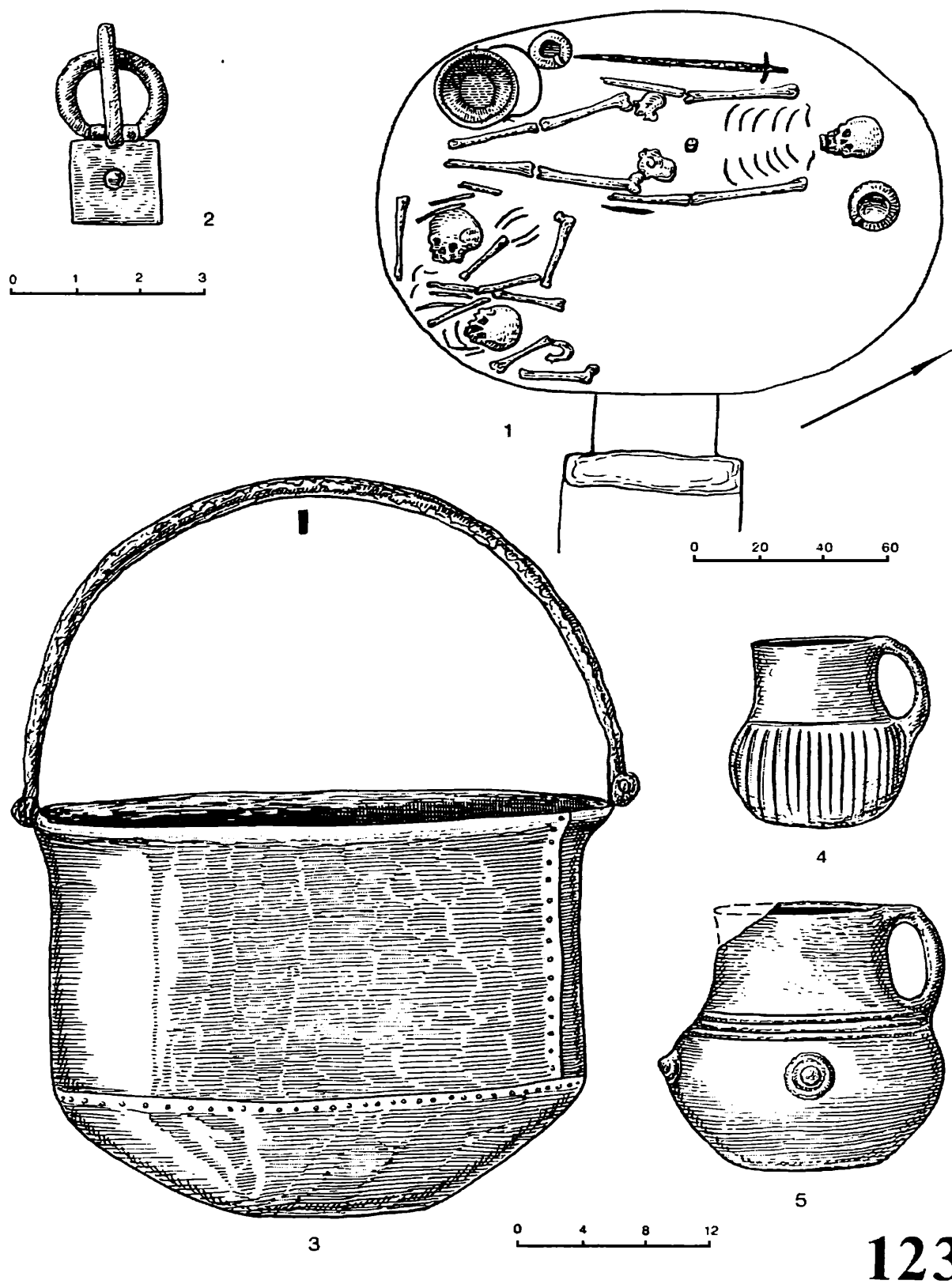

ликовых (рис. 154-9), различные стеклянные (рис. 154-2, 5, 6, 8, 11–14), 14 из янтаря (рис. 154-3), 2 пастовые глазчатые (рис. 154-10) и 5 одноцветных (рис. 154-4). В районе пояса найдены бронзовая бляшка (рис. 153-8), бронзовая фибула (рис. 152-10), бронзовый амулет-подвеска с двумя птичьими головками и вставкой из желтоватого стекла (рис. 152-8) и 11 бронзовых «скобочек» (рис. 153-9). Около тазовой кости были железный нож (рис. 153-11) и наконечник от пояса из листовой бронзы (рис. 153-10). У смещенной левой бедренной кости – предмет из листовой бронзы (рис. 154-1). У правого запястья найден бронзовый браслет (рис. 153-13). Второй (рис. 153-12) находился со смещенными костями у ног погребенных.

Катакомба 125

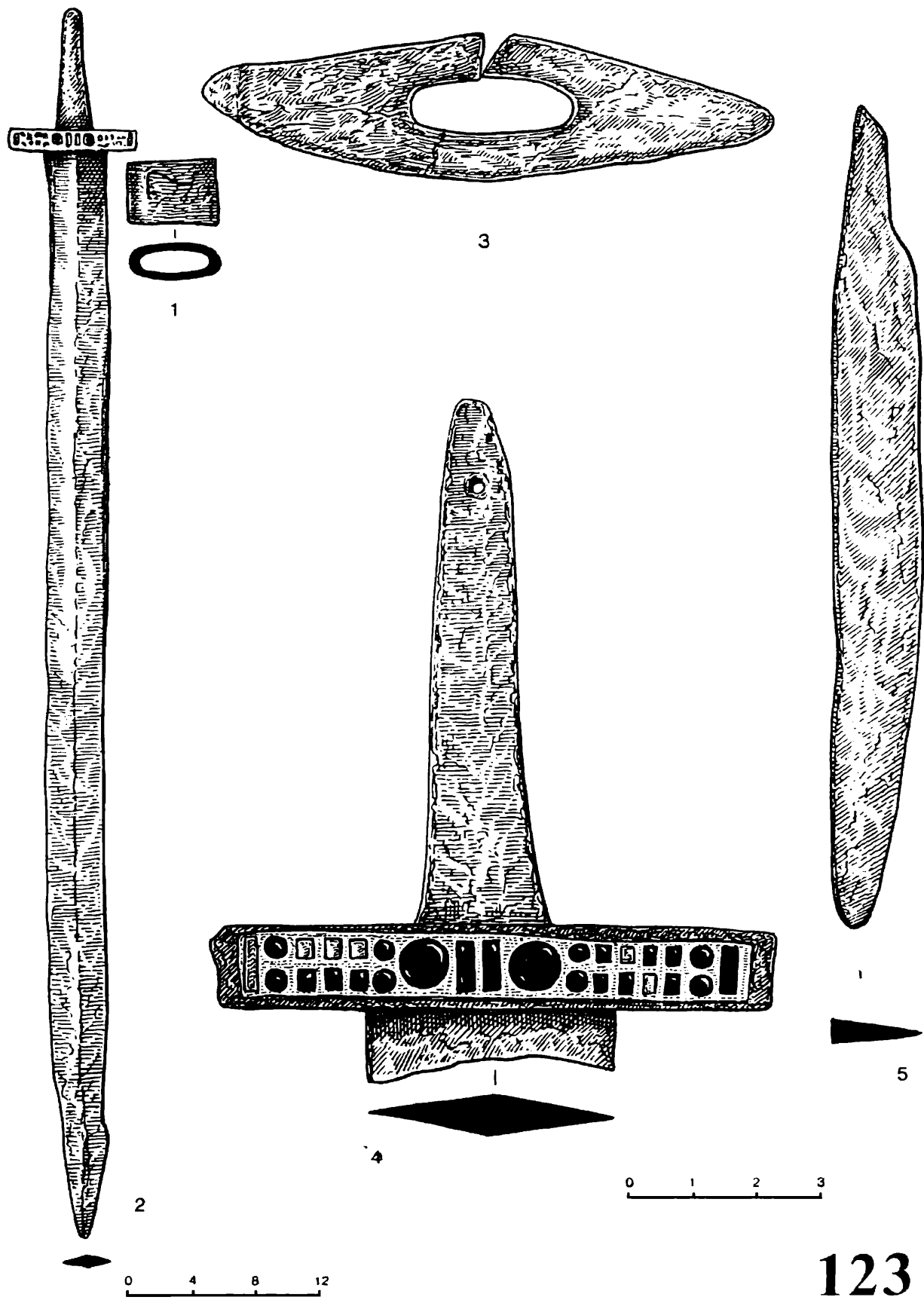
Камеру начали раскапывать неизвестные, которые сильно повредили ее. При доследовании выяснилось, что она имела вид овала размерами 1,46×1,18 м и высоту 1,00-1,10 м. Ширина дромоса у входа 0,68 м. Ширина лаза примерно 0,50 м. Его закрывала плита размерами 0,62×0,41×0,12 м. Входное отверстие находилось на 0,80 м выше пола камеры. Под ним была сделана ниша размерами 0,56×0,44×0,30 м (рис. 154-15, 16), в которой лежал кувшин с носиком-сливом (рис. 155-11). В восточной стенке находилась вторая ниша, в которой стоял сосуд типа кружки (рис. 155-10). Интересно, что в его дно вставлена пластинка из горного хрусталя (рис. 155-9).

В центре камеры на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг, лежал мужской скелет (рис. 154-15). У правой руки был железный нож с бронзовой обкладкой на деревянной рукояти (рис. 155-8). Здесь же найдены бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 155-4), бронзовые украшения от пояса – 2 накладки (рис. 155-5, 7), обоймочка (рис. 155-6) и наконечник с остатками ремня (рис. 155-3), – а также железный конический предмет (наконечник стрелы или шило; рис. 155-2). У обеих щиколоток обнаружены следы от ремня с украшениями из листовой бронзы и плохо сохранившейся бронзовой пряжкой (рис. 155-1). Следов от подстилки на дне камеры не оказалось.

123

Рис. 150. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 123

123

Рис. 151. Комплекс второй половины V – первой половины VI в. из катакомбы 123

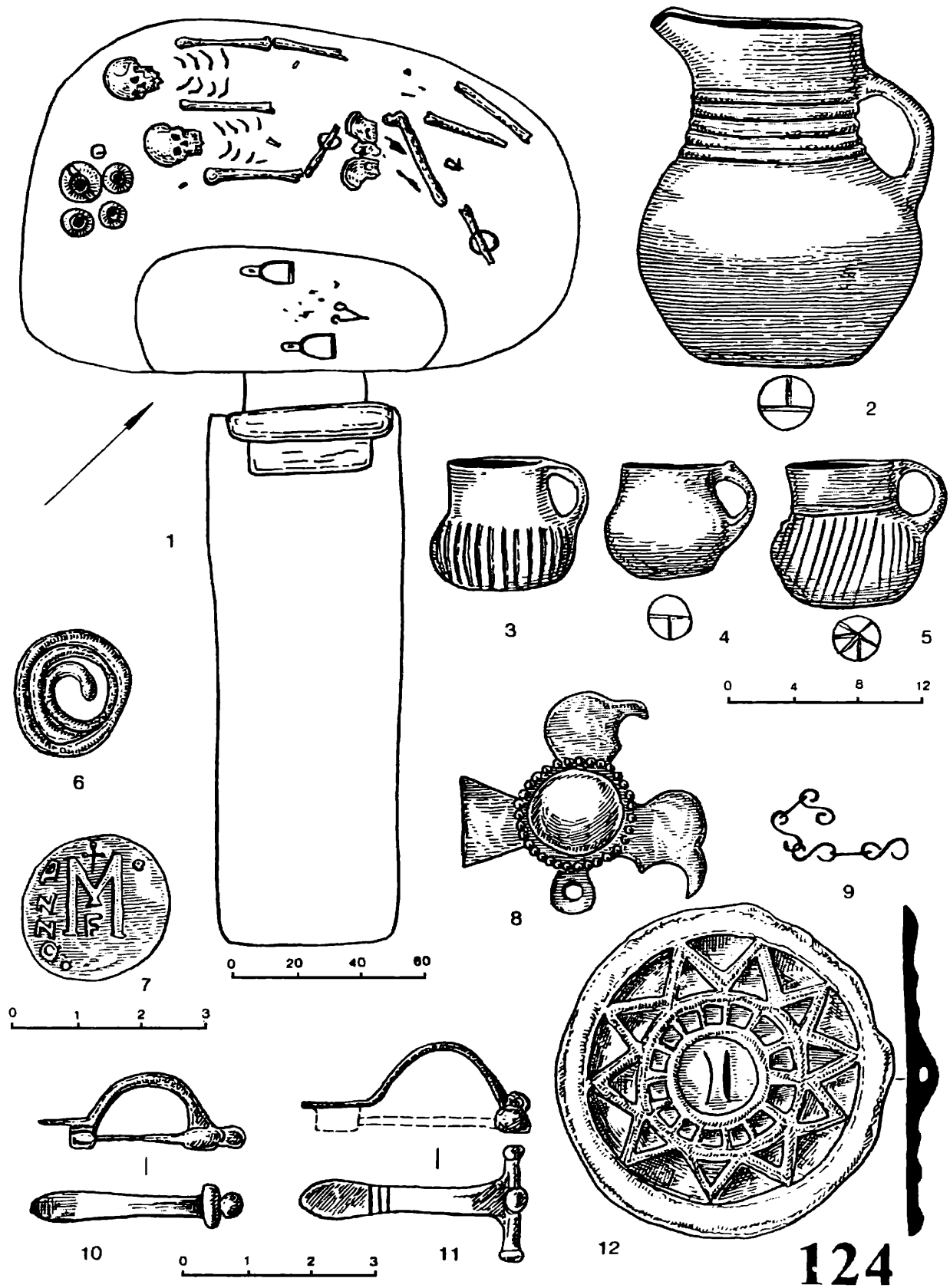

Рис. 152. Комплекс из катакомбы 124 (начало)

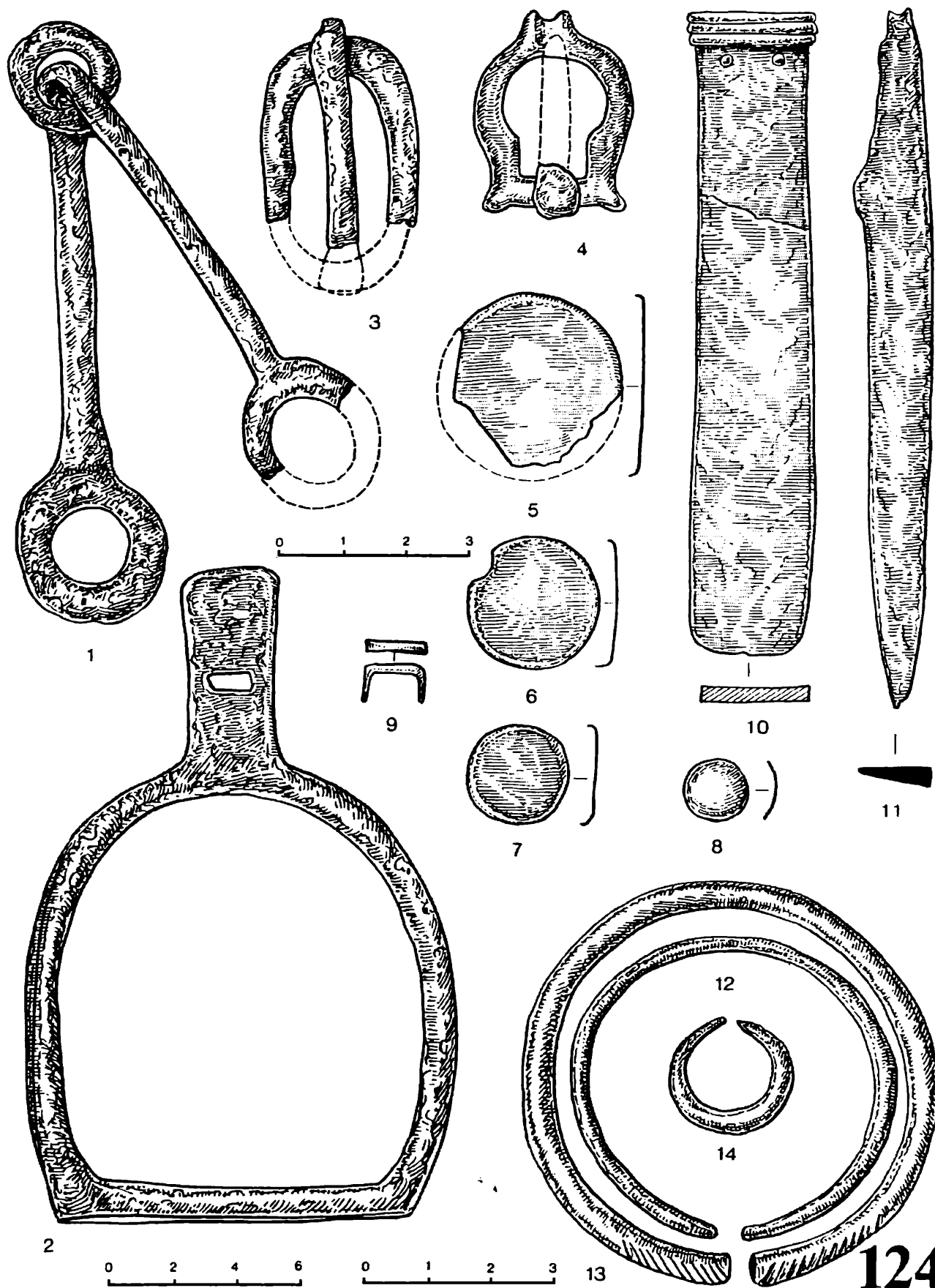

Рис. 153. Комплекс первой-второй четверти VII в. из катакомбы 124 (продолжение)

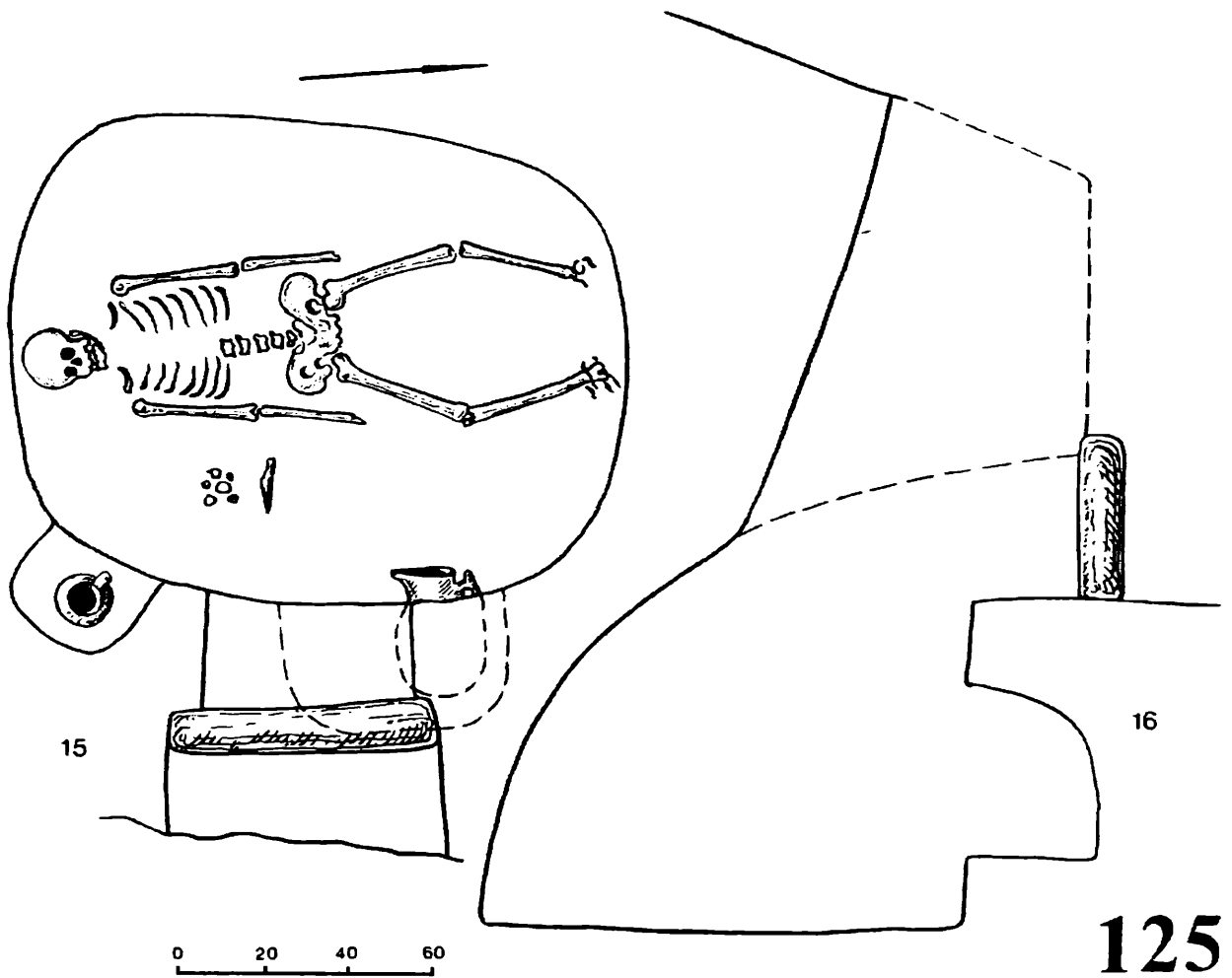
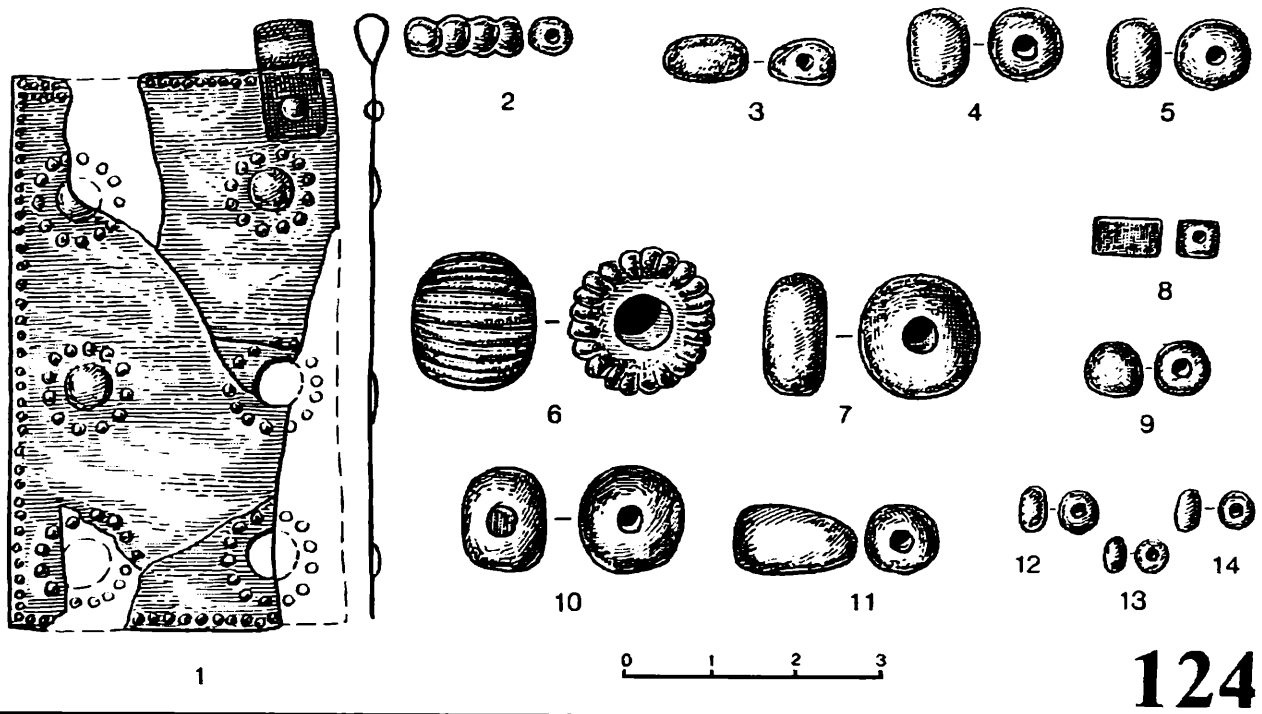
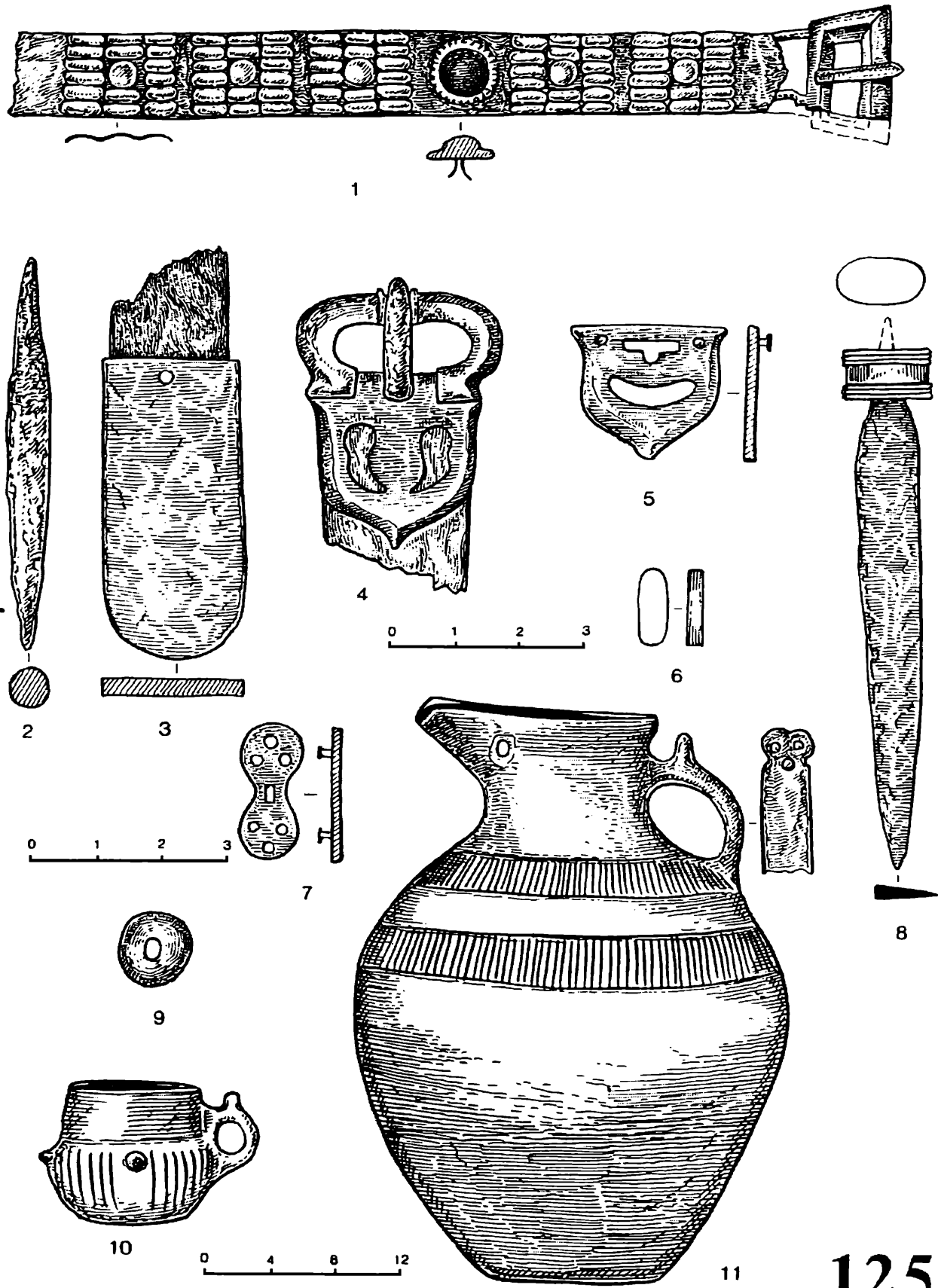

Рис. 154. Комплексы из катакомб 124 и 125

125

Рис. 155. Комплекс второй половины VI – первой четверти VII в. из катакомбы 125

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько лет назад я спросил известного австрийского археолога и математика, дважды доктора, П. Штадлера: в чем заключаются различия между его хронологией аварских древностей и той, которую предлагает один известный венгерский ученый. Его ответ был прямым и вполне предсказуемым. «Принципиальных различий по датам немного, – сказал мой собеседник, – но эти хронологические модели очень и очень трудно сравнивать, так как система хронологии, которую предлагаю я, аргументирована и доказана математически, а хронология нашего коллеги больше похожа на изложение его субъективных представлений о времени бытования той или иной вещи». В этом высказывании наглядно высвечивается проблема все еще существующих в нашей науке разных и очень часто несовместимых друг с другом двух форм работы с археологическими источниками. Она обращает наше внимание на необходимость комплексного, системного подхода как к самому процессу изучения материала, так и к процессу обсуждения научных гипотез. В социальных науках, как хорошо известно, важна не только полная публикация добытой в процессе раскопок информации и полученных в результате ее рассмотрения выводов, но и подробное представление самой исследовательской методики, а также детальное описание всех шагов аналитического процесса [Пэнто, Гравитц, 1972. С.362–377]. Только в том случае, когда исчерпывающе представлены все три стадии исследования, работа становится действительно проверяемой и ее можно предметно обсуждать, понимая друг друга.

Предлагаемая хронология комплексов могильника Мокрая Балка, в которой, на основании совокупности результатов трех процедур многомерно-статистического анализа (факторного, кластер-

ного и дискриминантного) и их взаимной проверки, выделяются четыре культурно-хронологических этапа в развитии материальной культуры населения Центрального Предкавказья на протяжении второй половины V – первой половины VIII в., дает нам частичный ответ на вопрос об основных фазах развития аланской археологической культуры Северного Кавказа в постгуннское – домонгольское время. Но именно он создает ту основу хронологической модели, которая, дополняясь уже известными, выделенными ранее этапами развития аланской археологической культуры, в целом для Центрального Предкавказья может выглядеть следующим образом.

0 этап в развитии аланской археологической культуры охватывает промежуток времени между последней четвертью IV и серединой V в. Это период становления тех признаков, которые в дальнейшем будут характерны для аланской культуры Северного Кавказа [Абрамова, 1997]. Он может быть синхронизирован с первым хронологическим периодом степного Причерноморья и Боспора, по И.П. Засецкой. Наиболее яркие комплексы финальной фазы этого этапа представлены катакомбами Зарагжского могильника с монетами Констанция II (351–355 гг.) и Константина II (337–340 гг.), которые предшествуют первому культурно-хронологическому этапу и маркируют нижнюю временную грань функционирования могильника Мокрая Балка. На характер материальной культуры этого периода накладывают отпечаток крупные исторические события – такие, как участие алан юго-восточной Европы в великом переселении народов. После того как в 372 г. гунны переправляются через Волгу и разбивают алан-танаитов, одни аланы в составе гуннских отрядов участвуют в сражениях против римлян, вторгаются в Галлию, Ис-

панию, Северную Африку, другие аланские отряды вторгаются вместе с гуннами в Закавказье. Все это способствует появлению в погребальных комплексах большого количества импортных изделий, но собственные, специфические элементы аланской археологической культуры находятся только в стадии формирования.

1 этап Мокрой Балки датируется второй половиной V – первой половиной VI в. Он хорошо синхронизируется с гепидскими комплексами (454–568 гг.) Центральной Европы, а также со вторым хронологическим периодом степного Причерноморья и Боспора, по И.П. Засецкой. Материальная культура этого времени наиболее ярко представлена комплексами катакомб, синхронных погребениям, содержащим сосуды с каплями синего стекла, которые аргументированно датируются второй половиной V в. Политические события этого времени, и в частности активное участие алан в византийско-персидских войнах в Закавказье, продолжают способствовать поступлению на Северный Кавказ значительного количества византийских импортных изделий. Аланская материальная культура на этом этапе ощущает сильное влияние романо-византийской культуры Средиземноморья. Вместе с тем, уже формируется устойчивое сочетание специфических признаков, характеризующих аланское керамическое производство.

2 этап Мокрой Балки относится ко второй половине VI – первой четверти VII в. Он может быть синхронизирован с третьим хронологическим периодом степного Причерноморья и Боспора, по И. П. Засецкой. Это время древностей типа Мартыновского клада. Наиболее характерные вещевые комплексы содержат монеты Кавада I (488–531 гг.), Хосрова I (531–575 гг.), Юстиниана I (527–565 гг.), Маврикия (582–602 гг.). В это время на Северном Кавказе происходят коренные этнополитические изменения. В 576 г. аланы формально подчиняются Западнотюркскому каганату, хотя фактически сохраняют значительную долю независимости. Возникает Оногуро-Булгарская конфедерация – Великая Булгария. В Византии проходят народные волнения и, как их следствие, на Северном Кавказе изменяются направления традиционных торговых маршрутов. В составе импорта начинают фигурировать предметы закавказско-иранского происхождения. Продолжают развиваться местные, специфические аланские керамические традиции.

3 этап Мокрой Балки приходится на вторую четверть VII – рубеж VII–VIII вв. В хронологиче-

ско-культурном отношении он соответствует древностям типа Перещепинского клада, келегейским и новосенджарским находкам. Эталонные комплексы этого времени содержат монеты Хосрова I (531–579 гг.), Хормизда IV (579–590 гг.), Хосрова II (591–628 гг.), Маврикия (582–602 гг.), Фоки (602–610 гг.), Ираклия и Ираклия Константина (613–641 гг.).

В это время Оногуро-Булгарская конфедерация принимает на себя первые удары арабов и ослабевает. Происходит становление Хазарского каганата и начинаются продолжительные арабо-хазарские войны. В погребальных комплексах Центрального Предкавказья вновь преобладает византийский импорт. Последовательно продолжают развиваться специфические аланские керамические традиции. Формируется традиция производства местных алано-асских амулетов, связанных с культом неба и солнца, культом плодородия, охотничьими и скотоводческими куклами.

4 этап Мокрой Балки датируется первой половиной VIII в. и синхронизируется с древностями типа Вознесенского клада, а также с ранними комплексами подкурганых погребений с «квадратными ровиками», отражающими хазарскую археологическую культуру. Наиболее яркие вещевые наборы этого времени содержат монеты Ираклия (614–630 гг.), Константа II (641–668 гг.), Константа II и Константина (659–668 гг.), Тиверия III (698–705 гг.). Письменные источники упоминают о серии военных кампаний на Северном Кавказе, в которых принимали участие и аланы. Прежде всего, это алано-хазарская война 721–722 гг., после которой аланы становятся хазарскими конфедератами. Но более всего аланы пострадали от арабо-хазарских войн 721–737 гг. Как следствие этих военно-политических событий, оказались блокированными традиционные торговые пути через Северный Кавказ – с юга арабами, с севера хазарами, – что обусловило на этом хронологическом этапе особый импульс именно для внутреннего развития аланской культуры, без существенных влияний на нее извне. В это же время в Центральном Предкавказье начинают формироваться зачатки тех признаков материальной культуры, которые несколько позже, в середине VIII в., на Среднем Дону предстанут как «салтовские»; то есть именно на этом этапе в аланской среде прослеживается процесс формирования характерных признаков последующего, салтовского этапа на базе аланской культуры предшествующего времени.

Салтовский этап в аланской культуре Центрального Предкавказья, перекрывающий и хронологически маркирующий верхний временной рубеж функционирования могильника Мокрая Балка, относится ко второй половине VIII – первой половине X в. Комплексы этого времени пока не известны в катакомбных могильниках Кисловодской котловины, здесь они встречаются только в скальных захоронениях (Хасаут, Эшкакон, Аликоновка). Но эталонные вещевые наборы из катакомбных могильников более восточных районов Центрального Предкавказья – с многочисленными арабскими дирхемами от 700/701 до 796/797 гг., византийскими монетами Феофила (829–842 гг.), Михаила III (842–867 гг.) и т.д. – подтверждают единство основных тенденций развития материальной культуры в хазарское время алано-асского населения Центрального Предкавказья и алано-ассобуртасского населения бассейна Среднего Дона. На развитие аланской культуры этого периода наложила отпечаток определенная замкнутость аланского населения и Северного Кавказа, и бассейна Среднего Дона в рамках Хазарского каганата. Традиционные аланские амулеты в результате хазарского влияния дополняются амулетами естественного происхождения (зубы животных, пястные косточки и т.д.). В это время коренная территория расселения аланских племен полностью переходит под контроль Хазарского каганата. Аланские конфедераты принимают на себя обязанности по обороне рубежей Хазарского каганата: на юге, в районе Дарьяла и Клухора, на западе, в низовьях Кубани, и на северо-западе, в бассейне Среднего Дона. На западных и северо-западных границах Хазарии с помощью византийских мастеров строятся многочисленные крепости для защиты от экспансии нарождающегося Древнерусского государства.

Позднеаланский этап – вторая половина X – XII в. – в Кисловодской котловине представлен основным массивом катакомбных захоронений на территории Мебельной фабрики, могильников у Кольцо-горы и могильников у Рим-горы [Савенко, 1989], датируемых золотой византийской монетой Константина VII и Романа II (945–959 гг.) и многочисленными византийскими импортами. Важными политическими событиями, характеризующими этот период, являются освобождение в конце IX в. северокавказских алан от хазарской зависимости, военный поход Святослава 956 г. на хазар, яссов и касогов, христианизация Алании и, как следствие, значительное усиление византийского

влияния на материальную и духовную культуру алан. В результате этого процесса происходит резкое изменение основных черт аланской археологической культуры по сравнению с культурой предшествующего времени.

Нетрудно заметить, что хронологические рамки перечисленных этапов в развитии аланской материальной культуры Северного Кавказа в основных чертах соответствуют разработанной А.В. Гадло политической и социальной периодизации этнической истории народов Северного Кавказа [Гадло, 1979]. То есть, предложенная периодизация аланской материальной культуры, построенная на базе статистического анализа археологического материала Мокрой Балки, в значительной степени соответствует периодизации этнической истории народов Северного Кавказа, созданной путем анализа нарративных источников. Это совпадение довольно примечательно, так как оно со всей наглядностью показывает, что изменение основных черт аланской материальной и духовной культуры на протяжении IV–XII вв. неразрывно связано с важнейшими изменениями в этнополитической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе.

Опубликованный дневниковый материал представлен в том виде, в каком был оформлен в отчетах для Отдела полевых исследований ИА РАН основным руководителем охранных раскопок в Мокрой Балке – А.П. Руничем. Вполне естественно, что в процессе специализированного изучения этих находок в хранилищах Кисловодского и Ставропольского краеведческих музеев разными специалистами по предметам исследования могут быть, и даже должны быть, вскрыты какие-то детали, ранее ускользнувшие от глаз авторов этой книги. В последнее время комплексы из охранных раскопок 1967–1980 гг. стали вновь привлекать внимание исследователей, многие из которых приступают к их изучению уже на новом, более высоком и проверяемом методическом уровне, с использованием компьютерных процедур многомерного статистического анализа, пространственного анализа и т.д. Эти материалы вошли важной составной частью в диссертационную работу Д.С. Коробова о социальной стратификации аланского населения Северного Кавказа [Коробов, 1999]. Амулеты Мокрой Балки легли в основу базы данных для диссертационной работы З.Х. Албеговой о религиозных воззрениях северокавказских и донских алан-ассов [Албегова, 2000]. В.Ю. Малашев про-

должает активно и довольно успешно исследовать керамику Мокрой Балки как важный материал для разработки типологии и хронологии раннесредневековой керамики Центрального Предкавказья в целом [Малашев, 2000]. А. В. Мастыкова изучает фурнитуру костюма, украшения, стеклянные и каменные бусы Мокрой Балки и на этой основе моделирует северокавказские торговые маршруты как составную часть Великого шелкового пути. Хочется обратить внимание и на совместную работу А. Мастыковой и М. Казанского, посвященную исследованию процесса византийского и меровингского влияния на формирование аланского аристократического костюма в V–VI вв. [Kazanski, Mastykova, 1999. P.523–573], а также на подготовленную ими к печати статью «Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв.», которая продолжает, развивает и углубляет вопросы, рассмотренные ранее в диссертационном исследова-

нии Е.И. Савченко [1997], в монографии Ю.А. Прокопенко [1999] и в вышедшей недавно из печати книге В.Б. Ковалевской [2000]. Материалы Мокрой Балки широко использовались В.С. Флеровым для датировки могильника Клиньяр III [Флеров, 2000. С.56–64], а также украинским коллегой А. В. Комаром, предпринявшим недавно попытку создать еще один вариант хронологии Восточной Европы предсалтовского и раннесалтовского времени [Комар, 1999. С.111–136]. Есть все основания полагать, что эти работы будут способствовать появлению новой и более глубокой исторической информации о самых разнообразных аспектах жизни аланских племен Восточной Европы. Они будут способствовать постановке новых исторических вопросов и решению ряда исторических проблем, которым планируется посвятить второй выпуск серии «Мокрая Балка. Исследования».

CONCLUSIONS

Some years ago I asked known Austrian archaeologist and mathematician, Doctor of both sciences P. Stadler to explain the difference between the chronology of the Avars' antiquities worked out by him, and the chronology of the same monuments suggested by a known Hungarian scholar. The answer was clear and predictable. «There are few principal distinctions in dates, – my companion said, – but these chronological models are extremely difficult to compare, since my chronological system is grounded and proved mathematically, while one suggested by our colleague looks rather like a demonstration of his personal ideas on the period of existence of certain artefact». This passage underlines one of scientific problems – namely, the coexistence of two different and often incompatible modes of archaeological sources' processing. It turns again researchers' attention to the necessity of complex systematic approach to the process of investigating material as such, and also to discussing scientific hypotheses. The methodical standards of social sciences, as it is well known, imply not only full publication of the information obtained during the excavations and the conclusions worked out as a result. It is worth stressing that the methodical standards assume detailed demonstration of the investigational methods used, and also full description of all stages of analytical process [Пэнто, Гравитц, 1972. С.362–377]. And only after all the three stages of research had been presented exhaustively, the work can be cross-checked and discussed comprehensively.

The suggested chronology of Mokraya Balka cemetery reveals four cultural-chronological stages in development of material culture of the population of Central Caucasus' foothills during the second half of the 5th – first half of the 8thcc., that produce a partial solution of the problem of general subdivisions outlined

in Alanic archaeological culture of the North Caucasus in post-Hunnic – pre-Mongol period. The chronology in question is based on aggregate results of three cross-checked procedures of multidimensional statistical analysis (factor, cluster, and discriminant). Thus, taking into consideration the stages of Alanic archaeological culture development already known, a basic chronological pattern of the Central Caucasus' piedmont in entirety is suggested. It looks as follows:

Stage 0 in development of Alanic archaeological culture falls within the limits of the last quarter of the 4th and mid 5thcc. It is characterised by emergence of the features that later became typical of the Alanic culture of the North Caucasus [Абрамова, 1997]. It may be coeval with the first chronological period in the steppes of North Pontic area and Bosphorus suggested by I.P. Zasetzkaya. The most impressive assemblages dated to the latest part of this period are known from Zaraghizhsky cemetery containing coins of Constantius II (351–355) and Constantine II (337–340) which precede the first cultural-chronological stage and mark terminus post quem for the cemetery of Mokraya Balka functioning. Material culture of this period was influenced greatly by important historic events, such as participation of South-East European Alans in the Great migration. After the Huns crossed the Volga in 372 and defeated the Alans-Tanaitians, some groups of the Alans took part in the campaigns against the Romans, invaded Gaul, Spain, North Africa; the other Alanic groups joined the Huns and attacked Transcaucasus. This produced great number of imported objects placed in the graves, while the characteristic features of Alanic archaeological culture proper were still on the stage of formation.

Stage 1 of Mokraya Balka is dated back to the late half of the 5th – early half of the 6thcc. Its synchronousness with the assemblages attested to the

Hepidae in Central Europe (454–568) is well grounded, as well as with the second chronological period in the North Pontic steppe and Bosphorus by I.P. Zasetzkaya. The material culture of this period is most clearly represented by catacomb assemblages coeval with the burials containing glass vessels ornamented with blue-coloured drops; the latter are reasonably dated from the second half of the 5th century. Political events of the period, and particularly the active role the Alans played in the wars between Byzantium and Persia led in Transcaucasus maintained penetration of numerous Byzantine imports to the North Caucasus. The Alanic material culture of this stage underwent strong influence of Romano-Byzantine Mediterranean cultural standards. And simultaneously a stable set of specific features was being formed, typical of Alanic pottery-making.

Stage 2 of Mokraya Balka falls within the second half of the 6th– first quarter of the 7th cc. It should be compared to the third chronological period of the North Pontic steppe and Bosphorus according to I.P. Zasetzkaya. The time is characterised by the antiquities of Martynovka hoard type. The most characteristic artefacts' assemblages contain coins of Kavad I (488–531), Khusrav I (531–575), Justinian I (527–565), Mauricius (582–602). In that period essential ethno-political shifts took place in the North Caucasus. In 576 the Alans were formally subordinated by West Turkic kaganate, though in fact they preserved significant independence. The Onoguro-Bulgarian confederation – Bulgaria Magna – emerged. Mass disorder took place in Byzantine, that caused changes in directions of traditional trade routes in the North Caucasus. As a result, the artefacts of Transcaucasian and Iranian origin had occurred among the imports. The local specifically Alanic traditions in pottery were being developed.

Stage 3 of Mokraya Balka is dated back to the second quarter of the 7th– the turn of the 7th and 8th cc. In cultural and chronological aspects it corresponds to the antiquities of Pereshchepino hoard type, Kelegey and Novye Senjary finds. Pattern assemblages of the period include coins of Khusrav I (531–579), Hormizd IV (579–590), Khusrav II (591–628), Mauricius (582–602), Phoca (602–610), Heraclius and Heraclius Constantine (613–641). In that period the Onoguro-Bulgarian confederation suffered the first attacks of the Arabs and came to decline. Formation of Khazar kaganate took place, and long-lasting wars between the Arabs and Khazars started. In burial assemblages of the Central Caucasus' piedmont Byzantine imports

regained their outstanding position. Characteristic Alanic pottery-making traditions were practiced consecutively. A tradition developed of manufacturing local types of Alano-Yasses' amulets related to solar, celestial, and fertility cult, as well as specific hunters' and stock-breeders' cults.

Stage 4 of Mokraya Balka dates from the early half of the 8th c. and is coeval to the antiquities of Voznesenka hoard type, and also with early burials in barrow mounds with square-shaped ditches; the latter are associated with the archaeological culture of the Khazars. The most eloquent sets of artefacts of this period include coins of Heraclius (614–630), Constant II (641–668), Constant II and Constantine (659–668), Tiberius III (698–705). Written sources mention a series of military campaigns in the North Caucasus in which the Alans participated, such as the war between the Alans and Khazars of 721–722, after it the Alans became the Khazars' confederates. The most disastrous for the Alans were the results of the war between the Arabs and the Khazars of 721–737. The military and political events in question put an end to functioning of traditional trade routes that crossed the North Caucasus: from south they were blocked by the Arabs, and from the north – by the Khazars, this fact gave an impetus for the internal development of Alanic culture in this period characterised by lack of essential foreign influence. In the same time in the Central Caucasus' foothills started the process of initial formation of the features that later, in the mid 8th c. became typical of Saltovo culture of the Middle Don. Thus in the period under discussion we can trace the process of formation among the Alanic tribes the cultural indications characteristic of the successive Saltovo stage and originating from the earlier Alanic culture.

Saltovo stage in the Alanic culture of the Central Caucasus' piedmont represent terminus ante quem for the cemetery of Mokraya Balka functioning, dating from the second half of the 8th– first half of the 10th cc. The antiquities of this period are not known at present in the catacomb cemeteries of the Kislovodsk depression, they were discovered among rock burials only (Khasaut, Eshkakon, Alikonovka). Grave goods from the latter assemblages stress the homogeneity of general trends in development of the material culture of the Alanic-Yasses' population in the Central Caucasus' piedmont and the Alans, Yasses, and Burtases settled in the Middle Don basin. Numerous finds of Arabic dirhams minted between 700/701 and 796/797 and Byzantine coins of Theophil (829–842),

Michael III (842–867), and so forth should be mentioned among the typical sets of mortuary gifts yielded by catacomb cemeteries of the eastern regions of the Central Caucasus' foothills. Development of Alanic culture in this period was influenced by certain isolation experienced by the Alan tribes within the borders of Khazar kaganate, especially those inhabiting the North Caucasus and the Middle Don basin. Traditional set of Alanic amulets as a result of Khazarian influence was supplemented with amulets in shape of natural objects (animals' teeth, metacarpus bones, and so forth). In this epoch the indigenous area of the Alans' settling had been finally subjugated by Khazar kaganate. The Alanic confederates were in charge of the kaganate borders' defense: to the south – in the area near the Daryal gorge and Klukhor pass, to the west – on the Lower Kuban', and to the north-west – in the Middle Don basin. Along western and north-western borders of Khazaria with the help of Byzantine architects numerous fortresses were built to withstand the expansion of ancient Russian state springing up.

Late Alanic stage of the second half of the 10th–12thcc. in the Kislovodsk depression is represented by the bulk of catacomb burials in the territory of Mebelnaya factory, the cemeteries at the Koltso-mountain and Rim-mountain [Савенко, 1986]; their chronology is based on Byzantine gold coin of Constantine II and Roman II (945–959) and abundant imports of Byzantine origin. The important political events of the period was North Caucasian Alans' liberation from Khazarian oppression in the late 9thc., prince Svyatoslav's raid upon the Khazars, Yasses and Kasoges in 956 mentioned in Russian Primary Chronicle, conversion of Alania to Christianity, and as a result significant maintenance of Byzantine influence over the Alans' material and spiritual culture. Consequently, sharp changes can be observed in all basic characteristics of Alanic archaeological culture, as compared with the preceding period.

We can clearly see that the chronological limits of the enumerated stages outlined in the process of development of Alanic material culture in the North Caucasus correspond in their principal aspects to the ethno-political and ethno-social division of ethnic history of North Caucasian peoples worked out by A.V. Gadlo [Гадло, 1979]. In other words, suggested chronological division of Alanic material culture created on the base of statistical analysis of the archaeological material from Mokraya Balka corresponds in its major part to the periods in the North

Caucasian peoples' ethnic history outlined proceeding from the analysis of narrative sources. This is a remarkable coincidence, since it clearly evidences the close correlation between the changes in general characteristics of Alanic material and spiritual culture which took place during the 4th–12thcc. and the important shifts in ethno-political and social-economic situation in the North Caucasus.

The field records presented above are published as they were in the field reports sent to the Field Committee of the Institute of Archaeology, RAS, by the manager of salvage excavations at Mokraya Balka A.P. Runich. It will be quite natural if the specialists in the problems under consideration are able to explore in the depots of Kislovodsk and Stavropol local lore museums where the finds are stored some new details overlooked by the authors of this book. Lately the assemblages excavated during the salvage investigations of 1967–1980 attract the scholars' attention, and they start their studies on the more advanced level of methodics, armed with computer procedures of multi-dimensional statistical analysis, three-dimensional analysis and so on. These methodics played an important role in the doctoral thesis by D.S. Korobov [1999]. The amulets from Mokraya Balka constitute the fundamental part of the database of the doctoral thesis by Z.Kh. Albegova on religious beliefs of the Alans-Yasses in the North Caucasus and on the Don river [Албегова, 2000]. V.Yu. Malashev continues his active and fruitful studies of the Mokraya Balka pottery as an important material for working out typological and chronological sequences of early medieval pottery in the Central Caucasus' foothills as a whole [Малашев, 2000]. A.V. Mastykova is interested in costume elements, ornaments, glass and stone beads from Mokraya Balka as a source for reconstruction of North Caucasian trade routes included into the system of the Great silk road. The attention should be paid to the joint work by A. Mastykova and M. Kazanski dedicated to the investigation of Byzantine and Merovingian influence on the process of formation of costume worn by Alanic aristocracy [Kazanski, Mastykova, 1999. P. 523–573]. The same authors have prepared a publication discussing the centres of power and trade routes of Western Alania in the 5th–6thcc., where the questions discussed earlier in the doctoral thesis by E.I. Savchenko [Савченко, 1997] are re-considered and developed. The monographs by Yu.A. Prokopenko [Прокопенко, 1999] and V.B. Kovalevskaya [Ковалевская, 2000] are of great interest in this field. The

material from Mokraya Balka was extensively used by V.S. Flyorov for dating burials of Klin-Yar III cemetery [Флоров, 2000. С. 56–64], and our Ukrainian colleague A.V. Komar [Комар, 1999. С.111–136] where he made an attempt to create one more variant of East European chronology of pre-Saltovo and early Saltovo periods. We have all the grounds to suppose that these

publications will promote further emergence of new and detailed historical information on various aspects of life of Alanic tribes in Eastern Europe.

They will also stimulate raising and solution of new historical problems, that will be discussed in the next issue of the series – «Mokraya Balka. Investigations».

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П., 1997.* Ранние аланы Северного Кавказа: III–V вв. н. э. М.
- Албегова З. Х.-М., 2000.* Палеосоциологическое исследование религии алан V–XII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Алексеева Е. П., 1988.* К истории археологических обследований территории Карачаево-Черкесии // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск.
- Амброз А. К., 1971.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2, 3.
- Амброз А. К., 1989.* Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Атабиев Б. Н., 1996.* Раскопки у селения Зарагиж Кабардино-Балкарской республики // АО 1995 г.
- Атавин А. Г., 1996.* Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Афанасьев Г. Е., 1973.* О принципах хронологии погребений раннесредневекового могильника Мокрая Балка близ Кисловодска // III Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл.
- Афанасьев Г., 1974а.* Новая страница аланской культуры // «Кавказская здравница». 7 февраля.
- Афанасьев Г. Е., 1974б.* Работы в Мокрой балке // АО 1973 г.
- Афанасьев Г. Е., 1974в.* Хронологические рамки могильника Мокрая Балка // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл.
- Афанасьев Г. Е., 1975.* Классификация и хронология некоторых категорий украшений раннесредневекового могильника Мокрая Балка // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл.
- Афанасьев Г. Е., 1976а.* Дохристианские религиозные воззрения алан // СЭ. № 1.
- Афанасьев Г. Е., 1976б.* Этапы развития аланской культуры V–VIII вв. // VI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл.
- Афанасьев Г. Е., 1977.* Патронимия у алан (по материалам могильника Мокрая Балка) // Полевые исследования Института этнографии АН СССР в 1975 г. М.
- Афанасьев Г. Е., 1979а.* Патронимия у алан (к постановке вопроса) // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г. Е., 1979б.* Новые находки в Мокрой Балке // СА. № 3.
- Афанасьев Г. Е., 1979в.* Хронология Мокрой Балки // КСИА. Вып. 158.
- Афанасьев Г. Е., 1979г.* К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины – Малокарачаевского района // Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Афанасьев Г. Е., 1980а.* Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Афанасьев Г. Е., 1980б.* Керамика Мокрой Балки // Древности Евразийских степей. М.
- Афанасьев Г. Е., 1981.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г. Е., 1993.* Донские аланы. М.

- Афанасьев Г. Е., Зотько М. Р., Коробов Д. С., 1999.* Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 3.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1970.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска // СА. № 4.
- Балинт Ч., 1984.* О датировке центрально- и восточноевропейских древностей раннего средневековья (трудности и возможности) // *Interaktionen der mitteleuropaischen Slawen und anderen Ethnika im 6.–10. Jahrhundert.* Nitra.
- Биджиев Х. Х., 1983.* Хумаринское городище. Черкесск.
- Бобринский А. А., 1914.* Перещепинский клад // МАР. № 34.
- Богачев А. В., 1992.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара.
- Богачев А. В., 1995.* О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара.
- Бородкин Л. И., 1986.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.
- Виноградов В. Б., 1981.* Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Виноградов В. Б., 1982.* Судьбы древних монет. Грозный.
- Воронов Ю. Н., Юшин А. В., 1971.* Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии // КСИА. Вып. 128.
- Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии).* Самара.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996.* Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.
- Гадло А. В., 1979.* Этническая история Северного Кавказа. Л.
- Григорьев С. Г., 1913.* Долины окрестностей Кисловодска // *Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина.* М.
- Грінченко В. А., 1950.* Пам'яток VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // *Археологія.* III.
- Гусев С. В., 1995.* Северо-восточный Кавказ в эпоху средневековья: Монеты рассказывают. М.
- Деоник В. Б., 1959.* Классификация бус Северного Кавказа // СА. № 3.
- Деоник В. Б., 1961.* Классификация бус Юго-Восточной Европы // СА. № 3.
- Деоник В. Б., 1963.* Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. № 114.
- Дерумс В. Я., 1973.* К палеопатологии жителей Кавказа // *Изв. АН Латв. ССР.* № 3.
- Джсалагания И. Л., 1982.* Монетные клады Грузии: Клад сасанидских и византийских монет из Цители Цкаро. Тбилиси.
- Дмитриев А. В., 1982.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков.* М.
- Е. М., 1908.* В ущелье Эшкакона // *Ежегодник Кавказского горного общества.* Пятигорск. № 2.
- Засецкая И. П., 1996.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н. э.): Автореф. дис... докт. ист. наук. М.
- Засецкая И. П., Маршак Б. И., Щужин М. Б., 1979.* Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. Вып. 158.
- Иерусалимская А. А., 1975.* Западные ткани на Дальнем Востоке // *Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока.* Л.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975.* Анализ археологических источников. М.
- Клекка У. Р., 1989.* Дискриминантный анализ // *Факторный, дискриминантный и кластерный анализ.* М.
- Ковалевская В. Б., 1972.* Раскопки аланского могильника VI–IX вв. Мокрая Балка близ г. Кисловодска // АО 1971 г.
- Ковалевская В. Б., 1979.* Хронология аланских катакомб VI–IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей // КСИА. Вып. 158.
- Ковалевская В. Б., 1984.* Кавказ и аланы. М.
- Ковалевская В. Б., 1995.* Хронология древностей северокавказских алан // *Аланы: История и культура.* Владикавказ.
- Ковалевская В. Б., 1998.* Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1: Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.
- Ковалевская В. Б., 2000.* Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2: Стекланные бусы и поясные наборы. М.

- Ковалевская В. Б., Рунич А. П., 1970.* Раскопки аланского могильника в окрестностях Кисловодска // АО 1969 г.
- Колесников А. И., 1998.* Денежное хозяйство в Иране в VII в. М.
- Комар А. В., 1999.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы: Вопросы хронологии // Vita Antiqua. Киев.
- Коробов Д. С., 1997.* Разведка в окрестностях г. Кисловодска // АО 1996 г.
- Коробов Д. С., 1999.* Социальная организация алан Северного Кавказа. IV–IX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Костов Г., 1998.* Погребение на хан Аспарух в светлината на археологическите данни. София.
- Кропоткин В. В., 1958.* Из истории средневекового Крыма // СА. XXVIII.
- Кропоткин В. В., 1962.* Клады византийских монет на территории СССР. М.
- Крупнов Е. И., 1938.* Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов // ВДИ. № 2, 3.
- Малашев В. Ю., 1996.* Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка // Гавриутхин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст.
- Малашев В. Ю., 2000.* Раннесредневековая керамика могильника Клин Яр III: Вопросы хронологии. М.
- Михайлов Н., 1939.* Интересная находка // «Пятигорская правда». 15 июля.
- Михайлов Н. Н., 1957.* Создать в Кисловодске археологическое общество // «Советская здравница». 4 января.
- Михайлов Н., 1960.* Охранять памятники старины // «Кавказская здравница». 27 мая.
- Михайлов Н., 1961.* Крепость аланов // Там же. 8 сентября.
- Михайлов Н. Н., 1962а.* Находки в катакомбах // Там же. 15 августа.
- Михайлов Н., 1962б.* Находки юных археологов // Там же. 11 октября.
- Михайлов Н., 1963а.* Создадим народный музей // Там же. 9 апреля.
- Михайлов Н., 1963б.* Звук из глубины веков // Там же. 26 апреля.
- Михайлов Н., 1963в.* Находки археологов // Там же. 1 сентября.
- Михайлов Н., 1966.* Скальные погребения // Там же. 11 ноября.
- Михайлов Н. Н., 1967.* Монеты рассказывают // Там же. 30 мая.
- Моисеенко Т. Л., 1989.* Методы типизации крестьянских хозяйств по сводным данным земской статистики // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М.
- Павлов М. К., 1970.* Бесценные клады земли // «Кавказская здравница». 20 января.
- Павлов М. К., 1972.* Тайна ждет разгадки // Там же. 20 сентября.
- Прокопенко Ю. А., 1999.* История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. – XI в. н. э. Ставрополь.
- Пудовин В. К., 1961.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-су (550–650 гг.) // СА. № 1.
- Пэнто Р., Гравитц М., 1972.* Методы социальных наук. М.
- Репников Н. И., 1906.* Некоторые могильники областей крымских готов // ИАК. Вып. 19.
- Родинкова В. Е., 1995.* К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-су // Древности: Историко-археологический ежегодник. Харьков.
- Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П., 1971.* Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска // ВВ. № 32.
- Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П., 1976.* Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // ВВ. № 37.
- Рунич А. П., 1973.* О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1.
- Рунич А. П., 1975а.* Аланский могильник в Мокрой балке у города Кисловодска // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе. Т. III.
- Рунич А. П., 1975б.* Скельні могильники у верхів'ях р. Ешкакон на Кавказі // Археологія. № 16.
- Рунич А. П., 1976.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3.
- Рунич А. П., 1979.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4.
- Савенко С. Н., 1989.* Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Савченко Е. И., 1997.* Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (по

- материалам могильника Мошечая Балка): Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Смиленко А. Т., 1968.* Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары // Славяне и Русь. М.
- Соснина Е., 1997.* Гениальный фантом // Дарьял. № 1.
- Толстой И. И., 1913.* Византийские монеты. СПб. Вып. 5.
- Флеров В. С., 1993.* О северокавказских котлах с внутренними ушками // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.
- Флеров В. С., 2000.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.
- Халикова Е. А., 1976.* Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.
- Челеби Э., 1979.* Книга путешествия. М.
- Чеченов И. М., 1987.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Вып. 3.
- Шнирельман В., 1998.* Подарок судьбы или божье наказание: О двух подходах к хазарской проблеме в русской историографии // Еврейская история та культура в краінах Центральной та Східної Європи. Київ.
- Янина С. А., 1962.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. Свердловск.
- Balint Cs., 1992.* Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe // *Daim F.* Awarenforschungen. Wien. Bd. 1.
- Belinsky A., Harke H., 1995.* Cemetery excavation at Klin Yar, North Caucasus, 1993–94 // Center for the archaeology of Central and Eastern Europe Newsletter. March. № 3.
- Belinsky A., Harke H., 1996.* Russia: British-Russian excavations at the cemetery of Klin Yar (North Caucasus): The 1995 season // Center for the archaeology of Central and Eastern Europe. Newsletter. July. № 4.
- Belinsky A., Harke H., 2000.* New excavations in the Iron Age to early medieval cemetery of Klin Yar (North Caucasus), 1994–1996 // *Colloquia Pontica.* Leiden; Boston; Köln. Vol. 5.
- Foy D., 1995.* Le Verre de la Fin du IV au VIII siècle en France méditerranéenne // *Le Verre de L'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age.* Guiry-en-Vexin.
- Kazanski M., Mastykova A., 1999.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. À propos de la formation la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua.* 5.
- Kuznecov B., 2000.* Deux Tombes Alaines des Ve–Vie S. à Hasaut et à Klin-Yar // *Colloquia Pontica.* Leiden; Boston; Köln. Vol. 5.
- Pcelina J., 1929.* Ein Katakombengrab der Volkerwanderungszeit in Nordossetien // *ESA.* IV. S. 211–213.
- Pekarskaja L. V., Kidd D., 1994.* Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.
- Sazanov A., 1995.* Verres à Décor de Pastilles Bleues Provenant des Fouilles de la Mer Noire // *Le Verre de L'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age.* Guiry-en-Vexin.
- Vernadsky G., 1943.* Ancient Russia. New Haven.
- Zuckerman C., 2000.* À Propos de Livre des Cere monies. II. 48. // *Travaux et Memoires.* № 13.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Афанасьев Г. Е.* Отчет о работе археологической экспедиции Пятигорского музея по изучению катакомбного могильника в Мокрой балке близ Кисловодска в 1973 г. // Архив ИА. Р-1. № 5959.
- Березин Я. Б.* Отчет Березина Я.Б. о раскопках в окрестностях г. Кисловодска в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9383.
- Биджиев Х. Х.* Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесского НИИ о раскопках Хумаринского городища в 1980 году // Архив ИА. Р-1. № 8202.
- Ковалевская В. Б.* Отчет о работе Средневекового отряда Северокавказской экспедиции летом 1971 г. // Архив ИА. № 5433.
- Ковалевская В. Б.* Научный отчет о работе Средневекового отряда Северокавказской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА. № 8204.
- Рунич А. П.* Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1968 г. // Архив ИА. № 3636.
- Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 г. // Архив ИА. № 5244.
- Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА. № 4179.
- Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 год // Архив ИА. № 4633.
- Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г. // Архив ИА. № 5624.
- Флеров В. С.* Отчет о работе в урочище Клинья под Кисловодском в 1984 г. // Архив ИА. № 9399.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	–	Археологические открытия. М.
ВВ	–	Византийский временник. М.
ВДИ	–	Вестник древней истории. М.
ИАК	–	Известия Археологической комиссии. Спб; Пг.
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
МАР	–	Материалы по археологии России. СПб.
МИА	–	Материалы по археологии СССР. М.; Л.
РА	–	Российская археология. М.
СА	–	Советская археология. М.
САИ	–	Свод археологических источников. М.
СЭ	–	Советская этнография. М.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
FOREWORD	9
ИСТОРИЯ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В ЕГО ИЗУЧЕНИИ	13
Дневник раскопок 1967 года	54
Дневник раскопок 1969 года	71
Дневник раскопок 1970 года	112
Дневник раскопок 1971 года	153
Дневник раскопок 1973 года	217
Дневник раскопок 1975 года	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
CONCLUSIONS	240
ЛИТЕРАТУРА	244
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	248
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	249

Научное издание

**Афанасьев
Геннадий Евгеньевич**

МОКРАЯ БАЛКА

«Научный мир»
119890, Москва, Знаменка, 11/11
Тел./факс (095) 291-28-47
E-mail: naumir@ben.irex.ru. Internet: http://195.178.196.201/N_M/n_m.htm
Лицензия ИД № 03221 от 10.11.2000

Подписано к печати
Формат 60×84/8
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,3
Тираж 500 экз. Заказ 159
Издание отпечатано в типографии
ООО «Галлея-Принт»
Москва, 5-я Кабельная, 26